

**ОНЕСТА
ВРЕМЯ ИНЫХ**

Он изгой среди мутантов. Такое тоже бывает. В их с трудом выжившем мире именно мутанты стали защитниками для людей. Защитниками от перерождённых, в которых обращаются сами же люди.

А вот изгой — это уже потенциальный кандидат в покойники. Такого не признаёт никто. Ни друзья, ни враги. Но ему посчастливилось выжить. Теперь бы самому понять — зачем? И как быть дальше?

Время иных Онеста

Глава 1

Уже привычная пустота Перехода сменилась звуками — тихим шелестением листьев, неуловимой песней ветра и невнятным бормотанием леса. Здесь было слишком спокойно, мирно, пока в общую иллюзию безопасности не влился звон стали.

Она с трудом пошевелилась и с усталой безнадёжностью открыла глаза, почти не ожидая, что рядом никого не окажется. Сразу после Перехода ощущения были непонятными, сумбурными. Нужно было время, чтобы просто прийти в себя, которого, как правило, не имелось. Таковы реалии чужих миров. Но на этот раз перед взглядом предстали голые каменные стены, серый пол, покрытый крошечными обломками и пустые проёмы окон. И никого из живых существ. Она с облегчением выдохнула, села и медленно огляделась.

Этот дом действительно был нежилым и очень старым. Пустая комната — без мебели, без какого либо намёка на то, что сюда кто-то приходит. Над головой простиралось затянутое тяжёлыми чёрными тучами небо. Крыша отсутствовала, значит это последний этаж, а может быть единственный. Сбоку темнел провал — часть стены громоздилась неровными кусками камня.

Ей понадобилось несколько попыток, чтобы просто встать на ноги. Новый мир — чужой, неприветливый и неизвестный. Из груди вырвался горестный вздох. Ничего кроме усталости она не чувствовала. Переход вытянул последние силы. Так было всегда, в новом месте она оказывалась совершенно беспомощной и это счастье, если в этот момент рядом никто не присутствовал.

Осознание действительности появилось лишь через несколько очень долгих мгновений. Кроме звуков окружающего леса слух уловил разъярённое рычание и свист рассекаемого клинками воздуха. Всё это происходило за пределами полуразрушенного дома.

Чтобы отыскать выход вновь пришлось оглядеться. Вместо двери в стене темнел пустой проём. Несколько шагов и перед взглядом предстали потемневшие от времени ступени — полуразвалившиеся и совершенно ненадёжные. Впрочем, это неважно. Два призрачных крыла за спиной делали её независимой от высоты, но в данный момент она не хотела ими пользоваться. Возможность летать забирает слишком много сил, которых пока просто нет. Поэтому вниз пришлось идти очень осторожно.

Под ногами зашуршали мелкие камни, потерявшая за столетия прочность лестница грозила обвалиться. Столетия? Нити энергии паутиной проползли по стенам, собирая крупинки знаний — дом уже века стоит без хозяев. Когда-то давно это место не окружал лес, и здесь не существовало такой промозглой пустоты... Она и не надеялась, что будет по-другому. В мир, где всё в порядке, Судья не приходит.

Теперь это и её мир. На время.

Очередной этаж встретил всё теми же безликими стенами, наличие ещё одной лестницы дало понимание, что и он не является нижним. Дальше она решила не спускаться, слишком близкими были доносившиеся снаружи звуки боя. Оставалось осторожно приблизиться к окну и выглянуть наружу. Взгляду открылась поляна, обступавшая дом широкой полосой, и стена угрюмого леса. Прямо под окном дрались двое, чуть в стороне — другая пара противников, а из-за угла доносился звон мечей ещё нескольких бойцов.

Мечи? Она стоит на этаже кирпичного многоэтажного дома, а оружием жителей этого мира являются мечи? Впрочем, запустение и окружающий лес тоже говорили о многом.

На голой земле с жидкими пучками травы лежали несколько неподвижных тел, все обезглавленные, у нескольких были отрублены конечности. Работа холодного оружия, имеющего очень острые клинки.

Она втянула в себя расходящуюся энергию, пытаясь получить как можно больше информации. Но даже внешне нападавшие не выглядели людьми — прямоходящие, кожа покрыта чешуйчатыми пластинами, четыре лапы венчают огромные когти, голова вытянута, но лиц не видно — скрыты чем-то наподобие шлемов. Движения очень быстрые, порывистые, молниеносно ловящие клинки щитками предплечий и мгновенно наносящие ответные удары когтями. Не люди, но нечто человеческое скользило в их сущности, в их ауре и перечёркивалось бездумной жадной кровью.

А вот их противники имели внешность людей, но двигались не менее быстро чем монстры, успевая и парировать удары когтей и рубить открывающихся в обороне чудищ. Их оружием действительно были мечи с длинными и узкими клинками. Они словно смертоносными иглами вспарывали воздух и с чудовищной скоростью обрушивали на врага. Их движения напоминали завораживающий танец — слишком точные и убийственно верные. Люди так не двигаются, в их действиях всегда есть ошибки, всегда присутствует всё возрастающая усталость... Мечи. Ножны закреплены за спиной, а на бедре видна кобура совсем с другим оружием, но люди даже не пытаются им воспользоваться.

Ей было удобней следить за тем, что дальше — почти мальчишка, черты лица совсем детские, а в синих глазах застыла холодная отрешённость. Одет в облегающие штаны и кожаную куртку, голова непокрыта и светлые волосы то и дело прядями падают на лицо. Она замороженно наблюдала за его невероятно быстрыми ударами — короткими, без размаха, без лишних действий. А потом взгляд зацепился за скользящие по клинку потоки энергии.

Удар, монстр уворачивается, но меч летит дальше, задевает самым кончиком пластинчатую кожу, прорубает щитки, и по лезвию к руке человека бегут невидимые разряды жизненной силы противника. Человека? Он их впитывает, поглощает, с каждым ударом делая монстра всё слабее... Можно было даже не сомневаться, кто станет победителем.

Она невольно нахмурилась и перевела взгляд на вторую пару дерущихся, для этого пришлось немного высунуться в окно. Этот человек был высоким, темноволосым. Его лица она не могла разглядеть, он находился точно под окном и прижимался спиной к стене. Двигался так же быстро, как и его собрат. Или нет — намного быстрее, увереннее, опытнее, а вот энергия через его меч вливалась не такими интенсивными потоками. Он побеждал, но скорее за счёт своего мастерства, а не посредством отнимания жизненной силы. Клинок серебрился почти видимым светом, энергия концентрировалась в нём причудливой паутиной замысловатого рисунка и медленно рассыпалась — пылью опадала в землю, не доходя до руки человека.

Она вдруг поняла, что он не хочет её брать, противится, сопротивляется всей своей сущностью, впуская в тело лишь малую часть. Неосознанно, даже не понимая, что так нужно, потому что в его крови уже слишком много той чуждой силы, что превращает его из человека в монстра... Грань — непонятная, завораживающая своей неотвратимостью и обречённостью. Грань, сконцентрированная в живом существе.

Она слишком явно её ощущала, Грань была той бездной, что когда-то втянула и её собственную жизнь... По телу пробежала холодная волна, как давно это было. Бесконечно.

За спиной дрогнул воздух, она отпрянула от окна, не оглядываясь, нанесла удар взметнувшимся крылом. Чёрная тень пронеслась по всему помещению и беззвучным ударом превратила в пыль часть стены. Пусто. Всего лишь призрачные отголоски самого дома, вобравшего в себя весь ужас произошедшей когда-то здесь трагедии. Прошрое.

Она выпрямилась, огляделась, заставляя крылья собраться и вновь исчезнуть. Пусть они были только тенью, но каждый их взмах оставлял после себя пепел. Вновь подошла к окну и поняла, что бой закончился. Черноволосый парень снёс голову своему противнику и на несколько мгновений замер, наблюдая за схваткой собрата. Потом вдруг неожиданно развернулся, посмотрел на дом. Она встретилась взглядом с его глазами — чёрными, без радужки, наполненными клубящейся тьмой. Он смотрел на неё, он видел...

Их было четверо, но каждый стоил сотни бойцов. И дело было не в том, что они превосходили в опыте или умении драться. Ларко вступил в их Братство недавно и ещё только учился обращаться с мечом. Дело было в том, что каждый из четырёх имел свой особый дар — дар убивать тех, чьи тела не поддавались ни серебру, ни стали.

Сташ прижался спиной к уцелевшей стене дома, прямо над его головой в пустых проёмах окон протяжно завывал ветер. Дом был кирпичным, и почти весь его первый этаж стоял не разрушенным, но вот выше один угол осел и громоздился руинами. Четыре этажа без крыши таращились на лес зияющими чернотой окнами.

Деревья обступали дом стороной, словно чего-то боялись, и, несмотря на прошедшие столетия, кирпичные стены так и оставались голыми, нетронутыми природой. Люди называли такие дома призраками прошлого. Их было много в этом лесу.

Меч в руке человека превратился в сверкающую серебром полосу, нападали по трою. Сташ со злой усмешкой на молодом загорелом лице, сейчас превратившемся в каменную маску, рубил тянущиеся к нему когтистые руки, рассекал тела, с обречённым упоением ощущая каждую оборвавшуюся жизнь. Чужая энергия через меч вливалась в его тело, наполняла мышцы силой, будоражила кровь.

Кто-то называл их вампирами, Берущими или даже демонами. Многие из людей их боялись, большинство просто не любили, относились с отчуждением, сопоставляя их с теми, с кем они боролись. Те, кто вступал в Братство, становились изгоями, но без Братства человечеству было не выжить.

Сташ разрубил последнего grimтона. Перед лицом щёлкнули кривые клыки, маска, скрывавшая жуткое лицо полуживотного, упала на землю, открывая взгляду бледно-серую пластинчатую кожу, туго обтягивающую непропорционально вытянутый череп. Красные вытаращенные глаза блеснули ненавистью и тут же погасли, огонь жизни навсегда покинул практически бессмертное тело.

Он опустил меч, глянул на рукоять — на серо-серебряном металле проступил уровень последнего противника — восемнадцатый, почти лидер. Парень поморщился, этого ещё не хватало, сколько же он у него взял? Чужая энергия колючим холодом щипала пальцы, он чувствовал, как меч почти насильно вливает её в его тело. Он зажмурился, попытался сопротивляться и в очередной раз убедился в бесполезности данных действий.

Он расправил широкие плечи и посмотрел на отбивающегося от grimтона Ларко. Парень был молод, едва исполнилось пятнадцать, но на руках уже бугрились мышцы, а синие глаза смотрели слишком по-взрослому — с ледяным спокойствием и решительностью. Сташ вспомнил, что взял в руки меч куда в более молодом возрасте.

Сейчас ему было двадцать, но чувствовал он себя на все сто двадцать. Слишком большой груз лежал на плечах каждого из их четвёрки.

Из-за дома тоже доносился звон мечей, там сражались с врагом Медо и Гром, Сташ знал, что им помощь не нужна, они были куда более опытными. Он остался наблюдать за Ларко. Гримтон теснил его, но парень старался не отступать. Его меч всё время натывался на когти или костяные щиты, идущие у монстра до самого локтя. Полузверь прикрывал голову и грудь, в свою очередь стараясь достать человека когтями или зубами.

Ларко вдруг запнулся об камень, начал падать назад. Сташ с места рванулся к нему, на ходу выхватил из кобуры пистолет, целясь гримтону в ноги, чтобы хотя бы отпугнуть болезненно реагирующего на резкие звуки полузверя, и остановился.

Парень не упал, перекувыркнулся через голову и очутился на ногах, тут же со злостью рубанул насевшего гримтона. Меч с силой ударил по руке полузверя, с хрустом разбил щит и отсёк конечность. По лицу Ларко скользнула гримаса отвращения и он с размаху отрубил гримтону голову. Сташ криво усмехнулся, увидел, как Ларко выпрямился, сжал кулаки, по его телу пробежала лёгкая дрожь — силы врага теперь принадлежали человеку. Каждый из их Братства ощущал, что Ларко всегда берёт больше чем другие.

Сташ огляделся и вставил меч в ножны, оставив в руке лишь пистолет. Беспольное оружие, способное убивать только людей, но монстров в первый момент отпугивало, давая возможность выхватить меч. Его чёрные глаза вдруг стали настороженными, он резко повернулся к дому. Кожи коснулось чьё-то ледяное дыхание. Сташ вскинул голову и замер, из окна на него смотрела девушка.

Он увидел яркие жёлто-зелёные глаза, мертвенно-бледную кожу и тонкие клыки, выступающие из под синих губ. Несколько долгих мгновений он в оцепенении смотрел в эти неестественно огромные глаза, с каким-то ужасом осознавая свою совершенную беспомощность перед Ней.

В самом сердце шевельнулось чувство обречённости. Он с трудом поднял пистолет, выстрелил в существо и услышал, как пуля срикошетила об камень. Девушка чуть склонила голову, взгляд её глаз был слишком внимательным, впивался прямо в мозг, разрывал острыми иглами боли душу, читал его мысли, его чувства. Как будто издавека до слуха донёсся голос Ларко, он вздрогнул, и в то же мгновение девушка исчезла.

Сташ медленно повернулся, ощущая во всём теле болезненную слабость. Ларко стоял рядом, тряс его за плечо.

— Да что с тобой, Сташ? Очнись, наконец. Зачем ты стрелял?

Сташ потряс головой.

— Ты не видел? — его голос слегка дрожал.

— Что? — Ларко смотрел на него с недоумением.

Сташ оглянулся на дом — пустые окна, гул ветра, завывающего между стен и странный холод, ползущий к лесу.

— Там кто-то был, — произнёс он сквозь стиснутые зубы.

— В доме? Ты шутишь? Ты сам-то пытался в такой дом заходить, он же сразу глушит сознание? — Ларко смотрел на него с любопытством. — Может, показалось?

Сташ упрямо покачал головой.

— Если бы. Лучше бы действительно показалось, но я уверен, что видел её.

— Её? — на губах Ларко заиграла улыбка.

Но лицо Сташа оставалось слишком серьёзным, в глазах горела тревога, и Ларко

перестал улыбаться.

- Я не мог ошибиться, — произнёс Сташ тихо, в его голосе прозвучало что-то похожее на боль. — Странное ощущение как будто заглянул в глаза собственной смерти.

Ларко нахмурился и опустил голову. Потом зло пнул ногой последнего зарубленного Сташем монстра.

— Необычная зверюга, смотри какую броню нарастил. Сколько ты у него взял? У тебя взгляд всё ещё в режиме боя.

Сташ невольно потянулся рукой к лицу и потёр ладонью глаза. Он и сам чувствовал, что до сих пор не вышел из контакта с монстром и продолжает воспринимать вливающуюся в тело энергию. По каплям.

— Не знаю, — Сташ криво усмехнулся. — Думаешь, я брежу?

— Ничего я не думаю. Ты видишь больше чем мы, у каждого свой дар. Но также я знаю, что ты всегда можешь сказать, в чём заключена сила любого из наших врагов. Так кто она, Сташ?

— Не всегда, конкретно сейчас я не могу этого сказать и поэтому мне страшно, — он посмотрел Ларко в глаза, взгляд парня был не верящим. И вздрогнул — кожи вновь коснулся ледяной холод — сковывающий движения, замораживающий кровь. Сташ с большим трудом сбросил оцепенение, холод исчез также внезапно, как и появился.

— Позови Грома и Медо, мне кажется, они уже закончили, — дышать было тяжело, голос стал хриплым. — Скажи, что у нас появился новый враг.

Глава 2

Она медленно шла по дороге, ноги подкашивались от слабости и приходилась прилагать усилия, чтобы просто не упасть. С двух сторон возвышались стены дремучего леса, кожи касался ледяной, бьющий порывами ветер. Холода она не чувствовала, с ещё непонятной для неё самой тревогой поглядывала на деревья. Лес был мрачным, неприветливым. То здесь, то там из-под широких, низко опущенных лап сосен выглядывали каменные руины домов — источенные временем и ветром скелеты прошлого. Дорога была хорошо наезженной, но без какого либо покрытия, просто ровная утрамбованная полоса земли, тянущаяся сквозь лес.

Позади вдруг послышался топот тяжёлых копыт. Она настороженно оглянулась, всадника было ещё не видно. Пальцы сжались в нервном напряжении, чувство голода почти с непреодолимой силой толкало насытиться любой пищей. Пришлось приложить усилия, чтобы заставить себя зайти за деревья. Мохнатые лапы сосен полностью скрыли её фигуру. Всадник пронёсся по дороге галопом, за спиной развивался широкий плащ, в руке поблёскивал меч. Вороной конь уже хрипел, с разодранных удилами губ летели клочья кровавой пены.

Она едва не застонала, в этих живых существах было столько энергии, что хватило бы, чтобы полностью восстановить силы. Но пришлось остаться на месте, через мгновение по следам всадника заскользили огромные звери. Бежали словно не спеша, уверенные, что добыча никуда от них не денется. Под могучими лапами подрагивала земля, под шкурой перекачивались тугие бугры мышц. Их было пятеро, один вдруг чуть приотстал, повернул голову в её сторону. В жуткой пасти сверкнул двойной ряд клыков, мерцающие красным пламенем глаза всмотрелись вглубь леса, нос задёргался, втягивая воздух. Она стояла неподвижно, несколько раз взгляд зверя пробежал по её убежищу. Чудовище фыркнуло, тихо взвыло и кинулось догонять своих собратьев.

Она медленно вышла на дорогу, вдалеке ещё были видны серые тени, проводила их взглядом, прислушалась. Ветер вдруг донёс жуткий вой, крик ярости и ржание коня, потом всё смолкло. Она пошла вперёд, силы постепенно возвращались в тело, шаг стал более уверенным, лёгким. Теперь ветер принёс ещё и запахи, ноздри затрепетали от свежей крови, ещё тёплой, только что вылившейся из разорванных вен. Она ускорила шаг, пытаясь совладать с собой, запах манил, увеличивал силы.

Вскоре перед взглядом предстало кровавое пиршество. Всадника догнали на лесной опушке, куда он зачем-то свернул с дороги. За кустами ворочались бурые тела, уже неторопливо придерживали лапами свою добычу и рвали на куски. Человеческая плоть исчезала вместе с одеждой.

Она невольно прикусила губу и вновь отошла за деревья. В драку ввязываться не хотелось, да и взять уже было нечего. Только конь оставался ещё живым — храпя, лежал на боку, на шее темнела огромная рана, глаза неотвратимо заволакивало пеленой смерти. Странно, что человек показался им более вкусным.

Впрочем, для неё было неважным, кто станет её пищей, подходило любое живое существо. Громкое чавканье и рычание говорили в пользу того, что эти монстры определённо живые. Она ненадолго приостановилась, уговаривая себя более глубоко проанализировать ситуацию. Зверюшки были интересными, их размеры и внешние особенности выдавали мутацию тел. Причем, скорее всего это было уже далеко не первое

поколение. При желании можно было даже спроецировать их прародителя.

Кожа покрыта очень коротким густым мехом, над выпирающими в стороны рёбрами бугрятся мышцы, видимые при каждом движении. Головы большие, с короткими, массивными челюстями, по бокам приплюснутые уши, напоминающие человеческие. Человеческие? Если эти существа и были животными, то только отчасти.

Она вновь себя одёрнула, сделала шаг назад, сосущее чувство голода заставляло наплевать на избирательность пищи. Перед взглядом заплясал уровень предполагаемой полезной энергии, для хищников её было не так уж много. Голодные твари, тоже давно не ели. Что ж, сочувствие никогда не являлось её сильной стороной.

Она не скрываясь пошла вперёд, задела рукой за ветви кустов. Тихо зашелестели листья, но чудовища тут же услышали, подняли окровавленные морды, все головы повернулись в её сторону. Девушка вышла из под деревьев. Держалась уверенно, без страх, на губах играла насмешливая улыбка. Медленно двинулась в их сторону.

Хищники глухо зарычали, носы задёргались, втягивая воздух, в глазах читалось непонимание. Один упруго подпрыгнул и бросился навстречу столь беззащитной жертве, идущей прямо им в зубы. Прыжком преодолел разделяющее их расстояние, навалился всем телом сверху, но лишь сильно ударился об каменистую землю. В его груди вдруг появилась рвущая боль, он заскулил, повернул морду. Девушка стояла рядом, её рука по локоть была погружена в его плоть.

Ледяные пальцы впились в сердце, сдавили и с лёгкостью выдернули из груди. Чудовище взревело, по огромному телу пробежала судорога. Лапы подкосились и монстр с грохотом, от которого содрогнулась земля, завалился на бок.

Она расправила плечи, повернулась к остальным чудовищам, в её руке было зажато большое истекающее кровью тёмно-красное сердце их собрата. Оно слегка пульсировало, судорожно вздрагивало в безжалостных пальцах, словно пыталось вернуть так легко оборванную жизнь.

Они смотрели на неё, они были полу-разумными и слишком хорошо знали о своей неуязвимости, на их шкурах не оставлял следов ни один меч. Но вот один из них лежит в луже собственной крови, а его сердце сжимает рука человека. Человека? Ноздри не улавливают запаха, а стоит заглянуть в ледяные, совсем не человеческие глаза, и разум захватывает ужас. Древний, безумный ужас, бьющий даже по звериному сознанию. Они попятились, бросили недоеденную добычу и с протяжным воем ринулись в лес.

Она тихо, как будто с сожалением покачала головой, посмотрела на всё ещё живое сердце у себя в руке и сжала пальцы сильнее. Кровь брызнула во все стороны, но тут же перестала течь, быстро впиталась в её кожу. Сердце съёжилось, превратилось в бесформенный комок мяса, потом почернело и обуглилось. Она отряхнула руку от пепла, покосилась на мёртвого зверя и обошла его стороной. На те несколько мгновений, что она держала в руке его сердце, то стало передатчиком всей возможной энергии этого тела. Больше здесь взять было нечего.

Теперь её внимание было приковано к коню. По телу животного бежали предсмертные судороги. Она опустилась рядом с ним на колени, провела рукой по его шкуре. Конь вздрогнул, попытался поднять голову, в вытаращенных глазах промелькнул панический страх.

— Тихо, — её голос прозвучал очень нежно, на губах промелькнула грустная улыбка. Животное сразу успокоилось, лишь чёрные бока тяжело вздымались. В этом живом существе

не было той странной мутации, что уже несколько раз встретила её в этом мире. Чистая сущность. Почему-то было до безумия жаль, что конь погибает.

— Я покажу тебе другую жизнь, и ты будешь другим, — Она приложила руку к его ране. Кровь остановилась, но её успело вытечь уже слишком много. Пальцы сжали разорванную шкуру, свели края раны вместе.

— Прости, я не умею лечить, — конь захрипел, попытался вырваться, его чёрная шкура под её руками покраснела, вздулась волдырями. Она сжала пальцы сильнее, по ране пробежал огонёк, спаял края, и словно стёр её с шеи животного, остался лишь чуть заметный шрам. Конь затих, он не дышал, и она знала, что его сердце не бьётся.

Девушка встала, выпрямилась. Грива коня начала светлеть, появились белые проседи, светлые пятна расплывались по шкуре, бежали по спине, по ногам, сливались друг с другом, образуя один однотонный цвет. Вскоре на земле лежал уже белоснежный жеребец.

— Вставай, — конь открыл глаза, легко вскочил на ноги, сделал несколько пробных шагов и поднялся на дыбы. Девушка счастливо рассмеялась, конь был красавцем — тонкие сильные ноги, широкая грудь, грива волнистыми прядями струится почти до земли, тёмные глаза полыхают небывалой силой. Она провела рукой по его шее, он послушно опустил голову, замер.

Девушка легко вскочила в седло и ещё раз оглядела место схватки. Возле кустов она заметила забрызганный кровью меч, направила коня туда, не слезая, наклонилась и подхватила оружие с земли. Пальцы удобно сжались на рукояти, она окинула внимательным взглядом клинок — не совсем подходящий для неё по размеру, но достаточно изящный, с хорошо заточенными лезвиями. Непривычное оружие, но если реалии этого мира таковы — пусть будет меч.

Поблёскивающие на металле капли багровой жидкости послушно покатались к её руке, собрались маленькой лужицей и впитались в кожу. Теперь клинок сиял чистотой своих граней.

Она отыскала взглядом ножны, увидела их в куче пожеванного тряпья. Слегка поморщившись, вытащила их из-под тряпок, прикрывавших не только ножны, но и куски разорванной плоти. Прицепила их к поясу и тронула коня вперёд — к дороге. Белый красавец послушно сорвался в галоп.

Она почти не замечала ни огромной скорости, ни дувшего в лицо ветра. В зелёных глазах застыла горечь, на губах играла странная, какая-то жестокая улыбка.

Дорога петляла по лесу, потом вырвалась в поля. Потянулись пашни, заросшие чертополохом, деревни, в которых не чувствовалось ничего кроме смерти. Дома стояли добротные, крепкие, но пустые. Она вглядывалась в чёрные проёмы окон, покосившиеся двери, перепаханные чем-то непомерно тяжёлым и острым дворами. Пространство звенело от злобы и пережитой боли. Перед её глазами проносились призрачные картины кровавого кошмара, опустошившего эти деревни. В уши вбивались далёкие голоса, крики ужаса, плач, стоны.

Она лишь с силой сжимала зубы, пыталась отворачиваться. Разрушенные деревни пролетали слишком быстро, лишь на мгновения отдавая ей своё горе и боль. Она упрямо наклоняла голову, старалась не всматриваться в эти жуткие видения. Они прошлое, прошлое, которое ничего не должно для неё значить.

Гром спрыгнул с коня, он был самым старшим в их группе. Совершенно седые,

серебряного цвета волосы странно сочетались с лицом ещё не старого, а наоборот полного сил тридцатилетнего мужчины, но вот в его всегда очень холодных стального цвета глазах таились печаль и отрешённость от жизни.

Никто не знал его тайны, никто не знал сколько ему лет на самом деле. Гром просто продолжал жить, жить только для того чтобы убивать нелюдей.

Он подошёл к практу, грудой мяса загородившего неприметную тропинку. Тело монстра уже остыло, но он кожей чувствовал, что умер он не так давно. На широкой груди багровела ровная округлая дыра, видимо послужившая причиной смерти. Гром присел, присмотрелся внимательней. Края раны были обугленными, словно в практа ткнули чем-то раскалённым, при этом сила удара должна была быть просто чудовищной.

— Кто его убил? Это новый Берущий? — спросил Ларко.

Гром отрицательно покачал головой.

— Ни один Берущий не смог бы убить практа одним ударом. Это новая Сила.

— Та, что видел Сташ? — допытывался Ларко.

Гром не ответил, он внимательно рассматривал землю, следы огромных лап, чётко отпечатавшиеся в загустевших лужах крови, повсюду куски разодранной плоти. Была погоня, возможно довольно длительная, и практы не охотятся в одиночку. Свою добычу они настигли, но что произошло потом? Они встретили более сильного противника? Один из них погиб, а остальные бросили добычу и сбежали?

Гром посмотрел на смятый кустарник на краю дороги, словно сквозь него проламывались тяжёлые тела. Между сломанных ветвей застряли клочки бурой шерсти. Он не помнил случая, когда практы бросали свою добычу.

Добыча — разодранное тело человека, а должно было быть ещё тело коня, но среди множества следов, покрывающих поляну, невозможно отличить те, что нужно. Гром вздохнул, произошедшая здесь трагедия оставалась загадкой. Он бросил взгляд на Сташа. Лицо молодого человека было сосредоточено, встревожено, черты заострились, ищущий взгляд чёрных глаз устремлён прямо перед собой. Кого же он видел? Сташ как будто изменился, стал выглядеть старше, из спокойного, всегда уверенного в себе парня, превратился в настороженного, находящегося в постоянном напряжении человека.

«Только бы не сорвался», — с тревогой подумал Гром.

Сташ почувствовал его взгляд, его кулаки сжались.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он, голос зазвенел от холода, гнедой жеребец под ним нервно всхрапнул и заплясал на месте. Парень с силой натянул поводья.

— У меня нет ответов, Сташ, мы должны спросить у Того кто знает, — Гром с трудом произнёс эти слова, заметил как переглянулись и вздрогнули Медо и Ларко, как выжидающе уставились на Сташа. Если тот не согласится добровольно, то его будет не заставить.

Молодой человек ещё больше напрягся.

— Хорошо, — процедил он сквозь зубы, по его лицу пробежала болезненная гримаса. — Если по-другому нам этого не понять, значит спросим у Того кто знает.

Все четверо на мгновение опустили головы. Гром кивнул и вскочил в седло. Всё, теперь действительно всё — Сташ сам пойдёт навстречу своей судьбе. Он молча направил коня в лес, остальные потянулись за ним.

Сташ тронул своего коня с места и оглянулся, на дороге встали призрачные тени, слились в едином стремительном движении боя и тут же исчезли, растворились в колышущемся от зноя воздухе. Он вздохнул, видение было слишком коротким, непонятным.

Их группа тихой рысью углублялась в чашу, оставляя дорогу всё дальше и дальше. Рядом ехал Медо, Сташ ловил на себе его настороженные взгляды, иногда оглядывались Ларко и Гром. Что-то изменилось, или он сам изменился, но он не мог не заметить, что уже некоторое время они все за ним наблюдают.

Сташ крепче сжал зубы, видения, которые всегда предупреждали его об опасности, вдруг стали очень частыми, но какими-то расплывчатыми и почти нереальными. Он не всегда придавал им значения, опасность была неотъемлемой составляющей его жизни. Он уже почти не помнил те времена, когда его рука не сжимала бы меч, когда навстречу из-за любого дерева не нападал бы враг, готовый разорвать на части, когда в лицо не летели брызги крови, а рядом не слышались крики ужаса и боли. Но иногда прошлое возвращалось, прошлое в котором существовали родители, близкие, друзья. Прошлое было болью, тем, что очень давно уничтожено и похоронено.

Ему вдруг очень захотелось сжать голову руками, прикусить губу и застонать. Сташ на несколько мгновений закрыл глаза, чувствуя, как сильнее забилося сердце, а в груди разрастается душаций шар боли.

Эти чувства тоже были из прошлого. Перед глазами неожиданно ярко встали забытые лица родителей. Мама, входящая в дом с охапкой душистых красных цветов, отец, вешающий на стену тяжёлый фамильный меч из вороненой стали. А потом, когда их тела с огромными рваными ранами лежали на полу, когда их кровь смешалась с рассыпанными по комнате цветами, когда по всему селению стоял дикий крик и слышался треск выбиваемых дверей, этот меч вдруг очутился в его собственных руках. Он с трудом его поднял, рукоять была мокрой от крови и выскальзывала из пальцев, грудь разрывали рыдания и неожиданная ярость.

Первый же уродливый противник сам напоролся на клинок. Очень близко сверкнули красные глаза полужверя, из пасти вырвалось дикое рычание, и клинок легко распорол кожу и насквозь пронзил тело.

В его детском сознании не появилось удивления, что он смог убить того, с кем не справился его отец. В душе десятилетнего мальчишки, впервые уничтожившего врага, поселились странный холод и ярость. Потом на улице были уже десятки убитых им grimтонов. Он шёл не оглядываясь, мечом расчищая себе дорогу, и с каждым убитым всё легче поднималась рука, всё больше прибавлялось сил...

Сташ посмотрел не ехавших рядом с ним людей. Уже долгие годы они были его братьями, его семьёй. Он смирился, что другой жизни у него не будет. Прошлое было отброшено и забыто, но оно не перестало существовать и иногда вторгалось в настоящее.

Он вдруг поёжился, с каким-то ужасом осознавая реальность. Слишком тревожно шелестела листва деревьев, протяжно и тоскливо завывал ветер, стремительно, словно убегая, летели по небу налитые свинцом облака. Но так было всегда. Нет, эта тревога появилась далеко не сегодня, но сегодня он почувствовал давящую со всех сторон опасность. Другую опасность.

Кто они Берущие? Кто он сам? Сила тех, кого он убивает, их сущность вливается в его собственное тело, становится его частью, переполняет сознание, отравляет кровь. Так не может продолжаться вечно, наступает момент и ничего человеческого уже не остаётся. С кем-то это происходит раньше, с кем-то позже, но происходит со всеми. Только Берущий не чувствует этого перехода. Стать монстром можно в один момент, и только тот, кто с тобой рядом — такой же Берущий может понять, что ты уже не человек. И тогда твой товарищ,

твой брат превратится для тебя в палача. Потому что никто другой не сможет тебя остановить.

Судьба? Насмешка над жизнью...

Поэтому Берущие были братством, обречённые присматривать друг за другом. Если ты один, то ты вне закона. Ты тот, кто избежал своей судьбы, когда в тебе признали монстра. Ты тот, кого обязан убить каждый.

Дорогу перегородил пушистый подлесок, молодые зелёные ёлочки густой порослью вставали коням по грудь. Их группа остановилась. Любитель железа Медо предупредительно поднял руку и вытащил недавно найденный у домов-призраков прибор. Почему-то он считал, что данная штука работает. Сташ только криво усмехнулся, он и без прибора знал, что въезжать в эти колючие заросли не стоит. Лежащие у самой земли густы тени, отбрасываемые деревьями, были не только ярко-багровыми, напоминающими лужи крови, но ещё и имели объёмную структуру — поднимались в воздух красноватым туманом. Но Гром почему-то проигнорировал его обычный жест рукой, означающий опасность и вопросительно посмотрел именно на Медо. Неужели он начал верить этим приборам? Или это простое любопытство?

Медо вытянул из стальной коробочки длинный прут и направил его на заросли. С этим прибором он проводил всё своё свободное время, уже несколько раз его разобрал, что-то подкручивал, настраивал. Несколько раз со злостью едва не разбил об ствол дерева, но успокоившись и убедившись, что данная штука от простых механических воздействий оживать не собирается, в конце концов, поместил его в поле магии. Он был единственным магом в их группе, но использовал свои способности крайне неохотно. Утверждал, что это тоже аномалия.

Прибор — анализатор, как назвал его Медо, заработал буквально от нескольких разрядов вливаемой в него магической энергии. На маленьком экранчике начали скакать непонятные цифры, а после поворота какой-то детали ещё и послышался стучащий треск.

Вот и сейчас стоило Медо направить его на ёлки, как анализатор затрещал и выдал несколько цифр. Медо хмыкнул.

— Ничего себе, — пробормотал он. — Высший уровень.

— Работает? — спросил Гром.

— Ещё как!

Старший коротко кивнул и, тронув коня с места, двинулся по краю зарослей.

Сташ ехал вторым после Грома, хмуро поглядывал на пушистые лапы низкорослых деревьев, уверенно закрывающих всю низину. У него была отличная память на местность, а здесь они проезжали месяц назад, и тогда это была совершенна голая, покрытая лишь худосочной травой низина.

Гром оглянулся, кивнул.

— Мне и раньше казалось, что здесь проходит Полоса, — проговорил он. — Всё думал, как она выразится. Оказалось, что не всё так страшно. Просто лес.

— Такой красивый, пушистый лес, — усмехнулся Сташ, но дальше пояснять не стал. Все и так поняли, что Гром шутит. Не могло это место быть просто лесом.

Они не оглядывались, но взгляд всё равно ловил, как деревья неспешно поворачиваются вслед за всадниками. Сташ несколько раз успевал заметить мелькнувшие между веток тёмные сгустки. Субстанция мелко пульсировала и разворачивалась в продолговатые щупальца. Скорее всего, где-то имеются и рты, способные поглощать попавшую в плен добычу. Полоса ещё не такое способна сотворить с подвластной ей местностью. Не сразу конечно, но перерождение обычно происходит именно с растениями.

Они благополучно обогнули опасный участок и выехали на взгорок. С привычного пути

пришлось свернуть, и сейчас перед взглядом предстала незнакомая местность. Гром уверенно направил коня поверху, больше не спускаясь в низины. Не самый безопасный участок, здесь всадников было хорошо видно издалека. Но учитывая проявление Полосы в данном случае это решение являлось самым разумным. Старший лишь оглянулся на Сташа, вопросительно кивнул и получил в ответ отрицательное качание головы. Слова не нужны, они слишком давно привыкли к данному ритуалу.

Гром невольно сжал кулаки. Слишком привыкли. А ведь его отряд среди Братства был самым удачливым. За десять лет всего две гибели, да и те по вполне естественным причинам. Старый Бект переступил Грань и отправился на Поляну к Тому кто знает, а у Солада оказались слишком сильные способности к поглощению, он сгорел за пять лет. Даже до Поляны не добрался, переродился прямо на глазах у братьев.

Почему-то Гром думал, что следующим будет именно он, всё порывался спросить у Сташа, но так и не решился. Оказалось — ошибся. Уже несколько недель ни у кого из их отряда не поднималась рука завершить путь следующего подступившего к грани перерождения. Это больно. Чувств не должно существовать, но это больно. Особенно, если брат имеет такое значение для их отряда. А Сташ был именно тем, кто давал им надежду не погибнуть.

Гром так и не смог ничего ему сказать. Остальные тоже. Они просто присматривали за ним. А сам парень если и замечал изменения, то не подавал виду. Или действительно не знал. Говорят, что в самом конце ощущение собственной сущности совершенно исчезает.

Он спиной чувствовал его присутствие, пусть Сташ ещё до конца не переродился, но его энергетика колючим ознобом холода заставляла вздрагивать каждый раз, как он делал хоть одно резкое движение. Гром думал, что уже очень давно разучился бояться. Оказалось, что тоже ошибся. Ощущать рядом с собой почти переступившего грань было не просто страшно, это казалось жутким. Ведь перерождение могло начаться в любой момент — начаться настолько быстро, что не останется шансов среагировать, защититься, просто отшатнуться.

Он не знал, сколько ещё они смогут выдерживать присутствие Сташа. Ларко и Медо слишком часто начали хвататься за рукояти мечей, и почти всё время в их взглядах был вопрос. Но ответа не существовало, несмотря на опасность, Гром решил, что будет тянуть до последнего.

А ведь прошло уже несколько недель, как это началось. Гром едва не взвыл, когда понял, что изменения затронули именно Сташа. Берущие начинают видеть истинную сущность лишь перед самым перерождением. А Сташ в их отряде был особенным, его взгляду доступна первоначальная стадия. Он способен определить заражённого сразу после укуса. И именно благодаря ему действие их отряда было настолько эффективным. Было... и уже не будет.

Гром вновь оглянулся на Сташа. Все движения парня стали какими-то более резкими, порывистыми, утратили плавность, словно он не осознавая этого, боролся с чем-то внутри себя. Вот и сейчас он вдруг рывком натянул поводья коня, заставив животное захрапеть и замер, всматриваясь в густой бурелом. На бледном лице тёмными пятнами горели уголья неестественно чёрных глаз.

Старший с некоторой дрожью пересилил себя, придержал коня и подъехал ближе. Медо и Ларко вновь бросили на него настороженные, вопросительные взгляды. Гром лишь молча сжал кулаки.

Сташ поднял руку и указал на густой завал из веток.

— Они там.

Братья переглянулись, пусть Сташ изменился, но он никогда не ошибался.

— Кто? — тихо спросил Гром.

Парень повернул голову, посмотрел на него пустым безжизненным взором.

— Пока ещё люди. Их одиннадцать.

Старший кивнул. Заражённые. Начальная стадия. Таких уничтожить проще всего. И сложнее.

— Вперёд.

Отряд Берущих двинулся в объезд бурелома. За нагромождением из веток примостились три домика, почти скрытые от взглядов густым кустарником и искусственно созданным завалом. Рядом шумел узкий ручеёк. Защитный купол слабо подрагивал, едва держался, сжимая в своих объятиях маленькое селение. Уже за его пределами виднелись останки других домов — разрушенные, местами сожжённые, а где-то просто разобранные. Под разросшейся травой их было почти не заметно.

Гром подъехал к самому куполу, спрыгнул с коня. Сейчас он и сам ощущал, что дома жилые, но если бы не Сташ, то, пожалуй, проехал бы мимо, не заметил. Такую слабую энергию трудно уловить.

— Эй, есть кто дома?

Они могли бы войти и без спроса. Закон запрещал чинить препятствия Братству. Но это было лишь условностью, никакой закон не смог бы остановить охотников на особую дичь.

Никто не ответил, поэтому Гром поднёс к куполу руку, дотронулся до энергетических линий и замер, отыскивая связь с источником. Энергия послушно потекла в его ладонь. Источником служили несколько камней, скорее всего принесённые из Полосы и сохранившие от неё подпитку. Рядом с аномалией тоже выгодно жить.

Купол дрогнул, сверкнул истончающейся паутиной и погас. Погас весь разом, как это бывает, когда источники такие слабые. Гром опустил руку, на месте границы купола осталась лишь выжженная черта. Мало кто решался не открыть проход Братству, ведь это означало лишиться защитного купола. Берущие были способны поглощать любую энергию и не только из живых существ.

— Медо, Сташ, останьтесь здесь, — приказал он не оглядываясь. — Ларко за мной.

Из трёх неприметных домов он шагнул к тому, что притаился под густой кроной склонившегося дерева. Не потому что он показался наиболее защищённым или каким-то особенным, просто именно на него не отрываясь смотрел Сташ. Гром шёл к двери, проклиная себя за привычку ориентироваться на выбор парня, а не свой собственный. Нужно отвыкать от этого.

Рукоять меча послушно скользнула в руку, клинок одним быстрым движением покинул ножны. Рядом так же спокойно и уверенно обнажил оружие Ларко. Гром вновь поймал себя на мысли, что почти невыносимо хочется оглянуться, бросить взгляд на Сташа и увидеть любой знак, пусть это будет кивок головы, предостерегающий взмах руки или наоборот — ободряющая улыбка. Он с трудом пересилил себя и толкнул неприметную дверь. Та оказалась заперта, Гром чуть отошёл и ударил по двери ногой. Дерево затрещало, саму створку сорвало с петель и внесло в дом. Берущие шагнули в открывшийся проход.

Медо проводил их настороженным взглядом, огляделся по сторонам, стараясь контролировать окружение. Очень сильно отвлекало, то, что он остался со Сташем наедине, всё внимание волей неволей переключалось именно на парня. Он отступил, чтобы

находиться чуть дальше. Сташ не двигался, застыл на одном месте, не отрывая взгляда от дома.

Медо вытащил свой прибор, навёл его на тот же дом и начал перебирать настройки. По экрану поползли помехи, сильно фонило, выдавало себя за аномалии. Он вздохнул, да, что-то он мог определить, но заражённые не входили в данную категорию.

— Не работает? — не поворачивая головы поинтересовался Сташ.

— Не тот случай, — хмуро проговорил Медо. — Я ещё не до конца со всем разобрался.

— У тебя получится, — в голосе Сташа прозвучала странная отрешённость.

— Что там происходит? — Берущий подошёл ближе, но обогнул парня по дуге.

Тот склонил голову к плечу и пристально вглядывался в дом, словно действительно мог видеть сквозь стены. Его чёрные глаза напоминали безжизненные сгустки мрака на бледном лице. Обычно взгляд Сташа становился таким перед боем.

— Тени танцуют...

— Что? — Медо вздрогнул.

Сташ едва заметно качнул головой. У порога входа внезапно появился Ларко, он вышел из дома и сразу отшагнул в сторону. Парень был мертвенно бледен. Он остановился и уставился в темноту дверного проёма.

В доме действительно стоял полумрак. Окна закрывали разошедшиеся деревянные ставни, имеющие множество щелей, но между тем плотно прикрытые и запертые на задвижки. Выбитая дверь впустила вовнутрь поток света, который смог рассеять мрак лишь за порогом. В этой освещённой полосе показались несколько худых фигур и, зябко передёргивая плечами, медленно двинулись на улицу.

Медо насчитал лишь восьмерых. Четыре девчонки — очень молодые, испуганные, одеты в давно не стираное тряпье, уже не напоминающее платья. Двое парней чуть постарше девчонок, тоже в рванье, тощие, едва держащиеся на ногах. Пожилая женщина, опирающаяся на палку и старик с трясущимися руками. Они сбились в кучу и испуганно замерли, отворачиваясь от солнечного света. Уставшие, истощённые от голода люди. Никто из Братства не принял бы их за перерождённых.

Сташ сделал шаг в их сторону и вновь остановился, настороженный взгляд скользнул по худым фигурам, по напоминающим черепа лицам, по скрюченным пальцам, по заострённым ногтям. Сейчас это лишь жертвы — они послужили пищей для других монстров, более сильных и переродившихся уже давно. Тех троих, что остались в доме. Они бесы, ещё не испробовавшие вкуса человеческой крови — первая стадия. Но этот момент обязательно наступит. Не может не наступить. Бес очень быстро переходит на стадию кровлига — сразу, как только появляется подходящая жертва, с которой он может справиться. Да, сейчас они истощены, но вовсе не обессилены, это притворство. Слишком яркие тени встают от земли и заслоняют их фигуры. Тени, пронизанные красными полосами.

Сташ прищурился. Не все тени были одинаковыми. Взгляд остановился на тщедушной фигурке девчонки, лицо которой закрывали густые спутанные пряди волос. Она дрожала и пыталась зайти за спины односельчан. Худые пальцы вцепились в ворот собственного поношенного платья и всё время его дёргали, словно пытались разорвать. Сташ криво усмехнулся. Она не бес, уже давно не бес и если приподнять эти пряди, то под ними обнаружится трансформировавшаяся челюсть и выпирающие изо рта клыки. Странно, что она до сих пор сдерживается.

В проёме двери показался Гром, быстро шагнул наружу. обнажённый меч в его руке

поблёскивал алыми каплями, ещё стекающими по клинку и срывающимися на землю. Друг за другом. Капля за каплей.

Сташ почти не удивился, когда он обогнул группу местных жителей и быстро двинулся именно к нему. Пронизывающий взгляд Грома впился в его глаза, а потом вверх пошло оружие и почти упёрлось остриём под подбородок.

— Ты уверен, что они перерождённые? — прошипел Старший. — Действительно уверен?! Те трое в доме напали на нас с оружием, но внешне они ничем не отличались от людей.

Сташ остался совершенно неподвижен.

— Зачем тебе моя уверенность? — проговорил он сквозь зубы. — Ты можешь сам убедиться — раны от укусов не заживают.

Гром качнул головой, в глазах мелькнула растерянность и тут же исчезла. Он не должен ни в чём сомневаться. Для Берущих это неприемлемо. Старший резко развернулся и направился к выгнанным из дома людям. Те ещё больше задрожали.

Гром ухватил старика за ворот рубахи и рванул вниз. Ветхая ткань мгновенно распалась, обнажив бледно-синюю кожу, туго обтягивающую скелет. Берущий отбросил тряпьё на землю и кончиком клинка заставил старика поднять низко опущенную голову. Рваная рана с синими краями обнаружилась между выпирающими ключицами. Не очень удобное место, поэтому и кожа так сильно разорвана, словно кровлиг не собирался оставлять жизнь своей жертве, а решил убить. Неудивительно, этот человек слишком стар, чтобы долго служить пищей, поэтому монстр с ним и не церемонился. Но если он не умер сразу, значит теперь находится на пути к следующей стадии и этого уже не изменишь.

Гром поморщился, тяжело вздохнул.

— Я, я, — залепетал старик. — Я ничего не сделал. Мы лишь пытались выжить. Овощи выращивали, кур разводили...

— Кур? — Гром огляделся, здесь не было ни живности, ни грядок. По заросшему сорняками двору ветер гонял какой-то мусор, перемешанный с перьями, и гремел высоко привязанной к столбу цепью с ошейником на конце. — Когда это было?

— Давно, — вздохнул старик и впервые посмотрел Берущему в глаза, посмотрел без страха и улыбнулся. — Моя внучка тогда была ещё маленькой.

Гром невольно отступил от него, сбоку сразу мелькнуло что-то тёмное, с невероятной скоростью понеслось прямо в лицо. Перед глазами оказались изогнутые когти — чёрные, со сверкающей зеленью кромкой, очень острые. Он почти ощутил, как они прикасаются к его коже, вспарывают, погружаются в плоть. Быстро, слишком быстро, быстрее, чем рука поднимает опущенный меч, быстрее, чем успевает среагировать привычное к таким атакам тело. Эти твари тоже умеют выждать нужный момент...

В уши впилося утробное рычание и резко перешло на визг. Хрупкое, извивающееся в судорогах тело отлетело от удара ногой на землю и, подвивая, закрутилось на месте. В траве остались лежать две отрубленные кисти с заканчивающимися когтями пальцами. Гром перевёл взгляд на остановившегося рядом Сташа, тот резким движением смахнул со своего меча капли крови и вновь настороженно замер. Парень оказался быстрее и этого существа и его самого. Потому что знал. И ждал этого нападения.

Гром коротко кивнул, очень хотелось прикоснуться к лицу, стереть с кожи заразу, как будто когти успели его расцарапать. Он с трудом сдержался, осознавая, что этот удар он всё же пропустил и если бы не Сташ...

Гром шагнул к перерождённой, старик резко упал на колени и заслонил собой извивающуюся девчонку с отрубленными руками.

— Вы сами монстры! — выкрикнул он. — Оставьте нас в покое! Это наша жизнь!

— У вас нет жизни, — глухо произнёс Гром. — Она закончилась.

Клинок по дуге ринулся вниз и слишком легко прошёл сквозь шею старика. Тот устоял на Берущего вытаращенными глазами, попытался что-то сказать, но его голова уже запрокидывалась назад, скатывалась с плеч, открывая взглядам страшную рану. Следом осело на землю тело.

Кто-то судорожно всхлипнул, затем раздался пронзительный визг. Заражённые с криками рванули в разные стороны, внезапно осознав, что их тоже не пощадят. Ларко стоял к ним ближе всех и среагировал первым. Его меч превратился в сверкающую полосу, рассекая податливые тела. Два парня и девушка сразу повалились на землю, напорившись на оказавшуюся смертельно близко сталь. Ещё две девчонки бросились в другую сторону, пытаясь скрыться за углом дома. Их в несколько прыжков догнал Медо, не останавливаясь махнул мечом и одним длинным ударом рассёк оба тела.

Гром остался рядом с перерождённой, а Сташ двинулся за пожилой женщиной, которая опираясь на палку, хромала в сторону неприметных холмиков у края леса, почти не видимых в густой траве. Здесь она тяжело опустилась на колени, прикоснулась рукой к земле и что-то зашептала.

Обострённый слух Берущего различил тихие слова.

— Ну вот, деточки мои, закончилась наша разлука... Остался всего один шаг. Как же я по вас соскучилась.

Морщинистые пальцы ласково гладили два маленьких холмика, осторожно перебирали траву, пытались аккуратно расправить стебли. У неё была очень бледная, едва окрашенная красными полосами тень, её путь перерождённой только начинался, если бы женщина смогла справиться с Голодом, то ещё долго оставалась бы в образе человека. Если бы...

Она медленно подняла голову и посмотрела на Берущего. Её лицо оказалось совсем не старым, просто очень бледным и уставшим. По щекам катились слёзы, но губы улыбались. Очень счастливо улыбались. А в ярко-синих глазах плескалась радость.

Сташ до боли в пальцах сжал рукоять меча. Монстры не всегда являются монстрами — это он и раньше знал, но иногда выбор остаётся именно за монстром. Для Берущих выбора не существует.

Женщина кивнула и вновь отвернулась. Сташ резко взмахнул мечом, взмахнул настолько быстро, что загудел разрываемый клинком воздух, а сталь превратилась в размытую полосу. Мышцы заломило от напряжения, а вот удара от соприкосновения с плотью совсем не почувствовалось. Привычное действие, привычный поток энергии, потянувшийся вслед за клинком, только почему так колет в груди, а перед взглядом вместо деревьев мелькают тёмные пятна? Остался всего один шаг...

Сташ с трудом заставил себя не шататься, ноги подкашивались и пришлось замереть на месте, дожидаясь пока отступит неожиданная слабость. И смотреть — женщина лежала уткнувшись лицом в землю, её руки обнимали оба холмика, ладонь правой руки прикрывала до странности чистенькую тряпичную куклу, одетую в нарядное платье. Последнее, что смогла сохранить мать для детей?

Сташ отвернулся, бесполезно думать, что всё могло бы быть по-другому. Это был его выбор, его инстинкт, его предназначение, приведшее отряд Братства в умирающее селение.

Наверное, проще было бы не вмешиваться, проехать мимо, не заметить... а сейчас слишком поздно. И уже ничего не изменить.

Ветс с трудом подняла ставший слишком тяжёлым меч, сталь звякнула по черепу grimтона, и клинок соскользнул, не причинив полужверю никакого вреда. Ветс успела тяжело вздохнуть, grimтон протянул лапу и ударил когтями по её руке, девушка молча отпрянула, на коже остались рваные раны.

Она прикусила губу и, чтобы выиграть время, метнулась за камень. Полужверь что-то тихо ворча, не спеша двинулся за ней. Да и зачем ему спешить?

Их воительниц осталось всего пятеро, её сёстры с таким же отчаяньем и безнадежностью отбиваются от непобедимых противников, земля вокруг усеяна мёртвыми телами людей. Ещё некоторое время назад их отряд состоял из тридцати человек, отряд, который должен был защищать караван обозов.

Что ж, все знали, что любая защита это всего лишь видимость, всего лишь иллюзия безопасности, настоящей была защита только Братством.

Гром обещал, что они их встретят, Крада — их предводитель тогда только кивнула. На помощь Братства никто не надеялся — невозможно быть одновременно во многих местах. А эта четвёрка если где-то кого-то не защищала, то задерживалась, уничтожая grimтонов по пути.

Гром обещал помочь, но все знали, что он не выполнит обещания. Они воительницы, а не беззащитные селяне, такие же бойцы, как и в Братстве. Только вот их мечи бесполезны против grimтонов и другой нечисти, а те, у кого в руках оружие умирают первыми. Они сами выбрали свой путь.

Ветс крепче сжала в руке меч, полужверь пыхтел где-то совсем рядом, пробирался между камнями за своей жертвой. Она знала, что сейчас умрёт. Grimтоны взяли их в кольцо, лишь несколько чудовищ ещё продолжали охоту за живыми, остальные расселись по земле, подтащили каждый по несколько трупов и неторопливо раздирали человеческие тела когтями. Воздух был наполнен чавканьем и хрустом костей.

Может быть, позже кто-нибудь из людей наткнётся на оторванные конечности или растянутые по кустам кишки. Может быть, уцелеют даже головы, конечно если эти твари не слишком голодные. Может быть, к тому времени остатки трупов ещё не растащит лесное зверьё, и тогда по обрывкам одежды кто-нибудь определит, что здесь погиб отряд Крады. Если же нет, то их отряд будет очередным из исчезнувших в лесах Вартиха. Так же как этот караван, понадеявшийся на их защиту и относительно спокойное, как считалось, время года.

Ветс отодвинулась чуть дальше, продлевая мгновения жизни. По руке сочилась густая, тёмно-красная кровь, не переставая капала на землю, образуя небольшие лужицы. Grimтон рычал уже где-то сверху, видимо забрался на камни. Ветс подумала, что сейчас он спрыгнет прямо перед ней, и с трудом подняла меч. Бесполезная защита. Из-за нагромождения камней ей была видна часть дороги, с расположившимися там чудовищами и спины ещё двух воительниц, так же отступающих к камням.

Возможно, она первой заметила, что на дороге что-то изменилось. Grimтоны начали подниматься на лапы, даже оставили недоеденные трупы, все морды повернулись в одну сторону.

Неожиданно на дороге появилась всадница, белоснежный конь почти налетел на группу монстров, резко остановился, попятился. Всадница ударила его по бокам, пустила в сторону

леса, пытаясь объехать чудовищ. Непонятный и совершенно бесполезный маневр. Здесь нужно или разворачивать коня и удирать, что было уже не возможным, или остаться на месте и драться, что означало умереть, но умереть сопротивляясь.

Ветс успела заметить, что у всадницы есть меч, возможно, она тоже воительница, только одета как-то странно, вся в чёрной коже. Длинный плащ почти полностью скрывал фигуру, на ногах плотно облегающие сапожки, доходящие ей до колен, обтягивающие штаны, рубашка с высоким стоячим воротничком. Открытой кожи почти не видно, только лицо. Но лицо Ветс разглядеть не успела, поняла только, что всадница молода. Они все умирают молодыми.

Конь встал на дыбы, развернулся на задних ногах к гримтонам боком и рванул к деревьям. Взметнулись чёрные волосы его хозяйки, так контрастирующие с его белоснежной шкурой. Полузвери с рычанием преградили ему дорогу, конь вновь попятился. Всадница натянула поводья, только сейчас выхватила меч, в воздухе блеснуло серебро металла. Когда-то давно считалось, что нечисть боится серебра, но вскоре люди убедились, что они в этом заблуждаются — чудовища не боялись ничего.

Всадницу окружили плотным кольцом. Первый гримтон прыгнул прямо на круп коня, но девушка развернулась в седле прежде, чем лапы полузверя коснулись его белой шкуры. Её меч прочертил в воздухе светящуюся полосу, гримтон сам налетел шеей на лезвие. Меч слишком легко рассёк неподдающуюся стали кожу, углубился — разрезал горло, перерубил позвонки. Белый конь уже повернулся навстречу нападавшему, отступил в сторону, грузное тело повалилось ему под копыта, отрубленная голова откатилась чуть дальше — к лапам замерших тварей.

Ветс с замиранием сердца во все глаза смотрела на всадницу. Она убила гримтона! Убила невероятно легко, почти не напрягаясь, один взмах меча, и вот уже её конь топчет мёртвое тело.

Белоснежный жеребец совершенно без страха наступал на когтистые лапы, бил копытом по дымящейся шее, обагрывая себя кровью, нетерпеливо топтался на месте. Всадница с поднятым мечом спокойно смотрела на монстров, сама не нападала, просто ждала. Полузвери, наконец, вышли из оцепенения, один из них осторожно понюхал отрубленную голову, тихо и как-то не уверенно зарычал. Ветс заметила, как они переглянулись, подобрали под себя лапы. Сейчас!

Ветс даже присела, десять чудовищ одновременно взлетели в воздух и бросились на жертву. Жертву?

Мгновение она видела лишь бурые тела, заслонившее собой и коня и всадницу, затем эти тела начали распадаться на части. В разные стороны летели головы, лапы, половинки туловищ. Серебряный меч мелькал с такой скоростью, что окружил незнакомку светящимся ореолом. А когда этот ореол, наконец, погас. Белоснежный жеребец поднялся на дыбы среди кровавого месива изрубленных тел.

Всадница красиво крутанула в руке меч и оглянулась на оставшихся гримтонов, те косились на неё не верящими взглядами. Слишком странным было видеть в глазах этих чудовищ нерешительность, а возможно даже страх. Их осталось ещё не меньше пятнадцати, но всадница смотрела на них всё с тем же спокойствием. Её движения были уверенными, без признаков усталости и можно было легко понять, что она без труда убьёт всех остальных.

Похоже, что гримтоны это тоже осознали, они медленно попятнулись, а потом вдруг всей стаей ринулись в лес. На дороге стало неожиданно пусто и тихо.

Ветс перевела дух, сердце всё ещё бешено стучало в груди, ноги слегка подкашивались. Она вылезла из-за камней, Тая и Криста уже шли к всаднице, где-то в стороне слышался тихий стон. Ветс отыскала взглядом Рону, та сидела на земле, держала у себя на коленях голову Ланы, у раненой сильно сочилась кровь из виска.

Ветс медленно приблизилась к месту схватки. Незнакомка, выбралась из крови и трупов и остановилась на чистой дороге, с коня она не слезла, но меч вставила обратно в ножны. Потом окинула их внимательным взглядом больших жёлто — зелёных глаз, где-то в их глубине полыхало ледяное пламя. У неё было очень бледное лицо с заострёнными чертами, красивые чувственные губы, а её пышные чёрные волосы спускались только до плеч. Во всех движениях ощущалась сила, расчётливость, что, если учесть, как она махала мечом, было не удивительным.

Незнакомка молчала, поэтому первой заговорила Ветс, теперь она осталась за старшую, хотя ей было всего семнадцать.

— Кто ты, победившая grimтонов? Ты одна из Берущих?

Всадница чуть склонила голову, во взгляде появилась задумчивость, губы изогнулись в неожиданно насмешливой улыбке. Девушки вздрогнули.

— Я просто странница, — её голос был чуть хриловатым, но приятным. — И считайте, что вам случайно повезло, что они меня остановили.

Ветс вскинула голову, её красивое загорелое лицо исказилось от гнева.

— Хочешь сказать, что если бы они на тебя не напали, то ты бы нам не помогла?

— Я никогда не вмешиваюсь, но если меня задевают, то отвечаю, — она смотрела на них с любопытством, но не более. Ветс назвала бы это любопытство безразличным.

Воительница фыркнула.

— В таком случае, нам даже не нужно тебя благодарить. Ведь то, что мы не погибли всего лишь случайность!

— На чьей ты стороне? — выкрикнула Тая.

— Ни на чьей, — ответ был спокойным. — Мне всё равно кого убивать.

Тая тихо охнула. Руки воительниц сами собой опустились на рукояти мечей. Незнакомка взглянула на них всё с тем же любопытством. Все видели, что первой она не нападёт, она ждёт, когда это сделают они, но потом будет такой же беспощадной, как с grimтонами.

— Кто ты? — вновь спросила Ветс.

— А ты? Хотя мне это не интересно.

Ветс со скрипом сжала зубы, но ответила.

— Я воительница из отряда Крады, сейчас я за главную, моё имя Ветс, хотя тебе это и не интересно.

— И даже больше, — подтвердила всадница. — Мне это ни о чём не говорит, — она пожалала плечами и впервые огляделась. Внимательный взгляд скользнул по вполне целым повозкам, гружённым мешками, по разодранным трупам людей, окровавленными кусками плоти лежащих и на дороге, и на нешироком лугу у кромки леса. — Вы охраняли караван, воительницы?

В голосе прозвучала насмешка и Ветс невольно сжала кулаки.

— Да, в отличие от таких как ты мы защищаем других, а не себя!

— И какой в этом смысл? — незнакомка вновь огляделась. — Они все мертвы. И вы были бы мертвы тоже. Глупо пытаться делать то на что ты не способен.

— Ты права, — зло проговорила Ветс. — Но ещё глупее не пытаться искать способ, чтобы всё изменить. Мы могли бы справиться с любым противником кроме гримптонов. Не повезло. Считалось, что они не выходят на эту дорогу. До сих пор не выходили.

Незнакомка кивнула.

— Не повезло, — повторила она. Её голос стал безразличным, холодным, без эмоций, словно она потеряла к ним интерес.

— Ты не ответила на мой вопрос! — выкрикнула Ветс, внезапно ей показалось очень важным продолжать этот разговор, иначе эта странная и совершенно непонятная девушка просто их здесь бросит.

— Разве? А я помню, что уже отвечала и другого ответа не будет.

— Ты убиваешь гримптонов как одна из Берущих, — вмешалась Криста.

— Берущие? — всадница вновь пожала плечами, Ветс подумала, что она выглядит не старше её, только вот в зелёных глазах словно скрывается бездна веков. — Это слово мне так же ни о чём не говорит, похоже, я приехала слишком издалека.

— Так не бывает, — воскликнула Тая. — Если ты ехала по нашей земле, то должна знать!

На лице незнакомки промелькнуло раздражение, она крепче сжала в руках поводья, конь попятился, в нетерпении мотнул головой.

— Это не важно, — произнесла она, по её губам скользнула странная улыбка.

Они поняли, что сейчас она развернёт коня и уедет, а они останутся здесь, среди трупов, рядом со стаей гримптонов, чей вой ещё слышен из-за деревьев. В том, что они вернуться, никто не сомневался.

— Подожди, — пересилив себя, произнесла Ветс. — Ты не можешь нас здесь бросить.

— Почему? — удивилась всадница.

Ветс поморщилась.

— Так принято среди людей, принято помогать друг другу, иначе нам не выжить.

— Я вам уже помогла. Что ещё?

Ветс тяжело вздохнула, посмотрела на лес и горько усмехнулась.

— Ты лишь отсрочила неизбежное, одним нам отсюда не выбраться.

Лицо незнакомки осталось таким же безразличным и холодным, зелёные глаза рассматривали их с раздражением — как помеху, которая мешает ей продолжить путь. Вой гримптонов неожиданно раздался ближе, скорее всего это были уже другие чудовища, почувствовавшие запах крови и людей. Она оглянулась на лес, потом вновь смерила воительниц взглядом и усмехнулась.

— Вы же не собираетесь за мной бежать?

Коней действительно не было, их разодранные трупы были перемешаны с телами людей.

— Проводи нас до Стайта, — попросила Ветс. — Тогда ты поможешь нам по-настоящему.

Всадница чуть склонила голову, как бы говоря — да плевать мне на вас.

— Стайт это город?

— Город, — подтвердила Ветс, уже ничему не удивляясь.

Она наблюдала, как они быстро собираются, подбирают оружие, делают носилки для раненой. Ситуация была какой-то нереальной, меньше всего ей хотелось чтобы её сейчас

что-то задерживало, ещё более диким было то, что она собиралась ехать с этими людьми до города. Она лишь сторонний наблюдатель, собирающий сведения и делающий выводы. Это не её война, не её проблемы. Для неё эти люди никто. И не важно, что правил не существует, всё это противоречило её собственной сущности.

Белый жеребец бил по земле копытом, чувствовал нетерпение хозяйки. Её душу, или то, что осталось от души, сжигали слишком разные чувства, и единственное, что удерживало её на месте — это любопытство. Возможно, это было единственным, что ещё связывало её с расой людей, в остальном же люди для неё не существовали.

Лес расступился, вековые стволы сменились многочисленными пеньками, едва возвышающимися над землёй и почти невидимыми в траве. Сначала взгляд цеплялся за свежие срубы, потом — ближе к высокой стене окружающей селение, потянулись уже старые, почерневшие и трухлявые пни. Топот копыт тонул в густой подстилке из мха, произрастающей даже на открытом пространстве вырубленного леса. Зелёный покров лежал только на земле, но не подходил к пням — огибал их по кругу, оставляя широкие проплешины.

Гром то и дело оглядывался на Сташа, замечал, как тот внимательно всматривается в окружающий пейзаж и морщится. Да, вид обходящего пни мха был несколько необычным, но вот что это — просто аномалия или предвестник чего-то более опасного сейчас было ещё не понять. Обычным людям не понять да и Берущим тоже. Но не Сташу. Парень видел не только перерождённых в начальной стадии, но и изменения в самой природе.

— Своеобразное место, — осторожно произнёс Гром. — Только как-то слишком близко эта своеобразность подобралась к стене Предлесного.

Сташ ничего не ответил, хотя говорилось именно для него в надежде получить объяснения.

— Я слышал, что местные уже и боятся выходить с этой стороны, — проговорил Медо. — Даже ворота не открывают. Придётся с севера подъезжать. Там у них сейчас главный вход.

— Зря боятся, — эхом произнёс Сташ. — Здесь ничего нет. Пусто. Земля умирает. Сначала деревья, потом засохнет мох... Это тоже плохо, но не опасно для людей. Сейчас не опасно.

Парень опустил голову и передёрнул плечами, словно ему внезапно стало холодно.

— А потом? — напряжённо поинтересовался Гром.

— Потом возможны разные варианты, — неопределённо ответил Сташ и криво усмехнулся. — Лес может отомстить своим обидчикам. Нельзя брать слишком много...

— Ладно, — решил Гром, их группа как раз остановилась перед массивными, плотно закрытыми створками ворот. — Поищем другой вход.

Огибать стену пришлось шагом, копыта коней то и дело проваливались в незаметные во мху небольшие ямки, а по краю селения их оказалось особенно много.

Сташ хмуро рассматривал защитный купол Предлесного — тот начинался на высоте метра от земли. Интенсивные энергетические потоки сплошной завесой скользили по каменной кладке именно с внешней стороны. Для их генерации из стены выступала едва видимая для взгляда полоса металла. Значит, потоки энергии прямо здесь на месте могли перенаправляться и при необходимости служить оружием.

Для большого селения, имеющего такую высокую массивную стену, это казалось

настоящим расточительством. Источники должны высасывать из Предлесного практически все энергетические ресурсы. А такими ресурсами могли становиться не только неживые предметы, но и живые существа — и животные и люди. Сталкивались уже с таким и не раз — селение погибало именно из-за стремления его жителей обеспечить себе сверхнадёжную защиту. А потом под куполом сначала начинали гибнуть растения, затем болеть люди, энергия ослабевала, истончался защитный барьер...

Обычно источники располагали по верху стены — так чтобы купол генерировался лишь над селением, защищая открытое пространство под небом. Эти же источники могли перенаправлять энергию в лучи, служащие оружием. Не смертоносным оружием, конечно, но всё же способным отпугнуть тварей.

А здесь? Испугались подступающей аномалии? Хотя, будь такая возможность, Сташ бы посоветовал опустить купол к самой земле и даже пропустить энергию ниже — создать защитный барьер под землёй. Пока перерождается лишь верхний слой почвы, но корни пней погружены глубоко вниз, а именно по ним ползёт непонятная зараза, отбрасывающая густые чёрные тени в форме продолговатых капель. В них не было привычной красноты оттенков крови, присущей перерождению, они уходили в другие тональности — угольный мрак, отблеск мертвенной синевы, похожей на тлеющие угольки неестественного сумеречного света.

Сташ качнул головой. Что это? Что он видит? И почему он это видит?..

С северной стороны леса уже не было, здесь открывались взгляду широкие пустые поля, поросшие жёсткой, похожей на сено травой. Земля казалась вскопанной и чернела свежими, вывернутыми наружу пластами. Такой она оставалась уже не одно столетие. Даже трава — это лишь видимость, она не растёт и не погибает. Она просто есть.

Это место называли Пустошь серых снегов — в конце осени на землю ложился густой снежный покров, настоящие сугробы, а к середине зимы они проседали, словно таяли, хотя стояла минусовая температура, сквозь них начинала проглядывать земля. Покров приобретал грязно-серый цвет и оставался таким почти до лета. Снег очень долго не желал покидать Пустошь.

Нет, здесь было не опасно, по Пустоше можно ездить, только дорог не существует — следы не отпечатываются на застывшей почве. На другой стороне встают невысокие, с пологими склонами горы, а прямо за ними расположен большой город — Табиран.

Но сейчас путь Братства вёл по краю спящей земли и вновь сворачивал в лес, нужно лишь объехать это селение, вставшее на границе безжизненной полосы и дремучей чащи Вартиха. Заезжать не обязательно, но Берущие взяли себе за правило не пропускать встречающиеся на пути места обитания людей — приглядывать и очищать от заразы, если это требовалось.

Поэтому их группа и остановилась перед высокими, окованными металлом воротами. Прямо по створкам струились интенсивные потоки защитной энергии, генерирующиеся отдельно от купола — двойная защита. Предлесное просто кричало, что к чему-то готовится.

Каждый раз, оказываясь на краю пустоши, Сташ подолгу всматривался в землю. Эти застывшие комья казались до невозможности полными жизни. Перед взором вставала яркая картина тянущихся к солнцу ростков — бледно-зелёных, наполненных соком, с просвечивающей кожицей и таких беззащитных. Он знал, что они там — прячутся в глубине окаменевших пластов, скрываются под засохшей коркой почвы и ждут. Ждут своего часа? Которого никогда не наступит. Они слишком слабые, чтобы разорвать застывший покров, чтобы пробиться сквозь слой окаменевшей породы... Иногда ему хотелось упасть на колени, вонзить в эту землю пальцы и неистово её разгребать — сдирать кожу, обогреть почву собственной кровью, но дать жизнь заснувшему царству серых снегов.

Это была мечта. Здесь слишком тоскливо для исполнения желаний. И мечты не сбываются. Ничего не поможет. Жизнь в этой земле есть, но она не хочет показываться на поверхности. Она спит. Он просто знал, что это так.

— Сташ! — голос Грома резанул по слуху, вырывая из оцепенения и заставляя оторвать взгляд от Пустоши. — Посмотри на меня.

Он повернулся, перед взглядом продолжали прыгать чёрные пятна земли, словно с Пустошью установился неразрывный контакт.

— Надень капюшон, нечего людей пугать, — жёстко проговорил Старший. — У тебя глаза выглядят как в бою.

Сташ молча повиновался, широкий капюшон куртки скрыл половину лица. Глаза? Он потёр лицо рукой, закрыл веки, пытаясь отогнать кружащее мельтешение черноты. Что с ним происходит? Он вновь оглянулся на Пустошь, почти не воспринимая, как Гром разговаривает с охраной Предлесного. Пятна сложились в яркие тени и густым туманом

вдруг потянулись над вспаханной землёй — в никуда.

— Сташ? Нужно ехать.

Он вздрогнул, повернулся и увидел, что ворота открыты. Братья ждали только его.

Ждали? Настороженные, полные тревоги взгляды не отрываясь отслеживали каждое движение, как будто он был дичью... Показалось? Сташ постарался отмахнуться от этого впечатления. Они Братство — его семья, единственные близкие ему люди...

Посланный вперёд конь нервно всхрапнул и зашагал к воротам, Сташ провёл рукой по шкуре животного и почувствовал под ладонью мелкую дрожь. Он нахмурился, обычно животные воспринимали так перерождённых. Он уже не один раз замечал, что конь начинает нервничать, когда рядом находится кто-то повыше разряда беса.

Он выехал в Предлесное вслед за братьями. За спиной сразу закрылись тяжёлые створки ворот, стражники быстро задвинули пять засовов, да ещё и накинули огромные крючки, поднимаемые и опускаемые лебёдками. Потом с лязгом опустилась металлическая решётка.

Гром придержал коня, обернулся.

— Всё как обычно, — произнёс он. — Сташ, Медо на вас объезд периметра. Мы с Ларко пока с главой пообщаемся.

Их четвёрка двинулась вперёд по широкой, мощённой камнем улице. По краям стояли добротные, деревянные дома, по большей части двухэтажные, но встречались и более большие строения — в три и четыре этажа, по местным меркам почти дворцы. В Предлестном их Братство бывало довольно часто. Это селение располагалось на пересечение многих путей. Для караванов очень удобное место, чтобы остановиться. Здесь и передохнуть можно, если приехал через Пустошь, и после дороги вдоль леса можно дух перевести — переждать, если вдруг твари преследовали, да и с другой стороны был подъезд — по берегу широкой реки Несты, чьи воды перекатывались бурным потоком с запада от стены Предлесного. А вот из самого леса могли приехать только Берущие.

Жители не спеша освобождали им дорогу, во всех движениях сквозили спокойствие и уверенность. Братство здесь воспринимали, как нечто обыденное, а это было хорошим признаком. Значит им нечего бояться. Косились, конечно, с неприязнью, но без страха и привычной недоброжелательности. В других местах обычным восприятием людей был ужас, перемешанный с недовольством и заискиванием. Странное сочетание, но именно такая аура чувств навязчивой волной окружала их четвёрку — почти во всех селениях, но не здесь. В Предлестном люди были уверены в своей безопасности.

Стах с некоторым облегчением выдохнул, пусть снаружи и подступала непонятная зараза, но за стеной угрозы не чувствовалось. Энергетика оставалась спокойной, и купол подпитывался только от определённых, видимо довольно сильных источников, а не от самого селения, как он сначала предположил. Значит, Предлесное вполне способно обеспечивать себя такой защитой. Это радовало. Чем бы эти источники небыли — это не важно, главное они не имеют перерождающуюся структуру.

Они все вместе доехали до постоянного двора, огороженного металлическими листами забора. Гром решил, что они могут здесь ненадолго остановиться — по крайней мере поесть нормальной еды. Берущие почти никогда не задерживались в селениях больше чем на несколько часов. Для них это являлось неприемлемым, монстры должны оставаться за периметром поселений, а Берущие были именно монстрами, хоть и не переродившими до конца. Именно таковыми их считали люди. И по сути это было правдой. Они носители сущности перерождённых, мутанты, по непонятной прихоти природы остающиеся в образе

людей. До определённого момента. Но когда наступит этот момент — никто не знал, а значит, именно в этом и заключена главная опасность.

Сташ и Медо придержали коней перед воротами, у них сейчас другая задача — проехать по селению и собрать как можно больше информации о жителях — проверить нет ли среди них заражённых. Если получится. Обычно получалось, за это был ответственен Сташ.

Гром смерил их угрюмым взглядом и с трудом сдержался, чтобы не отправить Медо одного или наоборот не двинуться на объезд всем вместе. Сташ выглядел странно, последнее время из его глаз почти не исчезала эта жуткая, пугающая чернота, словно он всё время находится в напряжении и готов вступить в бой. Выходило, что он не отключается от этого состояния, сдерживается, не переступает грань, но в любой момент может сорваться...

— Мы не одни, — голос Сташа заставил вздрогнуть. Причём вздрогнули все трое.

— Что?

Глаз парня было не видно, но он всем корпусом развернулся к зданию таверны и замер, конь под ним нервно всхрапывал, бил копытом.

— Здесь Братство Декона, — пояснил Сташ.

— Именно Декона? — удивился Гром. Определить присутствие других Берущих не видя их Сташ мог всегда, но чтобы вот так запросто сказать, кто именно находится за глухими бревенчатыми стенами — это было чем-то новым.

— Да, — парень пожал плечами, похоже, что он не считал это чем-то особенным. — Думаю, это именно Декон с братьями. Я запомнил их тени.

— Хм, ладно, — Гром скрипнул зубами и заметил, как нервно переглянулись Медо и Ларко, а потом уставились уже на него. Встреча с другими братьями означала, что им придётся объясняться по поводу Сташа. А это могло закончиться большими неприятностями. Сташ на той стадии, когда любой Берущий без промедления вонзит свой меч ему в спину. Гром коротко кивнул. — Отправляйтесь на объезд.

Он проследил, как Сташ первым развернул своего коня и шагом двинулся по улице. Медо вытащил из ножен меч, положил его перед собой поперёк седла и только после этого поехал вслед за парнем.

— И что дальше? — поинтересовался Ларко. — Их ведь семеро, насколько я помню. Не думаешь, что мы зря сюда заехали?

— Договоримся, Декон мужик понимающий, хорошо ещё, что это именно он, а не кто-то другой.

Ларко поморщился.

— Ты же не считаешь, что они все в таверне сидят, наверняка кто-то селение осматривает, — он кивнул на удаляющихся братьев. — Как бы не приключилось чего-нибудь.

— Справятся, — отрезал Гром. — Медо не будет подставляться, а Сташ... он хороший боец...

— Вот именно, — покачал головой Ларко. — С ним будет трудно справиться если что.

— Нужно поговорить с Деконем, — решил Гром. — Пусть своих отзовёт, пока мы здесь.

Ларко окинул взглядом просторный полупустой зал и направился к стойке. Из местных здесь находились всего три человека, да и те сгрудились за столом у самой двери, словно в любой момент готовились рвануть на выход. Да ещё хозяин таверны нервно переминался за стойкой, это был высокий, грузный мужик в возрасте, но чувствовалось, что ему сильно не по себе.

Подошедший Ларко не улучшил его настроения. Он с первого взгляда определил, кем именно является этот парень, выглядевший почти ребёнком. Плавные, уверенные движения, одет в удобную одежду охотника — куртка с капюшоном, плотные, облегающие штаны и высокие сапоги. А над плечом выглядывает рукоять меча. Да, охотники одеваются очень похоже, но их рукава не серебрятся по локоть металлическими пластинами нашивок, испещрённых глубокими царапинами от когтей и зубов, и оружие они не носят за спиной. Те, кто добывает дичь, не подпускают свою добычу так близко. Их оружие арбалеты.

Впрочем, у дальней стены уже расположилась компания таких же «охотников», одним своим появлением распугав почти всех посетителей. Но этот парень не пошёл в их сторону, он зачем-то направился к бару, а вот его спутник сразу шагнул в направлении Берущих.

Декон пристально следил за приближающимся Громом, он невольно отметил его напряжённую походку, его взгляд, несколько раз пробежавшийся по залу, и сам подобрался. Да ещё парень из его Братства почему-то остался у стойки, а не подошёл вместе со Старшим. Впрочем, он знал, что это значит, ему уже доложили, в компании с кем путешествуют Медо, Ларко и Гром. Но начинать бой в Предлесном он не собирался, разбираться будут за стенами селения. Да и боя как такового быть не должно, Гром должен закончить всё сам и не вмешивать других. Это тяжкая обязанность Старшего...

Декон смерил Грома угрюмым взглядом и молча кивнул на стул по другую сторону стола. Гром медленно сел, положил руки перед собой и криво усмехнулся.

— Разговор есть.

— Вижу, — Декон повёл могучими плечами, он весь состоял из мышц. Его лицо было покрыто множеством шрамов, но всё равно казалось красивым, как у хищника, не скрывающего свою смертоносную сущность. — Говори.

— Давай пообщаемся с глазу на глаз, — предложил Гром.

Декон расслабленно откинулся на спинку стула и кивнул своим братьям, кроме него за столом находились ещё трое из его Братства. Те молча встали и присоединились к Ларко, введя в окончательный ступор хозяина таверны.

— Что ж, о чём будет речь? — поинтересовался Декон.

— Ты знаешь о чём, мне нужно время, — Гром тяжело вздохнул.

— И что? — Декон хмуро посмотрел ему в глаза. — Долго ещё будешь тянуть?

— Он держится. Держится! Понимаешь? — Берущий стукнул кулаком по столу.

— Он уже при нашей прошлой встрече был на грани, а сейчас... Да ты же сам всё знаешь. Не впервой. Согласен, со своим тяжело. А хочешь я это сделаю?

— Нет, не нужно мне одолжений. Придёт время, и я сам закончу его путь.

— Гром, — Декон нахмурился. — О чём ты говоришь? Его время не просто пришло, оно давно закончилось. И что ты так цепляешься за этого парня? Мы не можем ничего изменить. И все это знают. Он тоже.

— Да, — голос Грома прозвучал очень глухо. — Мы начинаем видеть подступающую грань других, когда становится слишком поздно. А он видит с самого начала. Всех, кроме себя.

— Что?! — Декон вздрогнул. — Он видит Их тени?

Гром кивнул.

— Хочешь, Сташ скажет, сколько тебе осталось?

Декон даже отодвинулся, мотнул головой.

— А ты сам-то спрашивал про себя?

- Нет, никто о таком не спрашивает, — Гром усмехнулся. — А он видит. Но... молчит. Про нас молчит, зато мы всегда знаем о других перерождённых.

— Ясно, действительно жаль парня. Я же не знал, что он у тебя такой особенный. Может и протянет ещё сколько-то. Знать бы его уровень, по-разному же бывает. Я слышал, что можно зависнуть на определённой точке и какое-то время не двигаться с перерождением. Он боец у тебя хороший? Давай проверим. Всего-то и надо что ранить, а дальше меч покажет.

— Что покажет? Скорее всего, его уровень уже зашкаливает. Нет в этом смысла, — Гром криво усмехнулся. — Но мы ведь братья, мы всегда рядом. И останемся рядом до конца.

— Ладно, я своих тоже приструню, пусть не цепляются к парню. Это только ваше дело, — кивнул Декон.

— Наше. Нам тут случай один подвернулся, на Поляну сейчас едем. Так что, скорее всего, мне и не придётся ничего делать. Его заберёт Тот кто знает.

— Жаль, — вновь проговорил Декон. — Твой Сташ уником. Я бы и сам медлил.

— Да некуда уже медлить, — горько проговорил Гром. — Действительно некуда. Но пусть это произойдёт на Поляне.

Жители Предлестного хоть и без страха, но спешили сразу исчезнуть с пути двух всадников, как только их видели. Сташ провожал взглядом каждую промелькнувшую фигуру, потом внимательно озирался по сторонам, вглядывался в стены домов, в их окна, двери. Здания тоже имеют свою индивидуальную ауру в зависимости от того, кто в них живёт. Серая пелена теней проступает прямо сквозь материал, из которого они сделаны и иногда, даже, если они не имеют признаков перерождения, можно заметить, что в этом доме не всё спокойно.

Как раз сейчас они огибали высокое трёхэтажное здание — светло-зелёное, с двумя балкончиками на втором этаже. В одном из окон промелькнула женская фигура, Сташ даже успел разглядеть любопытные глаза на молодом симпатичном личике. Всколыхнувшаяся штора встала на место, плотно закрыв окно, но между тяжёлых портьер осталась довольно широкая щель. Он невольно улыбнулся.

От этого дома тянулись почти бесцветные тени — чистые, не замутнённые болью и тоской, что было очень необычным для их мира. Здесь живут уверенные в себе люди, не переживающие за собственную безопасность. И такой дом был не первым из встреченных в Предлестном. Сташ невольно порадовался за это селение.

А вот следующий дом не имел такой чистой ауры. Выходящее на улицу углом здание напоминало маленькую крепость — тёмно-серые стены очень массивные, толстые, а маленькие окна похожи на бойницы. Нет, здесь тоже не наблюдалось перерождения, но густой, угольно-чёрный мрак, ползущий от подвала к крыше, расчерчивал стены полосами грозных облаков, которыми почти всё время затянуто небо их мира. Как отражение уже произошедшей беды.

Сташ лишь поморщился, для Берущих это не должно иметь значения, просто в этом доме живут те, чьи поступки больше наполнены мглой...

Улица свернула на не большую площадь, заставленную деревянными столами. Людей здесь не было, аккуратно разложенный товар без присмотра располагался на самодельных прилавках. Свёртки с разноцветной тканью, глиняная посуда, столовые приборы и даже оружие соседствовали с зерном и потрошёной дичью. Были здесь и овощи, и готовая еда —

пирожки и стопки румяных блинов. Небольшая ярмарка, на которую были принесены лучшие припасы, чтобы и других порадовать и самому иметь возможность заработать...

Берушие натянули поводья и переглянулись. Причина отсутствия местных жителей обнаружилась почти сразу. Из ближайшего двора появились две фигуры и между прилавками уверенно двинулись в их сторону.

Бывалые, очень опытные воины — высокие, крепкие, за плечом каждого виднеется рукоять меча. Сташ спокойно наблюдал, как впереди них бегут их тени — чернота, перемешанная с багровыми всполохами. Такими были тени всех Берущих — неровные, пронизанные кровавыми тонами, глубокие и призрачно-лёгкие одновременно. Тени палачей, не чувствующих свою страшную сущность.

Он на мгновение опустил голову, зажмурился, услышал рядом стук копыт. Медо тронул коня с места и поставил его так, что загородил собой Сташа. В его руке поблёскивал обнажённый меч.

— Братья, — произнёс он зычным голосом. — Приветствуем вас.

Сташ удивлённо наблюдал, как знакомые Берущие из отряда Декона криво усмехнулись и потянулись за своим оружием.

— Уйди с дороги, брат, — хрипло произнёс Васик — гибкий, черноволосый парень с очень холодными серыми глазами. — Не мешай.

— Вы ошибаетесь, — Медо покачал головой, быстро оглянувшись на Сташа и поймал рукой повод его коня. — Вам нужно поговорить с Громом.

— Да неужели? — меч Васику сверкающим росчерком вспорол воздух, покидая ножны, и оказался в его руке. — Ты уверен, что поступаешь мудро, брат?

— Уверен, а ты? Здесь люди. Мы не в лесу, Васик.

— Он прав, — проговорил второй Берущий, более старший, с суровым, грубым лицом. — Мы не в лесу.

Сташ молча слушал их разговор, в голове почему-то звенело, слова пролетали мимо ушей и влетали в многоголосый гул Предлесного. Как будто это происходило не сейчас и не с ним. Пальцы Медо вдруг впились в его запястье, с силой сдавили, заставляя остановиться на пути к рукояти меча. Что происходит?

На площади вдруг появился всадник, резко натянул поводья и соскочил с коня. Он бегом кинулся к Берущим Декона, что-то быстро им зашептал и потянул за собой. Те недовольно переглянулись, но пошли вслед за братом.

— Медо? И что это было? — Сташ резко вырвал свою руку из его пальцев. Тот вздрогнул и неопределённо пожал плечами.

— Едем отсюда, не нравится мне здесь, какие-то они нервные.

— Нервные? Я чего-то не знаю?

Медо широко улыбнулся и хлопнул Сташа по плечу.

— Ты же у нас специалист по неприятностям. Вот и скажи, что здесь происходит.

Тот хмуро усмехнулся.

— Ничего, всё спокойно, — проговорил он насторожено.

— Вот и я о том же — всё нормально, Сташ. Давай, нам нужно закончить объезд, ещё половина Предлесного впереди.

Медо вновь улыбнулся, он не видел глаз Сташа, но то, как тот криво усмехается, ему очень не нравилось.

Стражники поплотнее запахнули плащи, ледяной ветер насквозь продувал одежду. Не широкая полоска лугов, отделяющая город от леса, была ещё светлой, но от деревьев уже надвигалось облако чёрного песка. По небу слишком быстро летели тяжёлые низкие тучи, сквозь завывание ветра, слышались дикие голоса нелюдей.

Дежурство у ворот считалось самым опасным и хотя надёжные стены города находились совсем рядом, но к сердцу всё равно подкатывали панические волны страха, а руки судорожно сжимали оружие. Бесплезное оружие.

— Что это там? — один из стражников кивнул на дорогу, узкой, утрамбованной полосой тянущуюся по краю леса к городу.

— Уж точно не к добру, — проговорил другой.

Остальные невольно усмехнулись, лес ещё никогда и ничего не давал доброго. Ветер неожиданно бросил им в лица песок. Они запоздало закрылись плащами, а когда вновь посмотрели на дорогу, увидели у кромки леса фигуры людей. Ветер бил им в спины, почти сбивал с ног, но шли быстро, можно было разглядеть, что несут носилки, чуть позади пеших держался всадник на светло-сером коне.

Когда подошли ближе, стражники увидели, что это девушки. У всех было оружие, да и одеты как воительницы — в штаны и удобные облегающие куртки. Отличалась только всадница, с неприязнью смотревшая как на стражников, так и на спутниц. У ворот им преградили дорогу, маленький отряд остановился, вперёд выступила золотоволосая красавица. Стражники с удовольствием её рассматривали, ощупывали взглядами стройную фигуру.

— Почему закрыты ворота, ещё ведь даже не вечер? — спросила воительница.

Один из стражников хмуро улыбнулся.

— На сегодня вход в город запрещён, колдуну не понравилась погодка, — пояснил он. — Так что придётся вам подождать до утра.

— До утра?! — воскликнула девушка. — За воротами? Но это то же самое, что совершить самоубийство, нам нужно в город, у нас раненая.

— Ничем не могу помочь тебе, лапушка, таков приказ, а мы не нарушаем приказов. Но можете скоротать ночку в нашей сторожке, а мы будем к вам наведываться по одному, — стражники нагло заулыбались. — Это на много безопасней чем здесь на дороге.

Лицо девушки исказилось от гнева.

— Да как вы смеете, почти весь наш отряд только что разорвали гримтоны, мы единственные кто выжил, нам нужно в город!

— Вы выжили? — поражённо переспросил тот же стражник, было похоже, что он здесь за старшего. — Гримтоны не оставляют живую добычу. Никогда!

— Нам повезло, — отрезала золотоволосая и почему-то посмотрела на всадницу. — Нас ждут в городе, вы должны нас впустить.

— Мы ничего вам не должны, — руки стражников опустились на рукояти мечей, слишком странным было то, что девушки вырвались из лап гримтонов. Да ещё эта туча песка, клубящейся завесой закрывающая почти весь обзор. Не зря ведь колдуны решили запретить въезд в город. — Лучше отправляйтесь туда, откуда пришли.

— Люди, — насмешливо произнесла всадница, потом посмотрела на девушек. — Что ж,

вы просили проводить вас до города, я это сделала, только, похоже, что это вас тоже не спасёт.

Ветс с отчаяньем глянула на стражников, девушки уже падают от усталости, у Ланы начался жар, но здесь им не пройти. Всё бесполезно...

Они слышали голос, очень тихий голос, шепчущий на ухо каждого пока ещё не разборчивые слова. Клубящийся песок сплошной завесой вдруг оказался со всех сторон, небо словно опустилось ниже, а тучи упали на их головы, стало темно и холодно.

— Это он!.. — с паникой выкрикнул один из стражников.

— А-а-а-а...

— Он пришёл за вами, это вы его привели...теперь мы все погибнем, будьте вы прокляты!

Ветс съёжилась, сердце сдавила ледяная тоска, увидела, как падают на колени девушки, стражники пытаются выхватить мечи, но руки их не слушаются. Она сама потянулась к мечу, но даже не смогла приподнять руку.

Навязчивый, шепчущий голос стал громче, врвался через уши в мозг, жуткими волнами страха бежал по телу, убивая всё человеческое и оставляя пустоту. Они ещё боролись, когда небо вдруг стало багровым, чёрные тучи разошлись и с высоты глянули кроваво-красные нечеловеческие глаза.

— Покоритесь мне, — отчётливо произнёс ледяной голос. — У вас нет другой дороги, теперь вы только мои. Я ваш хозяин, идите ко мне.

— Нет, — выкрикнула Ветс.

— Нет, — она застонала, до крови прикусила губу, чтобы хоть как-то снять оцепенение. Голос был слишком близко, манил, приказывал идти за ним, идти на другую сторону жизни, туда, где нет ничего кроме зла и желания служить этому злу. Голос превращал в раба, в послушную игрушку того кого называли Канор-Веди, превращал в нечеловека, в нежить.

— А в тебе есть сила, — слова донеслись до слуха Ветс как сквозь огромное расстояние, хотя она видела белого коня и всадницу совсем рядом. Насмешливый голос сразу отрезвил, в голове прояснилось. Ветс с трудом подняла взгляд на небо, багровые глаза полыхали яростью, но уже не оказывали такого гипнотического действия, она посмотрела на всадницу и взмолилась.

- Помоги нам, пожалуйста, — ей показалось, что глаза незнакомки полыхнули зелёными и такими же нечеловеческими, как и в небе огнями, но думать об этом не хотелось. Главное Ветс чувствовала, что во власти всадницы их спасти, даже Канор-Веди ей не помеха.

— Помоги нам...

Со всех сторон давила чужая мощь, пыталась влезть в мозг, захватить контроль над сознанием, подчинить себе. Она со спокойствием впустила эту силу и почувствовала, как холодная энергия тонкими прочными нитями проникает в её тело, дотрагивается до сердца....

Она ощутила, как чужеродный разум содрогнулся, начал отдаляться, но не смог прервать контакт. Она не позволила. Почти без усилий сжала нити энергии, всё ещё находящиеся в её теле, в один пучок, сдавила, впитывая энергию в себя. Энерговампир извивался на другом конце силового потока, отнимавшего его силу, его жизнь. И дело было вовсе не в людях, просивших её о помощи, она убивала его потому, что он узнал о ней

правду, а время для правды ещё не наступило.

Ветс словно в тумане видела, как глаза Канор-Веди сначала стали почти чёрными, потом совсем потухли, превратились в безжизненные угли и начали медленно растворяться в синеве неба.

Синее небо! В последний раз она видела синее небо, когда была совсем ребёнком, а в безоблачную ночь на чёрном куполе небосвода сверкала золотистая россыпь звёзд. Как же давно это было, как же давно перед взглядом не открывалось чистое безоблачное небо. И вот оно вновь над ней. Это сон? Она бредит или это влияние Канор-Веди?

Кто-то подхватил её под руку, помог встать на ноги, она с трудом повернула голову и встретилась взглядом с зелёными глазами. Незнакомка слезла с коня и стояла рядом, к ней она не прикасалась, но между тем Ветс чувствовала, что её что-то поддерживает, ноги её почти не слушались.

Всадница перевела взгляд на остальных девушек, они судорожно вздрогнули, но начали вставать, двое подхватили носилки и медленно побрели к воротам. Ветс что-то подтолкнуло, и она двинулась вместе со всеми, её взгляд скользил по неподвижным телам стражников, натыкаясь на их застывшие лица, пустые, стеклянные глаза и вновь обращался к такому невероятному синему небу.

Щёлкнули запоры, ворота со скрипом разошлись в стороны, пропуская их группу. Ветс даже не пыталась обернуться, лишь слышала топот копыт у себя за спиной, значит, знакомка последовала за ними.

Город дохнул недоверием, отрешённостью, злобой? Ветс попробовала скинуть оцепенение, её всё ещё вели. Лица людей проплывали мутными тенями, она лишь догадывалась, что их окружает толпа. Голоса прорывались сквозь плотную пелену тумана полузабытья и неразборчивым гулом проносились мимо. Она не сопротивлялась, сейчас ей всё было безразлично, хотелось опуститься на дорогу, пусть даже на холодный камень и заснуть.

— Кто вы? — ответа требовал дородный усатый мужчина с объёмным брюшком, видневшимся в распахнутой рубахе. Вместе с ним в просторном холле гостиницы топтались четверо стражников, ещё пятеро остались на улице. В проёмах двери то и дело появлялись любопытные лица прислуги.

— А вы?

Мужчина шумно запыхтел, щёки налились краснотой.

— Здесь я задаю вопросы! — взвизгнул он неожиданно тонким голосом.

Она с безразличием пожала плечами.

— Воительницы из отряда Крады.

— Как твоё имя?

— Разве это имеет какое-то значение?

Усатый возмущённо фыркнул и заорал.

— Отвечай на вопросы!

— Я не глухая, не напрягайся так.

— Я спросил как твоё имя? — это уже было похоже на рычание.

— Лиа.

Мужчина чуть перевёл дух, разговаривать с этой девчонкой было как-то трудно, а ещё

более трудным оказалось смотреть в большие зелёные глаза. В них одновременно таились и лёд и пламень, сверкал холод смерти и горел огонь жизни, смотреть в эти глаза было просто жутко. Но он не привык уступать ни перед кем, особенно перед этими воительницами, возомнившими о себе невесть что. Молоденькие девчонки, взявшие в руки практически бесполезное оружие, и пытающиеся доказать, что они могут что-то большее, чем отряды солдат. Они гибли в лесах сотнями, скоро дойдёт до того, что женское население практически исчезнет.

Он криво усмехнулся. Из этой шестёрки выживших сейчас он мог поговорить только с одной девчонкой, остальные почти сразу потеряли сознание, как только вошли в город. Их разместили в этой гостинице — ближайшей к воротам. А раненую отправили в цитадель колдунов — пусть они разбираются, осматривающий её лекарь обнаружил на теле девушки несколько укусов. Остальных тоже проверили, у золотоволосой оказались царапины и её тоже изолировали, четверо оставшихся были целы.

— Что ж, Лиа, значит ты из отряда Крады. Только вот что-то я как-то не разглядел самого вашего отряда, вас шестеро, вы случайно не заблудились?

Его насмешливый голос никак не отразился на эмоциях девушки, взгляд зелёных глаз остался всё таким же спокойным и совершенно безразличным.

— Остальные погибли.

— Понятно. Леса Вартиха совсем не для прогулок, теперь я даже удивлён, что вы шестеро выжили. Кто на вас напал?

— Лесные бесы, — её голос даже не дрогнул, по лицу не возможно было сказать мучает ли её кошмар воспоминаний, Барку — начальнику стражи показалось, что в этой девушке умерли все чувства.

— Неужели отряд знаменитой Крады не справился с лесными бесами?

— Там ещё были кровлиги, — она добавила это как какой-то незначительный факт. Она говорила то, что должна была сказать. Это были те крупинки знаний, что она получила от девушек во время дороги.

Лесные бесы являлись первой стадией перерождения людей в монстров, их ещё можно убить. Кровлигами становятся, когда выпьют достаточное количество крови, эти почти не уязвимы, но всё же серебряный меч разрубит любого кровлига. Самые опасные grimтоны, единственными, кому под силу их убить, были Берущие — Братство.

— Понятно, — Барку не нравилось спокойствие девушки, такие как она, потерявшие страх перед смертью, обычно умирают первыми, но эта почему-то была жива.

— Что произошло за воротами?

Девушка пожала плечами.

— Не знаю.

— Как это? — Барк нахмурился, невольно вспомнил, как загорелся энергоэкран, за пределами города происходило что-то очень серьёзное. Энергоэкран вибрировал, прогибался внутрь, давил на защитную сферу, грозя её разрушить, а потом это всё-таки произошло. Защитная сфера вспыхнула и погасла, затем от чудовищного удара распахнулись ворота в город...

— Что там произошло, что ты видела?!

...На дороге лежали трупы стражников, было слишком спокойно, слишком мирно, пространство за пределами города словно замерло в ожидании чего-то. Там был другой мир, другая реальность, это ощутил даже Барк, хотя не являлся колдуном. Появившиеся в воротах

девушки разрушили наваждение, и два мира соединились в один.

— Ничего. Что бы там не произошло, это случилось до того как мы подошли к воротам, мы ничего не видели.

Барк засопел, в это что-то не верилось, но возможно это правда, иначе им было не выжить. Он внимательно посмотрел на девушку, в зелёных глазах горело любопытство, она наблюдала за ним, словно заглядывала в самую душу, читала его чувства. Барк не выдержал и отвёл взгляд, вдруг поняв, что чтобы он не сделал, чтобы не сказал, ей это будет совершенно безразлично.

— Ладно, пока отдыхай, потом мы ещё поговорим, — ему вдруг очень захотелось встретиться с колдуном, Карот уже должен был разобраться в произошедшем. До сих пор защитная сфера выдерживала удары даже Канор-Веди, но если появилось нечто способное её разрушить, то человечество ожидает гибель.

Девушка чуть склонила голову, что видимо должно было означать кивок. Под её внимательным взглядом Барк повернулся и пошёл к выходу, невольно чувствуя, как по спине ползёт колючий холодок страха.

Этот человек явно что-то почувствовал, но здесь все люди были с отклонениями в ту или иную сторону. Они живут в постоянном напряжении и нет ничего удивительного, что у них развились паро-нормальные способности. К тому же здесь присутствует фактор колдовства, что вообще выходит за грани естественного. Даже монстры более реальны, как результат мутации, чем способности людей к такой силе. Впрочем, саму силу она ощутила пока только в энергосфере, но эта сила была огромной. Слишком огромной. Но в тоже время она была единственной преградой, отделявшей человечество от вымирания.

Лиа отвернулась, а то Барк слишком напрягся, сразу послышался облегчённый вздох, и начальник стражи почти бегом вылетел на улицу. По её губам скользнула еле заметная улыбка, она подождала некоторое время и тоже вышла из гостиницы.

Город был очень старым, возможно построенным ещё в древности. Массивные каменные дома дышали далёким прошлым, камни словно срослись друг с другом, толстые мрачные стены нависали над узкими улицами, маленькие окошки находились очень высоко. Каждый дом представлял собой отдельную крепость.

Город был мрачным, но всё же в нём чувствовался дух его жителей, они были частью этого города, его неотделимой составляющей. Он был построен именно для того, чтобы защитить людей.

Она медленно шла между домами. Попадавшиеся навстречу люди были сильно возбуждены, в разговорах слышались фразы о разрушенной защитной сфере, в голосах звучал страх. Необъяснимое всегда нагоняет страх. Но её это не волновало.

Выбранная ей улица постепенно сужалась, дома стали ветхими и ещё более мрачными. У неё не было определённой цели, ей просто хотелось почувствовать атмосферу этого города, понять его сущность. Ничто так не отражает жизнь города как районы бедноты. У одного из домов собралась небольшая толпа народа, в нос ударил запах свежей крови, она чуть замедлила шаг, но не стала останавливаться. Люди тихо переговаривались, пятна крови пересекали улицу, тянулись к дверям дома, покрывали стену. Лиа отвернулась, прошла дальше, пытаясь не обращать внимания на жуткий холодок смерти, веявшей из распахнутых дверей, из разбитых окон, ставшего могилой дома.

Она свернула в первый же переулок, он вывел её на другую улицу, она невольно

остановилась. Почти у каждого дома над входом горел факел, двери отсутствовали, но больше всего здесь чувствовалось отсутствие жизни. Лиа сделала несколько шагов вперёд, зло усмехнулась и быстро пошла по улице.

В очередном переулке виднелась открытая калитка в большой полутёмный двор. Старая сгорбленная женщина привалилась к забору и вглядывалась в прохожих. Их было не много, мальчишка, прошмыгнувший у стены, не молодой мужик с испуганным лицом, тащивший на себе вязанку дров и эта девушка. Старуха хмыкнула беззубым ртом и, тяжело оттолкнувшись, вышла ей на встречу. Незнакомка была чужой в их районе, она свернула в переулок из улицы Огней, улицы в которую уже много дней не заходил ни один живой человек. Девушка уверенно шла вперёд, по сторонам не смотрела, поэтому старухе пришлось загородить ей дорогу.

— Ты что-нибудь ищешь, красавица? Старая Джена может тебе помочь.

Девушка глянула ей в лицо, она была очень молодой, но от зелёных глаз повеяло чем-то древним. Джена поёжилась и внутренне насторожилась.

— Я могу ответить на все твои вопросы, тебе лишь нужно войти в мой дом, и Джена поведаст тебе правду.

Девушка посмотрела на открытую калитку, старуха изо всех сил пыталась подчинить её волю и заставить идти в нужном направлении. Незнакомка улыбнулась и первой пошла к калитке. Джена быстро задвинула за ней засов и повернула в замке ключ, ещё не веря, что после стольких неудачных дней она вновь смогла получить добычу.

Старуха заковыляла к дому, девушка спокойно шла за ней. Джена быстро распахнула входную дверь, гостья перешагнула через порог и лишь тогда старая колдунья, наконец, почувствовала, что вместе с девушкой в её дом вошёл весь тот ужас, что скопился в их городе за много лет.

Джену затрясло. Гостья стояла посреди комнаты, смотрела прямо на неё, её растянутые в улыбке губы имели мертвенно-синий оттенок.

— Так, что ты можешь мне предложить?

Старуха попятилась, из под личины человека на неё смотрел кто-то совершенно другой.

— Я умею предсказывать будущее, — промямлила Джена. Это было условной фразой, которая обычно произносилась где-нибудь в середине разговора, когда колдунья визнавала о жертве почти всё и решала, что та уже готова быть обобранной, но сейчас ей хотелось покончить с этим сразу.

— Будущего не существует, — отрезала девушка и посмотрела в ту сторону, где прятались Гравт и Борм.

— Кто ты? — спросила женщина.

— Не знаешь?

Колдунья попыталась прийти в себя, она поняла, лишь то, что её чары на знакомку не действуют.

— Ты пришла в наш город издалека, — проговорила она первое пришедшее ей в голову. Девушка усмехнулась.

— Ты угадала. Расскажи мне о твоём городе и я покину твой дом.

В этой фразе прозвучало что-то жуткое, Джене стало очень не уютно, её помощники почему-то медлили, возможно решили выждать, предоставив ей самой общаться с гостьей.

— Наш город очень старый, — промямлила старуха. — Его стены тысячи лет защищали

людей от всех напастей, но те времена прошли, сейчас он умирает, и мы умираем вместе с ним.

— Да вы умираете, — согласилась девушка. — Вы слишком слабы чтобы жить.

Джена быстро вскинула голову, уставилась в зелёные глаза. От исходившего из них холода её вновь затрясло, но в душе поднялась неожиданная ярость.

— «Да что ты можешь знать!» — захотелось ей крикнуть. Она помнила те времена, когда ещё не было защитной сферы, когда горожане сами обороняли стены своего города, постепенно отступая под натиском нелюдей. Улицы и стены домов были багровыми от не засыхающей крови, повсюду, куда не помотришь, взгляд натыкался на куски разорванной плоти. От криков ярости и боли хотелось зажать уши и бежать, бежать... Но никто из них не побежал, никто не повернулся спиной к ненавистному врагу, они выстояли, выстояли, чтобы теперь умирать за стенами собственного города. У Джены сжалось сердце и она невольно опустила голову, незнакомка права, они слишком слабы чтобы жить.

— И всё же вы живёте, — произнесла девушка. — Не бежите, не поворачиваетесь спиной к опасности, вы выстояли тогда и пытаетесь выстоять сейчас, — её голос стал задумчивым.

Старуха судорожно вздохнула, осознавая, что незнакомка ответила на её мысли.

— Чего ты хочешь? Кто ты?

Девушка мягко улыбнулась, неожиданно превратившись в обыкновенного человека, губы приобрели алый цвет, по щекам разлился румянец, зелёные глаза сверкнули чистотой юности.

— Не думай об этом, — произнесла она и направилась к дверям.

— Зачем ты здесь? — выкрикнула Джена ей в спину.

Девушка не оборачиваясь покачала головой и вышла из дома. Старуха с каким-то отчаяньем стиснула кулаки, с уходом незнакомки в этой комнате словно погас огонёк жизни, стало очень тихо, очень пусто и холодно.

— Нет, — тихо прошептала Джена и без сил опустилась на пол. Она вдруг ощутила себя маленькой беспомощной девочкой, от отчаянья ей захотелось заплакать. — Ты не можешь быть нашей гибелью...

Декон очень внимательно присмотрелся к вошедшим Берущим. Первым в зал вдвинулся рыжеволосый здоровяк, окинул пространство настороженным взглядом серо-зелёных глаз и, заметив Грома, сразу направился в его сторону. На задумчивом лице появилось облегчение. Декон даже поморщился — этот парень показался слишком простым, все его чувства читались как открытая книга.

А вот второй вошедший заставил вздрогнуть, причём не его одного, в таверне собрались все Берущие из его команды. Декон заметил горькую усмешку Грома, потом тот отвернулся и так и сидел — сгорбившись, пока эти двою не подошли.

Молодой парень на вид был не старше двадцати, густые чёрные волосы собраны за спиной в хвост, бледное лицо с правильными чертами, красиво очерченные губы кривятся в непонятной усмешке, словно он что-то знает, но не может до конца осознать. И глаза, Декон ни у кого не видел таких глаз — угольно-чёрные, словно в них собрался весь самый густой мрак ночи. Радужки сливаются со зрачками и языками невиданного пламени выступают на белки, пляшут и клубятся туманом. Видимо парень и сам понимал, как именно выглядят его глаза и какое впечатление производят на окружающих, капюшон скинул только когда подошёл к столу и сразу зажмурился, глубоко вздохнул. Когда открыл глаза, в них уже не было такого мрака — они не перестали быть чёрными, но радужка больше не выходила за свои положенные очертания.

Декон невольно перевёл дух — хоть это нормализовалось, но аура парня продолжала производить пугающее впечатление. Все видели густую кроваво-красную тень, обступающую парня со всех сторон — последняя стадия перед перерождением.

— Всё в порядке? — глухо спросил Гром, когда Сташ опустился на стул рядом с ним.

— Да, — спокойно ответил тот, в его голосе прозвучало холодное безразличие. — Но нам не понравился один дом у стены.

Он никогда не говорил «мне» в присутствии посторонних, так было заведено в их Братстве — тайна способностей Сташа должна была оставаться тайной. Иначе парню грозило ещё большее неприятие и в тоже время повышенное внимание. Его бы задержали, прежде всего, правители городов, и он, скорее всего, уже не смог быть одним из Братства.

— Чем именно? — поинтересовался Старший.

— Очень странное сооружение, — пожал плечами Сташ. — Притулилось у внешней стены, словноросло в неё, я бы принял их за одно целое.

— И всё?

— Нет, — он криво усмехнулся. — Не всё. Тебе нужно посмотреть на этот дом.

Гром резко поднялся.

— Идёмте.

Декон кивнул своим и в результате к стене двинулись все вместе.

Заинтересовавший Сташа дом на первый взгляд казался самым обычным. Стоял немного особняком — здесь улица обрывалась, и другие дома на некотором удалении смотрели на него глухими задними дворами. Двухэтажный, но очень компактный, с узким фасадом, на котором помещались всего два закрытых ставнями окна. Стены сложены из обработанных камней — потемневших и местами испещрённых трещинками, было понятно, что дому уже довольно много лет.

Забора и своего двора здесь не имелось, поэтому Сташ и Медо сразу двинулись к тыльной стороне дома, но, как оказалось, её здесь просто не было. Каменная кладка доходила до самой защитной стены и плавно в неё вливалась. Но если приглядеться, то начинало казаться, что это не дом прикасается к внешнему рубежу селения, а именно стена странно выпячивается и начинает напоминать дом. Да и камни их слогающие были совершенно одинаковыми.

— Действительно странновато выглядит, — хмуро проговорил Декон. — Ну и что это?

Он оглянулся на Грома, тот молча рассматривал соединение стены с домом. Потом протянул руку и дотронулся до камней.

— Холодные, просто ледяные, — проговорил он.

— Я бы не советовал долго к ним прикасаться, — произнёс Сташ, и Гром сразу отдернул руку.

— Почему? — резко спросил Декон.

— Для здоровья вредно, — криво усмехнулся парень, а по его глазам вновь начала расползаться чернота. — Совсем.

— И здесь двери нет, — вступил в разговор Медо.

— Сколько раз здесь ездили, а никогда не обращали внимания на этот дом, — задумчиво почесал подбородок Декон.

— Его здесь и не было, — спокойно проговорил Сташ. — Мы тоже это селение не так давно проверяли.

— Да ну, — изумился кто-то из собратий. — Ты все дома что ли помнишь?

— Не все, но такие замечаю, — совершенно безразлично улыбнулся парень. Он вдруг отшагнул от дома и начал медленно его обходить пока не оказался перед окнами.

Гром и Декон двинулись за ним, но в проулке вдруг появилось новое действующее лицо.

— Что здесь происходит?! — осведомился властный голос. — Почему я ничего не знаю о том, что в Предлестном находится целая толпа Берущих?

— Это уже вопрос к твоим осведомителям, Таврий, — пожал плечами Гром и протянул руку главе селения — крепкому невысокому мужику непонятного возраста. Ему можно было дать и тридцать и пятьдесят лет — лицо без морщин, лоб пересекает глубокий шрам, да и каштановые волосы ещё не посеребрила седина, но между тем скользило в его движениях и взгляде нечто, что говорила об очень большом жизненном пути. Это читалось как открытая книга и многих даже пугало.

Таврий ответил рукопожатием.

— У нас здесь проблемы? — он нахмурился, разглядывая дом. — Что с ним не так?

— Да вот, дверь не можем найти, — хмуро улыбнулся Гром, наблюдая, как Сташ медленно, не отрывая взгляда от окон, пятится.

— Дверь?

Он почти не слышал голосов окружающих, в ушах завывал нарастающий гул — так воеет пламя, когда с всё увеличивающейся силой поглощает лакомую добычу. Перед взглядом и вправду колыхались нечёткие очертания языков огня, они со всех сторон облизывали стены дома и всполохами теней падали на землю. И двигались. Неспешно ползли в сторону людей, тянулись, почти дотрагивались до их ног... А внутри каменного сооружения набухал подрагивающий кокон.

Отступая Сташ кого-то толкнул, толкнул со всей силы, заставляя отлететь с пути видимой только ему тени. Послышались возмущённые крики, он, не оборачиваясь, выхватил

из ножен меч. Тут же почувствовал, как в спину упёрлись несколько клинков...

Голоса пролетали мимо, не давая понимая фразам — как ветер, несущий неразборчивый шелест листьев. Не обращая внимания на колющую кожу сталь, он опустил остриё меча вниз и воткнул в землю — в ближайший извивающийся отросток призрачного пламени и потянул энергию на себя. Дом неожиданно вздрогнул, вздрогнул всеми стенами, так что задвигались ходунгом в кладке камни, а сверху посыпались куски черепицы.

Берущие все разом отскочили. Гром отдёргнул замешкавшегося Таврия, а из раскрывшегося окна змеёй выметнулся толстый извивающийся прут и яростно хлестнул по дороге. В утрамбованной земле появился глубокий, с остатками какой-то зелёной субстанции след. Люди попятились, прут мгновенно развернулся на звук их шагов. Из покрытой чёрной корой древесины за несколько мгновений вытянулись гибкие отростки и шевелящимися змеями повернулись в сторону добычи. Теперь прут напоминал не хлыст, а подвижную сеть, которая продолжала расти в стороны.

— Это что такое? — шепнул Таврий.

— Тихо, — одёрнул его Гром. — Оно на звуки реагирует.

Древесная сеть целенаправленно повернулась в их сторону и сделала молниеносный бросок. Спутанная мешанина отростков с невероятной скоростью упала на группу людей. Гром успел отскочить и потянул за собой главу Предлестного. Стоящий за ними Берущий из отряда Декона среагировал немного медленнее — он успел отступить назад, даже выставил навстречу противнику меч, но тонкие отростки оплели его ногу и потянули к дому. Человек оказался опрокинут на землю, потом взлетел в воздух и повис вниз головой. Ненадолго. Сеть закружила, со всех сторон оплела добычу коконом и пульсирующей массой двинулась обратно к окну.

Криков не было, лишь глухой затухающий хрип, доносящийся из центра древесных отростков.

— Карий, — потрясённо выдохнул Декон.

Сташ стоял ближе всех к дому, в голове по-прежнему бушевал гул пламени, а перед взглядом кроваво-красные языки тени обхватили извивающееся тело и тянули из него жизненные соки — поглощали. Ноги сами сделали шаг вслед за монстром, багровый туман бушующим потоком сразу хлестнул по глазам, попытался ослепить. Сташ почти ничего не видя, интуитивно поднырнул под выскочивший навстречу шип и рубанул мечом у основания кокона. Клинок прорубил верхний слой коры и с чавкающим звуком погрузился в нечто густое и влажное. Дом вновь вздрогнул, на голову посыпались мелкие камешки вперемешку с пылью. Сташ завершил движение, уже с усилием повёл меч дальше — до конца разрубая древесный прут.

Рядом пронеслись быстрые всполохи, слух уловил топот ног, дом навис сумеречной тьмой и глянул прямо в лицо — зло, ненавидяще. Сташ выдохнул, отступил, в груди панически быстро билось сердце, руки подрагивали. Перед прояснившимся взглядом Медо и Декон пытались выдрать из раскрывшейся паутины отростков нечто окровавленное и трясущееся. Человеческое тело это напоминало лишь отдалённо — кожа разъедена, из груди выпирают обнажившиеся рёбра, лицо всё раздулось и покрыто лопающимися волдырями. И лишь неповреждённые и живые глаза бездумно смотрят куда-то в небо...

Распахнулась створка другого окна, наружу вырвался новый прут, сразу развернулся отростками в сеть и полетел к людям.

— Осторожно, — Сташ оттолкнул обоих Берущих. Спасаемого они не выпустили и

останки человека, оставив в коконе застрявшие ноги, полетели вслед за ними на землю. Парень присел, увернулся от броска паутины и в развороте несколько раз рубанул мечом.

Отрубленные части существа посыпались вниз извивающимися змеями. Древесный хлыст яростно хлестнул по ненавистному человеку. Сташ отпрыгнул, краем глаз заметил, как подбегают собраты и постарался двигаться ещё быстрее — не нужно им прикасаться к этой заразе. Даже оружием. Достаточно его одного.

Клинок несколько раз погрузился в вязку плоть, впитал энергетическую составляющую, втянул крупички сущности монстра... Ему показалось, что дом покачнулся, запрыгал перед взглядом, начал рассыпаться... А ноги подгибались, не желали держать странно слабеющее и одновременно продолжающее тянуть энергию тело. Чьи-то руки подхватили его подмышки и куда-то потащили. Он не сопротивлялся, лишь старался не отрывать взгляда от рушащихся стен, почему-то это представлялось сейчас самым важным...

Декон зло пнул камень, тот рассыпался у него под ногой. Он поёжился, стараясь унять бьющую его дрожь, обхватил себя руками. Чувство было странным, он впервые ощущал себя настолько беспомощным, что хотелось плакать. Минуту назад умер Карий и в данной ситуации это впервые вызвало облегчение. Чужая смерть вызвала облегчение...

От дома остались одни руины, там, где он соприкасался со стеной, темнело чёрное, словно от ожога пятно. В этом же месте сквозь камни проступала едко-зелёная субстанция и капля за каплей катилась вниз на улицу города. К счастью сама стена выглядела целой.

Взгляд то и дело обращался к застывшему неподалёку парню — Сташу. Тот накиннул на голову капюшон и теперь было невозможно разглядеть ни его глаз, ни лица. Зато тень, окутывавшая Берущего, стала ещё более густой, налилась алыми тонами и странно изгибалась — трепетала, напоминая колышущееся пламя. А перед взглядом до сих пор стоял завораживающий танец его клинка, люди так не двигаются, да и Берущие тоже. Обречённо. Сравнимо со скоростью самой смерти.

Декон зябко передёрнул плечами и подошёл к Грому.

— Он всегда так быстро двигался или это особенность появилась недавно?

— Всегда, — сквозь зубы проговорил Гром. — Я же говорю — он не изменился. Почти.

— И в чём выражается это почти?

— После каких либо действий он стал замирать на месте, застывать. Вот как сейчас.

— Ладно, — вздохнул Декон и кивнул на стену. — А с этим что? Что это вообще такое было?

Гром пожал плечами.

— Мне кажется, Сташ должен знать, — он решительно направился к парню. — Можешь объяснить, что здесь произошло?

Тот медленно поднял голову, из под капюшона были видны только подбородок и губы.

— Корни, — его голос прозвучал хрипло.

— Что? — переспросил Декон.

— Корни погибших деревьев, — он вытянул руку в сторону Стены. — В Вартихе своя жизнь, когда-то здесь проходила Полоса, не знаю, как она выражалась, но она здесь была. Предлесное выстроено почти в её центре, местным умельцам удалось обуздать её силу и собрать в источники, но за пределы селения их власть не распространяется. Силёнок не хватает. Но колдуны здесь жили могущественные, раз смогли справиться с такой задачей.

Сташ замолчал.

— И что? — напряжённо спросил Гром. — Сейчас с защитным куполом что-то не так?

— Его создатели умерли, — пожал плечами парень. — Источники начали меняться.

— И?

— Это всё, — отрезал Сташ, его губы изогнулись в злой усмешке. — Я не всевидящий.

— Эй, эй, — к ним подскочил Таврий. — Кто-нибудь мне что-нибудь объяснит? Что за зараза такая и что с ней делать? Ведь сквозь камни лезет!

— Энергетический барьер усиль, — жёстко произнёс Сташ. — И опусти ниже — в землю.

Он резко развернулся и пошёл прочь.

— Э-э, — Таврий недоумённо развёл руками. — Это что? Он мне указания дал?

— Это был совет, — хлопнул его по плечу Гром и двинулся вслед за Сташем.

Он злился сам на себя, не просто злился, а с трудом сдерживал ярость. Зачем было вмешиваться? Зачем что-то объяснять? Ответы на ум приходили вполне очевидные — ради безопасности людей. Это единственная задача Братства. Только как избавиться от осознания, что ты не один из этих людей... Уже давно.

Да, возможно он замечает больше, чем другие, но объяснений не существует, есть очевидная трагедия, а то, что он увидел первым, может увидеть любой другой. Нужно лишь сопоставить факты и раскрыть глаза шире, здесь нет никакого колдовства — простые наблюдения. Поговорить с прохожими — они вынуждены отвечать Братству, осмотреться вокруг, заметить, что внешняя стена выпячивается и превращается в привычные людям сооружения не только в этом месте... Не быть слепцом.

Он горько усмехнулся и поздравил себя с похвальным желанием прозреть, жаль, что это не получилось до конца. Можно сколько угодно анализировать факты, но вот делать выводы, касающиеся самого себя, почему-то не получалось. Рядом почти всё время находился Медо, его взгляд, вместо того чтобы наблюдать за окружением, то и дело сверлил спину или вглядывался в лицо, наблюдал за его руками, за каждым движением. И это не было любопытством. Складывалось впечатление, что Медо учится. Опять же — зачем?

Сташ поморщился, за спиной слышался топот ног собратий. Он впервые ушёл с места событий первым. Не важно. Очень хотелось очутиться среди стволов деревьев, увидеть над собой густые тяжёлые кроны и вдохнуть запах листвы. Когда-то он ненавидел лес. А потом понял, что он такая же жертва, как и всё в этом мире. Лес не причиняет вреда. Он просто есть.

Сташ заставил себя оглянуться, Гром двигался не отставая точно за его спиной, за ним шёл Медо, потом Ларко. Его Братья.

— Что дальше?

— Уходим, — как-то отстранённо произнёс Старший. Его лицо напоминало очень бледную каменную маску. Остальные братья выглядели не лучше — встревоженные и странно растерянные.

— Ты уверен? — зачем-то спросил Сташ. Конечно Гром уверен, он же их командир.

— Да, нам больше нечего делать в Предлестном.

Они забрали с постоянного двора своих коней, закупили припасы и двинулись к воротам. Им никто не препятствовал, наружу выпустили беспрекословно. Всё как всегда.

Пустошь встретила протяжным завыванием ветра, они не оглядывались. Это у Декона остался в этом городе мертвец, что даёт ему право задержаться и погрузиться в проблему глубже. На время Предлестное принадлежит только ему, он может делать всё, что ему вздумается, чтобы найти причину произошедшего. Таковы правила. Жестокие, справедливые

и пугающие. Братство может быть не только спасением, но и превращаться в палачей.

Они не оглядывались, этого не нужно. Но всем помнили растерянный и какой-то отчаянный взгляд Декона. Иногда очень трудно остаться наедине с неизвестным.

Сташ опустил голову и надвинул капюшон ещё ниже. Пальцы сводило судорогами, так, что было трудно держать поводья, спину холодили ножны меча, словно до сих пор передавалась взятая энергия. Он лишь морщился, старался не привлекать к себе внимания, но братья всё равно оборачивались, косились на него. Он остро чувствовал, что с него не спускают взглядов.

Край Пустоши постепенно отдалялся, исчезал за ветвями густых, разросшихся кустов, пока совсем не скрылся из виду за стволами уже настоящего леса. Со всех сторон вновь были деревья, землю устилала опавшая хвоя — упругая, гасящая топот копыт. Протяжно, с каким-то надрывом завывал мечущийся ветер, раскачивал ветви, пригибал ниже к земле. Он дул именно навстречу незванным гостям. Всегда.

А потом лес изменился, вместо пушистых зелёных ёлочек и огромных величественных елей, то-здесь то-там стал появляться сухостой, а между ним пытались пробиться к солнцу худосочные деревца с пожухшей листвой. Под копыта коней легла сухая, словно выгоревшая почва. В воздухе стояла непонятная дымка, режущая глаза и мешающая смотреть вдаль.

Вперёд двигались почти на ощупь. Животные брели понурым шагом, иногда всхрапывали, спотыкались. Всадники угрюмо вглядывались в просветы между стволами, нехотя понукали не желающих увеличивать скорость коней. Всем было неудобно.

К широкой поляне на краю каменистого обрыва выехали почти в сумерках. Гром вытянул вперёд руку, прикоснулся к стене густого, клубящегося тумана, почти полностью скрывающего открытое пространство перед обрывом, и судорожно вздохнул. На его ладони заблестели капельки красноватой влаги.

— Нас ждут, братья.

Люди спешили, отвели животных немного назад и привязали к стволам деревьев. Потом молча выстроились на краю поляны. Все лица были сосредоточены, искажены тревогой и ожиданием.

Гром посмотрел на Сташа, коротко кивнул.

— Иди. Ты должен узнать правду.

Парень сжал кулаки, оглянулся на братьев, наткнулся на холодные, суровые взгляды и понял, что отступить не получится. Идти в туман не просто не хотелось, в сознании поселился какой-то давящий холод, выворачивающий сердце чувством обречённости. Отчаянное понимание, что это не шаг в туман, а шаг в никуда, ничего не меняло. Нужно идти.

Сташ тяжело вздохнул и молча пошёл вперёд. Воздух всколыхнулся разводами, на мгновение появилась видимая сеть паутины, сквозь которую он продирался, ещё шаг и вязкое марево поглотило его фигуру, скрыло от глаз других людей.

За гранью было холодно, в густом полумраке медленно перекатывались клубы пара, дрожала красноватая дымка и больше ничего, пустота. Сташ вздрогнул, к его коже прикоснулось нечто липкое, ледяное, заставившее поёжиться. Он через силу заставил себя пройти ещё чуть дальше и остановился, выдохнул, ощущая, как колющий холод через нос пытается пробиться в его организм. Он постарался дышать урывками, глубоко не вдыхать, упрямо наклонил голову и приготовился ждать. Ничего другого не оставалось.

Он был здесь в третий раз и предыдущие два посещения ничего определённого ему не дали. Вернее они закончились практически ничем. Гром утверждал, что Тот кто знает принял его как нового сына, но сам Сташ этого не понял, не ощутил Его прикосновения, не услышал Его голоса... Он интуитивно не стал ничего рассказывать братьям. Просто промолчал. Всё должно было быть по-другому. Он оказался единственным, кому нечего было рассказать после встреч с Тем кто знает. Сумрак, отделивший от всего остального

мира, и холодный туман — вот всё, что он видел.

У каждого из братьев были свои ощущения на поляне. Медо испытывал настороженность, тревогу, голос рассказывал ему о грядущих сражениях, об опасности, сквозь которую предстоит пройти. Гром выходил с глазами, горящими яростной решительностью, голос направлял его, подталкивал быть беспощадным с врагом, вселял в его сердце бесстрашие. Ларко побывал здесь всего один раз, и тот восторг, с которым он вернулся из-за границы тумана, потом ещё долгие дни согревал их сердца надеждой. А Сташу досталась пустота....

Он переступил с ноги на ногу, попытался оглядеться. Красноватая дымка настойчиво лезла в лицо, липла к коже, вызывая непреодолимое желание отмахнуться как от паутины. Парень наклонил голову, взглянул на туман из подо лба. Густые клубы всё больше напоминали дым, раздуваемый ветром. Иногда ему начинало казаться, что они складываются в едва различимые очертания нечто, что пытается проступить из тумана, но каждый раз безуспешно. Сташ постарался сосредоточиться, понять и, наконец, увидеть, что туман хочет ему показать. Сказать?

Красноватое марево вдруг дрогнуло, налилось багровым цветом. В его глубине шевельнулись причудливые волны, скрутились воронкой и быстро запульсировали. Удар, дрожь, удар, холод, бьющий в лицо, слепящий глаза, заставляющий зажмуриться... Сташ невольно заслонился рукой, попятился. Холод впился в его кожу, сначала просто зацепил, потом вгрызся ледяными иглами боли. И дёрнул к себе, потянул куда-то вглубь. Он упёрся ногами в землю, попытался сопротивляться.

Что происходит? С его губ сорвался глухой стон, туман ответил яркими всполохами. Всполохами теней. Багрово-красными, стремительно разбухающими, пульсирующими покрывалом крови....

- Нет! — Сташ едва не закричал. Для него, почти всегда воспринимающего мир сквозь тени, они были лишь иллюзией, предшествующей чему-то большему. Голодные. Жадные. Готовые поглотить чужой рассудок безумным ужасом собственной жажды.

— Нет! — он с силой дёрнулся и смог отшагнуть назад, в спину упёрлось нечто упругое. Сташ невольно положил руку на рукоять меча, с трудом вздохнул, словно готовясь к прыжку, и развернувшись, резанул выхваченным оружием по препятствию. В уши впился звенящий вопль, парень качнулся, почувствовал, что его больше ничто не сдерживает и шагнул дальше — за пределы поляны.

В лицо сразу дохнуло свежестью, прохладным ветром. Сташ быстро отбежал от тумана, с облегчением огляделся, осознавая, что вокруг шумит лес и только потом отыскал взглядом братьев. Те по-прежнему находились у самой Границы, их руки напряжённо сжимали рукояти мечей, на него они взглянули изумлёнными, не верящими взглядами с нескрываемой тревогой. Странной тревогой, тревогой не за него, а наоборот. Сташ не успел разобраться, сердце сжал запоздалый страх, по телу пробежала дрожь. Увидел, как сузились глаза Грома, Старший окинул его пронзительным взглядом и быстро шагнул в туман.

— Нет, — Сташ едва не кинулся вслед за ним, сделал два быстрых шага вперёд и замер. В его грудь упёрся клинок Медо. Тот покачал головой.

— Не мешай, Гром сам увидит истину.

— Истину? — голос был хриплым, Сташ отступил, с каким-то отчаяньем понимая, что его никто не будет слушать. Да и что он мог сказать? Он ничего по сути не видел. Тени? Ему могло показаться. Тени сопровождают переродившихся, он один воспринимает их как

реальность, остальные их не видят. Ему не поверят что у Того кто знает кроваво-красная тень. Это лишь иллюзия, обретающаяся вместе с высшими сущностями — теми, кто слишком давно перестал быть людьми.... Да, Тот кто знает не человек, но он не зло, не должен быть злом... А кто он? Этого никто никогда не объяснял, он просто существовал — духовный наставник Берущих, у которого они могли найти ответы на все вопросы. Всегда существовал.

Ему захотелось сесть на землю и сжаться в комок. После стольких лет жизни, в которой имелся смысл, мир вдруг вновь начал рушиться. Он ещё не знал, как именно это произойдёт, но ощущение, что под ногами расходится бездна, уже вклинилось в его сознание и затягивало всё дальше.

Братья напряжённо всматривались в Границу, иногда оглядывались на Сташа. Ждать пришлось недолго, воздух всколыхнулся и пошёл разводами, Гром медленно ступил в привычную реальность.

Сташ напряжённо замер, взгляд Старшего был тяжёлым, отрешённым, наполненным холодом. Десять быстрых шагов и руки Грома схватили его за плечи, сжали с невероятной силой, так, что парень едва не закричал.

— Что ты слышал, что он тебе сказал?!

— Ничего, — Сташ попытался вырваться, не получилось, он лишь прикусил губу. — Совсем ничего.

Гром на мгновение закрыл глаза, потом отпустил его и с силой оттолкнул, парень едва удержался на ногах. Больше всего его пугало непонимание происходящего.

Старший замер на месте, его пальцы то сжимались в кулаки, то разжимались, он ни на кого не смотрел, просто стоял. И молчал.

Сташ медленно отступил, с горечью глянул на братьев. Почему-то он знал, что именно сейчас произойдёт. Гром выхватил меч, шагнул вперёд, короткий рубящий удар остановил машинально вскинутый навстречу клинок Сташа. Раздался звон, парень с трудом удержал свой меч, настолько сильным и яростным был выпад Старшего. Он хотел покончить с этим сразу!

— Гром! — крик Ларко заставил обоих вздрогнуть.

— Его время закончилось, — прохрипел Гром, слова довались ему с трудом. — Он больше не один из нас....

Сташ опустил меч, посмотрел на тех, кто были его единственной семьёй. Их лица окаменели, превратились в безжизненные маски. Это происходит со всеми... с каждым... это происходит со мной?

Он вновь попятился, не спуская с них взгляда, а они двинулись следом, выхватили оружие, заноса в разящем замахе. Сташ отпрянул, удар Медо успел парировать, от оружия Ларко увернулся, третий клинок прошёлся самым кончиком по его груди. Боли он почти не почувствовал, но невольно споткнулся, ноги почему-то подогнулись, а перед глазами мелькнул каменистый край обрыва. Сташ коротко вскрикнул, понимая, что соскальзывает в пропасть, выпустил меч из руки и попытался затормозить падение.

Над головой сверкнула сталь, он услышал гудение воздуха, почувствовал, как он наполняется холодным ветром, рассекаемый тремя клинками, и его впившиеся в камень пальцы разжались сами собой. Сташ оттолкнулся и полетел вниз.

Мечи чиркнули об валуны, троя Берущих медленно выпрямились, наблюдая, как удаляется тело их бывшего брата. Все лица были застывшими, отрешёнными. Внизу шумели

густыми кронами сосны, они приняли в свои объятия беззвучно упавшую фигуру и скрыли от их взглядов.

— Его нужно найти, — коротко произнёс Гром. — Он мог выжить.

Медо и Ларко кивнули.

Боль накатывала волнами, горячими, рвущими плоть. Он глухо стонал сквозь стиснутые зубы, кроме резаной раны на груди, он заполучил глубокую рваную борозду на плече, которая нещадно саднила — напоролся на острый сук, когда падал. Множество ушибов и синяков он в расчёт не брал, но вот вывихнутая нога, заставляла сидеть на месте, привалившись спиной к стволу сосны. Оставалось только удивляться, что ничего не сломано, он не разбил голову, не свернул шею, лишь содрал кожу с ладоней и пальцев, хватаясь за колючие ветки. Но вот с правой ногой не повезло — распухшее колено не позволяло сделать ни шагу.

Сташ посмотрел вверх, в который уже раз поражаясь тому, что остался жив. Жив? Зачем? Какое это теперь имеет значение? Одиночки не выживают. Никто из изгоев не выживает.

Значит, он подошёл к грани перерождения? Ощущение было странным. Не зря говорили, что почувствовать собственную подступившую грань невозможно. Это лишь миг, очень быстрый миг, который до самого конца не заметишь, не поймёшь. Твой окончившийся путь видят только братья. Так же как это произошло с ним.

Он с трудом приподнял руку, приложил к груди, ощутил под пальцами панически-быстрые удары собственного сердца. И что дальше? Было мучительно трудно принять страшную реальность. А ведь мог бы и догадаться... Наверное. Пусть он не почувствовал изменений в себе, но братья-то начали относиться к нему по-другому. А он просто закрыл на это глаза, не захотел осознавать правду. Не поверил.

Что ж, это не конец, его найдут, таких как он не оставляют в покое, не оставляют в живых... А вот эту правду уже придётся принять.

Сквозь лапы сосен было видно темнеющее небо и далёкий обрыв, на котором замерли три фигуры. Ещё несколько мгновений назад он был одним из них, а сейчас уже нет, и этого не изменишь. Он больше не воин. Он никто, тень, без судьбы и без будущего.... Странно, но это не вызывало ужаса, а наполняло сердце безразличием. Всё, теперь остаётся только ждать, когда они спустятся с обрыва и закончат начатое.

Он поморщился и почему у него всё не так? Почему братья не оборвали его жизнь незаметно? Удар в спину перерождающегося не считался чем-то постыдным. Могли бы ведь хотя бы обездвигить и уже в бессознательном состоянии отправить к Тому кто знает, как это было с Бектом. Так ведь нет — Гром заставил его добровольно шагнуть на Поляну. Заставил поверить, что ничего особенного не происходит. И зачем была нужна та схватка на обрыве? Глупо всё вышло. Действительно глупо, особенно с его стороны — мог бы ведь и не защищаться, но не получилось победить инстинкт самосохранения. А теперь придётся пережить этот момент ещё раз. И почему он стал единственным, кому выпало очень сомнительное счастье сидеть и думать о собственной участи? И ждать.

Сташ с трудом подвигал раненым плечом, вновь поморщился, остановить кровь было нечем, повязки остались в седельных сумках. Он со вздохом откинулся назад, поудобней устраиваясь у приютившей его сосны и закрыл глаза.

В голову лезло слишком много мыслей. Особенно удивляло столкновение с той Высшей

сущностью на Поляне. Раньше он ощущал лишь пустоту, словно этот некто прятался от него. А теперь вдруг пришло понимание, почему это происходило. Или нет? И как теперь он должен воспринимать Того кто знает?

Словно в ответ на его мысли высоко в небе послышался тяжёлый гул, Сташ вздрогнул и невольно посмотрел вверх. От того места, где была поляна, падала огромная, сотканная из тумана серая длань, венчающаяся корявыми пальцами с изогнутыми когтями. Землю сотряс удар, призрачная рука ударила между деревьев и клочковатым паром устремилась в его сторону.

— Та-ак, а это ещё что?

Он сам не понял, как оказался на ногах, просто вскочил и, сильно хромя, ринулся вглубь чащи. На глаза вдруг попался застрявший в ветках меч, Сташ, не останавливаясь, подхватил его, с облегчением сжал в ладони и, словно обретя новые силы, ускорил бег.

За спиной послышалось шипение, протяжные вздохи. Ну и как теперь быть с его благими намерениями подождать братьев? Сташ не оглядывался и так знал, что туман нагоняет. Серые клочья то и дело проскальзывали с боков, словно пытались окружить, остановить. В какой-то момент ему показалось, что туман изменился, вытянулся в полосы. По ушам ударил утробный вой, Сташ невольно вскрикнул и подпрыгнул, серые бичи пролетели вдоль земли и едва не сбили с ног. Вместе с этим исчезла надежда, что туман действительно является лишь туманом. Несколько деревьев, стоящих на пути бичей, покачнулись и начали падать. Парень быстро вскинул голову, увидел, как их кроны опускаются между собратьями, как тяжело вниз рушатся мохнатые лапы, сбивают молодые деревца, пригибают своей тяжестью... Ему пришлось несколько раз отскочить, пригнуться, спасаясь от накрывающих его колючих ветвей, а сосны продолжали падать... Всё новые и новые.

Сташ почувствовал, что задыхается, саднящую грудь сдавило колючим обручем, лёгким перестало хватать воздуха. А конца этому безумному бегу даже не предвиделось.

Шорох иголок, шёпот серой массы призрачного пара, что с каждым мгновением становился всё ближе и опускающаяся над лесом тьма превратились в его неразлучных спутников. Нога пульсировала горячей болью, каждый шаг всё больше напоминал пытку, но Сташ пока не думал останавливаться. То, что братья от него отвернулись, не отменило того, что он был Берущим — существом более выносливым и быстрым, чем любой из людей. И пока не кончатся убывающие с каждой каплей крови силы, он будет бежать вперёд, до конца, до последнего мгновения... Только зачем? Не было времени задавать вопросы, остались лишь инстинкты — подталкивающие, будоражащие кровь, стучащие в голове единственным желанием — бежать.

Впереди вдруг вырос тёмный монолит здания, взметнулись вверх неприступные каменные стены, исчезая между вершин деревьев. Сташ подпрыгнул, спасаясь от очередного хлёсткого удара туманного бича, и метнулся навстречу давным-давно покинутого людьми дому. Почему-то это показалось правильным. Затормозить он не успел, с разбегу ударился раненным плечом об каменную кладку, взвыл от боли, выругался и устремился вдоль стены.

Этот дом оказался очень длинным, тянущимся сквозь лес. Краем глаза Сташ заметил, что туман отодвинулся, держится в отдалении. Сбоку на высоте головы мелькали пустые проёмы окон, потом появился чёрный провал входа. Он чуть приостановился, оглянулся и будто в омут шагнул внутрь. За спиной раздался протяжный вопль и остался снаружи, дом встретил его пустотой.

Сташ замер, прислушался, потом сделал осторожный шаг в сторону и прижался к каменной кладке спиной. Здесь было темнее, чем в лесу, на противоположной стене вырисовывалось окно, а всё остальное тонуло во мраке.

Почему порог этих домов никогда никто не переступает? Ни животные, ни люди, ни перерождённые, даже растения обходят стороной. Кто-то считал, что здесь встречаются прошлое и будущее, кто-то, что дома сторожат призраки, а кому-то они напоминали могилы... А ещё эти дома изменяли сознание. Глушили, как говорили люди.

Сташ не знал правильного ответа, да и думать сейчас не хотелось, горячка погони схлынула и всё тело затопила усталость. Даже боль, казалось, отступила, но ноги всё равно не держали. Он съехал по стене на пол, сел и положил рядом обнажённый меч. Обычно он хорошо видел в ночи, но здесь его напряжённый взгляд воспринимал лишь пустое пространство, единственной реальностью оставался холодный камень, что он чувствовал сквозь одежду. Прошлое, настоящее? Неважно.

Из его рта вырвалось облачко пара, воздух засеребрился белесыми искрами, потёк видимой рекой светящихся частичек. Сташ невольно усмехнулся, страха не было и не было желания сбежать.

Стало светлее, сверкнули гладкой белой плиткой пол и стены, открывая взгляду просторное помещение. Здесь было четыре двери, все закрыты, куда-то вверх ведёт лестница с металлическими перилами. Это сон? На подоконнике стояло красивое растение с яркими сиреневыми цветами, его листья мягко покачивались от дувшего в распахнутую створку ветра...

Сбоку раздался стук, Сташ вздрогнул, ближайшая к нему дверь медленно отворилась. Парень крепче сжал в руке меч, по ладони побежали покалывающие мурашки. Из открытой двери шагнула молодая, необычно одетая женщина. Она была в ярком платье, руки и плечи оставались обнажёнными, словно на улице стояла жаркая, солнечная погода. В их мире нет солнца, оно всегда скрыто тучами, здесь царит полумрак... Женщина улыбнулась, поправила локоны золотистых, распущенных волос, что-то произнесла, но её речь осталась беззвучной. Вслед за ней выбежал ребёнок — мальчик лет семи. Он тоже был одет слишком легко — в тонкую рубашку и короткие штанишки. По лесу так не ходят... В руках он держал зелёный с синими полосками шар.

Сташ заворожённо наблюдал, как он подкинул этот шар в воздух, поймал и с силой бросил его на пол. Шар оттолкнулся от твёрдой поверхности, подпрыгнул вверх, а мальчик вновь по нему ударил, заставляя прыгать. Это игра? Он вдруг осознал, что слышит стук шара об пол, но не слышит голосов людей.

Женщина повернулась к двери, начала запирать замок, а ребёнок продолжал свою игру.

Светлый мир, здесь слишком спокойно, нет тревоги, нет напряжённого ожидания, что может произойти нечто плохое. Всегда происходит, стоит лишь отвлечься, лишь на мгновенье успокоиться и перестать прислушиваться к тому, что находится за спиной... Чужой мир.

Зелёный шар сверкнул синими полосками и, не слушаясь хозяина, вдруг подпрыгивая, покатился в сторону сидящего у стены чужака. Сташ с улыбкой протянул к нему руку, ожидая, что сейчас иллюзия рассеется, но вместо этого его пальцы коснулись упругого бока. Шар остановился, замер под его ладонью. Сташ сжался в напряжении, позабыл дышать и всем своим существом почувствовал чей-то взгляд. Медленно поднял голову, в пяти шагах от него также напряжённо застыл мальчишка, его широко открытые глаза смотрели не на шар,

а именно на сидящего у стены незнакомца.

Сташ невольно представил, как сейчас выглядит — изодранная, окровавленная одежда, лицо в царапинах, волосы всклоочены, а в руке оружие. Он даже не удивился, когда ребёнок попятился, с раскрытым ртом, видимо обозначающим крик, кинулся к женщине и спрятался за неё. Та с недоумением на него посмотрела, что-то спросила, мальчишка вытянул руку в сторону Сташа.

Парень увидел, как она поворачивает голову и оттолкнул от себя шар. Тот покатился по полу к ногам хозяина. Женщина вновь заговорила, ласково погладила сына по голове. Взгляд ребёнка стал непонимающим, он продолжал смотреть в сторону Сташа, но теперь уже не видя, не замечая.

Сташ горько усмехнулся, мальчишка упрямо топнул ногой, обиженно отвернулся, подхватил свой шар и пробежал с ним мимо чужака на улицу. Женщина бросилась его догонять.

Это их мир...

Серебряные искры свились в причудливый рисунок, отвлекая взгляд от светлого помещения, Сташ глубоко вздохнул и закрыл глаза. Тёплое чувство, что здесь ему ничто не угрожает, так и продолжало жить в его сердце.

Его разбудило едва ощутимое прикосновение к щеке, Сташ вздрогнул и крепче сжал пальцы на рукояти меча. Все чувства мгновенно обострились до предела, анализируя окружающее пространство, впитывая происходящее, вбирая дрожь расходившейся энергии. Чуть позже пришло понимание, что рядом никого нет. Он притронулся к словно обмороженной коже лица, с удивлением потёр. Что это было? Тому, кто видит тени, сны не снятся, его восприятие действительности это всегда реальность, пусть призрачная, но реальность....

Сташ позволил себе чуть расслабиться и огляделся уже более спокойно. Он по-прежнему сидел у стены, из неровной дыры с торчащими зубьями кирпичной кладки, расположившейся на месте окна, лился тусклый свет. Он ложился на голые серые стены, на пол, заваленный какими-то обломками, и на четыре дверных проёма, зияющих пустотой.

Парень с трудом пошевелился, по телу мгновенно разлилась волна боли. Он стиснул зубы и, держась за стену, начал вставать. При попытке опереться на повреждённую ногу, он едва не очутился вновь на полу, а перед глазами замелькали тёмные пятна. Тяжело вздохнув, Сташ на одной ноге допрыгал до выхода и осторожно выглянул наружу.

Вдоль дома лежала огромная сухая сосна, все её иголки пожелтели и осыпались на землю, словно дерево погибло давным-давно, а не этой ночью. Под голыми ветками чернели пятна выжженной почвы, вот только пожара не было.

Сташ настороженно осмотрел близлежащий лес, прислушался, различил шелестение иголок, тихое завывание ветра и мягкую поступь не крупного животного. Больше ничего. Ночного преследователя поблизости не было.

Он перевёл дух, с трудом присел и подтащил к себе валяющуюся у стены палку. Внимательно её осмотрел, проверил на прочности, срезал мечом тонкую часть и решил, что сможет использовать её как посох. С дополнительной опорой двигаться стало немного легче, Сташ даже решился приступить на правую ногу, а не прыгать. Боль оказалась на грани терпимости. Он высунулся в дверной проём, обозрел множество лежащих на земле сосен, с осыпанными иголками и невольно усмехнулся. Это была чёткая, видимая дорога, указывающая путь прямо к беглецу. Вопрос лишь в том, сколько у него осталось времени?

Тот обрыв тянулся довольно далеко, ближайший приемлемый спуск был в нескольких часах пути, а если спускаться вместе с лошадьми, то придётся проехать ещё дальше — это ещё день пути. Потом они вернутся к месту его падения — ещё день, а дальше двинутся по хорошо различимым указателям. Впрочем, они нашли бы его и без этого.

Сташ опустил голову, раздумывая, правильным было бы уходить, уходить прямо сейчас. Здесь в доме нет ни воды, ни пищи, нет ни одного источника, позволившего бы пополнить силы. Для Берущего это не обязательно еда, энергия может быть зачерпнута и по-другому.

Всё с той же усмешкой он шагнул обратно в дом, в памяти слишком яркой картинкой лились в окно солнечные лучи, освещали гладкие белые стены, покрытые плиткой, скользили по закрытым дверям, по лестнице, уводящей вверх. Тяжело хромая, Сташ дошёл до провала на месте окна, провёл рукой по кирпичам, где в его видении стоял на подоконнике цветок, горько улыбнулся. Взгляд наткнулся на остатки перил, полоса стали тянулась вверх над пустотой и вдруг резко обрывалась, самих ступеней не существовало, лишь на полу громоздились груды полу рассыпавшихся в пыль камней.

Здесь встречаются прошлое и будущее? Будущего не существует....

С непонятным волнением он добрёл до проёма двери, из которой вышли женщина и мальчик, заглянул внутрь. От входа вёл широкий коридор, и виднелись проходы в другие помещения. Сташ осторожно двинулся вперёд, в первой же комнате взгляду предстал завал из обломков — обвалился потолок. Дальше шёл просторный зал, если не считать горсток трухи по периметру, в нём было довольно чисто. Неповреждённый прямоугольник окна без рамы, ровные кирпичные стены, гладкий пол. И ощущение холодной пустоты. Парень постоял на пороге, но входить не стал.

Следующая комната была более маленькой, здесь отсутствовала часть стены — вывалилась наружу вместе с окном, по углам скопились сухие листья, случайно занесённые ветром. И именно это вдыхало в атмосферу комнаты некую жизнь.

Стах вдруг почувствовал усталость, все раны заныли с новой силой, он привалился спиной к стене, с трудом удерживаясь на ногах. Его взгляд скользнул по чужому дому и перешёл на видневшийся лес, на мрачное небо, затянутое тучами. Что он здесь ищет? Тот мир был другим, невообразимо безопасным, спокойным, светлым. В него невозможно попасть. Невозможно переступить грань между видением и реальностью. Будущего не существует, но оно является тем, что мгновение за мгновением сливается с настоящим, а если уже что-то произошло, то оно прошлое. Тот мир прошлое, его уже нет!

Стах всё же не выдержал и опустился на пол. Всплохи чужих историй, обрывки, что предшествуют последним мгновениям жизни, он всегда видел только их. Ему невыносимо захотелось остаться в этом доме, он был уверен, что видение повторится. Слишком сильным был всплеск энергии, их духи всё ещё здесь, рядом.

Когда в твоей собственной жизни нет будущего, очень близким становится именно прошлое... Он долго смотрел прямо перед собой остановившимся взглядом, уговаривая себя не думать, ни жалеть, ни вспоминать. Единственно, что выжигало сознание болью это понимание, что тот очень далёкий, светлый мир давно погиб. Их мир. Их прошлое. Он знал это.

Появился озноб, колючим холодом пробежал по телу, Сташ поежился, силы убывали слишком быстро. Ещё немного и перестанут слушаться ноги, потом слабость дойдёт до рук, растечётся по всем мышцам.... Берущие уходят по-другому, чем люди, запас их внутренних сил расходуется очень медленно. Капля за каплей — не давая возможности погрузиться в забытие, не давая возможности двигаться, лишь оставляя некую грань, через которую можно переступить в ту или иную сторону. Пытка, безумная надежда вернуться, путь сквозь туман....

Стах заставил себя встряхнуться, чувствуя, что пальцы занемели, со злой усмешкой схватился за выступ в стене, с огромным трудом подтянулся и опёрся на одну ногу. Выдохнул, схватился за посох, сделал шаг и едва не взвыл. С губ сорвались ругательства, второй шаг, третий, глупо было так удаляться от выхода. Он стиснул зубы, ругательства не помогут, вновь оглядел комнату и пошёл к провалу в стене.

В лицо дохнул прохладный ветер, растрепал волосы, здесь было не высоко, достаточно перешагнуть через препятствие из неровных камней и можно спрыгнуть на землю. Сташ закрыл глаза, вслушался в лес, в тихое шелестение хвои, в скрип веток, в песню потоков воздуха. Ему нужно не много, всего лишь восстановить силы. Достаточным было-бы одного гримтона, но сейчас он был совершенно не уверен, что сможет с ним справиться.

Вслушиваться пришлось долго, Сташ почти перестал надеяться, когда лес ответил.

Существо продиралась сквозь подлесок, пока ещё не видимое, но двигалось оно в нужном направлении — к дому. То, что это не grimton Сташ понял сразу, не та поступь, тяжёлое неровное дыхание, тихие всхлипы, к тому же одиночка. Оно голодно, ослаблено, с такого много не возьмёшь. Берущий криво усмехнулся, дичь вполне соответствовала полуживому охотнику. Искать другой экземпляр не было ни сил, ни возможности. С этим ещё тоже предстояло справиться.

Он подождал, существо подобралось ближе и замерло в густом кустарнике. Тоже охотится, оно явно пришло сюда по следу из крови, но к дому не подойдёт, будет прятаться поблизости. Сквозь ветви легла отчётливая серая тень, Сташ внимательно в неё всмотрелся, заметил красноватые полосы и зло усмехнулся. Он запомнил местонахождение противника и ступил на край провала. Перехватил меч поудобней, зная, что приземлится не на ноги, посох бросил вниз у стены. Толчок ногами, переворот в воздухе и перекат уже по земле, с одновременным подхватыванием посоха.

Противник мгновенно атаковал, видимо надеясь справиться с жертвой пока она не встала. Сташ успел подняться на одно колена, выскочившее из кустов грязно-серое тело налетело всей массой с левой стороны. Он машинально подставил посох, поддел им существо в живот и отбросил назад. Лишь после этого встал на ноги, развернулся правым боком, готовясь к новой атаке.

Противник отлетел на несколько шагов, приземлился на четыре конечности и с верещанием выпрямился. Кровлиг. Высокий, чего не скрывает даже сторбленная спина, очень худой, сквозь лохмотья одежды виднеются выпирающие кости. Лысый череп уже трансформировался, непропорционально вытянулся — последняя стадия перед превращением в grimtona, ему не хватает выпить лишь нескольких жертв. Лицо уже мало напоминает человеческое, местами кожа сморщилась и свисает огромными складками, нос ввалился, а вот лоб начал покрываться чешуёй. Глаза больше похожи на щели, из которых лютой ненавистью сверкают кроваво-красные зрачки.

— Ну, привет, красавчик, — Сташ насмешливо улыбнулся.

Кровлиг оскалил выпирающие клыки, дико взревел, но нападать не спешил, видимо в его получеловеческом мозгу появилось понимание, что он столкнулся не с беспомощным противником. Существо мотнуло головой, выставило скрюченные пальцы с длинными заострёнными когтями и двинулось по кругу.

Сташ поворачивался вслед за ним, с места он старался не двигаться, повреждённая нога пульсировала горячей болью. Когда жертва так близко, кровлиг всё равно не выдержит, его мозг не способен долго анализировать ситуацию, здесь уже преобладают инстинкты.

Сквозь неровные клыки потекла ниточка слюны, на губах появилась пена, существо вновь мотнуло головой, в красных глазах сверкнуло безумие, тонко взвизгнув, оно с места метнулось вперёд. На этот раз Сташ встретил его не посохом, а мечом. Кровлиг неуловимо быстро извернулся, меняя направление прямо в воздухе, и приземлился чуть в стороне, сразу вновь рванул к жертве. Когти вспороли воздух, дыхание вдруг перехватило, он с недоумением уставился на меч, погружённый в плоть его собственной груди...

Люди так быстро не двигаются, он знал это по опыту, он всегда был быстрее, всегда раздирал чужое тело когтями до того, как человек успевал просто повернуться навстречу. Он дёрнулся, пытаясь снять с клинка, и вдруг встретился взглядом с противником. В тёмных, почти чёрных глазах со зрачком, затопившим всю радужку, были пустота и холодное безразличие. Спокойствие, так не свойственное людям. Нечеловеческое спокойствие.

Кровлиг взвыл, не понимая, почему так быстро исчезают силы, почему подкашиваются ноги, ведь рана не смертельная, такие, как он не умирают от одного удара меча. Никогда не умирали....

Сташ стиснул зубы, вливающаяся в его тело энергия будоражила кровь холодными потоками, проходила сквозь мышцы, впитывалась во внутренние органы. Живительная энергия и смертоносная.... Особенно сейчас, когда в его собственной сущности осталось так мало человеческого.

Кожа существа ещё больше сморщилась, с глухим стоном кровлиг повалился на землю. Сташ до конца не выпускал рукоятки меча, не выдергивал его из бьющегося в агонии тела, пока не почувствовал, что через оружие прошла последняя капля энергии. Капля жизни. Странно, но глаза получеловека всё ещё смотрели ему в лицо — неверяще, тоскливо, со страхом. Потом взгляд потух, стал пустым и безразличным ко всему. Мёртвым.

Он с трудом разжал пальцы, слегка отступил и повёл плечами, прислушиваясь к собственному телу. По мышцам бежал колючий холодок, боль притупилась, но не до конца, стала не такой резкой, но всё же чувствовалась в каждом движении. Он переступил с ноги на ногу, понимая, что колено, конечно, полностью не восстановилось, но ходить он уже может. Остальные раны перестали кровоточить и затянулись корочками. Что ж, большего он и не ожидал.

Меч с лёгким шипением вышел из почерневшего тела, Сташ вытер его об хвою, прислушался к лесу и только после этого вставил в ножны. Невыносимо хотелось пить, до ближайшего известного родника было полдня пути. Слишком далеко. Полученных сил, конечно, хватит, но возвращаться придётся уже в темноте. Возвращаться? Зачем? Он оглянулся на дом — странный, чуждый этому лесу, сейчас таких не строят. Частичка прошлого, вторгшаяся в реальность, со своей историей и со своей застывшей в веках судьбой. Он видел часть того мира.

Сташ вздохнул, облизал пересохшие губы и шагнул к входу в здание. Реальность может подождать....

Как и вчера, он сделал всего один шаг внутрь, потом прижался спиной к стене и сел на пол. Из неровного провала окна лился тусклый, сумеречный свет, едва разгоняющий полумрак помещения. Но до полной темноты было ещё далеко. Сташ закрыл глаза, надеясь, что сможет хоть немного отдохнуть, когда не двигаешься, силы возвращаются быстрее.

Его вновь разбудило прикосновение, на этот раз он понял, что это просто движение более холодного воздуха, словно ледяная ладонь едва задела кожу. Когда открыл глаза, увидел, что пространство вокруг уже изменилось. Вместо мрачной разрухи, покачивало на подоконнике зелёными листиками ярко цветущие растение, сияли белой плиткой гладкие стены, вверх убегали целые ступени лестницы.

Открылась дверь, Сташ до боли в глазах всмотрелся в знакомые фигуры, повторяющие все те же действия, что и в прошлый раз. Первой вышла женщина, за ней мальчишка, держащий зелёный шар. Вот он его подкинул, поймал, с силой бросил об пол, заставляя прыгать. Игра, продолжающаяся в вечности.... Удар ладони, стук зелёного шара, мельтешение синих полосок на его боках.

Сташ с грустью улыбнулся, через несколько мгновений их жизнью не станет. Чтобы тогда не произошло, но дом хранит воспоминания лишь о последнем всплеске эмоций. Это мог бы быть страх, ужас, предшествующий гибели, но здесь остался светлый миг незнания, того, что последует. Последует уже на улице, не в доме.

Шар подпрыгнул, скакнул вперёд и покатылся к стене. Сташ ждал его с замиранием сердца. Касание пальцев, прохладный, упругий материал кажется до кошмара реальным. Он подхватил его на ладонь, прижал к груди и вскочил на ноги, забирая шар с собой. Лишь потом посмотрел на ребёнка, тот уже бежал к матери. Женщина, прижала сына к себе, испуганно посмотрела на высокого незнакомца, в мрачной, тёмной одежде, перепачканной кровью. Её губы задвигались, в глазах вспыхнул гнев.

Сташ сделал шаг к выходу из дома и загородил собой проём, ведущий на улицу. Женщина вновь что-то произнесла, достала дрожащей рукой ключи и начала отпирать дверь в своё жилище. Берущий просто смотрел на них, он мучительно не хотел, чтобы они уходили, не хотел, чтобы их мир разрушился.

Женщина, наконец, справилась с дверью, распахнула её и вдруг сильно вздрогнула. Мальчишка схватился за её за руку, с ужасом посмотрел на мать. Они попятились. Их одежда и волосы затрепетали от сильного порыва ветра. Сташ не ощутил этого порыва, а люди из прошлого едва устояли на ногах. Потом на стены упал яркий багровый отсвет. Женщина схватила ребёнка в охапку и втокнула его внутрь жилища, за ними быстро захлопнулась дверь.

Сташ, не выпуская из руки шара, медленно повернулся. Леса не было, перед взглядом простиралась широкая улица, покрытая каким-то ровным гладким материалом, по сторонам от неё стояли высокие, сияющие стёклами множества окон, дома. Город, яркая зелень травы по краям дороги, непонятные самоходные повозки и люди, одетые в лёгкие разноцветные одежды.... Бегущие люди, падающие на землю, сбиваемые с ног ветром, с искажёнными страхом лицами, с раскрытыми в беззвучном крике ртами.... Дрожащие в окнах стёкла разлетелись на части и водопадом посыпались вниз, на дорогу, на траву, на мечущихся прохожих.... Далеко за последними домами в небо взметнулся огромный дымный столб, его верхушка достигла облаков и шапкой начала расползаться в стороны.

Новый яркий отсвет, уже ближе, шар в руках Сташа дрогнул и едва не вырвался из пальцев. На другом конце улицы несколько домов вдруг дрогнули и окутались пылью, их стены превратились в падающие куски камня, через несколько мгновений на месте зданий громоздились руины.

Дымная шапка достигла города, вниз полетели хлопья пепла, заслоняя собой солнечные лучи, окрашивая светлый мир в серые тона, уничтожая его будущее....

Сташ вдруг понял, что в его руках больше нет шара, а на его ладони лежит горстка пепла. Он заворожённо смотрел, как не ощутимый ветер быстро сдувает чёрные частички, а когда исчезла последняя из них, перед его взглядом встал ночной лес. Настоящее.

Те дни остались в её памяти как будто в тумане, наиболее чётким был образ синего неба, промелькнувший перед взглядом словно в сказке, а потом вновь потянулись мрачные тучи, на которые так была похожа её жизнь. Очень часто ей стало сниться, что она плывёт, раздвигает руками упругие струи воды и выталкивает своё тело всё ближе и ближе к поверхности омута, туда, где высоко в небосводе, пока ещё искаженный водной гладью, вспыхивает золотистый шар солнца. А потом солнце вдруг неожиданно становится очень близким, начинает слепить глаза. Она зажмуривается и просыпается.

Таким было и то первое её пробуждение в городе. Ветс с трудом приподняла веки, ещё затуманенному тьмой полузабытья взгляду предстала просторная комната, до слуха долетели далёкие голоса. Она с трудом огляделась. Из убранства здесь имелся стол, деревянный стул рядом с ним и кровать, на которой она лежала. Свет лился из маленького окошка, расположенного почти под потолком.

К ней долго никто не заходил, а сама Ветс не пыталась никого позвать. Ей хотелось прийти в себя, собраться с мыслями, осознать произошедшее. Но сразу после пробуждения думать было очень трудно, мысли метались как в лихорадке, перескакивая с одного на другое.

С третьей попытки ей удалось сесть, тело оказалось вялым и непослушным. Первым, кто её навестил, оказалась немолодая целительница, она окинула Ветс внимательным взглядом, потрогала лоб прохладной ладонью, кивнула и молча удалилась. Девушка даже не успела ничего спросить. Потом к ней забежала служанка, принесла воды и помогла напиться, от неё она узнала, что находится в лечебнице при дворе гильдии магов. Это известие вызвало невольную дрожь.

Лечебница была последним местом, где бы она хотела оказаться. Слишком мрачной у неё была репутация. Маги брались лечить в собственной гильдии лишь самые трудные случаи. С обычными болезнями и ранами люди сюда не попадали. Чем же она удостоилась подобной чести?

Ветс даже поёжилась, осмотрела собственное тело, запястье левой руки было туго перевязано, на ткани виднелись едва проступившие пятна крови. Никаких других повреждений она у себя не обнаружила. Девушка тяжело вздохнула.

В полной неизвестности она провела три дня. К ней приходила служанка, приносила ей питьё и еду, первое время помогала справляться со всеми естественными надобностями. К вечеру второго дня Ветс почувствовала у себя достаточно сил, чтобы встать с кровати. Ноги подкашивались, но она заставила себя дойти до стола и вернуться обратно.

Та же целительница заходила каждое утро, молча делала перевязку, внимательно вглядывалась в глаза девушки и уходила. На вопросы она не отвечала. Ветс оставалось лишь мучиться в ожидании, в надежде, что вскоре хоть что-то прояснится. Непонимание происходящего наполняло её сердце не только тревогой, но и всё возрастающим страхом. И беспокоилась она не только за себя, но и за подруг по отряду — что с ними, почему не навещают, что произошло, когда они попали в город?

Несколько раз она добиралась до двери комнаты, та хоть и была плотно закрыта, но оказалась не заперта. Это немного успокоило. Выходить из комнаты Ветс пока не решилась, слишком сильной оказалась слабость.

На четвёртый день неизвестность закончилась, утром в её комнате раздался знакомый голос.

— Ты очнулась?! Прости, мне сказали, что ты проспишь ещё несколько дней, поэтому я не заходила.

Ветс быстро села в кровати и впиалась взглядом в Таю. Подруга выглядела полной сил, в новой одежде и при оружии.

— Что происходит? Где остальные? — её собственный голос оказался хриплым и слабым. Ветс поморщилась, силы возвращались не так быстро, как бы ей хотелось.

— Не волнуйся, с нами всё в порядке, почти со всеми..., - Тая опустила голову.

— Лана...?

— У неё были очень серьёзные раны, её забрали целители, она тоже где-то здесь в гильдии. Но к ней не пускают. Я не знаю, что с ней. На её теле множество укусов.

Ветс вздрогнула и посмотрела на собственную руку, перевязанную белой тканью. Все слишком хорошо знали, как передаётся заражение — через укус, но ведь у неё только царапины!

— С тобой всё в порядке, — успокоила Тая. — Но ты под наблюдением, поэтому и находишься здесь, а не в обычной лечебнице.

— И долго за мной будут наблюдать?

— Я не знаю, возможно, пока полностью не восстановишься.

Ветс невольно вздохнула.

— Так что произошло, когда мы оказались в городе? Ты помнишь, как мы вошли в ворота?

— Не совсем, — Тая пожала плечами. — Очень смутно, помню, что меня кто-то поддерживал, когда я шла, будто вёл..., потом мы остановились, и я уснула. Очнулась в комнате гостиницы, мы там все были, кроме Неё. Лану как раз осматривали целители, потом её забрали, тебя тоже. У нас троих не нашли ран, поэтому мы свободно переселились в мой дом.

Ветс кивнула, Тая была единственной из них пятерых, у кого имелся собственный дом в городе. Она жила там вместе со старшим братом, занимающим весьма высокий пост в гильдии колдунов, поэтому и была вхожа в большинство зданий гильдии. К сожалению, у самой Таи способностей к колдовству не было, но Ветс всё равно удивлялась, что она стала именно воительницей, а не избрала менее опасную профессию. Но это был только её выбор.

— Где Она сейчас и что делает?

Тая отрицательно качнула головой, прекрасно поняв о ком спрашивает Ветс.

— Мы Её больше не видели. Она не осталась в гостиной, от прислуги, я узнала, что её имя Лиа. С ней очень хотел поговорить глава колдунов, но она словно исчезла. Бродит где-то по городу, пределов Стайта она точно не покидала, сейчас все ворота закрыты, никого не выпускают и не впускают.

— Почему?

— Когда мы входили, северные ворота сорвало с петель и энергетический экран погас, его до сих пор не могут восстановить. Представляешь сколько у колдунов вопросов, а мы ничего не можем ответить. Просто не знаем. К тому же Лиа рассказала начальнику стражи, что на нас напали кровлиги, а не grimтоны. Она солгала, но по ранам-то всё равно видно, с кем мы дрались, правду не скроешь.

— Неудивительно, — кивнула Ветс. — С grimтонами мы не могли справиться, не могли

выжить. Если бы она сказала правду, ей пришлось бы объяснять кто она такая и каким образом смогла их убить, а так она отговорилась ложью и исчезла. А что ты рассказала?

— Всё как было, я же говорю, колдуны и так поняли по ранам кто на нас напал. Поэтому никакого смысла скрывать что-либо не было. Сейчас во всём городе переполох, мало того, что остались без защитного купола, так ещё и Лию не могут найти.

— А ты как думаешь — кто она?

— Судя по способностям — Берущая, — Тая вздохнула. — Только она одиночка и как будто ничего не знает о Братстве.

— Такое возможно? Среди них нет одиночек, Берущие чувствуют друг друга и быстро находят себе подобных. Говорят, скрыть способности невозможно.

— Я не знаю и не смотри на меня так, Тиром мне тоже ничего не говорит, я его почти не вижу.

— Представляю сколько у твоего брата сейчас забот, — посочувствовала Ветс. — Думаешь, мы привели в город монстра?

— Привели? Боюсь, что от нашего желания ничего не зависело, она пришла бы сюда и без нас.

— Так кто она? — перед взглядом Ветс вновь промелькнуло падающее небо и багровые глаза на нём, гаснущие глаза, исчезающие, растворяющиеся в невероятной синеве. Так не бывает! Ещё никто не убивал Канор-Веди, даже Берущие на это не способны!

Тая лишь покачала головой.

— Тебе нужно отдыхать, я зайду к тебе завтра, — она поднялась и быстро пошла к выходу. Ветс вновь осталась одна. Она вскочила с кровати, пошатнулась и на некоторое время замерла, ожидая пока пройдёт головокружение. Разозлившись на саму себя, девушка набросила на плечи оставленную ей служанкой накидку и, как была босиком, двинулась к двери.

За пределами комнаты обнаружился длинный коридор с множеством окон. Ветс осторожно ступила на холодный каменный пол, огляделась. У неё не было определённой цели, она лишь знала, что все здания в гильдии колдунов построены в виде башен и возвышаются над городом, а сейчас ей хотелось оказаться именно ближе к небу.

В коридоре было пусто, одну стену занимали окна, вторую — множество закрытых дверей, таких же как в её комнату. Она в растерянности замерла, если сейчас уйти отсюда, то был шанс заблудиться и не найти дороги обратно, слишком одинаковыми были двери. Ветс упрямо поджала губы и, выбрав наугад направление, начала считать комнаты. После десятой обнаружился поворот и ступени, ведущие и вверх и вниз. Девушка уверенно шагнула вверх.

Ступени казались бесконечными, в какой-то момент ей начало казаться, что она топчется на месте, едва переставляя ноги. Но вот появился проём ведущий на следующий этаж, потом ещё один и ещё, пока лестница не вывела на смотровую площадку на плоской крыше, огороженную высокими перилами. Ветс с облегчением выдохнула, подошла к краю и вцепилась руками в металлическое ограждение. В тело сразу впились ледяные струи порывистого ветра, распахнули накидку, проникли под тонкую рубашку. Ветс слабо улыбнулась, наслаждаясь свежим воздухом. Холода она не боялась, это не тот враг, которого нужно бояться.

Перед её взглядом предстали бесконечные крыши домов, где-то у самой стены серебрилась водная гладь реки. Вдоль неё узкой длинной полосой тянулись поля, которых

для нужд города катастрофически не хватало. Ветс даже знала, что глава Стайта приказал снести на окраине дома, вскрыть, мощённые камнем тротуары и засадить эти территории травой под пастбища. Сейчас небольшие стада животных бродили у самой стены на другом берегу реки. Их тоже было слишком мало.

Взгляд девушки устремился вдаль — к лесу, туда, где тяжёлые низкие тучи соприкасались с верхушками деревьев. Именно там был её собственный дом, ни здесь, не в городе. Её родное селение находилось на берегу быстрой речки, среди лугов, и когда-то лес был виден лишь в отдалении. Монстры опасались больших открытых пространств, стаи гримтонов стремительными набегами пересекали реку и достигали стены, окружающей небольшое селение, оббегали вокруг и устремлялись обратно под кроны деревьев. Главным было отслеживать подобные набеги. Монстры не останавливались, не оседали под стенами, чтобы караулить добычу, что позволяло почти в безопасности возделывать расположенные вокруг стены поля.

Ветс ещё помнила те казавшиеся такими мирными и спокойными времена. Изменения подкрались вместе с подступившим к самой реке лесом. Молодые деревья быстро возмужали, взметнулись вверх, раскинув свои кроны над самой водой. А потом новые поросли появились и на другом берегу, подкрались к полям и стенам, стремительно отвоёвывая себе землю. Люди боролись с ним как могли, вырубали, выжигали огнём, но когда за каждым стволом поджидает опасность, когда между ветвей вдруг начинают мелькать бурые тела, единственным желанием остаётся укрыться за спасительной стеной и больше не выходить.

Ветс уехала с первым же караваном, собранным в Стайт. Она устала бояться, устала жить в постоянном ожидании очередного нападения. Говорят, что им повезло, они выбрали правильное время — время смены времён года, в такие моменты монстры словно выжидают, приспособиваются к изменениям, скрываясь где-то в глубине чащи. Только межсезонье давало надежду. Это время не имело границ, иногда у людей был месяц спокойствия, иногда меньше. Никто не знал точно. Но тому каравану повезло, он невредимым добрался до города.

С тех пор прошло два года, превратившихся для Ветс в бесконечную череду тренировок и битв за собственную жизнь. К воительницам её приняли сразу и прежде всего из-за того, что она не боялась леса, не боялась выходить за стены города. Всё остальное было не важным, остальному её обещали научить.

Она так и не полюбила город, не смогла к нему привыкнуть, здесь было слишком много домов и узких каменных улиц. Почти всё время ей хотелось вернуться в родное селение. В сердце жил не исчезающий страх, что вместо лугов она увидит лесную чащу, увидит разрушенную стену и пустые дома, что никогда больше не сможет обнять родителей... Они отпустили её, отпустили с надеждой, что её жизнь перестанет быть такой опасной. А она избрала себе единственное занятие, которое позволяло ей не сидеть за стенами города, а иметь хоть кую-то возможность навестить дом. Тот караван Крады стал её надеждой, на его маршруте было множество селений, в том числе и её родное, но он не успел добраться ни до одного.

Осень меняла лето, золотила листья деревьев, покрывала багрянцем кроны, и всё же они выбрали не правильное время. Для монстров межсезонье ещё не наступило. Люди ошиблись.

Ветс не испытывала радости, что осталась жива, тот бой нереально яркими картинками продолжал оставаться в памяти, стоял перед глазами, наполняя сердце горькой тоской. Она жива, жива... а они уже нет.

— Здесь холодно, ты замёрзнешь, — заботливый голос прорвался сквозь ставшие слишком громкими завывания ветра. — Идём.

Ветс почувствовала как чья-то сильная рука приобняла её за плечи и подтолкнула к лестнице. Она безропотно подчинилась. Неважно, всё неважно. И лишь внутри здания она поняла, что дрожит, а грудь разрывает от сдерживаемых рыданий. Неважно?

Ветс попыталась быстро успокоиться, вытерла мешавшие смотреть слёзы и со злым упрямством оттолкнула всё ещё придерживающего её за плечи высокого мужчину.

Тот лишь усмехнулся. У него были русые волосы, собранные сзади в хвост, на лбу поблёскивал серебряный обруч. Серые глаза смотрели слишком спокойным, почти безжизненным взглядом, лишь где-то в самой глубине поблёскивал огонёк любопытства. Его лицо с красивыми правильными чертами показалось Ветс смутно знакомым. Он был не молод, но полон сил, под накидкой колдуна угадывались крепкие мускулы.

— Идём, — вновь произнёс он. — Ты должна мне помочь.

— Я? — Ветс растерялась. — Но чем?

Они вместе пошли вниз по лестнице.

— Ты знаешь, что купол разрушен?

— Да. Я слышала об этом.

— Энергосфера погасла, источник больше не генерирует энергию, что-то его сдерживает, и я пока не могу понять что именно. Там за стенами города, когда распахнулись ворота, произошло нечто очень серьёзное. Я заглянул в видения всех выживших девушек кроме тебя, ты была слишком слаба для этого.

— И что ты увидел? — с дрожью спросила Ветс, понимая, что рядом с ней идёт глава гильдии.

— Они помнят стражников, ваш разговор, потом перед их взглядами оказывается земля и это всё, дальше чернота. Я чувствую, что ты сильнее, ты должна была видеть больше.

«— А в тебе есть сила», — глаза незнакомки полыхнули зелёными и такими же нечеловеческими, как и в небе огнями... Ветс вновь поёжилась, она не хотела об этом помнить.

Они спустились на самый нижний этаж и долго шли по длинному коридору, облицованному переливчатым синим камнем. Потом был широкий зал, Ветс невольно завертела головой, стены украшали замысловатые фрески, под самым потолком находились узкие вытянутые в длину окна, из которых струился свет. Он падал на зеркальный пол, сверкал во множестве светильников, заставляя их гореть драгоценными камнями. Но самым освещённым местом был постамент в конце зала. На нём замерла человеческая фигура с раскинутыми чёрными крыльями. Ветс даже не сразу поняла, что она не живая. Скульптура была настолько искусно сделана, что складывалось впечатление, что человек просто стоит и ждёт тебя.

Их шаги гулко отдавались в огромном зале, Карот уверенно шёл к скульптуре. Они приблизились на расстояние трёх шагов. Здесь находился столб, а перед ним каменный стол и такая же каменная чаша на нём, составляющая со столом единое целое. Вниз от чаши вел жёлоб и заканчивается у ног скульптуры, по краям расположены странные приспособления в виде колец. Ветс лишь мельком взглянула на всё это, а потом не могла оторвать взгляда от лица стоящего перед ней человека.

Это была молодая черноволосая женщина, девушка, почти девчонка. Её слегка неправильные черты лица отличались какой-то хищной красотой. В глубине больших жёлто-

зелёных глаз можно было утонуть. Завораживающий взгляд, смотрящий в самую душу, холодный и безразличный, но не отпускающий, притягивающий словно магнитом.

Взгляд был почти живым, она смотрела на Ветс, и ей вдруг стало очень страшно. Девушка закусила губу, только сейчас вдруг осознав, что её тело обхватили верёвки и прочно притянули к столбу. Она оказалась привязанной перед скульптурой. Колдун опустил её руки на края чаши и закрепил там кольцами.

Ветс вздрогнула и вопросительно взглянула на Карота.

— Не нужно бояться, — произнёс колдун, он медленно обошёл вокруг скульптуры. На его губах играла странная застывшая улыбка. — Я не причиню тебе боли. Просто смотри и вспоминай.

Его голос обволакивал её сознание, погружал в туман. У Ветс закружилась голова.

— Кто она? — спросила она через силу. — Почему ей приносят жертвы?

— Она? — её слух уловил настороженность и удивление. — У скульптуры нет лица. Что ты видишь?

Ветс с трудом качнула головой, перед взглядом всё расплывалось.

— Мне показалось, что это девушка.

«- Нет лица? Это неправда. У неё есть лицо. Очень знакомое лицо».

Карот вновь что-то спросил, но Ветс уже не услышала.

Реальность стремительно ускользала, превращалась в высокое синее небо, превращалась в ощущение прикосновений упругих струй воздуха, когда навстречу с бешеной скоростью несутся деревья, поля, дома, фигуры живых существ, а потом облака... Когда огромные чёрные крылья, сотканые из теней, с силой разрывают пространство... Она знала, что это чужие воспоминания, это Её воспоминания. Пьянящее чувство полёта, и не важно, что каждый взмах крыльев оставляет после себя пепел...

Подсознательно она знала, что спит. Ей очень часто снились яркие и до ужаса реальные сны, которые прочно врезались в память. Ветс никогда никому о них не рассказывала. Почему? Потому что в этом не было никакого смысла. Зачем кому-то знать про мир её сновидений, мир, принадлежащий только ей одной, мир так похожий на действительность, но в котором нет ни мрачных туч, ни монстров. Она просто верила, что когда-то этот мир существовал на самом деле. Именно существовал, а не будет существовать. Поэтому об этом не стоило говорить.

В её сегодняшнем сне яркий солнечный свет золотистыми потоками лился из высоких, вытянутых в длину окон и растворялся в зеркально-гладких плитах пола огромного зала. Лучи играли на причудливой мозаике стен, на фресках и тяжёлых позолоченных рамах картин. А ещё они ложились на замершую у противоположной стены фигуру девушки. Ветс знала, что это всего лишь скульптура, но всё равно шла вперёд с замиранием сердца.

Шаги растворялись в толстом камне плит, ей казалось, что она летит над полом, настолько беззвучным было её передвижение. Шаг вперёд, ещё шаг, неподвижная фигура приближается, голова скульптуры наклонена, она смотрит вниз, себе под ноги. Ветс знает, как она выглядит, помнит огромные переливчато-зелёные глаза, бледную кожу и почти бескровные губы. И всё же что-то было не так.

Память услужливо подсказывает, что скульптура кажется незавершённой, тогда, когда она впервые увидела её в этом зале, было что-то ещё. Было нечто отличающее фигуру от человеческой. Крылья! Два чёрных крыла за спиной.

Она останавливается, вдруг поняв, что перед ней не скульптура.

— Лиа, — слова срываются с губ и замирают в тишине. Но девушка её услышала, подняла голову. Пронзительный взгляд обжёг словно огнём, глаза слишком яркие для человеческих. Синие губы разошлись в улыбке, обнажив тонкие как иглы клыки.

— Ты видишь..., - её голос был похож на шелест ветра. За спиной Лии вдруг взметнулась чёрная тень и мгновенно превратилась в знакомые очертания. Два чёрных крыла разошлись в широком замахе и подняли её тело в воздух.

Ветс отшатнулась, упала на пол, хотя удара ветра от взмаха крыльев не было. Они словно состояли из клубящегося дыма — из теней, что ореолом скользили вокруг хозяйки.

Ещё один взмах, Лиа мгновенно поднялась к самому потолку зала. Крылья ударили вверх, рассекая замысловатую фреску. А Ветс вдруг осознала, что уже давно кричит. Кричит, потому что каждый взмах, наполняет воздух пеплом, в пепел превращается всё, к чему прикасаются крылья.

— Видишь?!

— Проснись! — чьи-то пальцы больно впились в её плечи и беспощадно затрясли. Ветс с трудом открыла глаза, на краю кровати сидела Тая.

— Ох, ты кричала, — она выпрямилась, отпуская плечи Ветс. — Я думала, что что-то случилось, а ты спишь.

— Это сон, — прошептала девушка. — Только сон.

— Кошмар приснился? Мне тоже иногда такая жуть снится, что кричать хочется. Что ты видела?

Ветс с трудом качнула головой и огляделась. Она находилась всё в той же комнате

лечебницы, ставшей для неё за эти дни такой привычной. Взгляд пробежал по убранству, остановился на знакомых предметах, а память настойчиво возвращала в огромный зал с множеством окон. Девушка поморщилась и внимательно посмотрела на Таю.

— Ты знаешь, что со мной разговаривал Карот?

Та кивнула.

— Похоже, я потеряла сознание. Он что-нибудь сказал об этом?

— Мне? — удивилась Тая. — Я лишь видела, как он тебя принёс, и помогла уложить в кровать. Ты была похожа на спящую, а не на потерявшую сознание. О чём вы разговаривали?

— Он спрашивал о том, что произошло за воротами. Кажется, он влез в мою память... я не знаю. С вами он ведь тоже такое проделал?

Тая кивнула и грустно улыбнулась.

— Он лишь пытается выяснить, что произошло. Защитный купол до сих пор не действует. Всем страшно. В городе паника.

— Сомневаюсь, что наши воспоминания чем-то помогут. Он тоже водил вас в тот зал?

— Какой зал? — в голосе подружки прозвучала настороженность.

— В зал со скульптурой девушки с чёрными крыльями.

Тая на мгновение опустила взгляд и вновь внимательно посмотрела на Ветс.

— Нет, он разговаривал с нами у меня в доме... — её голос снизился до шёпота. — Я слышала про этот зал. Зал со скульптурой с чёрными крыльями, говорят, она сделана из эльстона — камня генерирующего энергетический купол, это один из источников — самый сильный. Но я не знала, что это девушка, говорят, у скульптуры нет лица, хотя она выполнена настолько искусно, что неотличима от человеческой фигуры. Зачем он тебя туда водил?

— Я не знаю, — с трудом проговорила Ветс. — Перед ней есть жертвенная чаша. Неужели у нас существует жертвоприношение?

Тая заметно вздрогнула.

— Ты читала хроники?

Ветс отрицательно покачала головой.

— У нас в деревне не было таких книг, вообще никаких книг не было. Мама учила меня писать и читать с помощью собственноручно написанных текстов.

— А я очень много времени проводила в библиотеке и однажды наткнулась на книгу в старинном переплёте, — быстро заговорила Тая. — Сначала мне было не интересно, я просто листала страницы, исписанные очень мелким шрифтом. Не знаю почему, бумага была пожелтевшей и крошилась у меня под пальцами, я чихала от пыли, но продолжала листать, пока не наткнулась на рисунок. Он врезался мне в память — это была чаша наполненная кровью, а над ней фигура с раскинутыми чёрными крыльями. Почему-то рисунок вызвал страх, и я захлопнула книгу.

— Покажи её мне, — попросила Ветс.

— Книгу?

— Да.

— Зачем?

— Хочу понять кто Она.

— Она? Почему она? У скульптуры нет лица.

— Есть! — воскликнула Ветс. — Пусть это был только сон, но я видело её лицо. Лицо Лии.

Тая медленно отстранилась и нахмурилась.

— Лиа? Тебе, наверное, показалось или приснилось, как ты сама говоришь.

— Неважно, я уверена, что нам стоит узнать, кого изображает эта скульптура.

— Но она очень древняя. Это не может быть Лиа.

— Мы ничего о ней не знаем, а она до сих пор где-то в нашем городе. Ты не думаешь, что невозможность восстановления купола как — то связана с её присутствием? Сдаётся мне, что именно она его и разрушила, иначе как бы мы вошли в город. А её конь, где он?

Тая сжала кулаки и смотрела на Ветс широко открытыми глазами.

— Я-я, я всё же прочитала про скульптуру, — прошептала она. — Но никогда и ни с кем об этом не говорила. Это слишком страшно. Я просто постаралась об этом забыть.

— Что ты прочитала?

— Она чужая, странница, пришедшая из тьмы неизведанного... Она никто. Ни добро и не зло, но она смерть, потому как Двери перед ней открывают тысячи оборванных жизней, — голос, произнёсший это, был слишком холодным и почти безжизненным. Обе девушки вздрогнули. В дверях комнаты стоял Карот. — Вам не нужно было об этом знать, мои красавицы, но раз уж так случилось, — он усмехнулся. — Я расскажу вам обо всём по пути в зал. Идёмте.

— Зачем? — в голосе Таи послышалась паника.

— Чтобы исполнить предназначение, — безжалостно ответил колдун. — Идёмте.

— Нет!

Ветс не понимала происходящего, два стражника вытащили её из кровати и в одной ночной рубашке поволокли в коридор. Рядом извивалась и пыталась сопротивляться Тая. Её скрутили два других стражника, девушка начала кричать, пыталась позвать брата. Ветс как в тумане наблюдала, как подруге заткнули рот и накинута на руки верёвку, стянув запястья. Их группа быстрым шагом двинулась по коридору.

— Куда мы идём? — Ветс с трудом посмотрела на Карота, шагающего чуть впереди. Сил чтобы сопротивляться у неё не было. Колдун обернулся, на его губах играла застывшая улыбка.

— Я расскажу тебе, — начал он. — Расскажу о том времени, когда человечество замерло на грани выживания. Это было много веков назад...

Зал встретил их тоскливой тишиной, шаги звучали почти беззвучно, как в её сне. Даже Тая прекратила вырываться и обречённо шла вперёд. Ветс впервые рассмотрела скульптуру более осознанно, сейчас её взгляд не туманился наваждением. Она действительно казалось живой, идеальные пропорции, слишком естественные изгибы тела, удивительные цвета кожи и странной свободной одежды, не позволяющей определить мужчина это или женщина. Вот только вместо лица гладкий камень, на который падают локоны чёрных волос.

- Что ты сейчас видишь? — вкрадчиво спросил Карот.

Ветс не ответила. Даже без лица эта безжизненная фигура завораживала, но не вызвала страха. Страх появился потом, когда её тело вновь обхватили верёвки и притянули к столбу. Она словно очнулась и попыталась вырваться, но силы оказались слишком неравными. Стражники легко закрепили её руки по краям чаши. Девушка дёрнулась, металлические кольца сильно впились в её запястья, причиняя боль.

— Иногда судьба преподносит нам очень страшные сюрпризы. Вы выжили, когда на вас напали гримптоны. Выжили вопреки всему, чтобы послужить великой цели. Ваша кровь

станет Её пищей, чтобы отсрочить неизбежное.

— Кто она? — Ветс удивилась, что её голос прозвучал настолько чётко и ровно, без дрожи, без страха.

- Судья, — колдун криво усмехнулся. — Чудовище, способное спасти или уничтожить.

— Нет, — Ветс вновь дёрнулась. — Это не правильно! Ей не нужна кровь!

— Что ты можешь знать об этом, девчонка? — прошипел Карот. В его руках блеснул изогнутый нож, лезвие заиграло причудливыми отсветами, приближаясь к запястьям девушки. — Когда-то Она уже являлась в наш мир. Ей всё равно кто его населяет. Ей всё равно кто с кем воюет. Ей всё равно кто кого убивает. Она выбирает большее зло. Выбирает тех, в ком больше ненависти в истреблении противников.

Наш мир балансировал на грани полного уничтожения. Люди погубили сами себя. Её же целью было не спасение. Её целью было открыть Двери для перехода в следующий мир. А для этого нужна энергия. Огромная энергия. Она взяла её из тех, кто был сильнее. Разрядила обстановку, уничтожила наших противников и, уходя подарила нам эльстон — камень генерирующий энергетический купол. Судья решила, что человечество выживет.

С тех пор мы приносим ей жертву — чистую энергию — нашу кровь. Мы не хотим, чтобы она вернулась, — нож в его руках прочертил сверкающую полосу, настолько быстрым был взмах клинка. Ветс запоздало вскрикнула уже после того, как из разреза на запястье заструилась густая алая кровь. Так же быстро Карот перерезал вены на её второй руке.

Девушка с ужасом наблюдала, как в чашу упали первые капли, превращаясь в быстрые струи.

— Нет... Ты не понимаешь — это бессмысленно, она уже здесь.

Бледные, ещё серые лучи утреннего света неуверенно прокрались через неровный провал окна внутрь дома. Осветили выщербленные стены, покрытый обломками и пылью пол, скользнули по узкой металлической полосе, в неестественном положении зависшей в воздухе, и достигли тела молодого мужчины, лежащего у дальней стены. Едва свет упал на его сомкнутые веки, он вздрогнул и чуть слышно застонал.

На его сухих, потрескавшихся губах запеклась корочка крови, впалые щёки покрывали полу зажившие царапины и ссадины, на тёмные волосы налипли частички каменного крошева. Ещё не открывая глаз, он резко сел и выставил перед собой меч. Лишь потом осторожно приоткрыл веки, замер и долго вслушивался. Слегка успокоившись, провёл ладонью по лицу, взгляд чёрных глаз окинул уже привычное помещение, в котором Берущий встречал второе утро подряд.

Вместо вдоха сквозь губы вновь вырвался стон. Сташ поморщился, невыносимо хотелось пить, голод на время отступил, но вот жажда не собиралась давать ему покоя. Он знал, что задержался здесь непростительно долго и почему-то был уверен, что не спал этой ночью, но видимо его организм решил по-другому.

Мышцы вновь сковал холод, парень рывком заставил себя встать, пошатнулся и опёрся на меч. К выходу он побрёл держась за стену. Лес встретил звенящей тишиной, Берущий привалился спиной к косяку и долго стоял, пытаясь осознать, почему нет никакого желания куда-то идти. Лес молчал, не давал подсказок. Сташ с трудом встряхнулся, хотелось закрыть глаза, сесть и вновь заснуть. Он пересилил себя и шагнул через порог. Шагнул и лишь тогда начал слышать — шорох хвои, песню ветра, шелестение травы.

За спиной раздался тяжёлый вздох, парень сделал ещё несколько шагов вперёд и лишь

тогда оглянулся. Ощущение показалось странным, забытым. Наверное, именно таким и бывает чувство страха. Наверное. Сташ слишком давно разучился бояться.

Серый исполин всматривался в ответ пустыми глазницами окон, в проёме двери клубилось густое облако пыли, словно изо рта вырывалось дыхание. Где-то в его глубине то и дело мелькали почти незримые силуэты, силуэты тех, кто сотни лет назад переступал порог этой двери. Тени.

Сташ выдохнул, не спуская с дома взгляда, вперёд спиной начал отходить. Он не принадлежит прошлому, тот мир не его!

Когда между ним и домом встали несколько рядов сосен, он повернулся и, тяжело хромая на правую ногу, как только мог быстро зашагал прочь.

К роднику его вывели инстинкты, а не память. Когда-то совсем маленькая, заросшая кустами, ложбинка сейчас превратилась в глубокий овраг. Он поперёк прорезал широкую просеку и нырял во тьму бурелома. Сташ приостановился, просека существовала и раньше, а вот оврага он не помнил. Было похоже, что земля просто просела, а потом обвалилась. Он двинулся по его краю, спускаться вниз совершенно не хотелось, но именно со дна, скрытого листвой кустарника, доносилось едва слышное журчание воды.

Берущий втянул носом воздух, запах влаги защекотал его ноздри, отозвавшись мучительным спазмом в пересохшем горле. Больше не раздумывая, Сташ с места скользнул вниз, сбежал на дно оврага и обнаружил узкий ручей. Он мгновенно над ним склонился, опустил в воду руки и замер, ощущая, как ледяные струи колючим холодом впиваются в кожу. Энергия воды была удивительно чистой, незамутнённой никакими примесями. Он позволил себе прикоснуться к струям губами, сделал глоток, потом ещё один и ещё.

Напившись, Сташ долго тёр лицо, плескал воду на волосы, шею, пытался смыть с себя грязь и кровь. Холодные ручейки затекли под одежду, побежали по спине и груди, заставив поёжиться и прекратить водные процедуры.

Он опустился на землю, решив позволить себе короткий отдых. Впервые за всё время стянул сапог и закатал штанину, чтобы осмотреть повреждённое колено. Ничего утешительного он не увидел, кожа была чёрно-синей, распухшей. Если бы не кровлиг, возможно он уже сейчас не смог бы ходить. Сташ мечом отрезал от рубахи полосу ткани, от чего обнажился живот, смочил её в воде и обвязал колено. Потом вернул штанину на место и надел сапог. Ничего, он Берущий, пока ещё Берущий, и тех, кто способен вернуть ему силы, в этом лесу очень много. Возможно слишком много для одного.

Он услышал их гораздо раньше, чем бы ему этого хотелось. Мышцы до сих пор пульсировали усталостью, тело только — только начало восстанавливать потраченные на дорогу сюда силы. Сташ вжался во влажную подстилку леса, попытался слиться с землёй. Если не выдавать себя движением, то возможно запах прелой листвы и влаги перебьёт запах живой плоти. Конечно, если только они не остановятся и не будут искать его целенаправленно. Но судя по торопливому шелестению на краю оврага и по громкому гуканью, они охотятся совсем на другую дичь.

Сташ настороженно вслушивался в беспорядочные звуки леса. Твари способны передвигаться совершенно бесшумно, но сейчас они не скрывались. Слух вычленил быстрые удары множества лап об землю, стремительные прыжки, щёлканье челюстей. Стая.

Он оставался неподвижным, пока не убедился, что все твари пронесли мимо. Осторожно приподнялся, медленно встал на ноги и начал выбираться наверх. Прежде чем вылезти, ещё раз замер на краю оврага, присмотрелся к окружающему лесу.

Земля была вспахана следами десятков лап, глубокими, смазанными, означающими, что те, кто их оставил, бежали с огромной скоростью. Сташ накрыл ближайший след ладонью, наклонился и слегка подул. Перед взглядом медленно, уже нехотя встала неровная багровая тень. Несколько мгновений она пульсировала в воздухе, потом сорвалась с места и понеслась догонять своего хозяина.

Берущий поморщился — гримптоны. Это была большая, сильная стая, способная напасть на любой отряд.

Вдалеке вдруг послышались крики людей, им ответил торжествующий утробный вой, вырвавшийся из множества глоток.

Сташ уже не таясь выбрался из оврага и выпрямился во весь рост. Сильно хромая он двинулся в ту же сторону, что и стая.

Вскоре впереди замелькали бурые тела тварей. Берущий остановился за толстым стволом дерева, для начала нужно было оценить обстановку. Сейчас он находился на невысоком холме, его подножие огибала узкая лесная дорога, именно здесь grimтоны и окружили караван.

Сташ насчитал восемь телег, все крытые, обшитые со всех сторон толстыми листами металла. Две из них являлись пассажирскими, но выделялись они только тем, что имели в наличии плотно закрытые окна. В каждую запряжена пара лошадей, их крупы и шеи закрыты чешуйчатыми попонами, сходящимися на животах и груди. Все возницы в доспехах, вооружённые не только мечами, но и стрелковым оружием. Сейчас они вместе с отрядом охранения участвовали в отражение почти захлестнувшей караван атаке тварей.

Хорошо подготовленный караван, впрочем, Сташ по опыту знал, что это ничего не значит. Grimтоны во много раз превышали защитников числом. И даже если бы это было не так, люди всё равно бы не смогли отразить их атаку. Его всегда удивляла эта убеждённость селян, что если они покроют телеги бронёй, защитят лошадей крепкими попонами и наденут доспехи, то смогут беспрепятственно проехать через лес. Тварям безразлично какая у добычи защита, они всё равно нападут. Сначала уничтожат тех, кто находится снаружи, а потом устроятся вокруг телег и будут ждать, когда голод и жажда вынудят выйти наружу прячущихся за бронёй пассажиров.

Но иногда, очень редко, даже без помощи Братства, караванам удавалось прорываться через лес, обычно это происходило, если на их пути не встречались grimтоны, а от других тварей — менее неуязвимых люди могли отбиться.

Данному каравану очень сильно не повезло. Ещё живые защитники прижались спинами к телегам, их мечи безуспешно рубили бурые тела, на шкурах оставались неглубокие полосы, которые быстро затягивались. Несколько grimтонов огромными прыжками заскочили на крыши телег и сейчас играючи ловили когтями головы, находившихся внизу людей.

Сташ насчитал пятнадцать ещё державшихся на ногах человек, все в кольчугах и шлемах, в руках по два меча. То, что они живы было лишь вопросом времени, grimтонов пока отпугивали лишь слишком быстрые движения оружия в руках добычи. Оружия, которое хоть и наносило не смертельные, но всё же раны. Твари знали, что люди устанут, они не могут сопротивляться бесконечно.

Раздалось жалобное ржание лошадей, часть grimтонов налетела на впряжённых в первые две телеги животных. Их повалили на землю и, несмотря на защиту попон, рвали открытые участки тел зубами.

Один из воинов глянул в ту сторону, лишь на мгновение отвёл взгляд от противников, и вот уже цепкая лапа поднырнула под его меч и достала ногу. Когти впились в сапог, дёрнули к себе, опрокидывая на землю. Человек с криком упал, кинувшийся ему на помощь товарищ был тут же тоже сбит. Обоих поволокли к деревьям.

Люди извивались, оружия из рук не выпустили, продолжая с отчаянием обречённых отбиваться от дёргавших их со всех сторон grimтонов. Их кольчуги пока выдерживали удары когтей и рвущие укусы зубов. Но как только твари доберутся до их незащищённых лиц, с их жизнями будет покончено.

Этих двоих затащили на склон холма, им даже удалось сесть и прижаться спинами к

стволу дерева. Гримтоны трепали их за ноги, рвали зубами плечи, бока и отскакивали, изворачиваясь из под ударов всё медленнее поднимающихся в руках людей клинков.

Сташу это очень напомнило игру хищников с уже обречёнными жертвами. Он глубоко вздохнул, оценивая свои возможности. Вокруг двух воинов крутились шесть grimтонов, остальная стая наседали на защитников каравана. Берущий не питал никаких иллюзий, что сможет справиться со всеми, ему требовалось лишь пополнить собственные силы. Для этого хватило бы и двух монстров. Но остальные, конечно, не оставят его нападение без внимания. Самым правильным было бы постараться сейчас уйти незамеченным и поискать другой источник энергии. Слишком глупо в его состоянии ввязываться в неравный бой. И людям не поможет и собственной жизни лишится.

Сташ криво усмехнулся. О чём — о чём, а вот о жизни думать уже не стоило. Её просто нет. Так же как у этих людей. Он вдруг увидел, как когтистая лапа стащила с одного из воинов шлем. На бледном, совсем молодом лице сверкнули полные отчаянной решительности глаза. Решительности уйти защищаясь. И понимания, что всё кончено.

Берущий выхватил из ножен меч, и хромая сбежал по склону. Он больше не думал, ни о чём не думал. Упругая сталь с размаху вошла в спину ближайшего grimтона, тот удивлённо заверещал, попытался обернуться. Сташ выдернул меч из его тела и, не останавливаясь, резанул по шее. Несколько мгновений он чувствовал, как энергия вливается в его собственные мышцы, наполняет их силой. Он шагнул дальше, срубил голову следующей твари, крутанулся на месте и пронзил грудь третьего grimтона. Те, наконец, поняли, что у них появился новый противник. Оставили своих беспомощных жертв и вместе бросились на непонятого человека, чей меч не просто ранил, он убивал.

Берущий слегка отступил, боли он уже не чувствовал, по мышцам бежал колючий холодок, наполняя их упоительной энергией. Взмахнуть мечом, подловить увернувшуюся тварь самым кончиком клинка, отбить атаку сбоку, потом со спины, развернуться, рассечь бурое тело на две половинки.... Меч с мягким шипением вспарывал воздух и танцевал вместе с хозяином. Безумный танец, завораживающий, смертоносный.

Сташ резко остановился, grimтоны горами безжизненного мяса лежали на земле. Оба человека смотрели на него вытаращенными глазами.

— Берущий..., - выдохнул тот, что был без шлема. — Помоги.

Сташ шагнул ближе, подпнул к нему шлем, коротко кивнул.

— Одень.

Человек торопливо натянул на голову потерянный предмет одежды, начал неловко вставать. Все его движения были заторможенными, медленными. Второй, тоже шатаясь, поднялся с земли. Берущий несколько мгновений наблюдал за ранеными, помятыми тварями воинами, потом подхватил в руку второй меч, выпавший из ослабевших пальцев одного из людей, и подтолкнул временно спасённых к дороге.

— Вперёд, нам туда.

Воины, хоть и с трудом, но побежали. Сташ криво усмехнулся, обогнал их и врезался в толпу тварей. Его мечи превратились в мелькающие полосы. Стая grimтонов резко поредела, они ещё не осознали, что их убивают, как половина лежала на земле. Берущий не останавливаясь, методично рассекал податливые тела, уворачивался от когтей, рубил оскаленные морды, всё больше теряя чувствительность и почти перестав дышать.

Стая вдруг отпрянула, твари отбежали на несколько шагов и завyli. Сташ крутанул в руках оба меча, выпрямился, готовясь к новой атаке. Эти не отступят, не оставят столь

лакомую добычу, они просто ждут своих собратий.

— Эй, Берущий, давай сюда.

Сташ позволил себе коротко глянуть на людей. Те забрались на крыши пассажирских телег, видимо открывать двери не решились и теперь направляли лошадей в объезд оставшегося обоза. Возница ближайшей махал ему рукой.

— Давай, Берущий, едем.

Сташ попятился, гримтоны мялись на месте и тихо подвывали. Не спуская с них взгляда, он вскочил рядом с возницей, тот сразу хлестнул лошадей, заставляя перейти на бег.

— Боятся тебя, — усмехнулся один из воинов.

— Нет, — Сташ покачал головой. — Они на это не способны.

— Тогда чего остановились?

— Ждут, — он кивнул на лес, где по стволам деревьев уже ползли кровавые тени приближающейся новой стаи. — Ждут себе подобных. Они близко.

— Ты уверен? — сразу в нескольких голосах прозвучала паника.

— Сейчас сами увидите.

На такой скорости телегу нещадно трясло, коней не приходилось подгонять, они неслись по лесной дороге на пределе своих возможностей. Вперёд смотрел только возница, остальные пассажиры, сгрудившиеся на плоской крыше повозки, напряжённо всматривались в просветы между деревьями. Перед ними следовал ещё один экипаж, и все понимали, что они как вторые и последние рискуют намного больше. Если твари нападут, то удар придётся именно по их телеге.

Нежданная возможность вырваться из западни не казалась им спасением, а лишь дала кратковременную отсрочку перед смертью. Тот, кто подарил эту отсрочку так и оставался рядом с возницей, и люди не менее напряжённо нет — нет да поглядывали в его сторону. Большинство из них никогда раньше не встречались с Берущими, лишь слышали про этих монстров, только внешне выглядевших как люди.

Их спаситель был молод, на вид ещё не переступил двадцатилетний рубеж, но телосложение крепкое, на руках бугрятся мышцы. Сам гибкий и очень быстрый, как они успели убедиться. Но стоит посмотреть в глаза и сразу накатывает паника и понимание, что рядом не совсем человек. Не бывает у людей таких глаз — без зрачков, без радужки, заполненных сплошной чёрной мглой.

А ещё он был одиночкой, и это казалось самым страшным. Изгой, переступивший черту. Но несмотря ни на что он вмешался, помог, отсрочил неизбежное, подарив им призрачный шанс выжить.

Сташ не смотрел на лес, не смотрел на людей, он просто слушал окружающее пространство. Возница отодвинулся от него насколько позволял облучок. Сквозь полу прикрытые веки Берущий видел, как он вздрагивает. Люди боятся его, боятся не на много меньше чем догоняющих тварей. Он отстранённо удивился собственному безразличию, с каким принял этот факт. Неважно. Он уже не человек, но ещё не монстр.... Ненадолго.

Очень близко метнулась багровая тень и размытой полосой легла вдоль дороги. Сташ зло усмехнулся, выпрямился, выбирая более устойчивую позицию. Возница заметил его действия, обеспокоенно покосился на лес и сильнее хлестнул лошадей. Вой гримтонов пока не достиг слуха людей, но Берущий отчётливо различал их голодные зазывания и тяжёлый топот множества лап. Всё ближе, ближе....

Сташ бросил один меч — тот, что был чужим, схватился освободившейся рукой за край

крыши и запрыгнул наверх повозки. Люди мгновенно отодвинулись, прижались к низеньким бортикам, с трудом удерживаясь, чтобы не слететь. Берущий был единственным кто остался стоять на ногах. Он пробрался к заднему краю крыши, легко балансируя на раскачивающейся телеге, и вытащил пистолет.

Ждать пришлось недолго. Сразу с двух сторон на дорогу выметнулись бурые чешуйчатые тела, это было похоже на лавину, мгновенно накрывшую всё свободное пространство. Ещё никогда в жизни Сташ не видел такого количества grimтонов одновременно. Эти твари тоже могут быть мстительными.

Последний бой? Он невольно улыбнулся, значит не судьба — не быть ему монстром, вот только людям не повезло.

Рядом послышались отчаянные крики, кто-то ругался, кто-то вслух прощался со своими родными. Последний бой, мгновения, что слишком быстро ускользают в небытие. Это не страшно....

— Эй, парень, — Сташ не сразу понял, что обращаются к нему, пока в его ногу не вцепились чьи-то пальцы. Он опустил взгляд, рядом распластался немолодой бородатый воин. Человек со страхом посмотрел ему в лицо и вздрогнул. Берущий вдруг понял, что всё ещё улыбается, он с трудом вернул на лицо маску безразличия.

— Здесь недалеко, мы рядом, — зашептал человек. — Уже рядом, нам бы чуть — чуть продержаться. Может получится, а? Я не боюсь, но там в телеге дети..., - он хлопнул по крыше рукой. — Наши дети....

Сташ коротко кивнул. Над краем вдруг взметнулась пластинчатая голова, Берущий выстрелил в открытую пасть. Тварь захрипела и повалилась обратно на дорогу, остальные перепрыгнули через катящееся тело и прибавили скорость.

— Не уйти, — горько проговорил воин. Сташ рубанул мечом по подпрыгнувшему grimтому, отбросил назад, вновь выстрелил, отпугивая ближайших и быстро глянул на человека. Тот лежал с обнажённым оружием в руках, костяшки пальцев побелели, но отползти назад даже не пытается.

Страх, отчаянье и безнадежная решимость. Никто не отступит. Он тоже когда-то был человеком — таким же. Сколько же лет прошло с тех пор? Десять? Не больше. А кажется, что целый век.

Зрение двоилось, отмечая и обходивших с боков тварей и летящих в прыжке двух огромных grimтонов. Сташ полуприсел, одному съёс голову ещё на подлёте, второй зацепился когтями за край крыши и по его лапам рубанул человек. Тварь рыкнула, потянулась мордой к отодвигающемуся воину, ловя его голову клыками. Сташ коротко крутанул меч и всадил в загривок влетающему на телегу монстру. Тот забился в конвульсиях, отдавая свою жизненную силу. Берущий не стал ждать конца этой агонии, выдернул оружие и ногой спихнул grimтона с крыши.

Человек выругался, нервно усмехнулся.

— Прорвёмся, Берущий. Должны прорваться....

Надежда, похожая на иллюзию. Перед его взглядом призрачной тенью мелькнул зелёный шар и пропал, возвращая в страшную реальность. Сташ быстро вскинул руку, развернулся, ведя оружие за собой. Скользящий удар вспорол шкуры сразу четырёх налетевших тварей. Удар получился особенным, вытягивающим жизни в движении. Вслед за мечом потянулись багровые тени, слились воедино с клинком, оставляя своих безжизненных хозяев далеко на дороге.

Мгновение, Сташ успел коротко вздохнуть, сбоку мелькнула когтистая лапа, подцепила лежащего у края человека и потянула вниз. Люди схватили товарища за одежду, пытаясь удержать его на крыше. Один рубанул по лапе мечом, но лишь поцарапал пластинчатую шкуру, переключив внимание grimтона на себя. Тварь подпрыгнула, клацнула клыками, и на месте горла незадачливого воителя оказалась огромная рана.

Человек беззвучно повалился вниз, второго удалось вытащить. Люди в панике перебрались на другую сторону. Grimтон так и держался за край крыши, постепенно подтягивая соскальзывающее тело к своей цели.

Сташ сделал в его сторону быстрый шаг, монстр попытался отбить клинок лапой. Меч аккуратно срезал когтистые пальцы и скользнул дальше — к телу, завершая смертоносное движение. Обезглавленный монстр слетел с края крыши.

Берущий отстранённо развернулся, выстрелил в догоняющую толпу и отбросил пустой пистолет куда-то на дорогу. Огнестрельное оружие было довольно ценным, но это уже неважно. Зарядить его всё равно нечем.

Сташ опустился на одно колено и просто смотрел, как твари целенаправленно сокращают расстояние. Меч слегка подрагивал, жёг ладонь последними каплями передаваемой энергии, что вливалась в его тело. Меч не хранит в себе чужую силу, она будет отдана вся, и даже если бросить его сейчас на землю, это ничего не изменит. Поток не прервётся, Сташ уже когда-то пробовал — бесполезно, не оружие играет главную роль, а только способности Берущего.

Он знал, что взял слишком много. Чувствовал. В теле уже не было той упоительной лёгкости, с которой каждое движение становилось похожим на бесконечный танец. Чуждая сила раздирала мышцы режущей болью, и каждая оборванная жизнь новой твари всё больше превращалась для него в пытку.

Берущий с тоской следил за приближающейся стаей. Это неправда, что чем больше он убьёт, тем всемогущее станет. Предел есть у всего. Есть нечто, что всё больше застилает взгляд туманом, отправляя в бесконечный путь к иному существованию. Он не хотел думать о том что там по другую сторону, лишь с непонятным спокойствием ощущал приближение грани....

За спиной вдруг возбуждённо загомонили люди, а над головой неожиданно появилось небо, которое больше не закрывали ветви деревьев. Сташ позволил себе быстро оглянуться. Телеги, не сбавляя скорости, неслись к высокому частоколу. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что селение защищает не только забор, но и энергетический купол. Если доберутся — будут спасены.

Из глоток тварей вырвалось злобное рычание, они увеличили скорость, единым порывом вплотную приблизившись к ускользающей добыче. Люди закричали, понимая, что могут погибнуть в шаге от собственного дома.

Мгновения. Лапы отталкиваются от земли, в воздухе мелькают бурые тела и обрушиваются на крышу телеги, подминая под себя беспомощных жертв. Берущий смахнул головы сразу троим монстрам, мельком увидел вытаращенные глаза воинов, на которых навалились обезглавленные тела, но с этим пусть разбираются сами. Он уже развернулся, ловя клинком подставившей в прыжке живот очередной твари, ударом меча придал телу grimтона скорость, и тот перелетел через телегу на другую сторону, по пути сбив ещё двоих монстров.

Мир вдруг мигнул, изменяя все цвета на серую, размытую пелену.

— Не сейчас, — сквозь его стиснутые губы вырвался полу-стон полу-всхлип. Сташ пошатнулся, понимая, что падает. Ему удалось сделать шаг к краю крыши, упруго оттолкнуться и прыгнуть вниз. Он ещё ощутил, как спину защипало от очень близкого нахождения энерго-барьера. Соприкосновение с землёй отозвалось болью сразу во всех мышцах, но он вскочил на ноги, сосредоточившись на единственном звуке — стуке колёс отдаляющейся телеги.

Лапы grimтонов вспахали землю, чудовища, не ожидавшие такой подачи в виде одинокого человека, попытались одновременно схватить его зубами. Сразу четыре громоздких тела столкнулись прямо перед Сташем, двое не удержались на лапах и покатались по траве, увлекая за собой третьего. Берущий резко отскочил, попятился, четвёртый монстр ловко подпрыгнул и вонзил когти в его правое плечо, стараясь посильнее зацепить жертву и подтащить к себе.

Парень зашипел от боли, выругался, в развороте сдёрнул своё тело с когтей. Меч пришлось перехватить левой рукой, правая мгновенно онемела. Разозлённый grimтон подскочил почти вплотную, сзади уже напирала его собратья, и монстр стремился первым завладеть добычей.

Сташ наискось рубанул по морде, услышал, как лезвие заскрежетало по зубам, зло усмехнулся. Grimтон взревел и пошатнулся. Берущий повёл рукой, отстранённо наблюдая, как за клинком потянулась багровая тень. В голове успела мелькнуть мысль, что Предел не может ждать его вечно, и сразу вместе с тенью в тело впиалась колючая, почти парализующая боль. Он глухо застонал, на подгибающихся ногах шагнул назад. А через упавшего grimтона уже перепрыгивали новые монстры.

Меч заплясал в его руке, исполняя свой последний танец. Ещё шаг назад, спина обо что-то ударилась. Сквозь застилающую взгляд пелену он увидел, как из узких бойниц в стене чуть выше его головы ударили яркие полосы энергетических разрядов. Grimтоны отскочили, попятились. Сташ побрёл вдоль препятствия, умом понимая, что это забор, но почти ничего не видя — перед взглядом всё больше клубился туман. Очень близко оглушающе выли монстры, разряды их надолго не задержат. Неожиданно мелькнули створки закрывающихся ворот, Берущий последним усилием протиснулся в узкую щель и выдохнул, не совсем осознавая, что всё ещё жив.

Сташ с трудом разомкнул сведённые судорогой губы, криво усмехнулся и ощутил во рту привкус крови. Он устало опёрся о закрытые ворота рукой, потом прижался к прохладному металлу лбом. Перед взглядом так и плясали серые тени, зрение не желало становиться более чётким. Что дальше?

На затылок вдруг обрушился сильный удар, в глазах ещё больше потемнело, но лишь на мгновение. Неимоверным усилием Сташ заставил себя быстро обернуться. Следующий удар чем-то тяжёлым и твёрдым пришёлся ему в лицо. Берущий качнулся, из рассечённого лба, заливая глаза, заструилась кровь.

Перед ним толпились те же воины, что только что ехали с ним на одной телеге. Во взглядах людей читалось изумление перемешанное со страхом. Удар, нанесённый с такой силой, должен был сразу свалить с ног.

Сташ крутанул в руке меч, направляя на противников. Те лишь придвинулись ближе, заставив его шагнуть назад. Он слишком хорошо понимал их действия, страх за родных способен толкнуть и не на такое.

Он спас этих людей, и что теперь? Убить? Он вновь отступил, криво усмехнулся и бросил собственное оружие на землю — под ноги селянам. Они не остановились, на голову обрушился новый удар. Сташ молча терпел, проклиная собственную живучесть. Его били долго, пока он не повалился на землю, пока перед глазами не замелькали чёрные пятна, и

пока они не убедились, что он потерял сознание.

Ему показалось, что это сон, жаль только, он слишком хорошо знал, что сны остались в другой жизни — в далёком детстве. Но как ещё объяснить эти удивительные ощущения окружающего спокойствия — вокруг шумело своими повседневными заботами большое селение, люди не спеша прохаживались, разговаривали, занимались насущными делами. Сташ до последнего не хотел открывать глаз, боялся, что иллюзия безопасности исчезнет.

Впрочем, когда он решился приоткрыть веки, окружающая действительность не показалась такой уж радужной. Взгляд сразу наткнулся на вертикальные металлические прутья, расположенные очень близко друг к другу, над головой простирался деревянный потолок, обшитый матово-серыми листами, и снова прутья, расположенные по периметру. Клетка, в которой находится всего один обитатель.

Берущий глубоко вдохнул, прислушиваясь к собственному телу, боль притаилась лишь в правом плече, да и та была не резкой, а едва ощутимой. Голова, принявшая на себя столько ударов, и вовсе не болела. Он некоторое время лежал неподвижно, пытаясь понять, что с ним произошло. Зрение восстановилось, слабости не чувствуется, словно он действительно проснулся полностью отдохнувшим.

Объяснение могло быть только одно — вся та излишняя энергия, что уже начала сжигать его тело пошла на заживление полученных ран. А раны действительно были серьёзными — особенно разодранное когтями плечо, да и голову ему сильно разбили.

Он знал, что находился на грани и даже был уверен, что переступил эту грань, но получалось, что именно ранения предотвратили неизбежное. Тело было повреждено, и энергия перекинул не на его преобразование, а на спасение жизни.

Сташ невольно усмехнулся, это был вполне реальный вариант подольше задержаться в образе человека.

Он осторожно провёл рукой по лицу и ощутил под пальцами корку из засохшей крови, притронулся к волосам — тут же наткнулся на слипшиеся и отвердевшие пряди. Значит, лежит он здесь довольно долго, скорее всего, наступил другой день. Мгновенно кольнуло тревогой, Братство не остановится, сейчас у них только одна цель — уничтожить изгоя.

Он и сам не понимал зачем бежит, всё было бы на много проще, если бы он погиб, падая с того обрыва. Ненужно было бы ничего решать и мучиться от тоскливого ожидания, когда собственное сознание погрузится во тьму, уступая место чуждым инстинктам перерождённого. И сегодняшнего дня уже не было бы...

Сташ приподнялся, сел и обнаружил, что на пол кем-то заботливо положена набитая травой подстилка, на которой он и очнулся. Сама клетка располагалась в дальнем углу широкой площади. Отсюда открывался вид и на выстроившиеся по периметру добротные одноэтажные дома и на торговые ряды небольшого рынка. Селяне спокойно спешили мимо, ещё не видя, что их гость очнулся. Поэтому Берущий отодвинулся к задней стене — в тень, стараясь не привлекать к себе внимания.

Он осмотрел повреждённое плечо — под изодранной одеждой вырисовывались длинные глубокие полосы, превратившиеся в багровые шрамы. Они наискось перечёркивали плечо и обрывались на груди. Весь рукав пропитался засохшей кровью, кисть покрывали багровые разводы. Он подвигал рукой и убедился в её полной работоспособности, от онемения не осталось ни следа. Сташ откинулся на стену из прутьев и стал наблюдать за людьми, ничего другого ему пока не оставалось.

Говорят, что дух селения отражают его жители. А когда рядом лес люди или собраны и всегда настороженны или превращаются в нервных издёрганных человечков, в чьих глазах живёт постоянный страх. Здесь же царило спокойствие — ровное, глубокое, наполненное уверенностью безопасностью. Или нет, не уверенностью — безразличием к опасности, безразличием к смерти, что ожидает прямо за оградой. Сташ даже поёжился, впитывая в себя энергетику селения — пустую, застывшую, странную. Здесь не всегда так было, он чувствовал это. Ещё вчера, когда в ворота ворвались два экипажа, селение бурлило переживаниями. Но стоило опасности отступить, и здешний мир погрузился в сонную дрему, словно не живёт, а находится в непонятном ожидании.

Иллюзия. Берущий потёр глаза, между неспешно идущими жителями мелькнула серая тень и быстро скрылась в толпе, следуя за хозяином. Сташ едва не вздрогнул от неожиданности. Перерождённые среди людей?

Воздух вновь исказился, пропуская сквозь себя едва видимые очертания иной сущности. На этот раз Берущему удалось разглядеть хозяина тени. Хозяйку. Молодая русоволосая женщина крепко держала за руку мальчишку лет пяти, оба не спеша шли по площади. Серые очертания уверенно скользили за её стройной фигурой, путались в распущенных волосах и раз за разом размытым ореолом заслоняли красивое загорелое лицо. Перерождение ещё не затронуло её внешность, она не кровлиг, а пока только бес — первая стадия. Но что это существо делает здесь — в селение? А вот за ребёнком тени нет, хотя он без сомнения её сын — очень похож внешне. Семья человека и полумонстра? Инстинкт матери, переборавший инстинкты беса? Как долго она продержится, прежде чем укусить сына?

Вопросы, на которые он не обязан искать ответы. Это их жизнь. Берущие не задаются вопросами, не разбираются в причинах поведения монстров, у них другая цель — уничтожить. Сташ горько улыбнулся — он уже не в Братстве и, по сути, ничем не отличается от этой женщины, наоборот — он находится на много ближе к грани, чем она.

Не нужно никого судить, он больше не охотник, идущий по следам монстров. Ни палач. Он такая же тень, чудом задержавшаяся между жизнью и смертью. Но как же это трудно причислить себя к перерождённым. Невозможно. Пока невозможно.

Сташ глубоко вздохнул, отмечая, как среди людей скользнула ещё одна тень, а потом ещё, и перестал всматриваться. Не важно.

Рядом зазвучали шаги, человек остановился перед клеткой, постоял, рассматривая пленника, потом опустился на землю перед прутьями. Сташ медленно повернул голову в его сторону. Знакомый по вчерашней поездке бородатый воин немного смущённо улыбнулся и поёрзал. Он сидел прямо на траве, обхватив одно колено рукой. Теперь в спокойной обстановке Берущий смог рассмотреть его открытое бесхитростное лицо, увидел сеть морщинок вокруг синих глаз, шрам над бровью, высокие скулы и впалые щёки. Обычный человек, простой, живущий ради своей семьи, ради своего народа, без раздумий готовый отдать за них жизнь. И так не вписывающийся в эту заторможенную обстановку селения.

Сташ попытался улыбнуться в ответ, но вышла кривая усмешка. И тут же представил, как это выглядит на залитом кровью лице, потому что человек заметно вздрогнул. Берущий молчал, поэтому селянин заговорил первым.

— Э-э-э, ты прости нас, что мы тебя так... испугались очень. Ты же спас нас всех, а мы получается... да что там. Эх, — он махнул рукой. — Нехорошо вышло. Но выглядел ты жутко!

— Это как? — заинтересовался Сташ. Он и сам предполагал, что в тот момент

перерождение уже началось.

— Кожа серая, на щеках чешуя выросла, шея костяными пластинами покрылась, а глаза вообще жуть — чёрные горящие огни, — возбуждённо заговорил бородатый. — Ты как с телеги спрыгнул, так и начал меняться. Мы ещё удивились, что монстры продолжают на тебя нападать — вроде и сам уже монстр. А нет — не остановился, не встал в их ряды, а так и режешь их, словно они перед тобой совершенно беспомощные.

Сташ невольно передёрнул плечами и потрогал зарубцевавшуюся рану. Как же, беспомощные они! В памяти всё ещё жило собственно усталое бессилие, когда перед глазами расплывался серый туман. Перерождение. Отступившее перерождение, не завершённое.

— Но если бы ты не спрыгнул, не отвлек их, не добратья бы нам до ворот. И купол бы не помог. Ничто бы не помогло. Вот мы и решили тебя оглушить, — селянин развёл руками. — Я тебя по голове оглоблей со всей силы, а ты поворачиваешься, словно и не почувствовал. Ну, думаю, всё, сейчас как меч в дело пустишь и быть нам порубленными, как тем гримтонам. Даже странно, что ты оружие бросил, ведь совсем на человека не походил, — он тяжело вздохнул.

— Могли бы за воротами оставить, — Сташ вновь криво усмехнулся. — Кто ж монстра под купол впускает? Это глупо.

— Ну-у, ты же бился с ними. И они не приняли тебя за своего. Мы и рассудили, что ты другой. Да и неужели мы совсем неблагодарными окажемся?

Сташ задумчиво кивнул, рука сама собой потянулась к шее, пытаясь нащупать костяные пластины, но под пальцами оказалась обычная кожа.

— Меня Герт зовут, — вдруг представился селянин. — Я вообще-то не здешний, мы переселенцы. Решили вот попытать счастья... наша деревня уж совсем маленькая стала, да и купол едва держался. В любом случае нужно было уходить или погибнуть... — на его лицо набежала тень.

— Чужаки, — хрипло прошептал Сташ. — Значит, здесь останетесь?

— Не знаю, как Старший решит. Может и останемся. Хорошее селение, крепкое, среди леса держится.

— Среди леса, — чуть слышно произнёс Берущий, не его это дело, совсем не его. — Лучше уходите.

— Что? — Герт насторожено замер. — Почему?

Сташ неопределённо покачал головой. В их сторону шёл высокий седовласый старик. За его спиной развивался длинный белый плащ, в руках держал посох с навершием из синего камня. Лицо спокойное, расслабленное, лишь бесцветные глаза поблёскивают тревожными искорками, но этого почти не заметно. Для своего возраста его походка была слишком уверенной, совсем не старческой. Но Сташ просто чувствовал, что этот человек уже переступил столетний рубеж. Колдун.

- Развлекаешь нашего гостя, Герт? — он приблизился к клетке. — Ты лучше воды принеси, пусть умоется.

Герт быстро вскочил на ноги и поспешно убежал, словно был не умудрённым годами воином, а мальчишкой на побегушках. Старик опёрся на посох и уставился на пленника тяжёлым, пронизывающим взглядом.

— Ну что ж, Берущий, хоть глаза у тебя стали человеческими, да и кожа больше не серая. Это радует. Ну, рассказывай — кто таков, откуда будешь?

— Если так интересно, то моё имя Сташ. А всё остальное... — он ответил колдуну спокойным, безразличным взглядом. — Неважно всё остальное.

- Э нет, — усмехнулся старик. — Так дело не пойдёт. Ты у нас гость особенный и спрашиваю я вовсе не из любопытства. Сам-то как думаешь — что нам с тобой делать дальше? Или ты в клетке собрался поселиться?

Берущий не спеша поднялся, уверенно встал на ноги, оказавшись со стариком одного роста, но подходить ближе не стал, так и остался в тени.

— А разве я что-то решаю? Ты и так прекрасно понимаешь, кто я такой — в Братстве нет одиночек.

Старик поморщился.

— Но ты до сих пор жив, я думал....

Сташ кивнул.

— Это случайность. Можешь не считать меня человеком, — он пожал плечами. — И мне всё равно, что будет дальше.

Колдун усмехнулся.

— Для того кому всё безразлично ты слишком яростно защищал этих переселенцев.

— Как раз потому и защищал — хотел, чтобы побыстрее всё закончилось.

— Значит, не о них думал, а о себе, — взгляд колдуна стал задумчивым.

— Считай как угодно.

— Ох, не верю я тебе, Берущий, — он покачал головой. — Вот не верю и всё.

Сташ не ответил. Вернулся Герт, неся кувшин с длинным носиком, он вопросительно глянул на старика.

— Поливай через прутья, — произнёс тот. — Открывать клетку мы не будем. Если хочешь пить и умыться, тебе придётся подойти, Сташ.

Парень приблизился, только сейчас он вдруг понял, насколько сильно испытывает жажду. Герт просунул носик кувшина между прутьев, и вода полилась в сложенные лодочкой ладони Сташа. Он с жадностью сделал несколько глотков, потом вновь подставил руки. Вода была удивительно вкусной, ледяной. Напившись, он начал плескать себе на лицо, пытаясь оттереть засохшую кровь. Умывание вышло долгим, но от кровавой маски он избавился.

Всё это время колдун терпеливо стоял на месте.

— Спасибо, Герт, — произнёс он, когда Сташ закончил. — Теперь иди, а я поговорю с нашим гостем.

Воин окинул их настороженным взглядом и медленно побрёл прочь.

Старик подождал, пока он удалится.

— Как твоя рана? — спросил он неожиданно. — Всё плечо было расплосовано, я повязку хотел наложить, а потом смотрю — кожа сама зарубцовываться начала. И помощи никакой не потребовалось. Вот только одежду тебе надо другую. Так как себя чувствуешь, парень?

— Нормально, — Сташ не стал ничего пояснять.

— Ну да, нормально, — колдун задумчиво кивнул. — Как же иначе после такой потери крови и развороченного плеча, да ещё и голове твоей хорошо досталось.... У вас у всех такие способности или ты особенный?

— Способности у всех разные, — нехотя проговорил Берущий, не поясняя же, что когда находишься на грани, организм может повести себя совсем непредсказуемо. Да,

быстрая регенерация присуща всем в Братстве, у кого-то раны затягиваются за неделю, у кого-то, кто берёт больше, — дня за три, но не за несколько часов, как в его случае.

— Давно ты стал Берущим?

— К чему эти вопросы, колдун? — пожал плечами Сташ.

Старик усмехнулся.

— Ты выглядишь очень молодо, но уже прикоснулся к Грани. Сколько тебе лет, Сташ?

— Мне двадцать, и возраст не имеет никакого значения.

— Двадцать..., я слышал, что превращение в монстра может начаться после пяти лет постоянного выкачивание их жизней. Но тебе всего двадцать....

— Мы не выбираем, когда нам стать такими, какие мы есть, — Сташ отступил от решётки. Никакого смысла в этом разговоре не было. А перед взором вновь мелькнул зелёный шар, потом он увидел лицо мальчишки — озабоченное, непонимающее, лицо ребёнка, не готового соприкоснуться со страшной действительностью. Когда-то эта действительность поглотила его собственную жизнь. В его реальности вместо зелёного шара были красные цветы, залитые кровью родителей.... Время ничего не лечит, а воспоминания не превращаются в туманный сон.

— Ладно, — старик тоже шагнул назад. — Отдыхай, я задаю слишком много вопросов.

Он вдруг сгорбился, став выглядеть по-настоящему дряхлым, по побелевшим губам скользнула усталая улыбка.

— Скажи лишь одно — вы Берущие можете определить, что человек начал перерождаться на начальной стадии?

— Это трудно, — медленно проговорил Сташ. — Их выдают особые повадки, движение, иногда взгляд. По-разному бывает.

— Значит только по поведению? — взгляд колдуна не отпуская впился в его глаза. — И никак иначе?

— Тебя что-то беспокоит, колдун? — Сташу вдруг стало интересно — знает ли этот старик, что в его деревне так много перерождённых? То, что догадывается, он даже не сомневался. Колдун не может не чувствовать, но вот насколько плохо обстоят дела — это многие люди понимают, когда становится слишком поздно.

— Я слышал, что есть Берущие, которые их чувствуют... видят их сущность.

— Я тоже об этом слышал, — усмехнулся Сташ. — Так почему тебя это интересует?

Старик вдруг зябко поёжился.

— Глупости это, сказки, — и вдруг добавил. — Тот, кто видит тени — сам уже тень.

Он резко развернулся и быстро пошёл прочь, оставив Берущего смотреть ему в спину изумлённым взглядом. Сташ качнул головой — не прост старик, совсем непрост.

Время тянулось медленно, Сташ вновь отошёл в тень и сел. Очень странным было ничего не делать, слишком непривычным. В его жизни почти не возникали моменты, когда можно остановиться и просто сидеть. Во время короткого отдыха они чистили оружие, затачивали клинки или готовили пищу. Ночной сон напоминал провал в глубокую бездну — без сновидений, без воспоминаний, а тело никогда не расслаблялось до конца, находясь в постоянном ожидании действий. А когда наступал новый день, их маленький отряд вновь отправлялся в путь, собирая кровавую дань с тех, кто перестал быть людьми.

Никто из них не задумывался, что их жизнь напоминает безумную гонку со смертью. Это стало слишком обыденным, привычным... Выжигающим душу.

Он сжал голову руками, зажмурился. Почему старик сказал про тени? Тот, кто видит тени — сам уже тень? И он бы согласился с этим, если бы это относилось только к этому периоду его жизни — когда почти переступил Грань. Но ведь тени существовали рядом с ним и раньше — с самого раннего детства, они появились ещё до того, как он впервые убил перерождённого.

У половины людей в их селении были кровавые тени, так же как здесь. И у его родителей тоже... Только раньше он об этом не думал, просто не хотел осознавать... Он чуть не задохнулся от неожиданных воспоминаний. В горле появился давящий комок.

Не вспоминать! Не вспоминать... Не вспоминать? Шелест одежды по ночам, почти беззвучный шорох и отсветы красноватых глаз на склонившихся над ним лицах. Шёпот синих, потрескавшихся губ и глухо рычание, когда они отталкивали друг друга, заставляя себя уйти. Его родители? Он думал, что видит сон — ночной кошмар, не прекращающийся, пока они не погибли. Его семья.

— Эй, я еду тебе принёс.

Сташ с трудом поднял голову, выныривая из жуткого омута собственного прошлого, и посмотрел на веснушчатого паренька лет пятнадцати, который поставил рядом с прутьями глубокую миску, полную каши с мясом.

— Вот ложка, — он продемонстрировал деревянный столовый прибор, имеющий длинную прямую ручку, и воткнул её в кашу. — Давай налетай, пока не остыло.

Сташ пожал плечами и пододвинулся ближе, рассматривая парня. Тот опасливо отступил, быстро поправил ворот своей рубахи и одновременно потёр шею. Руки у него были длинные, худые, на тонком запястье блеснул металлический браслет, оплетённый какими-то ремешками. Да и лицо покрывала болезненная бледность, что, если учесть, что его тень имела множество красноватых полос, было совсем не удивительным.

Берущий ухватился за ложку и сквозь прутья принялся хлебать кашу. Как же давно он не ел обычной человеческой еды! И не важно, что её принёс перерождённый.

— Я видел, как ты вчера убивал, — вдруг проговорил парень. — Из башни смотрел, хорошо дерёшься, я так не умею. Дед говорит, что вы не люди, — он криво усмехнулся. — Пожалуй, он прав, люди так быстро не двигаются.

— Дед? — Сташ остановился, за какие-то мгновения успев ополовинить миску от каши и заставил себя не просто глотать, но ещё и жевать пищу. Он покосился на парня, отмечая его внешнее сходство с колдуном — светлые глаза, упрямая линия губ и чётко очерченные скулы. Родственники значит. — Ты тоже колдун?

Тот отрицательно мотнул головой и вздохнул.

— Не передались мне умения, почти, я воином хотел быть, — он вновь потёр шею, поморщился. Сташ хорошо знал, как выглядит кожа за воротом парня — синее пятно, а в центре незаживающая рана, укус кровлига очень долго не затягивается.

— Болит? — поинтересовался он.

Парень вздрогнул, натолкнувшись на слишком пристальный взгляд Берущего. Внешне тот выглядел не на много старше его самого, но сейчас напоминал замершего в ожидании хищника. Только что бывшие вполне человеческими глаза наполняла чёрная мгла.

— Я, я, пойду я, — паренёк попятился, потом развернулся и побежал.

Сташ горько усмехнулся, фыркнул, он не хотел его пугать, но иногда инстинкты вырывались из под контроля. Он медленно доел кашу, предполагая, что теперь следует ожидать визита колдуна и возможно не одного, а в компании воинов. И дело даже не в том, что сам Берущий находится на грани перерождения, а в том, что он может увидеть таких же перерождённых среди жителей деревни. Кто же захочет, чтобы среди них находился охотник, способный легко расправиться с жертвами. Пусть и в клетке. Пока. Ведь не поверят, что ему это совсем не нужно.

Колдун действительно пришёл, но случилось это ближе к вечеру, и он был один. Сташ успел за это время несколько раз покружить по клетке, обследовать все прутья и убедиться в их прочности. Жители с опаской обходили его стороной, лишь ребятня иногда подбегали поближе и разглядывали его любопытными глазницами. Берущий лишь улыбался, стараясь, чтобы улыбка не напоминала его обычную хищную усмешку. Дети неуверенно улыбались в ответ, а потом убегали, чтобы через некоторое время вернуться, словно в клетке находилась интересная зверюшка.

Старик остановился перед прутьями, тяжело опёрся на свой посох и долго смотрел сквозь Сташа. Парень спокойно ждал, первым он говорить не собирался.

— Вот значит как, у вас Берущих это является инстинктом... — наконец пробормотал колдун, внук видимо честно пожаловался деду. — А я дурак думал, что смогу оградить мою деревню от таких как ты.

Сташ поморщился.

— Оградить? Если здесь появится хоть один отряд Братства, они уничтожат всех. Не разбираясь. Просто потому что вы живёте все вместе. Ты знаешь, сколько в твоей деревне перерождённых?

Старик заметно вздрогнул и посмотрел на него с недоумением.

Берущий зло усмехнулся.

— Не один, не два и даже не десять, — Сташ наблюдал за его меняющимся лицом, убеждаясь, что колдун ничего не знает о масштабах постигшего их бедствия. — За то время, что я сижу здесь и наблюдаю за вами, мимо меня прошло не меньше тридцати полумонстров.

— Ты так легко их увидел? — потерянно прошептал старик.

— Я сам такой же, даже в большей степени, чем они, я их чувствую.

Колдун зябко поёжился.

— У меня есть отвар, ещё мой прадед им лечил... отпаиваю тех, кого смог определить, они становятся спокойней, почти как люди, — по его губам пробежала горькая улыбка. — Но если их так много... Я не буду спрашивать у тебя, что нам делать, — он опустил голову. — Нет.

— Я тоже не буду тебе ничего предлагать, — жёстко проговорил Берущий.

Они переглянулись, старик тяжело отступил и побрёл прочь.

Ужином его не накормили, воды тоже не дали. Сташ несколько раз вставал, кружил по клетке, но чем сильнее сгущались вечерние сумерки, тем всё больше смыкалась над селением настороженная тишина. Площадь опустела, одинокие прохожие передвигались почти бегом, стараясь держаться ближе к домам и побыстрее достичь своих жилищ. То тут, то там слышался звук закрываемых дверей и лязганье задвигаемых запоров. А когда в свои права вступила ночь, единственными звуками остались шум ветра и шорох хвои окружающего леса.

Сташ опустил на подстилку и обхватил себя руками, стараясь сохранить остатки тепла. Ветер налетал порывами и холодными потоками воздуха проникал в разодранную куртку, добираясь до тела. Парень посидел некоторое время и снова встал, зашагал по клетке, пытаясь разобраться в собственных ощущениях. Он чувствовал себя хищником, обречённым хищником, у которого есть зубы, есть сила, но нет никакой возможности изменить ситуацию. Он уже не спрашивал себя — а нужно ли что-то менять? Инстинкты, перемешанные с жадой действий, толкали сорваться с места и бежать прочь из этого селения.

Здесь слишком тихо и пусто для живых.

Он прислонился лбом к прутьям, обхватил их руками, попытался раздвинуть. Железо лишь слегка сдвинулось и встало на место. Сташ зло усмехнулся, выдохнул, его обострённый слух уловил крадущиеся шаги — мягкие, почти неслышные. Силуэт идущего терялся между домами, то проступая сквозь ночной мрак, то вновь исчезая. У одной из дверей он замер, слился с тенью стены и больше не появлялся.

Сташ напряжённо вслушивался, но ничего не происходило. Он устал всматриваться в ночь, вновь отошёл к своей подстилке, сел и попытался укрыть от ветра прорехи в куртке. Пришлось съёжиться, прижать колени к груди и сидеть неподвижно. Теплее стало ненамного, но ветер почти перестал проникать под одежду. Он опустил голову и закрыл глаза, надеясь, что сможет уснуть.

Почти всю ночь его бил озноб, превращая столь желанный сон в настороженное полузабытьё. Слух продолжал ловить окружающие звуки, не давая до конца расслабиться телу. Как-то отстранённо он понимал, что в этом нет никакого смысла. Чтобы ни произошло, у него не будет возможности повлиять на это, поэтому нужно попытаться расслабиться и дать себе отдых. Но вместо этого в голове продолжали метаться почти бессвязные мысли, мышцы сжимались в напряжении, и дело было не только в терзающем его холоде.

Забывтое было ощущение Грани вновь вспыхнуло где-то в груди, зашевелилось, обволакивая щупальцами неизбежности. Страх не было, но это напоминание, словно внутри тела расширяется ледяной шар, слишком ясно давало понять о ждущей его судьбе.

Берущий глухо застонал, прикусил губу и невольно открыл глаза, вглядываясь в предрассветные сумерки. Взгляд так и притягивало к большому добротному дому на другой стороне площади. Именно рядом с его дверями исчезла ночью непонятная фигура. Сейчас, когда стало светлее, можно было разглядеть лежащие от дома тени. Сташ невольно встал, повёл плечами, разминая мышцы, и подошёл к решётке. Тень дома было неровной, переливчатой. Основная едва видимая тень здания перекрывалась более глубокими и насыщенными по цвету очертаниями хозяев дома, но среди них маячила и более невнятная

тень — почти вся перевитая багровыми полосами, расплывающаяся, теряющая очертания.

Сташ качнул головой, подобные тени он видел у тех, кто поглощал в этот момент чужую жизнь — питался. Он даже не удивился, когда над селением понёсся долгий пронзительный крик. И сразу за ним захлопали двери, на улице почти мгновенно появились заспанные, полуодеты люди, сжимающие в руках оружие. Селяне словно ждали этого момента.

Крик повторился, сориентировав соседей куда нужно бежать. Четыре мужика заколотили в закрытую дверь дома, попытались её выбить. Две женщины догадались разбить окно, но сами не полезли, позвали мужчин.

Сташ напряжённо всматривался в начавшие метаться тени. Они накрывали друг друга, переплетались и отскакивали. Краем зрения он ловил, как рядом с домом собирается большая толпа. Криков больше было неслышно, зато ропот людей нет-нет да перекрывался глухим, разъярённым рычанием.

Двое селян продолжали ломать дверь, когда доски почти поддались, дверь вдруг сотряс удар с внутренней стороны. Протяжно скрипнули петли, выдираемые из косяка, преграда перед людьми зашаталась и выпала на дорогу, едва не придавив зазевавшегося мужика с топором в руках. Люди поспешно расступились, но из дома никто не вышел, лишь в проёме метнулся быстрый силуэт и скрылся в глубине комнат.

До слуха Сташа донёсся испуганный спор, перед выбитой дверью остановились несколько воинов. Все были вооружены, но входить внутрь не спешили. Берущий прекрасно их понимал, то существо было уже не бесом, оно пережило эту стадию и превращалось в новую сущность. Отсюда и безумие.

К дому быстрым шагом приблизился колдун, он почти бежал, за ним спешил его внук, держащий в руках посох старика. Чародей остановился рядом с входом, было видно, как тяжело вздымается его грудь. Парнишка подал ему посох и схватил за руку, стараясь удержать на месте. Тот качнул головой, напряжённо огляделся, его взгляд остановился на клетке. Берущий невольно поморщился. Колдун развернулся и зашагал через площадь к пленнику.

Сташ отступил к противоположной стене, прижался спиной к прутьям и угрюмо взглянул на подошедшего старика. Тот горько усмехнулся.

— Ты прав, — проговорил он глухо. — Я не хотел тебя ни о чём просить и, если ты сейчас откажешься, я пойду туда сам. Это только мой долг. Единственное чего я боюсь, что когда эта тварь покончит со мной, люди останутся беззащитны.

Его рука легла на замок клетки, заскрежетал ключ, и дверь оказалась открыта. Он выжидающе посмотрел Сташу в глаза. Но Берущий не сдвинулся с места и не произнёс ни слова. Лишь в чёрных глазах можно было прочитать усталое безразличие так не вяжущееся с его молодым лицом.

— Скажи мне только одно, — по губам старика вновь скользнула горькая усмешка. — Твоя жизнь теперь имеет хоть какой-то смысл?

Сташ не ответил. Колдун некоторое время подождал, а потом резко повернулся и зашагал к дому. Берущий выдохнул, коснулся рукой плеча, на котором темнели кровавые разводы, и оглянулся на лес. Смысл? Он не хотел об этом думать. Не хотел, чтобы его заставляли об этом думать. Разве может быть смысл у жизни, которой почти не осталось?

Открытая дверца клетки протяжно скрипнула под порывом ветра. Парень почти прыжком пересёк небольшое пространство, отделявшее от выхода, и шагнул наружу. Рядом была стена, отгораживающая пока ещё живое селение людей от леса. Стена, накрытая

прочным силовым куполом. Он был сплетён очень грамотно, привязан сразу к нескольким источникам энергии, находившимся на территории деревни, что позволяло надеяться, что в случае, если один источник иссякнет, другие смогут поддерживать купол до его восстановления. Вот только сама связь между источниками и куполом была завязана на шагающем к обречённому дому колдуне.

Сташ скрипнул зубами, отстранёно удивившись, что может видеть энергетические лучи купола. Чем — чем, а колдовскими способностями он никогда не обладал. Но именно сейчас почему-то очень ясно воспринимал все источники. Старик тоже был одним из источников, причём самым мощным, сквозь него проходил весь поток и передавался на подпитку купола. Если он погибнет, селение будет обречено. Берущий фыркнул, старый дурак настолько сильно сосредоточился на защите своей деревни, что втянул в себя все нити, контролирующие энергию купола.

Берущий бегом пересёк площадь и оттолкнул почти шагнувшего внутрь дома колдуна. Тот невольно вскрикнул. Сташ оглянулся на попятившихся селян и, больше ни о чём не думая, переступил порог.

Прихожая была просторной и светлой, не заставленной ничем лишним. Взгляд привычно обежал пространство, а рука легла на рукоять меча. Вот только оружия не было, пальцы нащупали пустой пояс, не отягощённый ножами. Ничего удивительного, просто он так и не свыкся с ролью пленника, которому не полагается меч. Сташ на мгновение замер, дверь во внутренние комнаты тоже была открыта, неровная, подрагивающая тень маячила прямо за стеной. Ждала. Обострённый слух Берущего вычленил сопение и тяжёлое дыхание словно больного существа.

За спиной послышалась возня, Сташ повернулся боком и позволил себе оглянуться. В дверях стоял Герт, кто-то держал его за руку и пытался оттащить назад.

— Эй, Сташ, ты туда без оружия собрался? — воин протянул ему топор. — Держи.

Парень сделал осторожный шаг к выходу, наблюдая, как занервничал перерождённый, как сдвинулась его тень. Он протянул руку за топором и тут же опустил. Нет, нельзя убивать, даже ранить не стоит. Грань слишком близко.

— Не дури, Берущий, — Герт попытался войти в дом, но его не пустили. — Ты не бессмертный.

«— Да знаю я», — Сташ пожал плечами. Далеко не бессмертный. Он с места метнулся вглубь дома, прыжком влетел в следующее помещение, на ходу перехватив рванувшего к нему с боку противника. В воздухе взметнулись длинные светлые волосы, невероятно сильные жилистые руки вцепились в его одежду, перед лицом мелькнули огромные голубые глаза, просто светящиеся голодом. Голодом, помутившим рассудок и преобладающим над разумом.

Сташ сжал пальцы на шее существа, сдавил, но почти ничего не добился. Клацающие клыки, разорвавшие в кровь ещё не преобразившиеся губы, продолжали тянуться в его сторону. Лицо было почти человеческим, из отличий наблюдались лишь выдвинувшиеся челюсти и впавшие щёки. Женщина — перерождённая. Берущий встряхнул её, чувствуя, как сквозь одежду в его кожу впивается нечто острое. Увидел, как одна из рук в замахе летит к глазам. Он перехватил тонкое запястье, вновь поразившись невероятной силе. Рука существа, преодолевая сопротивление Берущего, продолжила движение. Похожие на лезвия когти коснулись лица. Сташ резко отдёргнул голову, пнул женщину в живот коленом, и невероятным усилием отбросил от себя.

Та отлетела к противоположной стене, ловко приземлилась на четыре конечности и мгновенно атаковала. Сташ прыжком отскочил, перекувырнулся в воздухе и, не останавливаясь, нанёс несколько ударов по подвернувшемуся боку противника. Перерождённая тонко взвизгнула, заверещала, удары Берущего тоже превосходили по силе удары человека.

Сташ оттолкнулся от стены и прыгнул за решившей вдруг отступить женщиной, в её глазах вдруг мелькнули испуг и не понимание. Только — что она легко убила нескольких человек, а этот не только сопротивляется, но ещё и сам её калечит. Она быстро заскочила на шкаф, в лицо приближающегося Сташа понеслось шипение.

Он криво усмехнулся, очень сильно не хватало меча, он не привык вступать в бой с перерождёнными с голыми руками. Их клыки и когти давали им порой преимущество перед любым оружием. Единственным шансом было то, что конкретно этот экземпляр ещё не научился достаточно хорошо пользоваться своим переродившимся телом.

Он знал, что она чувствует опасность и будь такая возможность, она бы лучше сбежала. Единственные кто никогда не отступал перед Берущими это гримтоны, а все остальные твари, почувствовав силу противников, стремились уйти с их пути. Но Сташ загораживал единственный выход на улицу. Оставались ещё два окна, и женщина поглядывала в их сторону.

Парень лихорадочно думал, что делать дальше. Он не умел не убивать, если начинался бой, то его исходом могла быть только смерть противника. Быстрый взгляд на обстановку комнаты дал понимание, что это спальня. У стены стояла широкая кровать, на ней два растерзанных тела, заливших своей кровью постельное бельё. Ещё был маленький прикроватный столик, два кресла и этот шкаф, на котором затаилась убийца хозяев.

Сташ осторожно открыл его дверцу, оглядел содержимое. Сорвал с плечиков длинное красное платье и перекрутил его в жгут. Медленно отступил, чтобы лучше видеть перерождённую. Та замерла на самом краю, сжалась в комок, намереваясь прыгнуть. Тело пружиной слетело со шкафа и устремилось к окнам. Берущий метнулся следом, в прыжке навалился сверху, придавил к полу, воспользовавшись тем, что тяжелее. Существо под ним изогнулось, попыталась вырваться. Сташ чуть приподнялся, схватил её за обе руки и заломил их за спину. Жгут из платья прочно обхватил запястья, стягивая вместе. Перерождённая извивалась и беспрестанно верещала. Берущий с трудом поднялся на ноги, подтащил свою добычу к кровати, перевернул на бок и остатком жгута примотал к ножке. Для надёжности сходил к шкафу, достал ещё одно платье и привязал её покрепче. Лишь после этого он позволил себе выпрямиться и более внимательно оглядеть существо.

Переродившаяся женщина была одета в розовую ночную сорочку с множеством кружавчиков, видневшиеся из под неё стройные ноги были босы и покрыты грязью. Несомненно молодая и возможно ещё недавно очень красивая, судя по огромным, обрамлённым длинными изогнутыми ресницами глазам. Они пока не изменились по форме, лишь утратили осмысленный взгляд, наполнившись голодом и безудержной злобой на весь мир.

Жаль, ничего не изменишь. Сташ смотрел на неё и чувствовал только грусть, она не виновата, что стала такой. Светлые волосы выющимися шелковистыми прядями рассыпались по спине и плечам и смешались с кровью, капающей с кровати. Никто не виноват.

Ему вдруг очень захотелось упасть на колени и завывать, но он никогда не позволял себе поддаваться чувствам, они были слабостью, ведущей к поражению. Они были тем, что

отделяло Берущих от людей. Вернее отделяло отсутствие проявлений этих самых чувств. Монстры, как их называли. Бесчувственные монстры.

Сташ опустил голову, медленно развернулся и двинулся в другие комнаты, нужно было осмотреть весь дом. В просторной столовой были разбиты стёкла, именно сюда забрались незадачливые соседи. Три тела лежали у самых окон, у двоих на месте горла виднелись огромные рваные раны, под головами расплывались багровые лужи. Третий едва заметно шевелился, тихо стонал. Сташ подошёл ближе, человек лежал на животе, руки скребли по полу, он пытался куда-то ползти. Берущий осторожно его перевернул, несчастный с ужасом уставился ему в лицо. Кожа на его горле тоже была разорвана, но видимо рана оказалась не глубокой, и он был ещё жив. Человек слабо задёргался, пытаясь вырваться, напомнив Сташу, что он сам, выглядит не лучше, чем перерождённая.

— Не бойся, я не причиню тебе вреда, — селянин слабо замотал головой. Сташ стащил с ближайшего стула чехол и приложил ткань к ране. — Сейчас колдуна позову.

Ещё в одной комнате никого не обнаружилось, парень быстро в неё заглянул и побежал к выходу. Толпа встретила его мгновенно смолкшими разговорами, лишь за спиной Берущего продолжала завывать перерождённая. Люди уставились на него непонимающими взглядами, начали настороженно переглядываться. Судя по звукам, тварь оставалась живой, но Берущий, не закончив дела, зачем-то вышел на улицу. Сташ повернулся к стоящему в первом ряду колдуну.

— Там раненый, ему нужна помощь. Идём.

Колдун окинул его пронизывающим взглядом, молча кивнул и первым шагнул к проёму входа.

— Дед, — взвизгнул его внук. — Не ходи!

— Всё в порядке, Нестор, я вернусь. Ведь так? — он глянул на Берущего.

— Да, — просто ответил Сташ. — Всё в порядке.

Они вошли в дом под завывания перерождённой и молчание толпы. Никто им больше не препятствовал, не пытался остановить.

— Куда идти? — обречённо вздохнул колдун.

— Он здесь, — Сташ невольно поморщился, представив, что этот человек сейчас думает. Целью Берущих было только убийство, а те, кто пострадал от тварей, становились следующими целями.

Колдун свернул в указанный коридор и ступил в залитую кровью столовую. Невольно охнул и кинулся к пострадавшему. Он приподнял закрывающую рану ткань, сделал несколько пасов руками, что-то тихо прошептал, заставляя кровь остановиться.

Сташ хорошо знал эти заклинания, в воздухе всегда чувствовалось лёгкое покалывание, по крайней мере он воспринимал их именно так. Колдун наклонился к раненому и тихо заговорил с ним. Селянин с трудом ответил. Берущий не стал вслушиваться, это было не важным. Он просто ждал, стараясь ни о чём не думать, не ощущать, что этот дом превратился в могилу. Так просто превратился, а ставшее прошлым время поглотило совсем недавно оборванное будущее нескольких человек.

— Ты не убил его, — из оцепенения вырвал голос колдуна. Сташ посмотрел на него и заметил, как человек вздрогнул.

— Нет, — его губы изогнулись в кривой усмешке. — Я больше не убиваю.

Колдун глянул в сторону доносившихся из соседней комнаты воплей.

— Даже таких?

— Это всего лишь проявление здравого смысла, — вновь усмехнулся Стэш. — Если в монстра превращусь я, вы вряд ли сможете меня остановить. А мне для этого нужно совсем немного. Поверь.

В глазах старика мелькнуло понимание.

— Ладно, значит, ты не хочешь брать их энергию... и что нам делать?

Берущий пожал плечами.

— Перерождённая обездвижена, дальнейший выбор за вами. Решайте.

У колдуна вырвался горестный вздох.

— Смотри, наверное, это цветок, — худая, с просвечивающей кожей рука осторожно прикоснулась к бледно-розовым лепесткам маленького, едва поднимающегося над землёй растения. Оно выросло между двух потрескавшихся от жгучего солнца камней, которые прикрывали его и от беспощадных лучей и от порывов пронзительного ветра. Тщедушный стебелёк едва заметно качался, широкие, полупрозрачные листья трепетали от задевающих их потоков воздуха. Сам цветочек казался непростительно ярким на фоне голой, серой земли.

Два человека очень сильно напоминали это растение — болезненно худые, с бледной, пронизанной синими прожилками кожей и похожими на скелеты лицами — настолько заострились от голода их черты. Тела прикрывали лохмотья одежды, волосы грязными, спутанными прядями падали на костлявые плечи. Это были мужчина и женщина, но отличить кто из них кто с первого взгляда было трудно.

— Наверное, — почти шёпотом произнёс мужчина, его потрескавшиеся губы разошлись в болезненной улыбке, напоминающей оскал. — Он красивый.

Женщина кивнула и тоже улыбнулась, по её подбородку потекла тонкая струйка крови. Пальцы гладили нежные лепестки, но огрубевшая кожа почти ничего не чувствовала.

— Как здорово, — произнесла она. — Здорово, что мы его нашли. Он смог выжить.

Мужчина вдруг вздрогнул и попытался быстро обернуться, но у него получилось лишь неловкое судорожное движение, от которого он почти упал — ослабевшее тело не желало слушаться хозяина. Он схватил за руку женщину и потянул её за собой прочь от растения.

— Ты что? — возмутилась она. И тоже обернулась, взгляд скользнул по застывшей в нескольких шагах молоденькой девушке, почти ребёнку. В глазах женщины мгновенно появился панический страх.

— Идём, — мужчина упорно тащил её за собой, его ноги подгибались, но он старался увеличить скорость.

Девушка смерила их холодным, безразличным взглядом огромных жёлто-зелёных глаз и шагнула к цветку. Все её движения были намного более уверенными и плавными, чем у этих людей, в них скользила скрытая сила хищницы, способной одним прыжком догнать жертвы. Но девушка склонилась над растением. Пальцы потянулись к лепесткам и замерли. Даже с расстояния она чувствовала, как под тонкой кожей пульсируют волны жизни. Но стоит ей прикоснуться и вся эта сила, поддерживающая в бледно — розовом цветочке способность к существованию, перельётся в её тело. Она представила, как сморщиваются его лепестки, как чернеют листья, как бегут по стеблю трещины, заставляя склониться к земле — умереть. Её пальцы дрогнули, невыносимо хотелось есть, но она лишь смотрела, отстранённо поражаясь этому маленькому чуду, пробившемуся к жизни из засохшей почвы.

— Нет, оставь его! Оставь, — отчаянный крик не сразу коснулся слуха, а донёлся словно из далека, настолько слабым был голос. — Оставь, возьми меня, а он пусть живёт!

Девушка медленно повернулась, рядом дрожа топталась женщина, протягивала ей свою руку, перевитую синими прожилками. Мужчина пытался её увести, но женщина сопротивлялась, с трудом оставаясь на месте.

— Ты чудовище, — прошептала она.

Девушка кивнула, не спеша выпрямилась. Женщина, не переставая дрожать, закрыла глаза.

— Нет, — мужчина всё же оттолкнул женщину и занял её место, с вызовом посмотрел девушке в лицо.

Она вновь качнула головой, перевела взгляд на цветок.

— Красивый, — слова шелестящим эхом полетели над голой, безжизненной землёй. Она резко развернулась и пошла прочь, стараясь унять колющую пальцы энергию, что уже почувствовала, но не получила новую подпитку. — Живите.

Двое измученных людей с изумлением переглянулись, по губам женщины вновь скользнула столь непривычная улыбка. Но ей очень понравилось это чувство — радость, оказывается для этого нужно не так уж много — увидеть, как продолжается чужая жизнь. О своей собственной жизни она давно уже не думала.

Девушка медленно шла прочь, с трудом сдерживаясь, чтобы не вернуться. Эти люди слишком слабы, чтобы взять у них хоть что-то, её прикосновение просто их убьёт. Голод почти сводил с ума, она уже не впервые встретила тех, у кого нечего взять. Их жизни висели на волоске, а это значило, что вскоре, чтобы пополнить собственные силы ей придётся убивать. Но она отчаянно не хотела становиться убийцей.

Порыв горячего ветра вдруг с яростной силой ударил в спину, под ногами дрогнула земля и подбросила вверх. Её тело врезалось в полуразрушенную стену здания. Она глухо вскрикнула, когда в рёбра впились твёрдые камни, и сползла на землю. В голове заметались панические мысли — что теперь: очередной подземный взрыв, землетрясение или о себе дала знать воздушная стихия?

Встать на ноги удалось не сразу. Покачиваясь, она почему-то шагнула именно обратно — к пустырю, который только что покинула. И остановилась. На том месте, где только что рос цветок и стояли два человека зиял огромный разлом. Пустыря больше не существовало.

Девушка быстро подошла к его краю, глянула вниз и отшатнулась от дохнувшего в лицо жара. Гул пламени почти заглушал завывание ветра, метавшегося между краями только что образовавшейся в земле гигантской дыры. Клубящиеся потоки огня неспешно перекатывались по её дну, бурлили и безостановочно взлетали вверх острыми резкими вспышками, подбираясь к поверхности.

Она невольно прикусила губу, в памяти по-прежнему покачивал лепестками бледно-розовый цветочек. Мгновение назад Живой цветочек. А рядом стояли те люди, что решили его защищать. А сейчас не осталось никого и ничего. Оказывается это больно — сожалеть.

Земля вновь дрогнула, но на этот раз не так сильно. Далеко на горизонте в небо взметнулся огромный столб пламени, потом ещё один и ещё. Краем глаза она увидела, как мимо бегут люди. Под их ногами обваливалась почва, они падали, вставали или соскальзывали в глубокие трещины, что всё больше и больше расползались от разлома.

Девушка перепрыгнула через метнувшийся к её ногам провал, аккуратно обошла следующую трещину и, больше не отпуская взглядом рвущиеся к низким серым тучам столбы

огня, пошла в их сторону.

Она всегда знала, что отличается от других. Родители не скрывали, что она такой родилась. В мире, где почти не осталось чистой воды, не осталось деревьев и даже травы, у неё не было никаких шансов появиться на свет. Здесь слишком давно не рождались дети. Её будущая мать сразу начала пить отравленную воду, как только поняла, что беременна. Почему-то она решила, что именно этим способом сможет избавиться от нежелательного ребёнка. Плод слишком быстро истощал её и так слабый организм, отнимая последнюю возможность выжить. Но по какой-то прихоти судьбы они выжили, выжили обе. И мать и её дочь. Это был последний ребенок, рождённый за последние двадцать лет.

Внешне она почти не отличалась от жителей их умирающего мира. Та же белая, почти просвечивающая кожа, такая же болезненная худоба и огромные глаза с вечно голодным взглядом. Только её голод был совершенно другим....

Воспоминания о том времени так и остались единственной болью для её совершенно холодного, расчётливого разума. Странно, но родители совершенно не понимали, что она их любила, наверное, она даже для них казалась монстром... Она их не винила. Нельзя по-другому относиться к тому, кто поглощает твою последнюю энергию, твою почти и так исчезающую жизнь. Вместо пищи. Она сама называла себя монстром, но она любила этот умирающий мир, потому что он был её родным.... А потом произошёл тот взрыв. Последний из серии, сотрясающих планету на протяжении нескольких лет.

Взрыв.... Говорили, что глубоко под землёй расположено множество предприятий, когда-то обеспечивающих их мир всем необходимым. Потом все ресурсы были истощены, предприятиям стало нечего перерабатывать, но полностью автоматизированные цеха никто не остановил. Люди не сразу поняли, что произошло, а когда поняли — было поздно. Начавшиеся землетрясения, глубокие трещины и обвалившаяся почва перекрыли к ним все подступы. Но заводы почти не пострадали. Заложённой для обеспечения их работы энергии хватило ещё на десятки лет. Машины продолжали вгрызаться в недра планеты, разрушали уже опустошённую почву, нарушали русла рек, заражали водные источники отбросами переработанного топлива.

Первый взрыв был закономерным результатом их работы — из строя вышел один из реакторов, затем другой, затем следующие.... Их мир оказался обречён.

Память продолжала хранить воспоминания об огненном зареве, багровыми стрелами пронзившем низкие серые тучи, о чёрном песке, смерчами кружащем в воздухе, о бьющем в небо огне... Тогда она была единственной, кто бежал навстречу, а не прочь от разрушительной стихии.

В сознании поселилось слишком ясное понимание, что это рвущееся на поверхность пламя будет последним — оно поглотит их изувеченный мир. Она не знала, почему шагнула ему навстречу. Это не было желанием умереть первой, и, наверное, она бежала бы прочь, если бы не была уверена, что может что-то изменить. Странное ощущение, когда понимаешь, что в том, что несёт смерть, заложена огромная энергия. И ты можешь её вобрать, поглотить, преобразовать в нечто другое. Как пищу, что брала из живых существ....

Разрушительная стихия захлестнула горячей болью, в воспоминаниях остался только огонь, жгучими волнами вгрызающийся в кожу. Она чувствовала, что балансирует на грани, впереди был бездонный омут, наполненный крутящимся вихрем путей, уводящих в неизвестность... и маленькая умирающая планета, покрытая пеплом. Здесь всё станет

пеплом! Ей показалось, что она сделала правильный выбор — нужно лишь забрать эту разрушительную мощь и планета выживет! И это неважно, что её слишком много...

Она шагнула вперёд, пламя больше не жгло, оно стало потоком, что послушно вливалось сквозь кожу, входил в тело, наполнял неведомой силой. За спиной с упругим хлопком ударил ветер, подбросил вверх, удерживая и разворачиваясь в... крылья? Первый взмах поднял её высоко в воздух, навстречу устремилось серое небо, внизу пронеслась горящая земля. Взмах крылом и пламя затухает, превращается в чистую энергию, что вновь вливается в тело, наполняет новой силой. Открывает Путь!

Взгляд скользил по обожжённой почве, по раскалённым камням и по руинам, оставшимся на месте домов. Крылья плавно задевали поверхность и вбирали последние крупинки силы. Позади оставался пепел. Только пепел. Больше ничего нет!

Перед глазами замелькала пелена, она заставила себя подняться ввысь, навстречу мириаду кружащих звёзд, они потянули её прочь от погибшего мира. Пространство рвалось на части, высасывало накопленную силу, чтобы открыть путь.

Она хотела их спасти — своих родителей, свой народ. Свой дом. Она не собиралась уходить, когда поглощала то пламя... Она любила свой мир.

Уже потом, когда пришло осознание, что вокруг совершенно другая реальность, чужой мир, не тот, что должен был выжить, её единственным желанием стало вернуться — найти дорогу туда, что перестало существовать. Потом были сотни других миров, безумным калейдоскопом проносящихся мимо, она взяла частичку каждого из них, чтобы пополнить силы и открыть Путь дальше. В никуда. И теперь круг замкнулся.

Ладонь легла на серый камень, впитавший в себя отголоски прошлого. Кожа ощутила холод, тугими потоками извивающийся под пальцами. Этот дом жил вне времени. Это был её дом, её память о той всепоглощающей ярости, что она почти обрушила на весь этот мир, когда поняла, что он чужой... Мир, ставший первым после её родного и давно превратившийся в тень, в забытую иллюзию, но это здание врезалось в память прочнее любого другого воспоминания. Когда она здесь очнулась, оно горело. И на мгновение ей показалось, что она всё ещё дома...

Сейчас на месте почерневшей от огня кирпичной кладки высились крепкие каменные стены. Новое здание взлетело ввысь причудливым и гротескным замком, словно посреди города стояла крепость. Уже ничто не напоминало тот дом, и всё же это был именно он. Ни стены, не узкие окна, ни огромный зал, с зеркальным полом, это всего лишь место, в котором продолжает жить Сила. Её Сила. Оставленная здесь, чтобы вернуться назад. Как маяк, чтобы знать, что всё начинает повторяться, а её родной мир так и не найден. Потому что его нет!

Боли не было, сожаления тоже, прошло слишком много времени, чтобы сожалеть. Эти чувства посетили её лишь однажды, а потом исчезли вместе с погибшим домом. Очень давно.

В конце зала раскинула чёрные крылья каменная скульптура. Они помнят? Напротив неё к столбу была привязана уже знакомая девчонка. Ветс — любительница попадать в неприятности. Из разрезанных запястий по жёлобу струилась алая кровь.

Она провела над жёлобом рукой, почувствовала, как в ладонь впиваются разряды энергии и горько усмехнулась. Пустая трата чужой жизни. Эти капли ничто по сравнению с тем, что ей нужно. Она медленно коснулась пальцами запястий девушки, подождала пока спаяются вместе края порезов, прекращая кровотечение, и отёрнула руки.

Грудь Ветс слабо вздымалась, она потеряла много крови, но была жива. Девушка слабо застонала, приоткрыла глаза. Туманящийся взгляд скользнул по скульптуре и метнулся к стоящей рядом Лие. Ветс вздрогнула.

— Это ты..., - она вновь застонала, голова безвольно опустилась на грудь.

Лиа провела ладонями по её путам, верёвки вспыхнули огоньками и оказались разорванными. Девушка повалилась на пол. Лиа обошла вокруг её тела и вернулась к скульптуре. Её губы сами собой изогнулись в злой усмешке — у скульптуры не было лица. Всё правильно, она никто — тень, без дома и без будущего.

Он не сразу понял, что это лишь видение, в лицо дохнуло реально осязаемым холодом, очень близко промелькнул силуэт человека, за его спиной расправились и взмахнули два чёрных крыла... Огромный зал, сквозь каменную кладку просвечивают низкие, серые тучи, наполненные всполохами огненного зарева... Огонь? В груди вдруг кольнуло, Сташ с трудом устоял на подгибающихся ногах, перед расплывающимся взглядом пронеслась полупрозрачная тень и врезалась в стену, покрытую замысловатыми фресками. В зеркальном полу отразились огромные куски падающей вниз каменной кладки и узкие проёмы окон, рассыпающиеся в мелкое крошево пыли... Он резко развернулся, сжал зубы и, сдерживая стон, шагнул из комнаты в полутёмный коридор дома. В груди бешено стучало сердце, Сташ сжал кулаки и прислонился лбом к прохладным брёвнам, пытаясь унять бегущую по телу дрожь. Он уже давно приучил себя к мысли, что вот такие видения — не относящиеся к реальности их мира, ничего не будут значить и для него самого. Зачем нужен чужой кошмар, если здесь и без этого достаточно страшно?

Он выдохнул, облизал пересохшие губы и криво усмехнулся — почему он решил, что это видение не относится к реальности?

На улице люди с опаской расступились, Сташ двигался сквозь толпу, чувствуя на себе настороженные взгляды. Он отошёл к соседнему дому и опустился на лежащее вдоль забора бревно. Что делать дальше он пока представлял плохо. Единственно, что знал точно — это селение нужно покинуть и покинуть как можно быстрее. Но выпустить его отсюда мог только колдун. Именно он управлял защитным куполом. А пока оставалось только ждать. Ждать неизвестно чего, у селян сейчас своих забот хватало. Единственное, что они могли сделать с перерождённой — это убить, ничего другого не оставалось. Но брать роль палача на себя Сташ не собирался, даже если бы мог.

Рядом кто-то остановился, он медленно поднял голову, взглянул на не побоявшегося подойти к нему человека и без удивления увидел Герта. Тот напряжённо его разглядывал.

— О чём думаешь? — поинтересовался переселенец.

Берущий криво усмехнулся.

— О жизни, она вроде бы есть и в то же время её нет.

— Ну да. Есть хочешь? — Герт усмехнулся в ответ. Сташ кивнул. — Тогда идём. В гости приглашаю.

— А твоя семья не будет против? — не сдвинулся с места Берущий.

Герт неопределённо пожал плечами.

— Не волнуйся, я их предупредил. Нам нужно поговорить.

- Поговорить? Ладно, — Сташ легко вскочил на ноги, поговорить — значит поговорить.

Дом, в котором поселился Герт, был довольно большим, крепким, сложенным из добротных брёвен. В этом селении многие дома стояли пустыми, выбирай, какой хочешь. Конечно, у всех у них была своя история и скорее всего трагическая, просто так дома не пустеют. Сташ не любил такие дома, в них всегда оставалось прошлое, не желающее покидать привычные стены.

Вот и сейчас, едва он переступил порог, в разные стороны метнулись призрачные тени, слились в стремительном танце смерти, рассказывая, как оборвалась их жизнь, и замерли в непонятном ожидании вдоль стен. Сташ невольно вздохнул и заставил себя вернуться в мир

живых, смотреть на чужую трагедию всегда больно.

В просторной столовой был накрыт длинный стол, в носу защекотало от всевозможных запахов пищи. Многие он помнил только из детства, а уж садиться вот так за стол и вовсе стало непривычным.

Берущих никто не приглашал в свой дом.

По его губам скользнула невольная усмешка — злая и горькая. Сташ с трудом согнал её с губ, из кухни спешила с исходившей паром тарелкой картошки хозяйка, увидела гостя и невольно споткнулась, но тут же пересилила себя и продолжила путь.

Женщина выглядела довольно молодой, крепкой, приятное загорелое лицо, карие глаза, русые волосы заплетены в две толстые косы. В след за ней в столовую проскользнули мальчишка лет восьми и девчушка года на три помладше, оба казались копией отца. Они уселись на лавку у стены и притихли, рассматривая гостя широко раскрытыми глазами. А вот вошедший из другой комнаты подросток был похож именно на мать. Высокий, выше Герта, выглядит молодо, но во всех движениях чувствовалась расчётливость и сила. Берущий попытался вспомнить видел ли его на крыше телеги и понял, что видел. Тот держался сразу за отцом, без страха, с отчаянным упрямством в глазах. Уже у самой стены его едва не загрыз grimтон, когда твари начали запрыгивать на телегу. Ещё один из спасённых.

Парень смерил Сташа спокойным взглядом, коротко кивнул и уселся у стола.

— Тебе бы помыться, гость, — усмехнулась женщина. — Баня-то истопилась как раз. Да и одежду сменить нужно, я сейчас подберу.

— Успеется, — подтолкнул Берущего Герт. — Пойди умойся, перекусишь, а потом в баню.

Сташ не стал спорить, есть действительно хотелось больше, хотя садиться в таком виде за стол тоже казалось неприемлемым. Он быстро прошёл за печку, где по воспоминаниям обычно располагался умывальник и с грустью увидел, что не ошибся. Он тщательно вымыл руки, поплескал на лицо и с наслаждением вытерся мягким пушистым полотенцем. Когда вернулся в столовую, все уже расположились за столом.

— Ты куртку-то скинь, удобней будет, — по-доброму посоветовала жена Герта.

— Не стоит, — Сташ покачал головой, под курткой была изодранная рубаха, вся пропитанная кровью. — Мне бы переодеться сначала.

— Это после баньки, — весело проговорил хозяин дома. — Знакомься, моя жена Милана, сыновья — старший Виргон, младший Кирон и дочка Марьяна. А гостя зовут Сташ.

— Ты не стесняйся, Сташ, ешь, — улыбнулась Милана. — Проголодался, небось. Тебя ужином-то хоть покормили вчера?

Сташ невольно улыбнулся в ответ.

— Мне показалось, что вечером местным стало сильно не до меня, поэтому ужин оказался не предусмотрен, — он всё-таки подождал, когда за ложки возьмется хозяева и лишь тогда зачерпнул из своей тарелки.

Картошка, приправленная специями и зеленью хоть и без мяса, но оказалась очень вкусной. Отдельно, порезанная на куски на общей тарелке лежала зажаренная рыбина. Удивительная роскошь для селян. Деревни старались строить недалеко от водоёмов, но, как правило, поход к ним всё равно оставался весьма опасным предприятием, а уж о рыбалке и говорить было нечего. Питьевую воду брали из вырытых колодцев, для остальных нужд использовался отведённый от водоёма ручей, который приходилось постоянно чистить. На рыбу ставили сети, стараясь забросить их прямо со стены, если расстояние позволяло, а

потом верёвкой подтаскивали обратно. Но при таком способе ловли добыча оказывалась довольно скудной.

Хозяин сам очень бережно положил гостю первый кусок. Сташ с благодарностью кивнул. Задумываться о такой щедрости не хотелось. Он слишком хорошо осознавал, что это не могло быть просто благодарностью за спасение. Для Берущих проявлений таких чувств не существовало, это было их жизнью, и никто не обязан был их благодарить. Люди воспринимали их именно так — хищниками, убивающими свою добычу. А то, что при этом они кого-то ещё и спасали, так это считалось вполне естественным для Братства.

— Спасибо, очень вкусно, я давно такого не ел, — Сташ отодвинул опустевшую тарелку.

— Наверное, среди леса особо разносолов не наготовишь, — как-то смущённо произнесла Милана.

— Мы и не готовили, не до того было. Хорошо если поужинать у костра удавалось... — Берущий невольно умолк, рассказывать о той своей жизни, уже вычеркнутой из настоящего, совершенно не хотелось.

— Ладно, спасибо за еду, хозяйюшка, — поднялся из-за стола Герт. — Мы в баньку пойдём.

— Что, так прямо сразу, не отдохнувши? — засуетилась Милана. — Тяжело будет мыться.

— Ничего, с этой тяжестью мы справимся, — подмигнул он Сташу и прихватил из-за печки стеклянный графинчик с мутноватой жидкостью.

Берущий молча последовал за Гертом, у дверей Милана всунула ему в руки ворох одежды и полотенце. Баня располагалась чуть в отдалении от дома — на другом конце небольшого неухоженного огородика с заросшими сорняками грядками.

— Эх, в порядок бы здесь всё привести, — вздохнул Герт, шагая по узкой тропинке. — У Миланы аж глаза загорелись, когда столько земли под посадки увидела. Да видно не судьба....

Сташ не стал спрашивать почему. Скорее всего, именно это и было причиной сегодняшнего гостеприимства Герта.

Хозяин распахнул скрипучую дверь, и они оказались в просторном предбаннике. Сташ положил чистую одежду на широкую лавку и наконец, стащил с себя куртку. С этой вещью он расставаться не собирался, да и из того, что дала ему Милана, он разглядел лишь плотную рубаху и нижние штаны. Значит, верхнюю одежду придётся как-то отмыть и починить. Он покрутил её, рассматривая расплосованный когтями рукав, и аккуратно повесил на крючок.

Герт уже успел быстро раздеться и переминался с ноги на ногу, разглядывая не торопящегося Сташа.

— Впервые иду в баню с Берущим, — пробормотал он.

Сташ криво усмехнулся, стянул с себя разодранную рубаху, всю покрытую пятнами засохшей крови и тронул побелевшие шрамы на плече. Настолько быстрое исчезновение таких серьёзных ран было не только непривычным, но даже немного пугало. Нужно было осознать, что его организм всё же изменился.

Он разделся полностью и шагнул в самую баню. В лицо дохнуло жаром, но по коже побежали мурашки озноба, Сташ поёжился, удивляясь своей реакции. Герт немного нервно окатил водой лавки, быстро плеснул на печку, поддавая жару и вручил Берущему глубокий таз.

Мылись они в молчании, с наслаждением оттирая с себя грязь и глубоко вдыхая

удивительно горячий воздух. На баню редко тратили много дров, как правило, мылись в едва прогретой и почти холодной водой.

Потом они завернулись в полотенца и расположились в предбаннике на лавках. Герт достал свой графинчик и снял с полочки два стакана, наполнив их резко пахнущей жидкостью.

— Сам настаивал, на травах, — похвастался он. — Вместо лекарства можно пить. Давай, Сташ, за знакомство и за жизнь....

Он не стал ждать пока Берущий возьмёт в руки свой стакан, а быстро опрокинул в рот жидкость, поморщился. Парень с сомнением покосился на Герта, наблюдая как его лицо мгновенно покраснело, а в глазах появились слёзы.

— Извини, — произнёс он. — Я не пью спиртное.

На самом деле это не было правдой, пить он мог что угодно, даже болотную муть, перемешанную с ряской, его организм бы всё выдержал. Но кроме чистой ключевой воды, не загрязнённой никакими примесями, ничто больше не доставляло ему удовольствия. А вкус спиртного, так же как и его дурманящие свойства, просто исчезали, никак не воспринимаясь организмом.

— Это правильно, — кивнул Герт, осушая второй стакан. — Ты же не на много старше моего сына, а вот шрамов у тебя больше чем на моём теле. Не легкая у тебя жизнь, парень. Вам Берущим оказывается тоже сильно достаётся.

Сташ невольно усмехнулся.

— Мы не бессмертные и не всемогущие, хотя большинство шрамов на моём теле остались со времён детства. И не от монстров, а от меча учителя. У нас обучают только боевыми мечами, не смог отбить — сам виноват, в другой раз будешь быстрее.

Герт налил третий стакан, но пить не стал. А тяжело вздохнул, собираясь с духом.

— Ты ведь не останешься здесь, Сташ, я прав?

Берущий вновь усмехнулся.

— По моим следам идёт Братство, я приговорённый. Не знаю, что их задержало, но если они застанут меня в этой деревне, это будет похуже, чем нападение grimтонов. Для всех. И колдун должен это понимать, я надеюсь.

Герт опустил голову и медленно заговорил.

— Вот и мы уходить решили, думали нашли хорошее место, дом. А не лежит душа к этому селению, беспокойно здесь.

— В лесу ещё беспокойней. И куда идти думаете?

— В город, в Стайт. А ты? Тебе есть разница куда идти? Может нам по пути будет?

В его голосе звучала надежда, перемешанная со страхом. Это нелегко решится вновь сорваться с места, вновь войти в лес, да ещё предложить себя в попутчики изгою. Они надеются на его защиту, но ведь это бесполезно, он не сможет их защитить, он даже в бой больше вступать не будет. Его единственным шансом была скорость — бежать, бежать в неизвестность. Без цели, без будущего.

— Вам будет опасно рядом со мной, — чётко произнёс Сташ.

— Знаю, — скривился Герт и уставился куда-то в стену застывшим взглядом. — Я долго думал, разговаривал с семьёй. Мы уже проходили через это. Наше погибшее селение когда-то было даже больше чем это, высокая стена, мощный экран... а потом... потом появились они, так же как здесь, сначала один, потом сразу пятеро, потом больше. Мы сжигали всех на кого только попадало подозрение. Это было безумием. И здесь тоже вскоре начнётся

безумие. Я не хочу вновь через это пройти. Не хочу видеть, как в глазах моей жены и моих детей вдруг появится голодный блеск, не хочу сам превращаться в монстра. Это страшнее, чем ещё раз проехать через лес. Может быть, нам повезёт, а если нет, то погибнем все вместе.

— Я не смогу вам помочь, не смогу защитить, ты понимаешь это? — с нажимом спросил Сташ.

— Но ты сможешь хотя бы предупредить нас. Ты ведь чувствуешь их приближение?

— Чувствую, — он задумчиво разглядывал Герта, эти люди уже всё для себя решили, они двинутся в путь и с ним и без него. Это тоже безумие. Такое же безумие, как и его желание бежать. От себя не убежишь, от Братства тоже. Ему вдруг пришло в голову, что если Гром с братьями настигнет их в пути, то не оставит без защиты, а проводит в Стайт. После того как исполнит свою миссию по уничтожению изгоя, но это будет уже не важным.

— Ладно, — Сташ даже улыбнулся, оказывается, когда исчезает неопределённость, становится намного легче. — Если вы решили, то можем ехать вместе.

Уже потом, в доме, когда они вновь сидели за столом, и Герт окончательно захмелел, зашёл колдун. Он хмуро оглядел посапывающего на лавочке переселенца и, не спрашивая разрешения, опустился за стол напротив Сташа. Милана и дети предусмотрительно ушли в другую комнату.

— Задал ты нам задачку, Берущий, — проворчал старик. — Нелёгкую.

Сташ молча ждал. Взгляд колдуна был потухшим, почти неживым.

— Она была единственной дочерью моего погибшего брата. Если она первой переродилась, значит, это с неё всё началось, она заразила всех остальных?

— Не обязательно, всё зависит от силы организма человека, с кем-то это происходит быстрее, с кем-то медленнее. Временных рамок не существует. Возможно, что тот, кто это начал, ещё здесь, среди вас.

Колдун скрипнул зубами и сжал кулаки.

— Ты можешь его найти?

— Зачем? Ничего уже не изменишь, он не осознавал того, что делает.

— Ты защищаешь перерождённого, Берущий? — глаза старика расширились от удивления.

— Не защищаю, — Сташ пожал плечами. — Я понимаю тебя, но мстить бесполезно. Единственное, что ты можешь сделать, это попытаться их изолировать и желательно держать всех по одному.

— Я не спрашивал твоего совета. Я спросил, можешь ли ты определить того, кто это начал?!

— Нет, — солгал Сташ. В этом не было смысла, это их дело, но он уже решил, что больше не будет ничьим палачом. Даже косвенно.

По губам колдуна пробежала кривая усмешка.

— Я опять тебе не верю, Сташ, — он задумчиво постучал пальцами по столу. — Для Берущего в тебе слишком много противоречий. Разве ты должен сомневаться в том, что перерождённых нужно уничтожить?

— Всех или одного? Твой внук тоже заражён, — Сташ спокойно смотрел, как в бесцветных глазах вспыхивают опасные огоньки, но ничего не мог с собой поделать. — Я тоже заражённый, все Берущие заражённые, мы выпитываем их сущность, отравляем свою кровь и сами превращаемся в монстров. Но для нас это происходит очень медленно, намного

медленнее, чем для людей. Это пытка, колдун, знать, чем всё закончится. Ждать этого и всё равно быть неготовым. Никто не выбирает свою участь, никто не виноват, что стал таким.

Старик опустил взгляд, из его груди вырвался тяжёлый вздох.

— Да, никто не виноват... но я никогда в это не верил. Выходит, мы уничтожаем сами себя? Они все были людьми, а теперь бездумно убивают своих соседей, своих родственников и детей.

Сташ невольно вздрогнул.

— Нет, — медленно произнёс он, в памяти вновь пронеслись лица родителей, отводящие поблёскивающие кровавыми отсветами глаза, отстраняющиеся от его кровати, заставляющие себя уйти. — Детей они не трогают. Своих детей.

— Что?

— В вашем селении у многих перерождённых есть дети, но они не заражены.

— Откуда ты знаешь? — насторожился колдун.

— Просто знаю. Видел.

— Что видел?

Сташ поморщился, опять одно и то же. Чего он добивается, что хочет знать? Колдун словно пытался вытрясти из него некое признание.

— Ваших перерождённых видел. Я же уже говорил, что могу их определить.

— Как?

— Я их чувствую.

— Ты сказал, что видишь. Что видишь?

Берущий невольно фыркнул и отклонился немного назад, рассматривая упрямого старика.

— А что я должен видеть? — поинтересовался он.

Колдун ответил ему твёрдым взглядом.

— Тени.

Сташ знал, что его лицо никак не изменилось, он слишком хорошо умел сдерживать собственные эмоции, не выдавать чувств, прятать боль и переживания, оставаться бесчувственным монстром. Так было надо, всегда, особенно среди братьев, потому что у них отсутствие эмоций было настоящим, а у него нет. Он привык обманывать, но этот старик сейчас читал его, как открытую книгу.

— Почему именно тени?

— О-о, — колдун хмуро улыбнулся. — Когда-то давно, когда только всё началось, и наш мир изменился, говорят, что даже Канор был человеком. Со временем он понял, что его собственная природа стала другой, и теперь он может брать чужую энергию. Он стал Берущим, но простым Берущим, его способностью было видеть всех перерождённых, видеть их тени. Поэтому он легко их находил и убивал, но в отличие от других, он очень долго не перерождался. Он впитал огромное количество чужих отравленных сущностей и сам превратился в тень, но не перестал испытывать голод. Он стал злом, с которым пока ещё никто не в силах справиться. Его проявления расползлись по всему нашему миру и продолжают, заражать людей, чтобы создать для него пищу. Мы пища, Сташ. Его будущая пища.

— Это что — сказка? — зло поинтересовался парень.

Его собеседник глухо рассмеялся.

— Ну да, сам выдумал — для тебя. Интересно получилось?

— Нет.

— А продолжение хочешь услышать?

— Зачем?

— Просто так, — колдун мягко улыбался, а его взгляд не отрывался от глаз Берущего.

— Ладно, — тот постарался ответить как можно более безразлично. — Рассказывай.

— А ты знаешь, что Берущие его самое лакомое блюдо? Нет? Как вы умираете, Сташ? — неожиданно спросил старик.

Сташ дёрнулся, колдун сверлил его безжалостным взглядом.

— Мы умираем на Поляне рядом с обрывом, так принято, — он с трудом вытаскивал из себя слова, дыхание сбилось, в горле стоял комок. Почему он должен верить старику? Это не может быть правдой. Но ведь верит... — Когда приходит время именно там завершается наш путь. У всех.

— Очень удобно, вы сами приходите к нему в пасть. Сами подпитываете его силы. Вас переполняют сущности перерождённых и вы приносите их Ему в пищу, расставаясь с собственными жизнями.

— Откуда ты всё это знаешь? — Сташ вдруг почувствовал, как в его груди вновь шевельнулся ледяной шар и сдавил болью сердце, напоминая о себе. Он с трудом сдержался, чтобы не застонать, а перед взглядом мелькнула серая пелена, мелькнула и пропала.

Колдун вздрогнул и резко вскочил из-за стола. Потом вдруг успокоился и заставил себя сесть обратно.

— Твои глаза на мгновение изменились, — пояснил он. — Знаешь, это страшно, Сташ. Страшно вот так заглянуть в глаза хищника, который вдруг начал терять над собой контроль.

Берущий покачал головой.

— Не волнуйся, я ещё ни разу не терял над собой контроль, даже когда думал, что перерождаюсь.

В глазах старика мелькнуло торжество.

— Ну вот, значит я прав! — воскликнул он весело.

— В чём?

— Я очень много поведал на своём веку, но впервые увидел перерождённого, который, уже изменившись, смог вернуть себе человеческую сущность. Так не бывает. Ты другой, Сташ.

— Ладно, пусть другой, — со злостью проговорил Берущий. — Ты договоришь до конца или нет?

— Смотри, — колдун расстегнул пуговицы и далеко отогнул ворот рубахи, показывая исполосованную шрамами шею и левое плечо. То, что это именно укусы, а не царапины Сташ определил сразу. — А теперь скажи, я заражён?

— Нет, — ответил он тоже сразу, тень старика не имела ни одной красной полосы. Не было даже намёка на то, что в его теле присутствуют следы перерождения. — Но как такое возможно?..

- Меня вылечил мой дед, травами. Я тоже сейчас ими лечу, но растут они только в лесу и только вокруг мёртвых домов из прошлого. Я уже был колдуном, когда меня заразили, может быть именно поэтому мне стали являться очень яркие видения, я словно читал книгу, рассказывающую мне правду о них. Можешь, конечно, не верить, но у каждого свой дар.

— Мне даже сны не снятся, — пожал плечами Сташ, о своих собственных видениях он говорить не собирался. — Но ты прав — у каждого свой дар.

— Мой дар лечить. И я не собираюсь никому мстить, но если узнать, от кого пошло заражение и начать лечение именно с него, то оно будет намного более эффективным. Эти существа тоже связаны. Поверь мне. Тот, кто приносит заразу в новое место, начинает контролировать своих подопечных и дав ему лекарство, я сразу ослаблю и других.

— Даже так? Ты очень много знаешь о них колдун.

— Знаю, — вздохнул старик. — Но не вижу их, пока не становится слишком поздно. Ты сможешь мне, Сташ?

— А ты отпустишь меня?

— А по-другому и не получится. Ты в любом случае должен будешь уйти. Я не знаю, сколько ещё осталось времени до того, как тебя найдут братья и принесут Ему в жертву, но пока оно есть, мы должны поторопиться.

— Ты что-то говорил про тени, — напомнил Сташ и тут же пожалел об этом.

— Неужели интересно? — усмехнулся колдун.

— Пожалуй, нет.

— Снова лжёшь, Берущий. Идём, — колдун встал и направился к двери, продолжая на ходу говорить. — Ты не можешь чувствовать перерождённых, никто не может, это прерогатива колдунов, но мы давно убедились, что это невозможно. По общему фону они ничем не отличаются от людей, пока не начинают выдавать себя повадками, а потом меняются внешне. Их нужно именно видеть. Видеть тени, которые, как ни странно, отражают правду о них, а на это был способен лишь Канор.

Сташ замедлил шаг, но отступить было поздно, да и разбираться сейчас совсем не время. Колдун обещал его выпустить, но сначала всё равно придётся указать на перерождённых.

Ветер порывами налетал со стороны леса, раз за разом пригибая к земле языки огня и бросая клубы дыма в лица стоящим рядом людям. Никто не двигался с места, не пытался отойти. Погребальный костёр на центральной площади собрал вокруг себя всех селян.

Пламя нещадно пожирало остатки плоти, превращая погибшую убийцу в пепел. С её сожжением не медлили, не проводили никаких обрядов, а просто бросили тело на вязанки хвороста и подожгли. С её жертвами поступят по-другому, с ними попрощаются как это должно, с оплакиванием и поминками. И похоронят их не сразу, а через день.

Берущий неподвижно замер рядом с колдуном, они стояли ближе всех к костру, чувствовали его жар и невольно вдыхали раздуваемый ветром дым. Огонь трепетал, то набирая силу, то становясь ниже. Очертания тела почти перестали угадываться, перестали существовать, а когда языки пламени исполнили своё предназначение и сравнялись с землёй, колдун поднял руки и заставил пепел взлететь в воздух. Порыв подхватил чёрные частички и понёс их ввысь, туда, где высоко за чёрными тучами сияет солнце, туда, где смерть не имеет значения, там властвует только ветер.

Сташ слишком часто присутствовал на подобных церемониях и ненавидел их. Пожалуй, это был первый случай, когда к смерти сжигаемой он не имел прямого отношения, но лишь потому, что не стал её палачом. И всё же..., он не чувствовал себя спасителем этих людей, для них он остался тем же чудовищем, что и перерождённая. В их глазах его место было в этом же костре. Он знал это и даже не хотел представлять, что будет после того, как исполнит просьбу колдуна.

Старик подождал пока люди перестанут смотреть вверх, провожая взглядами почти незримое облако, в которое превратилась убийца, и встал перед кострищем, приковывая все взгляды к себе.

— Селяне! — его голос был негромким, но эхом разнёсся над всей площадью. Люди заметно поёжились. — Нас постигло большое горе, но мы знали, что это произойдёт, мы ждали этого. Ждали, кто станет первым.... Это страшно, потому что вслед за Нилой появятся и другие. Это мы тоже знаем. Вопрос лишь в том — когда и сколько их будет? Сегодня нам повезло, что среди нас оказался Берущий, — колдун горько улыбнулся. — Но он не может оставаться в нашем селении, по его следам идут его братья, он должен уйти.

Селяне начали переглядываться, они ещё не отошли от произошедшего, беда, хоть и ожидаемая, оказалась слишком трудно осознаваемой. Вот они жили, научились мириться, что среди них есть другие, те, кто по ночам пьёт их кровь, научились защищаться от них. И вдруг всё изменилось — тот, кто казался не таким уж и опасным, перешёл на следующую стадию и начал убивать. Сейчас им нужно было осознать, что они не справились с этой ситуацией, не смогли ничего предотвратить, а вскоре всё повторится. И это действительно страшно.

— Вы знаете, что я могу вам помочь, — медленно продолжил колдун. — Могу замедлить распространение заражения, но вы не идёте ко мне. Вы боитесь. Но так не может продолжаться дальше. Вы должны это понимать. Поэтому сегодня вас приведёт ко мне Берущий. По-другому нельзя.

Сташ наблюдал за напрягшимися лицами, за расширившимися от страха глазами, за паникой, замелькавшей во взглядах, но никто не попытался бежать. Все слушали своего колдуна.

— Я обещаю вам, что никто не пострадает. ОБЕЩАЮ. Мне лишь нужно знать, кому требуется лечение. Поэтому примите это с пониманием и не мешайте, — он повернулся к

Сташу и кивнул.

Парень медленно шагнул вперёд, сейчас он уже не выглядел тем монстром, что явился в их селение. Отмытый от крови, в чистой, зашитой одежде, без оружия, он казался обычным путником, неизвестно зачем забредшим в их село. Только не бывает у бродяг таких плавных движений хищника и не бывает такого взгляда — совершенного спокойного, без эмоций, без переживаний. Безразличного. Они не могли заглянуть в его душу, не могли увидеть бушующего в ней пламени, что всё сильнее сжигало разум, заставляя корчиться под маской безразличия от боли. Им не нужны его чувства, они не хотят знать, что Берущие тоже люди. Они привыкли, что они бесчувственные монстры.

Сташ медленно шёл вдоль выстроившихся полукругом селян, вглядывался в их лица, хотя всё это было не нужным. Он мог бы сразу выдернуть из толпы перерождённых, но зачем-то медлил, словно пытался отсрочить тот момент, когда всё изменится. Изменится и для них и для него.

Перед первой перерождённой он просто остановился, заглянул в широко распахнутые ярко-синие глаза на молоденьком личике девчонки, увидел в них панику и повёл рукой, приглашая её выйти вперёд. Та быстро схватила за руку стоящего рядом с ней высокого крепкого мужчину и спряталась за его спиной. Селянин оскалился в злой усмешке, положил руку на рукоять короткого меча, висящего на поясе, и отрицательно покачал головой.

— Не лезь к моей дочке, монстр, — выдохнул он. — Не посмотрю, что безоружный, как есть зарублю.

— Не дури, Прокоп, — вмешался колдун. — У тебя ещё четверо детей, и прежде всего она опасна именно для них. Выходи, Селена, глупо прятаться.

Прокоп сжал кулаки и заставил себя отойти в сторону.

— Отец, — девушка судорожно всхлипнула. — Я, я....

— Иди, — грозно произнёс мужчина. — Чего уж теперь. Он поможет. Не обманет. Иди.

Она опустила голову и побрела к колдуну.

Сташ невольно перевёл дух, сопротивление могло бы оказаться и более яростным, но обошлось.

Следующим был почти старик, он не прятал взгляда, лишь насторожено следил за Берущим, следил с любопытством, выжидаяще — определит или нет? Сташ невольно усмехнулся, тень селянина была густо насыщена багровым цветом. Возможно, он был вторым на очереди после Нилы и ещё неизвестно сможет ли колдун это предотвратить. Похоже, заражённый и сам это понимал, после молчаливого кивка Берущего он шагнул вперёд с обречённой решительностью и встал рядом с уже вызванной девушкой. Та посмотрела на него с недоумением, словно не веря. Так бывает, они не знают друг о друге пока не становятся кровлигами.

Дальше перерождённые выходили без пререканий, чаще всего молча, но иногда их близкие удивлённо вскрикивали и невольно отодвигались от своих родных. Было видно, что многие не знают о том с кем делили одну крышу. Вскоре рядом с колдуном стояла целая толпа, детей среди них не было, только подростки и взрослые. Последней оказалась молодая светловолосая женщина, она с трудом оторвала вцепившегося в её руку мальчишку, умоляюще посмотрела на отстранившегося мужа и, опустив голову, пошла к остальным.

Сташ невольно проследил за ней взглядом, она сгорбилась, но походка осталась упругой и спокойной. Тень имела множество красных полос, очень насыщенных полос, в тоже время её привыкшее к работе тело казалось очень сильным, не сломленным пожирающим изнутри

перерождением. Она не тронула свою семью, никто из них не заражён, значит, её жертвами изначально были другие селяне. Её соседи, знакомые, может быть дальние родственники. Все те, кто стояли сейчас вокруг колдуна.

Он не был уверен, что правильно определил первого, раньше ему не приходилось задаваться вопросом, как давно произошло заражение, это было не нужным. Но стоит на кого-то указать и именно он станет объектом всеобщей ненависти. Сташ даже удивился, что его это волнует, слишком непривычно было за кого-то переживать. Даже за эту женщину, являющуюся причиной всех бед, но пересилившую себя и не тронувшую ни мужа, ни сына. Так же как когда-то его родители....

Берущий ещё раз пробежал взглядом по толпе людей и не увидел больше ни одной кровавой тени. Все перерождённые собрались в центре площади. Внук колдуна сам подошёл к деду, встал рядом.

Сташ невольно прищурился, вокруг группы перерождённых вился незримый кокон. Тени переплетались, пульсировали багрово-красной паутиной, напоминая живую подрагивающую клетку, взявшую всех этих людей в плен. А может быть, так оно и было.

— Это все, — чётко произнёс Берущий.

— Ты уверен? — поинтересовался колдун.

Сташ криво усмехнулся.

— Уверен. Я не ошибаюсь.

— Хорошо, — он повернулся к перерождённым. — У нас есть несколько пустующих домов, вам придётся пожить там. Со временем вы сможете вернуться к своим семьям.

«— Если они вас примут», — мысленно добавил Сташ.

Колдун повёл их к выбранным домам, туда же чуть в отдалении потянулись остальные селяне. Берущий проводил их взглядом, невольно улыбнулся. Они привыкнут, должны привыкнуть, старик не обманет, он сделает всё, чтобы оградить своих подопечных от страшного будущего.

Сташ быстро зашагал в сторону домов, где поселились переселенцы. Никто из них не присутствовал на площади, по рассказам Герта выходило, что они видели такое уже не раз. То же самое происходило в их собственной деревне. Вот только вовремя их бегства через лес несколько человек были покусаны. Берущий инстинктивно запомнил их лица, но смог бы найти их и без этого.

Сейчас он вновь невольно почувствовал себя хищником выслеживающим дичь. Рука сама собой опустилась туда, где должны были висеть ножны с мечом, пальцы хлопнули по пустому бедру, и в сердце всколыхнулась нежданная ярость. Сташ заставил себя остановиться, провёл ладонями по лицу. Это правильно, что у Берущих нет чувств. Их не должно быть, не должно быть сомнений и противоречий, не должно быть злости и ненависти. Ничего. Пустота.

Дома переселенцы выбрали у самой стены, почти у ворот. Сташ замедлил шаг, вглядываясь в лежащие от стен тени. Тех, кого покусали, было шестеро, их неровные силуэты с багровыми полосами медленно скользили по периметру крайнего здания — двухэтажного и со стороны выглядевшего необжитым. Ещё крепкие стены потемнели от времени, ставни окон болтались на проржавевших петлях, издавая пронзительный скрип. Дверь отсутствовала, вместо неё темнел неприветливой пустотой широкий прямоугольник входа.

В голову сразу закрался вопрос — что делают эти шестеро все вместе в заброшенном

доме? Ведь кроме них других людей здесь не было. Берущий невольно оглянулся на остальные дома, в которых поселились переселенцы. Во всех окнах застыли напряжённые фигуры, ждущие фигуры. Все взгляды были прикованы только к нему. Он остановился перед входом, почти физически ощущая, как по спине скользят перекрестья прицелов.

Эти люди сделали свой выбор. Выбор начать жизнь в новом месте. Они уже пережили весь этот кошмар. Он не должен сомневаться... Или должен? Но если эти заражённые останутся в селение, то усилия колдуна ничего не будут стоить.

Они ждали. Странно, но иногда очень трудно сделать шаг вперёд, трудно поверить людям, которым ты один раз уже помог, но сейчас они вновь борются за судьбу своих близких. Борются без слов, без надежды, просто целясь в спину того, кто способен их выдать.

Сташ так и не сделал этого шага. Они сами вышли ему навстречу. Двое были теми воинами, что он первыми отбил у grimтонов, остальные знакомые с крыши телеги.

— Решил не заходить? — с кривой усмешкой поинтересовался светловолосый здоровяк с перевязанной рукой. — А мы тебя ждали, всё думали, когда же ты про нас вспомнишь?

Сташ пожал плечами.

— Зря ждали, — он вернул усмешку. — Я не обязан о вас помнить, не обязан ничего доказывать. Это ваш выбор.

— Но ты здесь, — качнул головой здоровяк. — И ты прав, выбор мы сделали. Причём давно. Мы должны были остаться за воротами, а не подвергать опасности наши семьи. Так же как и ты. У нас один путь, Берущий. Туда — в лес.

— Нет, — Сташ увидел, как их руки опустились на рукояти мечей, а в прищуренных глазах мелькнули настороженность и злость. Вот значит как, это они собирались заставить его покинуть это селение и сами последовать за ним. Он невольно улыбнулся. — Наш путь будет разным. Я пойду один, вам не нужно уходить.

Они непонимающе нахмурились, переглянулись.

— И что бы это значило, Берущий?

— Не всем так везёт, но у вас есть шанс излечиться.

— Шутишь? — здоровяк очень быстро выхватил меч, умело крутанул его в руке и неожиданно приставил к груди Сташа. — Единственное лекарство это смерть.

Берущий, всё также улыбаясь, неуловимо быстро скользнул в сторону, одним плавным движением ударил по руке сжимающей оружие и подхватил вылетевший из разжавшихся пальцев меч. Переселенец невольно отшатнулся, с удивлением потёр ушибленную кисть и угрюмо уставился на Сташа.

— Не зря говорят, что вы Берущие и grimтоны стоите друг друга, — проворчал он.

— Смерть не может быть лекарством, — Сташ протянул ему потерянное оружие рукоятью вперёд. — Местный колдун нашёл нечто иное. Поэтому, у вас есть шанс поспорить со смертью. Я бы на вашем месте не стал отказываться от такого подарка судьбы.

Заражённые недоверчиво переглянулись.

— Тебе он тоже поможет? — поинтересовался здоровяк, забирая свой меч.

— Мне нельзя помочь. Я уйду. Если будут желающие присоединиться, буду ждать у ворот через час. Но надеюсь, что вы выберете колдуна, — Сташ резко развернулся и зашагал к дому Герта.

Тот уже протрезвел и с угрюмой решительностью паковал нехитрый скарб в тюки. Его жена быстрой тенью скользила по горнице, собирала последние вещи, одевала притихших детей.

— Зачем, Герт? — Сташ остановился в дверях. — Можешь, конечно, не верить, но у этого селения есть будущее. Вам не нужно уходить, не нужно так рисковать.

— Ты о лекарстве? — переселенец выпрямился, расправил плечи. — Может оно и так,

может у колдуна всё и получится. А если нет? Если он не справится с таким количеством заражённых? А другого шанса уйти у нас уже не будет. Поэтому извини, Сташ, что навязались, но ты уже дал своё согласие. Так что теперь мы вместе.

— Дал согласие, — Берущий поморщился. — Но не обещал защиты, Герт.

— Я помню.

Колдун ждал их у ворот. Он был один, селение притихло, словно вымерло, пока шли не встретили ни одного человека. Старик окинул взглядом Герта и хмуро усмехнулся.

— Значит решились? Отговаривать не буду, это ваш выбор. Но у меня есть просьба, если доберётесь до Стайта, передай это главе гильдии колдунов — Карату, — он протянул Герту холщёвый мешочек. — Там сбор, из которого я делаю лекарство, пусть посмотрит чего он стоит.

Переселенец молча кивнул, принял мешочек и спрятал у себя под одеждой. Его семья уже грузила вещи в крытую телегу, стоящую у стены. В повозку была впряжена единственная лошадь. Герт поспешил к ним. Сташ задержался рядом с колдуном, старик сжимал в руках знакомый меч в ножнах. Тот проследил за его взглядом, вновь усмехнулся.

— Возвращаю, — он протянул оружие Берущему. — Чтобы ты не говорил, но тебе это понадобится. Таким оружием не разбрасываются, оно у вас особенное. Присмотрись к нему.

Сташ кивнул, забрал свой меч, но одевать ножны не стал. Пальцы сразу ощутили лёгкое покалывание, словно клинок даже сквозь ножны пытался передать оставшуюся в нём энергию.

— Я надеюсь, что у тебя всё получится, — произнёс парень, больше ему сказать старику было нечего. Он шагнул было к воротам, но тот придержал его за рукав. Берущий остановился, оглянулся. Колдун, беспечно улыбаясь, внимательно взгляделся в его лицо, словно пытался навсегда запомнить каждую чётточку.

— Я знал, что если когда-то появился один Иной такого рода, то придёт время и это произойдёт снова, — произнёс он весело.

— О чём ты? Чему ты радуешься? — Сташу очень не нравился его взгляд.

— Канор не потерпит конкурента, — он тихо рассмеялся. — Я надеюсь, что вы уничтожите друг друга. И даже если нет, то для нашего мира всё равно что-то изменится. Вы ослабнете, а кто-то один погибнет. И возможно тогда у человечества появится шанс.

Сташ отступил от него, в глазах старика не было безумия, в них жила надежда.

— Прощай, — Берущий резко развернулся и быстро зашагал к воротам.

Едва видимый для человеческого зрения экран погас ровно на столько, чтобы выпустить за стену единственную повозку. Герт сразу хлестнул лошадь по крупу, заставляя перейти на рысь, словно боялся передумать. Его старший сын устроился на крыше, Милана и младшие дети находились внутри телеги за закрытыми дверями. Сташ заскочил на облучок к переселенцу и остался стоять, держась за край телеги. Его взгляд был прикован к удаляющемуся селению, к высокой стене и расходящемуся голубоватыми разводами энергии куполу. Он не знал, что хочет увидеть, сожаления не было, в сердце поселилась странная пустота, лишь где-то на краю сознания билась тревожная мысль, что покидает пристанище будущих монстров. Может быть, у колдуна всё получится, а может быть нет, он не знал. Его губы сами собой изогнулись в горькой улыбке, он ведь даже имени у него не спросил, и названия у селения не было. Ещё одно из тех, что исчезают один за другим в лесах Вартиха. Безвозвратно.

По коже вдруг пробежала ледяная волна, Берущий вздрогнул, память слишком ярко

хранила это ощущение — совершенной беспомощности, обречённости. Он закрутил головой пытаясь найти ту, чей взгляд сейчас почувствовал. Понимание неотвратимости смертельной опасности граничило с непонятым желанием вновь заглянуть в жёлто-зелёные глаза, погрузится в их бездонный омут, переполненный слишком странной силой.

Над землёй пронеслась быстрая тень, в лицо дохнул порыв ветра, и всё исчезло, он понял, что Она лишь мгновения была рядом, а потом ушла. Сташ в смятении опустился на сидение рядом с Гертом. Первые деревья леса неотвратимо быстро приближались.

— Прости, наверное, я не в праве тебя спрашивать, но всё же, — Герт поёрзал и покосился на Сташа. По лесной дороге лошадь трусила тихой рысью, повозка мерно раскачивалась, не всегда попадая в глубокую колею, оставшуюся после дождей, зарядивших в начале осени. Переселенец уверенно сжимал в руках поводья, а на его коленях лежал обнажённый меч. — Ты ведь сейчас можно сказать уже, хм, и не Берущий, ну я имею в виду не только по сути, но и не в Братстве уже. Странно немного. Я знаю, кто считается у вас изгоями... Говорят, их почти сразу убивают. Убивают сами же Берущие...

Сташ бросил на него короткий взгляд, и Герт вновь заёрзал, но говорить не перестал. — Нет, я рад, что ты спасся. Очень рад. Как говорится, повезло — так повезло. Иначе бы и мы здесь сейчас не сидели. Считаю, что и не выбрались бы с той дороги. Да. Интересное стечение обстоятельств. Или судьба. А ты и в правду изгой?

— А у тебя есть сомнения? — удивился Сташ.

— Э-э, ну, странно как-то... — Герт нервно потёр рукой лоб. — Сижу рядом с перерождённым, который на меня не нападает, да ещё и спас.

— Все Берущие в той или иной степени перерождённые, — пожал плечами парень.

— Вот-вот — в той или иной степени, но ты-то ведь уже стал изгоем, то есть, хм, я так понимаю, должен был превратиться в монстра. И тебя должны были убить.

— Это случайность, — хмуро ответил Сташ.

— Что случайность? — не понял переселенец.

— Всё. И то, что меня не убили и то, что в монстра до сих пор не превратился. Но на самом деле это лишь вопрос времени, — по губам Берущего пробежала улыбка — холодная и странно отрешённая.

— Считаешь, что ты обречён? — с дрожью поинтересовался Герт.

— Не считаю. Я в этом уверен, Герт. Сейчас я единственная цель моих братьев. Второй раз сбежать не получится. Собственно, я и не должен был сбегать... Действительно странно. По крайней мере спас несколько жизней, — он вновь улыбнулся, но на этот раз более мягко, беспечно. — Случайность говоришь, Герт?

Переселенец передёрнул плечами.

— И как думаешь, до Стайта успеем доехать?..

— Пока не нагонит Братство? — закончил за него Сташ. — Ты не переживай, они людей в беде не бросают — проводят вас до города. Так даже безопасней будет.

— А с тобой тогда ч-ч-что?..

— Что что? — Берущий криво усмехнулся. — Может, прекратим этот разговор?

Герт быстро закивал и прикусил губу, было видно, что он чувствует себя очень неловко.

— А один ты бы смог от них сбежать? — прошептал он срывающимся голосом.

— Не знаю, — честно ответил Сташ и слегка наклонился вперёд, более внимательно всматриваясь в просветы между густым низкорослым ельником. — Успокойся, Герт. Всё нормально. В моём бегстве нет никого смысла.

Колючие лапы слегка подрагивали, едва заметно тряслись, словно под ними кто-то полз. Берущий хмуро наблюдал, как тени деревьев перекрываются светло-багровыми полосами, перечёркиваются и более густыми пятнами выдвигаются ближе к дороге. Тени сливались, но по их неровным, мечущимся очертаниям Сташ выделил, что у них два хозяина. Он потянулся рукой к мечу, пальцы привычно легли на рукоять, сжали и ощутили лёгкое покалывание. Оружие мгновенно начало передавать оставшуюся в нём энергию убитых. Парень тут же одёрнул себя, выпустил рукоять и взялся за ножны.

— Сейчас на нас нападут, — проговорил он сквозь зубы. — Вот из тех зарослей впереди.

— Кто? — Герт весь подобрался, бросил быстрый взгляд на сына и кивнул ему. — Их много?

— Кровлиги. Двое, — Сташ говорил отрывисто, нужно было понять, как действовать дальше, не используя собственного оружия. — Придержи лошадь, пусти шагом.

Переселенец послушно натянул поводья, движение замедлилось.

— Твой сын ведь арбалетом вооружён?

Герт кивнул. Сташ вскочил на ноги и встал на сиденье.

— Виргон, давай так, я буду целиться, а ты спустишь курок, — предложил Берущий.

— И что это даст? — поинтересовался парень, он заметно побледнел, оказавшись так близко от их попутчика, хотя сейчас Берущий выглядел обычным человеком, даже в его глазах не было того жуткого мрака, что он видел во время предыдущего боя. — Болты же не серебряные, они не убьют.

— Не убьют, но замедлить должны. Кровлиги чувствуют боль не хуже людей. Будем стрелять по конечностям.

— Да? И где здесь конечности? Я их вообще не вижу.

— Увидишь, — усмехнулся Сташ. — А сейчас целюсь я.

Он похлопал рукой по краю крыши. Виргон положил арбалет в указанное место и сам растянулся на животе, его палец замер на спусковом крючке. Сташ взялся за плечо самострела и начал медленно его поворачивать. Заросли ельника становились всё ближе, но сейчас он тоже мог определить лишь очертания силуэтов — отражения теней, встающие от земли вверх. К тому же перезарядить арбалет для второго выстрела они не успеют.

Тени подскакивали, смещались из стороны в сторону, твари хоть и сообразили устроить засаду, но на месте им не сиделось.

— Готов? — шепнул Сташ. — Стреляй!

Виргон нажал на спусковой крючок, тетива хлопнула, и болт сорвался в полёт.

— Перезаряжай, — выдохнул Сташ, просто для того чтобы парень был чем-то занят. Тот вскочил на колени и судорожно схватился за самострел, пытаясь его взвести. — Оставайтесь на месте!

Из ельника донёсся глухой вой, тени скакнули вверх и ломанулись навстречу. Берущий спрыгнул с повозки и пробежал вперёд, поймал рукой поводья лошади и остановил животное. Ветви суматошно качнулись, пропуская на дорогу мускулистое, слегка сгорбленное существо, облачённое в обрывки одежды. Определить пол кровлига было уже невозможно, лицо и тело полностью трансформировались, а на голове начал нарастать защитный щиток.

Завидев перед собой очень близкую добычу, монстр сразу с места без раздумий прыгнул вперёд. Вытянутые руки нацелились человеку в шею, задние конечности, снабжённые далеко

выступающими из пальцев когтями, ещё в воздухе подобрались под живот и изготовились вспороть тело добычи. Человек странным образом отшагнул, уклоняясь с выверенной траектории, отшагнул настолько быстро, что в глазах кровлига мелькнула лишь смазанная тень. Потом он на всей скорости во что-то врезался, в его собственную грудь воткнулось нечто твёрдое и отбросило обратно на дорогу.

Берущий слегка встряхнул ножны, не вынутый меч заметно вибрировал, пытаясь заполучить себе энергию противника. Сташ зло усмехнулся, кровлиг корчился на земле, пытаясь вновь подняться, острière ножен пробило его грудную клетку и вмяло внутрь рёбра, но монстр был жив. Берущий сделал к нему два быстрых шага, совершенно не важно, как он его убьёт, энергия противника всё равно будет передана. Монстр задыхался, крючковатые пальцы в исступлении скребли грязь дороги, но ноги подобрались, изготовившись вновь бросить тело к добыче.

Сташ прыгнул первым и встретил запоздавшего кровлига в воздухе, ножны обрушились на вытянутые кисти, а сжатые в кулак пальцы другой руки ударили в мерцающий красноватым светом глаз. Монстр вновь отлетел на дорогу, Берущий упруго приземлился рядом. Хрипящий кровлиг забил конечностями, пытаясь от него отползти. Сташ поморщился, нужен всего один удар, чтобы закончить эту схватку и не обязательно мечом. Но это должен быть удар Берущего. А есть ещё второй кровлиг...

Ветви ельника беспрестанно качались, деревья вздрагивали и тряслись, словно между ними металось обезумевшее существо. Сташ уже несколько раз ловил взглядом промелькнувшее в колючих лапах тело.

— Перезарядил, — донёсся крик Виргона.

— Следи за ельником, — скомандовал Берущий. — Герт, иди сюда.

Переселенец быстро подбежал и остановился чуть в отдалении от пытающегося ползти кровлига, обнажённый меч он держал прямо перед собой.

— Ты должен его добить, — жёстко произнёс Сташ и протянул Герту свой меч.

— Ты шутишь? — тот с невольной дрожью посмотрел на налипшие на ножны кусочки кожи и стекающую кровь. А ведь Берущий даже не вынимал оружия. — Разве я смогу?

— Вот и проверим. В моём мече присутствует серебро. А эта тварь ещё не гримтон. Должно получиться, — он выхватил клинок из ножен и протянул Герту рукоятью вперёд. Переселенец осторожно взялся за чужое оружие, сделал ещё один шаг к хрипящей твари и в нерешительности остановился. Несмотря на раны кровлиг крутил головой и щёлкал челюстями, потом вновь начинал ползти.

Берущий зашёл со спины монстра и резким ударом ноги припечатал его голову к земле. Тот забился под сапогом человека, пытаясь вырваться и протяжно вереща.

— Бей, — безжалостно произнёс Сташ. — Бей в спину. Иначе не получится.

Герт, наконец, решился, вставил свой меч в ножны, а за оружие Берущего взялся двумя руками. Клинок ярко сверкнул в коротком замахе и погрузился в грязно-серую плоть почти наполовину. Кровлиг ещё сильнее задёргался, хрипло завыл.

Сташ отскочил от него, он всем своим существом ощутил, как силы монстра вместе с кровью растекаются по земле, впитываются в прелую подстилку леса и подёргивающейся паутиной ползут к его ногам. Берущий попятился.

— Добивай! — выдохнул он.

Герт махнул мечом ещё раз, клинок впился в шею и перерубил позвонки. Вой прекратился, из раны хлынули багровые струи, дёргающееся тело ещё ползло, увлекая за

собой волочашуюся на лоскутах кожи голову.

— Он сдох? — нервно выкрикнул переселенец.

Сташ отошёл к повозке и запрыгнул на место возницы. В воздухе подрагивало сгустившееся над тварью напряжение, высвободившаяся энергия собралась в зависший кокон и кружила чётко ощущаемым источником силы.

— Неважно, — ответил Сташ. — Оставь его.

Герт быстро отбежал и забрался на повозку рядом с Берущим.

— И что, мы едем? — он взялся за поводья. — Ты сказал, что их двое.

— Да, второй всё ещё жив, но он не противник, удачный выстрел получился, молодец, Виргон. Вперёд.

— Да я то что, я даже не целился, — проговорил парень. — И это всё? Мы не добьём их?

— А ты в охотники на монстров хочешь записаться? — усмехнулся Сташ. — Наша цель двигаться дальше, а не истреблять нелюдей. Мы же не Берущие.

— А почему второй так и не напал? — Виргон улёгся на крышу повозки, и теперь его голова свешивалась между отцом и Берущим. — Так метался, выл и не бросился на нас.

— Если бы тебе стрела попала в тоже место, что и ему, то ты также бы метался и выл и больше ни о чём не думал, — насмешливо проговорил Сташ.

— Это куда? — заинтересовался парень.

— Я целился в ногу, но он как раз присел и дёрнулся, так что прилетело ему как раз чуть ниже живота, — пояснил Берущий. — Причём та особь определённо была мужского пола, он ещё только начал трансформироваться и напоминал человека.

— Хм, — Виргон поёжился. — Ну, как уж получилось. Не надо было ему дёргаться.

— Ну да. Не надо было, — улыбнулся Сташ. После второго совместного боя парень уже определённо перестал его бояться и спокойно находился рядом.

— Никогда не видел, чтобы кто-нибудь так быстро двигался — намного быстрее, чем эти твари, — протараторил Виргон. — Круто. Раз, раз и кровлиг почтидохлый. А меня можешь научить так обращаться с мечом?

— Я же мутант, Виргон, — глянул на него Сташ. — Но если хочешь, то позаниматься с тобой могу. Конечно, если твой отец будет не против.

— Хм, — Герт глянул на восторженное лицо сына. — Занимайтесь. Главное чтобы время для этого нашлось. Держи, это твоё.

Переселенец протянул Берущему его меч. Сташ осторожно взялся за рукоять, но в оружие не сохранилось ни капли чужой энергии. Для Герта это был обычный клинок, не способный вытягивать силу самостоятельно. Сташ кивнул и забрал меч, на ходу оборвал с куста листья, протёр ими клинок, а потом и замаранные в крови ножны. Затем уже спокойно закрепил оружие за спиной, подвигал лопатками, оказывается, ему не хватало этого ощущения — чувствовать себя вооружённым. Вот только пользоваться мечом всё же не стоило.

— Думаю, что у нас есть шанс добраться до города, если не наткнёмся на слишком большое количество нелюдей. Я могу их обездвигивать — замедлять, а вы будете наносить решающие удары, — проговорил Сташ. — А ты, что думаешь, Герт?

— Ну, если ты решил, что больше их не убиваешь, то этот вариант самый подходящий, — переселенец окинул Берущего внимательным взглядом. — Нам же не обязательно лишать их жизни, главное чтобы отстали.

По губам Сташа пробежала невольная усмешка.

— Это трудно — остановиться. Хочу попросить тебя, Герт, если я всё же буду вынужден применить своё оружие, убью какую-нибудь тварь, ты должен меня ранить. Но так, чтобы рана действительно была серьёзной.

— Хм, и зачем? — поинтересовался переселенец.

— Ранения замедляют перерождение, — глухо проговорил Берущий. — Только благодаря этому я в прошлый раз не стал монстром — я был сильно ранен и силы Берущего перекинулись на восстановление тела, а не на его преобразование. Я прошу не ради собственной жизни, это важно для вас — чудовище, в которое я обращаюсь, вы уже не сможете остановить.

— А если я тебя случайно убью? — хмуро поинтересовался Герт.

— Не стоит по этому поводу переживать, это не важно, — кивнул Берущий и вновь уставился на дорогу, его обострённый слух уже некоторое время ловил голоса людей. — Где мы находимся, Герт? Ты знаешь эту местность?

Мужчина полез в карман и вытащил свёрнутый лист карты. Он расправил его на коленях.

— Если судить по скорости нашего движения, то мы должны приближаться к реке, а на её берегу расположена небольшая деревушка. Если не исчезла, конечно, до сих пор.

— Не исчезла, — выдохнул Берущий. — Хотите там остановиться на ночь?

— Ну... — Герт оглянулся на сына и вновь посмотрел на сидящего рядом парня, тот напряжённо смотрел вперёд. — А ты?

— Нет, — ответ Сташа был коротким и ничего не объясняющим.

— И заезжать не будем? — удивился Виргон.

— Зачем? Припасы у нас есть.

— Скоро стемнеет, — напомнил Герт. — Мы не сможем двигаться ночью.

— Ночевать лучше в повозке, — проговорил Сташ. — А селение... Мне в нём нечего делать...

Он не договорил, быстро вскочил на ноги и спрыгнул на землю. Лошадь бежала рысью и Берущий легко её обогнал. Вперёд гнали не просто инстинкты, а ясное понимание, что иногда собственная жизнь и сущность это действительно ничто, намного страшнее, когда рушится чужое будущее... Почему? Он не знал, для Берущего это было вполне естественным — они не давали никаких клятв, у них не было кодекса, единственная цель — уничтожить перерождённых, взять то, что противоречит природе... Зачем?

Носа коснулся запах влаги, свежести, а потом послышалось журчание воды. Селение действительно располагалось на самом берегу лесной речушки — небольшие одноэтажные домики, без какого-либо порядка ютились на неширокой просеке, отвоёванной у леса. Сташ на мгновение остановился, перед взглядом мелькнула пелена из переплетающихся очертаний — серые, расплывчатые пятна тянулись от окружающей селение стены и густыми, пульсирующими всполохами дрожали в самом воздухе. Багровых полос в них было не много, но они присутствовали в каждой тени без исключения. Он инстинктивно надвинул на лицо капюшон, чувствуя, как по мышцам бежит дрожь, а взгляд слишком чётко выхватывает каждую незначительную деталь в действиях ...противников.

Берущий сжал зубы, схватил под уздцы лошадь и быстро повёл за собой — мимо селения. Из-за невысокой стены из камней их провожали взглядами с десятков вооружённых людей. Купола над селением не было.

— Эй, мы что проедем мимо?! — выкрикнул Герт.

— Да, — совершенно безразличным голосом обронил Сташ. Он упрямо тянул лошадь за собой, заставляя вновь перейти на рысь, а потом и на галоп, а сам так и бежал рядом.

— Ты с ума сошёл? Сташ, объясни, что происходит!

Берущий поравнялся с повозкой и прямо на ходу заскочил на место рядом с Гертом. Порыв ветра сорвал с его головы капюшон, и открывший было рот переселенец, чтобы продолжить возмущаться, так ничего и не сказал, лишь с дрожью подхлестнул лошадь. На мертвенно бледном лице Берущего совершенно чёрные глаза с извивающимся в их глубине мраком выглядели бездонными провалами, в которых затаилась смерть. Чужая смерть.

Сташ опустил на сиденье, склонил голову и сцепил перед собой пальцы, по мышцам всё ещё бежала дрожь, тело требовало привычных действий... привычного вливания силы, не

полученного, когда Берущий уже почувствовал цель. Это было чем-то новым. Парень сквозь зубы выдохнул, ощущая в груди тянущую, колючую пустоту.

Дорога изогнулась, отворачивая от реки, и устремилась в глухую чащу. Сташ вновь накинул на голову капюшон и откинулся на стенку повозки. Герт то и дело бросал на него настороженные, обеспокоенные взгляды.

— Вперёд смотри, — не выдержал Берущий и нехотя пояснил. — В том селении уже нет людей. Они все заражены.

— Неужто всё селение? — поразился переселенец. — Всё-всё? А выглядели вполне мирными...

— Только выглядели, — проговорил Сташ. Слуха вдруг коснулся треск и прямо перед лошадью повалилось огромное, ветвистое дерево, а за ним ещё одно и ещё, полностью перегородив дорогу. Герт резко натянул поводья, но животное уже и само остановилось.

— Засада? — шепнул Виргон и прижался к крыше повозки, напряжённо сжав в руках арбалет. Герт и Сташ соскочили на землю и притаились за колесом. Но вокруг было тихо, кроме звуков леса не слышалось ничего постороннего.

— И что это значит? — почти беззвучно проговорил Герт. Сташ качнул головой, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в густом подлеске, растущем вдоль дороги.

— Деревья подрублены давно, листья уже повяли и засохли, — произнёс он чуть слышно. — Сейчас их просо толкнули на дорогу.

— И кто это сделал? Где они?

— Здесь, — Сташ кивнул в ту сторону, откуда упали деревья. Их тени он разглядел не сразу, они были очень бледными и сливались с обычными тенями деревьев, их выдавало едва заметное красноватое пульсирование. — И освободить дорогу нам, скорее всего, не дадут.

— Что им надо? — Виргон напряжённо целился в заросли, хотя противников не видел. — Чего они ждут?

— Просто ждут. Скоро ночь, а что должны сделать путешественники, попавшие в такую ситуацию? — усмехнулся Сташ.

— Вернуться за помощью в селение, — ответил Виргон. — Но ты сказал, что...

— Да, Виргон, они считают нас своей добычей. Возращение будет самоубийством.

— И что будем делать? — посмотрел на Берущего Герт. — Нужно попробовать оттащить деревья, но сейчас мы отличные мишени для лучников.

— Спрячьтесь, а я прогуляюсь, их всего четверо, — спокойно проговорил Сташ.

— Ты же сказал, что не будешь больше убивать.

— Так я и не собираюсь, со сломанными костями тоже особо не повоюешь.

— Э-э, ну, может я с тобой? — предложил Герт.

— Нет, — Берущий резким движением вскочил на ноги и сразу метнулся за повозку — в лес, Герт даже сказать ничего не успел. Листья кустов едва заметно всколыхнулись, пропуская Сташа и вновь замерли, погружая в звуки окружающего леса. Переселенец лишь сжал кулаки и переглянулся с сыном, тот пожал плечами.

Берущий целенаправленно двигался между стволами деревьев, противники наметились за завалами из веток — четверо мужчин удобно расположились в небольшой ложбинке и наблюдали за дорогой. Сташ огляделся, подхватил с земли довольно тяжёлый обломок когда-то погибшего дерева и взвесил в руке. Остов ствола был трухлявым и крошился под пальцами, но внутри чувствовалась ещё твёрдая сердцевина, и он вполне мог послужить временным оружием. Парень бесшумно скользнул в ложбинку, переломил обломок об голову

ближайшего мужика и сразу обрушил остаток ствола на череп следующего. Двое противников в бессознательном состоянии оказались на земле. Ещё двое развернулись с поднятыми мечами и так и замерли, увидев лицо нападавшего. Из под сдвинутого назад капюшона вместо глаз человека на них взглянула клубящаяся тьма порога — той грани, что отделяет человека от сущности монстра... Берущий?

Сташ зло усмехнулся, сделал короткий шаг вперёд и перехватил поспешно вскинутый клинок меча на трухлявый обломок. Тот раскрошился в руках, но Берущий вовремя отступил и нанёс удар уже свободной рукой. Противник глухо вскрикнул, когда его оружие вдруг взлетело вверх, выбитое из пальцев, и замахнулся кулаком. Берущий легко ушёл из под атаки и вторым ударом в лицо отправил здорового бугая в отключку на прелую подстилку леса.

Последний из представителей засады мелко дрожал, целясь в противника остриём двуручного меча. Прийти на помощь товарищу он даже не пытался, Сташ шагнул вперёд, уклонился от весьма быстрого выпада и очутился рядом с худым растрёпанным мужиком. Тот попытался вновь нанести удар, но меч лишь впустую разрубил воздух. Берущий вновь легко увернулся, подхватил оружие одного из поверженных заражённых и принял следующий удар на клинок. Легко отбил и скользнул лезвием дальше к рукам противника. Мужик коротко вскрикнул, когда по его пальцам прошёлся кончик меча и невольно опустил собственное оружие. Сташ прыгнул вперёд, ударил его локтем в челюсть и отправил на землю. Тот затих. Берущий на несколько мгновений замер, бой получился коротким, но он не забрал ни одной жизни. Это радовало. Действительно радовало, значит, он ещё способен себя контролировать.

Он огляделся и вдруг заметил, как четыре тени растеклись по земле красноватыми полосами, вздрогнули и встающим от земли туманом целенаправленно повернулись все в одном направлении — к его ногам. Сташ быстро отступил, серые очертания дёрнулись за ним и превратились в растянутые полосы, уже не напоминающие человеческие фигуры. Берущий выбрался из ложбинки и попятился.

Он бегом вернулся на дорогу и коротко кивнул Герт и Виргону. Те лишь облегчённо выдохнули и бросились помогать оттаскивать перегородившие путь деревья. Втроём справились довольно быстро и вернулись в повозку. Теперь уже Герт сам принялся нахлёстывать лошадь, заставляя бежать почти галопом.

Сташ забрался на крышу, сел и больше не отпускал взглядом дорогу, остающуюся за повозкой. Он не убил тех людей, так почему их тени всё равно двинулись за ним? Тот кто видит тени сам уже тень? Тень? Или их хозяин? А что было бы, если бы он позволил им достичь его тела?

В воздухе дрожал надрывной гул ветра, холодные порывы били в спину. Он чувствовал их колючие, упругие удары и невольно вздрагивал, как будто они впивались в кожу.

— Сташ, — Виргон тронул его за плечо. — Что-то случилось? Что с тобой?

— Почему ты спрашиваешь? — Берущий не обернулся.

— Твои глаза... — в голосе парня слышалась тревога. — Как ты себя чувствуешь?.. Твои глаза стали такими же, как тогда когда мы встретились на той дороге, а потом ты начал перерождаться...

Сташ провёл по лицу ладонями, коротко выдохнул.

- Всё в порядке. Пока. Не нужно бояться, это ещё ничего не значит...

— Ты уверен?

— Я знаю, — Берущий резко оглянулся и Виргон вздрогнул, чернота в глазах Сташа

словно выплеснулась за пределы глазниц и паутиной поползла по щекам. На несколько долгих мгновений.

— Ладно, — парень отодвинулся, а потом вдруг резко вскинул арбалет и почти не целясь выстрелил. — Прости.

Сташ непонимающе уставился на торчащее из плеча оперение стрелы, боли не было. Боль появилась чуть позже, когда по рукаву начало расплзаться кровавое пятно. Он перевёл взгляд на Виргона.

— Ты что творишь?

— Ты сам сказал, что тебя нужно ранить, если ты начнёшь меняться! — парень начал лихорадочно перезаряжать арбалет. Сташ пододвинулся, быстро протянул не раненную руку и вырвал у него оружие.

— Но я не менялся!

— Ага, как же! У тебя по лицу начали расплзаться чёрные полосы! Я слышал, что вы Берущие не чувствуете происходящих с вами изменений.

Сташ качнул головой, пытаясь прийти в себя. Парень прав, он не понимает, когда начинает перерождаться. Но сейчас-то это почему начало происходить?

— Я не убивал тех заражённых, — произнёс он глухо. — Ладно, и как я сейчас выгляжу?

— Э-э, глаза всё ещё чёрные, но кажутся вполне человеческими.

— Что там у вас? — выкрикнул Герт. — Что происходит?

— Ну-у... — попытался ответить Виргон.

— Всё нормально, — не стал ничего пояснять Сташ. — Виргон мне помог в одном деле и сейчас ещё в одном поможет.

Он с усилием отломил оперение арбалетной стрелы, та была на много более толстой и крепкой, чем стрела лука, и с кривой улыбкой посмотрел на парня.

— Её нужно вытащить. Крови и так вытекло достаточно, — он оглянулся на торчащий со стороны спины наконечник — болт пробил плечо насквозь и это даже радовало.

— Э-э, ты предлагаешь это сделать мне? — поинтересовался Виргон.

— Предлагаю, — усмехнулся Берущий. — А я верну тебе арбалет. Надо же знать все стороны своей стрельбы.

— Хм, ну да, стелы я ещё не вытаскивал, — парень прикусил губу и с нездоровым энтузиазмом придвинулся ближе.

— Учти, что я живое существо и в полной мере чувствую боль, — решил предупредить Сташ.

— Ага, — Виргон решительно взялся за наконечник и без предупреждения дёрнул. Сташ вздрогнул и зашипел сквозь стиснутые зубы, когда древко покинуло рану. — Больно?

— Больно, — выдохнул Берущий и схватился за плечо, перед взглядом мелькнули размытые ветви деревьев, он с трудом удержался, чтобы не упасть. — Давай ты больше не будешь в меня стрелять без очень сильной необходимости.

Он протянул ему арбалет. Виргон кивнул.

— Тебя перевязать?

— Нет. Рана и так затянется.

Сташ подвигал повреждённым плечом, внутри чувствовались горячие уколы боли, но рука вполне двигалась. Теперь он, находясь в сознании, мог в полной мере ощущать, как по телу растекается колючее тепло, пульсирует в ране и жжёт. Он зажмурился и опустил голову. Это тоже больно...

Переселенец до самой темноты нахлёстывал уставшую лошадь, стараясь отъехать как можно дальше от места нападения. Дорога была всего одна и в случае погони, скрыться им будет негде. Сташ с усмешкой поглядывал на его судорожные движения с крыши повозки. Место рядом с Гертом занял его сын, после произошедшего, парень с виноватой улыбкой переполз вниз к отцу.

Берущий напряжённо вглядывался в окружающий лес, становилось всё темнее, да и лошади требовался отдых, но подходящего места для остановки всё не было. Не было. Но Сташ ловил себя на мысли, что его это совершенно не беспокоит. А когда сбоку замелькали стены домов из прошлого, он встретил их как нечто обыденное — уже привычное. Странное это было ощущение — понимание той жути, которая впиталась в сами камни и неотвратимость произошедшего — это было и этого уже не изменить. Прошлое не отступило, оно рядом — в этом лесу, очень близко...

— Снизь скорость, лошадь почти падает, — Сташ тронул переселенца за плечо, тот вздрогнул.

— Д-да... нам нужно найти место для ночлега, — Герт зябко поёжился и начал озираться.

— Сворачивай на ту поляну, — совершенно спокойным голосом произнёс Сташ.

— К-какую поляну? — не понял переселенец, но поводья натянул, заставив лошадь перейти на шаг. По обеим сторонам дороги тянулись густо стоящие стволы деревьев, а за ними вставала мгла подступающей ночи.

Берущий спрыгнул с крыши повозки, пробежал вперёд и взял лошадь под уздцы. Уставшее животное послушно пошло за ним, свернуло в кусты и вытянуло повозку на небольшой лужок, ограниченный тёмной громадой растянувшегося сквозь лес здания.

— Э-э, — Герт вновь поёжился, а Виргон вскинул самострел к плечу и прицелился во мрак, словно живым коконом клубящийся вокруг Сташа. — Зачем мы здесь?

Берущий оглянулся и окунул их насмешливым взглядом.

— Нам нужно место для отдыха. Здесь безопасно.

— Ты шутишь?! — воскликнул Виргон. — Эти дома не принимают живых.

— Это не совсем так, — проговорил Сташ. — Они просто другие... И мы не будем заходить внутрь. Вся фишка в том, что, нечисть они тоже отпугивают. Здесь будет спокойней переночевать.

Гулкое рычащее эхо, словно в подтверждение его слов, вдруг взметнулось где-то по другую сторону дороги и полетело между деревьями. Люди вздрогнули, обеспокоенно схватились за оружие и настороженно уставились на Берущего.

— Гримтоны, — зло усмехнулся Сташ. — Мы бы в любом случае не смогли от них оторваться.

— И как долго они нас преследуют? — с дрожью спросил Виргон.

— Не очень, это весьма быстрые существа, они нападают почти сразу, как почуют добычу, но рядом с этими домами они становятся более медлительными, — Сташ подвёл лошадь к самой стене и остановился. Животное обеспокоенно всхрапнуло и затрясло головой, пытаясь вырваться.

От тёмных, источённых ветром и временем камней веяло явно ощутимым холодом.

Очень близко, почти перед лицом Берущего очутился неровный провал окна, Сташ лишь мельком глянул в его сторону и сразу понял, что здесь зрение отказывает — плотный, угольно-чёрный мрак перекрывал проём не хуже шторы.

Герт и Виргон соскочили с повозки и встали за её боком, отгородившись ей от дома.

— И что дальше? — шёпотом поинтересовался переселенец. — Мы в ловушке?

Сташ напряжённо взглянул на лес, заметил суматошные тени за стволами и коротко кивнул.

— Они рядом, но близко не подойдут.

— Но и не уйдут. Ведь так?

— Ты прав. Они нас не выпустят. Но сейчас мы можем спокойно здесь заночевать.

— Шутишь? — Гарт зябко передёрнул плечами. — У меня мурашки бегут по коже, словно за спиной кто-то стоит и пристально смотрит... Намного проще смотреть на этот лес даже зная, что там ждёт смерть, а этот дом... Быр-р.

Сташ вновь кивнул, но ничего не ответил. Здесь встречается прошлое и... настоящее. Здесь живёт чужая боль — трагедия, замершая на грани когда-то произошедшего кошмара и растянувшаяся сквозь века.

— Не думай об этом, — чуть слышно произнёс Берущий. — Чем больше задумываешься, тем ближе они к тебе становятся.

— Кто? — со страхом выдохнул Герт и переглянулся с Виргоном.

— Призраки.

— Э-э, что? Какие ещё призраки? Чувь всё это, не верю я в эти рассказы.

— И это правильно, — Берущий шагнул ближе и хлопнул его по плечу, в сумерках вечера его глаза отливали таким же мраком, как и проёмы пустых окон дома. — Не верь. Забирайтесь в повозку, так будет надёжней. А я на крыше посторожу.

— Ты уверен? — переселенец настороженно завертел головой. Последнее солнечные лучи гасли в ветвях деревьев, погружая всё окружение в сплошную тьму. За невидимой гранью, проложенной домом из прошлого, слышалась чья-то тяжёлая поступь, хруст веток, шелест задеваемой листвы и непонятное бормотание. То, что там гримтоны сообщил Берущий, но сам Герт не знал, кто ждёт за покровом ночи, и будь его воля, он бы никогда не приблизился к этому дому. И дело здесь было даже не в том, что он слышал множество историй, как люди сходили с ума под стенами каменных исполинов, дело было в самом восприятии — дом смотрел на него, наблюдал, слушал, как живой... — Я не хочу здесь находиться!

— Не паникуй, он не причинит никому вреда, — легко прочитал его чувства Берущий. — Я две ночи провёл в таком доме.

— Что?! В самом доме? Ты хочешь сказать вот там — внутри, за его стенами? — не поверил переселенец и вновь поёжился. — Это шутка, да?

— И как оно там? — любопытствовал Виргон.

— Я всё ещё жив, — неопределённо ответил Сташ и легко запрыгнул на крышу повозки, заканчивая разговор.

Отец и сын лишь крепче сжали в руках оружие и подошли к двери, коротко постучали, попросили открыть. Створка слегка отворилась, наружу выглянула Милана, задала несколько вопросов о происходящем, было заметно, что она дрожит. Герт попытался её успокоить. Женщина пожаловалась, что им с дочкой нужно хоть немного пройтись и подышать воздухом, да и ужин нужно приготовить. Решать этот вопрос пришлось Сташу.

Берущий разрешил им выбраться из повозки и постоять рядом, но никуда не отходить. В качестве ужина пришлось ограничиться сушёным мясом и хлебом.

Осознание, где именно они сейчас находятся, заставило всех быстро проглотить пищу и скрыться за запертыми дверями повозки. Снаружи остался только Берущий.

Сташ лёг на спину, положил рядом с собой меч и посмотрел в ночное небо. С одной стороны возвышалась мрачная громада стены, а с другой стоял лес. Лес был настоящим, пусть не менее жутким и мрачным, чем дотрагивающееся своим холодом и болью прошлое, но всё же он являлся реальностью.

Это было странное ощущение. Он не хотел ни о чём думать, не хотел копаться в себе. Он смотрел на далёкие пятна тьмы, которыми казались сейчас затянувшие небо тучи и не чувствовал ничего. В памяти кружились лица родителей — они улыбались, а в их глазах светилось такое уже давно забытое счастье. Это прошлое. Его прошлое, которое никто и ничто не сможет у него отнять. Оно просто есть. Пока он помнит.

Сташ невольно закрыл глаза, пальцы сжались на рукояти меча, дыхание перехватило, внутри груди закололо. Его прошлое осталось в прошлом, а настоящее наполнено чудовищной жутью происходящего. Как Берущий он не должен об этом думать, но он перестал быть тем существом, что ставило его на одну ступень с братьями. Он больше не в Братстве. Одиночка. Изгой.

Сташ вновь взглянул вверх — в ночную тьму. Слух ловил нервную поступь охотников — настороженную, дёрганную. Им здесь не нравится, но они не отступят, они осознают, что их добыче никуда не деться. Но с этим они будут разбираться утром.

Всегда наступает утро и другой день. Но не для всех.

Её единственные пожитки остались где-то в седельной сумке, навьюченной на коня, погибшего в лесах Вартиха. Это было давно. В другой жизни. Ветс зябка поёжилась и оглянулась на столб, к которому только что была привязана. Взгляд пробежал по каменной чаше и желобу, спускающемуся к ногам скульптуры, потом скользнул по фигуре без лица и вновь обратился к той, кого данная скульптура и изображала. Судья? Бродяга? Берущая? Безжалостное, бесчувственное существо, которому всё безразлично?

Лиа стояла очень близко, её тонкие, снежно-белые пальцы теребили край собственной куртки, большие, словно бездонные глаза раз за разом осматривали зал и вновь останавливались на скульптуре. У неё не было крыльев, но от этого она не становилась менее похожей на каменное изваяние. Те же изгибы тела, та же посадка головы, даже рост тот же. А вот лицо...

— Это ты? — тихо спросила Ветс. — Они ведь тебя изобразили?

— Почему ты так решила? — голос бесчувственного монстра странного дрогнул и прозвучал хрипло.

— Я видела эту скульптуру словно во сне и тогда у неё было твоё лицо.

Лиа качнула головой, бесцветные губы разошлись в непонятной усмешке.

— Что ты о ней знаешь? — поинтересовалась она.

— Карот сказал, что эта скульптура изображает Судью, она когда-то уже приходила в наш мир и почти его уничтожила... — с невольной дрожью проговорила Ветс.

— Почти уничтожила... — эхом повторила Лиа. — Считаешь её чудовищем?

— Её? — девушка сжала кулаки, в мыслях был сумбур и неприятие происходящего. Их мир вновь гибнет? — Кто ты? Ты действительно Судья?

— Это зависит лишь от вас, — шелестящим шёпотом произнесла Лиа. — Я странница... У меня нет дома. Нет ничего, ради чего стоит остановиться и не продолжать Путь... У тебя есть будущее, Ветс? Есть куда идти?

— Мои родители ждут меня в деревне, находящейся среди леса с беспощадными монстрами. Я не знаю, живы ли они, но я очень хочу их увидеть. Хочу вернуться домой.

— У тебя есть цель, — кивнула Лиа. — Идём, я провожу тебя домой...

— Ты шутишь? — отступила на шаг Ветс. — Считаешь меня такой наивной? Несколько дней назад тебя пришлось упрасивать, чтобы ты помогла нам. Что сейчас изменилось? Куда именно ты хочешь меня проводить?

Лиа развернулась и окинула воительницу взглядом с ног до головы. Очень задумчивым взглядом. И холодным.

— Хочешь остаться здесь? — поинтересовалась она.

— Нет, — Ветс фыркнула. — Я просто пока не понимаю, где меня ждёт более быстрая смерть — в этом городе или рядом с тобой?

— И как ты собираешься это выяснить? — неожиданно улыбнулась Лиа. — Ты интересная личность, но не более того. Я просто могу уйти, и ты меня больше никогда не увидишь. Решай.

Ветс сжала кулаки и тихо выругалась. Запястья всё ещё кололо болью, слишком явно напоминая об уготованной ей судьбе. Она глухо рассмеялась и махнула рукой.

— Похоже, что здесь меня уже похоронили, поэтому в путь. Куда бы он ни вёл, — на её губах заиграла беспечная улыбка. Она бесстрашно взглянула в зелёные глаза Судьи и только сейчас увидела, что в их глубине проскальзывают золотистые росчерки света. Как лучики солнца. Считаешь меня чудовищем? — Я иду с тобой.

Девушка протянула ей руку, раскрытая ладонь замерла перед Линой. Та качнула головой.

— Ты умрёшь, если я к тебе прикоснусь, — Судья криво усмехнулась. — Мой конь в конюшне постоялого двора у центральных ворот. Возьми его. Я буду ждать вас на выезде из города.

— И всё? Так просто? Думаешь, нас выпустят? — в свою очередь усмехнулась Ветс. — Я даже отсюда не знаю, как выбраться.

— Идём, — Лиа резко повернулась и зашагала по залу к закрытым дверям. Ветс пожалала плечами и пошла за ней.

Плиты пола молчали, поглощали каждый звук, впитывали каждый отголосок, вбирали в себя... Девушка старалась ни о чём не думать, хотя происходящее казалось невероятным сном, вот только проснуться не получится. Из этого сна уже не выбраться...

Перед створками дверей Лиа не остановилась, в воздухе мелькнула полупрозрачная тень, окутала фигуру Судьи и ударила прямо перед ней. Звук так и не появился. Тяжёлые створки подёрнулись рябью и рассыпались на мельчайшие частички — пепел. Чёрный, кружащий в воздухе пепел.

Ветс невольно вздрогнула и упрямо сжала зубы. Она выбрала свой путь. Единственное о чём она сейчас мечтала, чтобы на этом пути не оказались другие люди.

Лиа не спеша шла вперёд — сквозь замок. Дорогу она не выбирала, а просто двигалась напрямую. Ветс едва за ней успевала, серая тень вокруг Судьи превращала преграждающие путь стены в крошево обломков, больше напоминающих пыль. Девушка упрямо смотрела вперёд — в спину той, что её вела. Вокруг их пары кружило серое марево, очень напоминающее клубы дыма. Каменная кладка рассыпалась совершенно беззвучно, в воздух

взметались мельчайшие частицы и словно застывали в нем... Ветс не оглядывалась, бушующий хаос был со всех сторон, и больше не дрожала. Перед взглядом как всполохи огня плясали разрушающиеся стены, наплывали и исчезали в клубящейся пыли. Это будущее их мира?..

Они шли пешком, коней вели на поводу. След в очередной раз сделал круг и вновь вернулся к дороге. Гром остановился, присел на одно колено, пытаясь ухватить ускользящую ниточку энергии. На его лице не дрогнул ни один мускул, в глазах читалось лишь спокойствие... Нельзя себя выдавать, нельзя поддаваться тревожному чувству неправильности происходящего. Ларко и Медо тоже пытались казаться спокойными, но в их движениях всё больше проскальзывали нервозность и с трудом сдерживаемая злость.

Гром понимал их чувства, это злость была направлена не на Сташа, она была направлена на самих себя, на собственную, вдруг исчезнувшую способность находить брата. Вывод можно было сделать лишь один — Сташ переродился и сейчас уже не является человеком. Но даже в таком его состоянии они способны чувствовать его след. Раньше... До того момента, как вышли к просеке заваленной упавшими деревьями с засохшими ветвями.

Слабая энергетика Сташа ощущалась под стволами. Они перекрывали его след сверху, словно он прошёл здесь до того, как деревья упали. Вот только погибшие сосны выглядели очень старыми — кора потрескалась и облезла, древесина зияла трухлявыми останками, а ветви крошились и рассыпались в прах, стоило к ним прикоснуться. И это была лишь первая странность на их пути.

Просека изгибалась, сворачивала то в одну, то в другую сторону, а потом вдруг оборвалась. На её пути встал длинный, высокий дом из серого камня. Встал монолитной стеной, рассекая лес на две части — иную, существующую в самом доме и ту, что вокруг — привычную, принадлежащую реальности настоящего.

В пустых проёмах окон и дверей гулко, с надрывом завывал ветер, часть стен зияла провалами, показывая голую, безжизненную изнанку внутренностей дома. Берущие невольно замерли у невидимой черты, за которой чувствовалась совсем другая энергетика. Энергетика чуждой пустоты... Как пропасть, в которую, если шагнёшь, уже невозможно будет вернуться.

Они молча смотрели прямо перед собой, говорить ничего не хотелось. След Сташа чётко переступал через грань и уверенно вёл вглубь дома.

Гром вытянул руку, под пальцами почувствовалась упругая стена энергии, как защитный барьер, который создают вокруг селений. Берущие разрушают такие барьеры, если они мешают пройти. Но для этого нужно вобрать энергию в себя. Он качнул головой и повёл рукой чуть дальше, не ощутив никакого сопротивления, лишь кисть погрузилась в нечто холодное и странно колючее. Так щиплет огонь, когда подносишь к нему пальцы слишком близко.

Грому криво усмехнулся. Нет никого барьера, вместо него есть промозглая пустота, сквозь которую, возможно, будет готов пройти лишь тот, чей путь почти оборвался. Нечто большее, чем барьер, держало на месте и не давало переступить невидимую черту. Он не сразу понял, что это, слишком давно это чувство не тревожило его сердце и разум. А когда понял, едва не рассмеялся и сделал невольный шаг назад. Этим чувством был Страх.

Труп лежал под частично разрушенной стеной дома. Худые, костлявые руки прижимались к животу, гротескное лицо, лишь отчасти напоминающее человеческое, странно сморщилось и посинело. Остекленевшие глаза уставились куда-то ввысь, но не в небо, а скорее на того, кто в момент убийства стоял рядом и нанёс смертоносный удар.

Гром молча остановился рядом с кровлигом, присмотрелся к колотой ране на его груди, а потом вдруг наткнулся на взгляд существа — давно угасший, но в нём всё ещё читался вполне реальный страх, перемешанный с недоумением. Неверящий. Берущий зло усмехнулся, да, люди одним ударом не убивают. Значит, Сташ нашел, как пополнить силы. Вернее кем пополнить. Только сделал он это именно как Берущий — мечом.

Он посмотрел на братьев, те задумчиво рассматривали мёртвого кровлига. Медо вдруг снял перчатку и провёл раскрытой ладонью над трупом, нахмурился.

— Можешь что-нибудь сказать? — поинтересовался Старший.

Тот качнул головой, и выглядело это скорее отрицательно, чем утвердительно.

— Он изменился, — сквозь стиснутые зубы голос Медо напоминал шипение. — Тот, кто убил, не человек и не Берущий. Я не понимаю...

— Не переживай, — хмуро произнёс Гром. — Сташ всегда был другим и мы это знали. И закрывали на это глаза.

— И что теперь? — Ларко в упор посмотрел на Грома, взгляд голубых глаз на лице подростка показался невероятно взрослым, жёстким и странно отрешённым, как у старика ступившего на край собственной могилы. — Идём дальше?

— Мы не можем остановиться, мы должны завершить начатое, — спокойно проговорил Старший. А где-то внутри груди резко кольнуло и разлилось завораживающим холодом. Он горько усмехнулся, когда-то ему казалось, что его собственный путь ведёт в неизвестность — в бездну, в никуда. Самым странным было то, что когда появился Сташ, это ощущение изменилось — в его судьбе появилось некое подобие смысла... Не как у всех, Гром не мог сказать, что чувствуют другие братья и что является их личной целью. Его собственная цель давно утратила смысл — очистить мир от монстров? От тех монстров, что уничтожили его семью? Их нет. Он их убил. Есть другие, уничтожающие другие семьи. Есть люди, перерождающиеся в этих самых монстров. Есть действительность, в которой он сам должен стать существом, убивающим людей... Весь их мир летит в бездну.

Летел, пока не появился Сташ.

Они оказались первыми, кто нашёл его в заброшенном городке на окраине Вартиха. Появление нового Берущего похоже на зов, который чувствуют все Братства. Это как неожиданный подарок, как выбор судьбы — новый мутант, способный перевесить чашу весов в пользу Берущих, а не монстров.

Испуганный, вздрагивающий от каждого громкого звука мальчишка, судорожно вжимался в стену полу-разрушенного дома. Он сидел на земле среди крошева обломков и битых кирпичей, рядом лежал окровавленный меч. Особенный меч, такие создают лишь для Берущих в Гелероне — селение Братства, единственном месте, являющимся их домом, школой и центром, откуда расходятся все пути. Сейчас Гром хорошо помнил, что в тот момент его поразило именно этот меч, а не возраст нового Берущего. Понимание, что перед ним ребёнок появилось чуть позже, после того, как в голове пронеслось множество

вопросов. Берущий расстаётся со своим оружием только после смерти — братья возвращают меч в Гелирон, там он остаётся в хранилище, пока не обретает нового владельца. Гром знал лишь об одном мече, когда-то потерянном для Берущих. Он исчез вместе со своим владельцем. Тот случай стал единственным, когда Братство не справилось с перерождёнными, но ещё не ставшем монстром существом.

Так откуда этот меч у мальчишки?

Гром присел рядом с найдёнышем на корточки, ребёнок впервые посмотрел в его сторону и вздрогнул. Но страха в его глазах не было, пальцы мгновенно сжались на рукояти меча и с невероятной скоростью направили оружие в сторону Берущего.

— Спокойно, я не враг, — слова дались Грому с трудом, в горле до боли пересохло. Он судорожно сглотнул, не совсем понимая происходящее. Тёмно-карие, почти чёрные глаза ребёнка неуловимо быстро изменились — наполнились бездушным мраком — потусторонней тьмой, той мглой, что есть во взгляде лишь высших существ, давно переступивших грань... Ребёнок?

Гром зябко передёрнул плечами, что ж, нужно было давно признать тот факт, что рядом с ними обитает некто очень сильно отличающийся даже от них самих. Понадобилось усилие, чтобы заставить себя вынырнуть из воспоминаний. Возможно, что зря — стоит остановиться и подумать обо всём том времени, что они провели бок о бок со Сташем. Вот только не получается, нет у него такой возможности — останавливаться.

— Уходим, — глухо произнёс Гром и первым отступил с пути угольно-чёрной тени дома, медленно, но неотвратно накрывающей труп кровлига.

Медо и Ларко попятились, внезапно ощутив, как кожи начал касаться колючий холод. Движение лёгкого ветерка изменилось, порывы странным образом налетели со стороны разлома в стене и принесли с собой запах сырых камней и крови. В глубине каменного исполина послышался утробный вой мечущегося потока воздушной стихии, в окнах всколыхнулось марево — зыбкая дымка, похожая на движение чьих-то призрачных фигур.

Гром схватил братьев за руки и потащил за собой к деревьям. Чтобы это не было, но продолжения ждать не стоило. Они бегом вернулись к коням, вскочили в сёдла и двинулись вглубь леса. Там казалось безопасней, чем рядом с домом из прошлого.

Гром оглянулся, каменное здание ещё мелькало между деревьями — пугающе тёмное, с зыбкими, неровными очертаниями проёмов окон. Оно словно плыло, исчезало из видимости. Уходило? Как тень. Он вновь поёжился. Взгляд вдруг невольно наткнулся на четвёртого коня, ведомого на поводу Медо. Конь Сташа. С пустым седлом и притороченной на нём сумкой, в которой собраны лишь самые нужные для жизни в лесу вещи... Он резко отвернулся, на мгновение зажмурился, эту сумку он перетряхнул в первый же день, когда они поняли, что парень остался жив. В ней не оказалось ничего, что выдавало бы его как личность, как человека, у которого есть воспоминания и прошлое. Никаких вещей, хранимых как память... А ведь даже у него осталась частичка далёкого прошлого. Правда, лоскуты ткани, отрезанные от платьев жены и дочери с их кровью он носил не в седельной сумке, а на груди... У сердца.

Гром ударил коня по бокам, заставляя перейти на галоп. След Сташа чётко читался в подстилке леса, изгой не пытался скрыться — шаг не совсем ровный, подволакивающий ногу, хромающий. И уверенный. Он просто шёл вперёд.

Солнце ещё не встало, предрассветные сумерки едва видимыми росчерками раскрасили

небо в серые тона и замерли, дожидаясь, когда мгла схлынет с горизонта. Было темно и поутреннему зябко, так, что Сташ невольно позавидовал тем, кто находится сейчас в повозке — под крышей, имея возможность прижаться друг к другу и сохранить тепло.

Он сел, поплотнее запахнул куртку, накиннул на голову капюшон и обхватил себя руками. Несмотря на холод, он любил наблюдать наступление утра, радовало, что природа просыпается, и удалось пережить ночь... Именно в таком порядке, а не наоборот — если видишь, что мир вновь окрашивается в светлые тона, значит ты всё ещё жив и продолжаешь мыслить как человек.

Парень поёжился и пробежал взглядом по деревьям. Между домом и лесом пролежала довольно широкая полоса, на которой росла только редкая, жёсткая трава. Вернее не росла, а выживала, нечто не давало ей набрать силу и затянуть всю землю — то тут, то там виднелись чёрные проплешины, словно здесь когда-то бушевали пожары. С самого края этой полосы росли тонкие, худосочные деревца — почти бесцветные, словно из них выпиты все силы, и они вот-вот начнут засыхать. Стволы тонули в белёсом тумане, очертания веток казались странно расплывчатыми, зыбкими. Как морок.

Сташ поморщился, привычным жестом положил руку на рукоять меча и вздрогнул — в кожу впелись колючие иглы энергии, а в ушах зазвучал неожиданный шипящий шелест.

— Зараза, — он отдёргнул руку от оружия, посмотрел на ладонь, кожа продолжала гореть, но никаких видимых повреждений не было. Только по пальцам на несколько долгих мгновений пробежали судороги. — Уф, этого ещё не хватало...

В тумане вдруг мелькнула красная полоса, вытянулась в очертания гротескной фигуры и упала в просвет между стволами деревьев как раз на голую землю. Берущий мгновенно очутился на животе, прижался к влажному от росы металлу крыши повозки и замер.

Красная тень шевельнулась, поплыла вперёд и выдвинулась так, что стал виден её хозяин — высокий, слегка сгорбленный силуэт с непропорционально удлинённым черепом. Существо стояло на самом краю граничных деревьев, дальше была пустошь, покрытая редкой травой и повозка, расположившаяся у самой стены здания.

Густой туман, клубящийся лишь между стволами, скрывал фигуру по пояс. На гримтоне не было одежды, Сташ видел широкие пластины груди, обтянутые ороговевшими чешуйками, и бугры мышц, перекатывающиеся на изрезанных шрамами верхних конечностях. Лицевой щиток закрывал уродливое лицо изменённого, видны только челюсти с выступающими наружу клыками — острыми и совершенно прямыми, похожими на лезвия ножей.

Берущий коротко выдохнул, перед ним был один из древних гримтонов — один из первых перерождённых, что застал ещё те времена, когда всё только начиналось... Очень опытный и осторожный охотник, скопивший в себе огромный запас сил.

За спиной существа показался ещё один силуэт, потом ещё один. Три монстра встали на границе леса и, не отрываясь, уставились на повозку. Сташ мысленно выругался, первый гримтон сделал шаг из-за дерева и вполне уверенно двинулся по пустой полосе, ступив в тень дома.

Почуввав монстра, лошадь нервно всхрапнула и заплясала на месте, пытаясь рвануть прочь. Сташ сам привязывал поводья к торчащей из стены арматуре, поэтому сейчас был уверен, что животное никуда не денется. А вот повозку заметно задёргало взад и вперёд, внутри послышался вскрик.

Гримтон громко рыкнул и сразу увеличил скорость, подскочив ближе. Дверь царапнула пятерня крючковатых пальцев, под обшивку вонзились саблеподобные когти и дёрнули,

затрясли. В повозке вновь послышался крик.

Сташ лишь поморщился, вслушиваясь в звук корёженного металла. Обшивка двери была толстой и не раз выдерживала такие атаки. Или не такие? Уж больно целенаправленно и как-то по-особому этот монстр подцепляет когтями толстые листы и гнёт их, начинает сдирать с деревянной основы.

— И почему мне так везёт? — беззвучно пробормотал Берущий. — Впрочем, это глупый вопрос.

Он окинул быстрым взглядом лес, два других гримтона оставались пока за деревьями, а вот за их спинами мелькали новые силуэты — более нервные, нетерпеливые, имеющие не такие насыщенные кровавыми полосами тени, но зато их было много.

— Весело, — больше не раздумывая Сташ подполз к краю крыши и, ориентируясь больше на слух, со всей силы махнул рукой в сторону монстра. Костяшки пальцев врезались в твёрдое, внизу послышалось глухое взрыкивание. Берущий осторожно привстал и огляделся. Гримтон отшагнул от повозки, слегка присел и тряс головой. Взгляд пульсирующих багровым пламенем глаз сразу заметил движение на крыше.

Берущий вновь выругался и с трудом пересилил себя, чтобы не отползти назад, глаза монстра пристально и казалось вполне осмысленно уставились ему в лицо.

— Да ладно.

Монстр мотнул головой и с места скакнул вперёд и вверх. Сташ едва успел откатиться, когти гримтона цокнули по крыше повозки, тот тяжело приземлился и зло оскалился, наблюдая за поднимающимся на ноги человеком.

Сташ выпрямился, расправил плечи, он больше не прятался, но и до оружия не дотрагивался.

— Поиграем? Тебе нравится такая добыча?

Чудовище оскалило клыки, больше всего это напоминало злобную усмешку. И шагнуло вперёд.

— Поиграем... — выдохнул гримтон, короткий, без размаха удар с выставленными вперёд когтями с огромной скоростью полетел Берущему в грудь.

Сташ успел отшагнуть, но этого оказалось недостаточно. Он с трудом сдержал стон, когда лезвия когтей глубоко вспороли кожу и царапнули рёбра. Берущий невольно прижал руку к расплоскованной груди и поражённо уставился на стоящего перед ним монстра. В ушах всё ещё звучал голос древнего перерождённого — искажённый, похожий на вибрирующее эхо, но вполне осмысленный. По телу разлилась неожиданная слабость, он пошатнулся, увидел, как гримтон вновь заносит лапу для удара и резко отступил. Нога попала на край крыши, и Сташ без раздумий соскочил на землю.

Следом сверху обрушился перерождённый. Тяжёлое тело упало прямо на предполагаемую жертву. Берущий вновь резко отскочил, на пределе собственных возможностей увернулся из под когтей сразу четырёх лап и рванул за повозку. В ранах только сейчас начала пульсировать саднящая боль, под прижатыми пальцами ощущались какие-то рваные лоскуты и сочащаяся между ними тёплая влага. Думать о собственном состоянии совершенно не хотелось, он и не думал, даже руку опустил и вытер мокрую от крови кисть об куртку.

Гримтон выпрямился и зло взвыл, добыча никак не хотела умирать. Он оскалил клыки и двинулся вслед за отходящим, но почему-то не проявляющим страха человеком.

Сташ быстро протиснулся между повозкой и кирпичной стеной дома. Места здесь было

вполне достаточно, чтобы развернуться, но спины всё равно коснулся леденящий холодок, дохнувший со стороны каменного исполина из прошлого. Берущий шагнул дальше, наблюдая, как неровная, ярко-красная тень противника широкими скачками мечется по другую сторону повозки. Как бы там ни было, но находиться в такой близости от дома grimton не желал.

Парень остановился и привалился плечом к стенке повозки, на мгновение закрыл глаза, с трудом заставляя себя не стонать. Слух ловил тяжёлую поступь и едва слышное, какое-то задумчивое рычание. Монстр то и дело бил когтями по стенке с другой стороны повозки и скачками перемещался взад и вперёд, словно раздумывая. Довольно быстро ему это надоело, grimton разъярённо рыкнул и двинулся к лошади.

Сташ скрипнул зубами, не совсем понимая, что делать дальше, лошадь сейчас была самым уязвимым существом, а без неё выбираться из леса будет очень проблематично. Впрочем, для начала требовалось выбраться хотя бы из этой ситуации. И времени для раздумий не было. Монстр в несколько быстрых шагов оказался рядом с животным. Лошадь испуганно заржала и встала на дыбы, пытаясь отбиться копытами.

Сташ в отчаянье огляделся, подхватил с земли камень и почти не целясь, метнул его в grimtona. По пальцам стегнул колющий холод, но он уже совершил этот бросок, только сейчас осознав, что это был выпавший из кладки стены обломок кирпича. Удар пришёлся монстру в плечо — вскользь, не сильно. Чудовище раздражённо зарычало, остановившись в шаге от лошади, и развернулось всем корпусом к Сташу, дёрнуло плечом и вдруг пошатнулось.

Больше не раздумывая Берущий выхватил меч и рванул вперёд, в открытую подставляясь под когти grimtona. Монстр странно заторможено отшагнул и выбросил лапу навстречу противнику. Сташ мог легко увернуться, но не стал, целенаправленно позволив вновь располосовать себе грудь — почти в том же месте и очень надеясь, что этого будет достаточно. Когти погрузились под рёбра, заставив кроме боли почувствовать леденящую пустоту. Он придвинулся к grimtonу почти вплотную, наблюдая, как в прорезях щитка пульсируют кровавые огни глаз, встретился с противником взглядом — наполненным злобой и непонятной тоской. С силой воткнул клинок между ороговевшими чешуйками и вбил его по самую рукоять в плоть противника.

Перерождённый замер, взгляд не отрывался от глаз Сташа, сквозь выпирающие клыки потянулась ниточка крови и каплями сорвалась на рукав Берущего.

— Т-ты... — grimton пошатнулся и начал заваливаться на бок. Сташ схватился за его лапу, выдернул когти из своего тела и упал на колени. Вторая рука продолжала сжимать рукоять вонзённого в живот монстра меча. Тягучая, рвущаяся непрерывным потоком энергия ледяным холодом вонзилась в ладонь и побежала по руке к груди. Он чувствовал каждую каплю этой силы, каждый миг, что она переливалась из чужого тела в его собственное. Её было много, слишком много...

Серая мгла рассвета неспешно, но уверенно отодвигала ночной мрак в самые глубокие низины леса, перекрытые буреломом. Пелена туч становилась всё светлее, где-то высоко за ними поднимался на небосвод обжигающий шар солнца. И можно было лишь догадываться, каким бы голубым стало небо, если бы не этот вечный тёмно-серый покров.

В их мире рождались дети, которые никогда не видели незатянутого тучами неба и никогда не видели солнца. Сташ знал, что ему повезло, когда однажды утром, когда он был ещё маленьким и едва начал осознавать происходящее вокруг, тучи вдруг разошлись и показали прозрачный лоскут небесной дали. И там в высоте сверкнул нестерпимо яркий, горящий пламенем золотой диск. Солнце? Он вздрогнул от неожиданности, но заставил себя смотреть на это чудо — оказывается небо совсем другое, не мрачное и не зловещее и не такое постоянное. Оно может быть иным, нужно лишь разорвать эту серую пелену вечного мрака.

Вот и сейчас между туч вдруг появилась прореха и на долгое мгновение замерла. Долгое настолько, что вниз успел сорваться золотистый луч. Он пробежал по верхушкам деревьев, по стенам каменного исполина из прошлого, скользнул по траве и метнулся к клинку меча, погружённого в тело grimтона. Поверхность оружия ярко сверкнула, жадно впитала в себя солнечную энергию и мгновенно стала матовой и больше не отражающей свет. Забрала, поглотила...

Сташ зажмурился и опустил голову, но это не помогло. Пальцы словно прикипели к рукояти меча, а перед закрытыми глазами так и продолжал стоять льдистый свет клинка с расходящимися по металлу разводами — багровыми, насыщенными чёрными прожилками... В ушах ещё мгновение назад звучал протяжный вой, перемешанный с хрустом и бульканьем разрываемого на куски тела. А сейчас окружающими звуками вновь стали шелест листвы, завывание ветра и настороженная, дёрганая поступь переминающихся на месте противников.

Сташ провёл свободной рукой по лицу и ощутил, как подрагивают собственные пальцы. Под ладонью оказалось нечто твёрдое, с множеством острых краёв, и это нечто покрывало его щёки и подбородок, а потом спускалось на шею. Он судорожно вздохнул, с трудом сгоняя охватившее все мышцы оцепенение. В памяти кружил искрящийся сгусток энергии, хлестнувший по останкам умирающего grimтона и с шипением впившийся в его плоть. А ещё было чёткое осознание произошедшего — эти с такой лёгкостью секущие тело противника лучи являлись тем излишком, что мог бы увести его за Грань...

Он знал, что шаг уже сделан, шаг без возврата, шаг в омут, где исчезает всё человеческое, но пальцы продолжали ощущать пульсирующий от энергии меч, а к коже всё так же прикасался ледяной ветер не изменившегося вокруг мира. Так почему должен измениться он сам? Грань всегда была рядом, была в нём самом, он родился на переходе между двумя сущностями. Нужно лишь вспомнить — он сын Берущего, отказавшегося от собственного предназначения ради любимой женщины, уже давно ставшей монстром. Он сын перерождённых, сохранивших в себе чувства людей. Ради любви? Ради ребёнка?.. Почему вы погибли? Он не знал их историю, отец никогда не рассказывал, кто он такой. Всё это являлось его собственными выводами, сделанными из знаний, полученных в Гелероне и воспоминаний.

Сташ открыл глаза и медленно поднялся на ноги. В правой руке пульсировала горячая боль. Он с огромным трудом расслабил пальцы на рукояти меча, вниз по оружию стекали струйки крови из повреждённой ладони. Металл словно прожёл его кожу, оставив странные рваные раны.

Он выдохнул и вырвал меч из тела grimтона. Перехватил оружие в левую руку, и обнаружил на рукояти глубокие отпечатки пальцев. Не было ожогов. Это не меч, это он сам не справился с контролем энергии, и её избытки прорвали кожу и перетекли обратно в оружие. Сташ поморщился, не зная радоваться данному новшеству или нет.

Стукнула дверь повозки, и послышались осторожные шаги. Берущий поглубже натянул на голову капюшон и повернулся навстречу переселенцу и его сыну. Первым вдоль повозки крался Виргон с взведённым арбалетом в руках, за ним так же осторожно двигался Герт. Сташ опустил меч и наблюдал за людьми, слух чётко ловил каждое движение, каждый вздох, каждый шорох. И не только людей. Заметив привычную добычу, grimтоны словно приободрились и начали более уверенно передвигаться к кромке леса.

— Сташ, — громким шёпотом позвал Виргон и вздрогнул, увидев разорванный на куски труп монстра. — Что происходит? Ты как?

— Возвращайтесь в повозку, — глухо проговорил Берущий. — Быстро!

— Э-э, тебе нужна помощь? — высунулся из-за плеча сына Герт.

— Уходите.

Две кровавые тени быстро легли сквозь деревья на траву открытого пространства, всколыхнулась листва и пропустила метнувшиеся к добыче бурые тела монстров. Виргон успел развернуться и выстрелить, Герт судорожно выставил навстречу опасности меч. Перед лицами людей мелькнули ощеренные клыками, воздух вспороли крючковатые когти и вдруг вместе с лапами обрушились на землю, а из куцых обрубков взметнулись фонтаны крови.

Переселенец загородил собой сына, заставив того вжаться в стенку повозки. Меч Берущего дохнул колючим холодом, пролетев очень близко от Герта. Клинок сверкнул перед его глазами нестерпимо яркой полосой, по которой катились багровые росчерки крови, а потом оружие пошло дальше, чтобы плавно и невероятно легко смахнуть одним быстрым ударом сразу обе головы чудовищ. Грузные тела пошатнулись и упали к ногам переселенца. Тот схватил за руку сына и попятился к двери в повозку.

— Нет, стойте, — вдруг хрипло произнёс Берущий, он стоял рядом с мёртвыми grimтонами, меч смотрел в землю, и Герт только сейчас заметил, что Сташ держит его в левой руке. — Хотите помочь? У вас есть такая возможность. Сделаем так — Герт иди за повозку, а Виргон лезь на крышу. Герт будешь подавать ему обломки кирпичей, а ты Виргон бросай их как можно дальше в мою сторону. Хорошо?

— Зачем? — тут же поинтересовался Виргон.

— Нет времени объяснять, — отрезал Сташ. — Чтобы выжить нам нужно действовать очень быстро.

Больше не говоря ни слова Берущий резко отвернулся, перешагнул через обезглавленные тела и ступил ближе к лесу. Ветви деревьев покачнулись, а потом вдруг враз раздвинулись, освобождая дорогу десяткам монстров.

Герт тихо охнул и начал подталкивать сына на крышу повозки. Тот легко забрался наверх, перезарядил самострел и растянулся на животе, стараясь стать как можно более незаметным. То, что отец зашёл за повозку он просто услышал, тело охватило непонятное оцепенения, вернее понятное — это был страх — почти панический, растекающийся по

всему телу и сковывающий движения. Виргон прикусил губу и до боли сжал в руках арбалет. Ему и раньше приходилось смотреть опасности в лицо, но сейчас ощущение оказалось совершенно другим. Может быть из-за того, что спины касалось могильно-холодное дыхание дома из прошлого, а может быть причиной стала одинокая фигура Берущего, являющегося в этот момент единственной преградой перед смертью.

Сташ сторбился, наклонил голову вперёд, его меч был в левой руке, а с пальцев правой не переставая срывались капли крови. Виргон даже потёр глаза рукой, пытаясь понять, что с Берущим не так. Во всей фигуре было нечто неестественное — нельзя так замереть и податься вперёд не падая, нельзя так выгнуть руку, заведя меч себе за плечо... Перерождение?

Парень горько усмехнулся и прицелился Сташу в спину. Тот словно почувствовал, резко повернулся, но Виргон так и не увидел его лица — капюшон был надвинут слишком глубоко.

— Не надо, я ещё с вами... — безжизненным голосом проговорил Берущий. — Приготовься.

Виргон нервно кивнул и отложил арбалет. Слова Сташа странным образом отодвинули ту потустороннюю жуть, что ввела его в ступор и мешала двигаться. До слуха донеслась ругань отца, Виргон обернулся и увидел, как на краю крыши появились несколько обломков кирпичей. Он быстро передвинулся, схватил ближайший и едва не закричал — по пальцам стегнула ледяная волна боли. Виргон стиснул зубы, сжимая обломок, перебрался обратно и успел увидеть, как первые монстры ступили на траву и уверенно двинулись к Берущему. Парень даже не понял сколько их, гротескные фигуры двигались плотной толпой, напоминая сплошную волну, готовую захлестнуть одинокого мечника.

Он сжал зубы, размахнулся и метнул обломок кирпича в сторону Сташа. Берущий мягко качнулся, развернулся боком, его меч прочертил в воздухе дугу и встал на пути летящего обломка. Лезвие встретилось с изделием людей из прошлого и льдисто блеснуло, послышался звон. Кирпич не выдержал соприкосновения с такой преградой, на какой-то миг Виргону показалось, что он взорвался, настолько резко и одновременно разлетелись во все стороны мельчайшие частички. А потом поднялся вой.

Часть крошева с огромной силой впилась в бурые тела нелюдей. Монстры закрутились на месте, из плоток вырывалось заунывное подвывание, перемешанное с хрипами. Многие начали дрожать и падать на колени, их когти впивались в землю и драли чахлую траву.

Виргон невольно ахнул и повернулся за новым обломком. Когда он вернулся на место, все гримтоны вокруг Сташа лежали неподвижно, большинство были обезглавлены. Виргон облегчённо выдохнул и тут же понял, что рано начал радоваться — из-за деревьев надвигались новые фигуры. Парень приготовился кидать обломок кирпича и увидел, как Берущий чуть отступил и пошатнулся. Сташ напоминал сильно пьяного или тяжело раненного, его качало и клонило к земле. Он сделал ещё шаг назад и опустил на одно колено.

— Сташ! — выкрикнул Виргон и придвинул к себе свободной рукой арбалет. — Ты как? Сможешь встать?

— Конечно, — едва слышно ответил Берущий.

Он воткнул меч в землю, опёрся на него и опустил голову. Шаги приближающихся тварей набатом звучали в ушах, а кисть правой руки нестерпимо колото, жгло. Очень хотелось встряхнуть руку и избавиться от ощущения вгрызающегося в плоть пламени. Что он и сделал. Дальнейшие события перестали поддаваться понимаю и простому осмыслению. Не

в данный момент.

Колочее жжение исчезло, пальцы дёрнуло вниз, но сам он удержался на месте. Нечто вытягивалось из его кожи и обретало неведомую способность к существованию. И это нечто было частью его сущности. Он ощутил, как прикоснулся к земле — она оказалась холодной и жёсткой, обволакивающим саваном дотронулся до травинки, смял их, прополз одновременно по всем остывающим трупам grimтонов и двинулся к живым целям.

За спиной послышался испуганный крик, затем хлопнула тетива арбалета и в плечо что-то сильно ударило. Сташ вздрогнул, с трудом приподнял голову и попытался погасить новые ощущения. Ничего не получилось, но в глазах прояснилось. Он глянул на правую руку, которая по-прежнему будто удлинилась и ползла по земле. Сразу захотелось зажмуриться и в панике закричать. Впрочем, вместо него уже кричал Виргон, а потом к нему присоединился и его отец.

Сташ с невольной дрожью уставился на выползающие из рукава потоки густого чёрного тумана. Как таковой руки не было, вместо неё появилась эта самая жуть и тугими, похожими на змеи многочисленными щупальцами двигалась в сторону леса и монстров.

А кто он сам?

Берущий поёжился и попытался встать на ноги. Пришлось всем телом опереться на меч, он пошатнулся и выпрямился. Что дальше?

В тело вновь впился болт, на этот раз в спину, видимо Виргон с рекордной скоростью перезарядил арбалет. Сташ лишь вздрогнул, хотел было повернуться и как-то объяснить, что стрельба сейчас бесполезна, но тут же пожалел об этом. Щупальца тумана мгновенно отреагировали на новую цель, и часть из них дёрнулась к повозке.

Берущий с отчаяньем сжал кулак правой руки — попытался сжать и дёрнул туманные воплощения обратно. Те послушно изогнулись, оставили в земле выжженные полосы и вернулись к первоначальному направлению — к подступающим grimтонам.

Перерождённые уже не так уверенно двигались вперёд, перед туманными бичами они замерли и начали отступать. Сташ криво усмехнулся и зло выбросил руку в их сторону. Туман мгновенно поднялся от земли, превратился в сплошную стену и поглощающим броском метнулся вперёд.

Сташ почувствовал, как это нечто рванулось из его тела, вытянулось и захлестнуло ещё живые, бьющиеся в отчаянной попытке освободиться тела. Он услышал стук каждого сердца, ощутил струящуюся по венам кровь, подрагивающую и начавшую растворяться плоть и хруст сдавливаемых и сминающихся костей... Сознание захлестнула волна безудержного, судорожного страха — чужого страха, а перед взглядом замелькали сотни человеческих лиц — тех, кем когда-то являлись монстры, и тех, кого убили эти монстры.

Сташ с силой сжал зубы, чтобы не закричать. Туман, поглотив существ из плоти и крови, безудержно хлестнул по деревьям, впился в кору, начал иссушать древесину, превращать в пепел листву. И тянуть энергию в его тело. Берущий зло выругался и дёрнул туманные бичи назад — к себе. Плотная, чёрная стена почти непрозрачной субстанции нехотя поползла назад, обтекла уже мёртвые, сухие стволы деревьев и вернулась на луг перед домом из прошлого. Здесь она собралась в густое облако и потянулась в рукав Берущего.

Сташ с дрожью наблюдал, как на месте его руки клубиться чёрное марево и постепенно превращается в кисть. Через некоторое время он сжал уже материальные, состоящие из плоти и крови пальцы в кулак и глубоко выдохнул. Так что это было? И ведь никакого намёка на то, что он начал перерождаться, даже в груди не ворочается тот ледяной шар, что

угрожающе сдавливал сердце. А потом пришло неожиданное понимание — Перерождение свершилось. Иное.

Сташ выпустил меч и прижал к груди левую руку — очень хотелось почувствовать биение собственного сердца. Правую он так и держал — чуть отведя от тела и не отрывая от неё взгляда. На вид ладонь и пальцы были самыми обычными, а вот ощущения изменились — под кожей что-то двигалось и едва чувствительно кололо, словно напоминая о себе.

— Сташ?! — в голосе Виргона прозвучали паника и страх. — Сташ, ты слышишь меня?

— Да, — он резко обернулся, парень так и лежал на крыше, его отец стоял у угла повозки. Оба вздрогнули. — Не нужно меня бояться. Я не причиню вам вреда.

— Т-т-ты уверен? — с дрожью поинтересовался Герт. — Ч-что это б-было? Т-ты?..

— Сейчас уже не человек, — подтвердил Сташ. — Но это не должно вас беспокоить. Только не нужно в меня больше стрелять. Я пока плохо себя контролирую — могу в ответ убить.

— К-круть, — тоже заикаясь проговорил Виргон и нервно отложил арбалет. — Здорово ты с ними... разделался. Жуть какая-то.

— Ты прав — жуть, — кивнул Сташ и провёл по лицу рукой. Под пальцами что-то задвигалось и вмялось в кожу, он невольно поморщился, очень надеясь, что остался выглядеть по-человечески. Коротко вздохнув, он сбросил с головы капюшон. Переселенцы вполне спокойно уставились на его лицо и даже не вздрогнули, из чего Сташ сделал вывод, что чувствующаяся раннее чешуя исчезла. Хотя это радовало. А вот окружающий пейзаж навевал невольную тоску — травы больше не было, всё близ лежащее открытое пространство устилал пепел, а стоящие по его краю деревья напоминали безжизненные, давно высохшие скелеты, словно погибли много лет назад.

По его губам пробежала горькая усмешка, в памяти вспыхнуло яркое воспоминание — землю сотрясает огромная длань, сотканная из туманных потоков, а потом смертоносные бичи пытаются настигнуть единственную цель. Только у них не получается и вокруг падают срубленные под корень сосны, выстилая след для Братства... А потом на месте сосен оказались безжизненные остова с осыпавшейся хвоей.

В голове заметались бесчисленные вопросы — кем был его преследователь? И кто он теперь сам? Только всё это сейчас вдруг перестало казаться существенным, слух уловил чёткий топот копыт. Знакомый, когда-то очень близкий и радовавший, а теперь... Стало холодно, а в кончиках пальцев шевельнулось колючее жжение. Вот и всё.

След уверенно скользнул в поросший кустарником овраг и скрылся на его дне. До слуха отчётливо доносилось журчание воды, скорее всего там находился ручей. Гром невольно усмехнулся — у Сташа была особенность, его любимым напитком являлась родниковая вода, причём её качество и чистоту он определял безошибочно. Каждый найденный источник вызывал у него искреннюю радость. На стоянках он старался максимально долго оставаться рядом с родником, столько, сколько было возможным...

Гром спрыгнул с коня и почти бегом ринулся сквозь кустарник на дно оврага. Что он хочет здесь найти? Узкий ручей, и едва заметные отпечатки ног у самой воды. Сташ не прятался, понимал, что это бесполезно, скорее всего, его привело сюда лишь желание напиться, а всё остальное происходило уже не зависимо от его воли. Берущий хмуро огляделся — смятая трава на склоне, следы колен и ладоней на рыхлой земле — парень выбирался из оврага почти ползком.

Гром быстро поднялся на другую сторону оврага и так и замер. Такого количества отпечатков лап гримтонов в одном месте разом он не видел уже очень давно. Чудовища протоптали несколько дорожек, те тянулись рядом друг с другом сначала по краю оврага, а потом уходили за деревья. Следы Сташа ложились поверх, тот некоторое время постоял на одном месте, а потом двинулся вслед за гримтонами. Зачем?

Гром поморщился, да, парень не потерял способности Берущего и чтобы пополнить силы не имея пищи ему нужно взять энергию у живых существ. Но идти за огромной стаей монстров было сумасшествием. Все признаки указывали на то, что Сташ повредился головой и возможно движется лишь на одних инстинктах. А как ещё можно объяснить его посещение дома из прошлого, а теперь эту безумную охоту?

Гром настороженно огляделся, прислушался к звукам леса, но ничего подозрительного не заметил. Он вновь сбежал в овраг и поднял на его другой склон, где ждали братья. У него не было права оставаться одному. Раньше у их четвёрки имелась возможность разделить и действовать парами, сейчас, когда их осталось трое, приходилось держаться всем вместе. Таковы законы Братства. Здесь не может быть одиночек. Одиночка — это изгой.

Гром сходу запрыгнул в седло.

— И что там? — тихо поинтересовался Медо.

— Следы, целая дорога из следов лап гримтонов, — сообщил старший. — Изгой пошёл за ними. Нам нужно найти место, где будет возможность перебраться на другую сторону вместе с лошадьми.

Ларко тихо присвистнул и передёрнул плечами — новость не из приятных. Если гримтоны собрались стаей, это значит только одно — они охотились на многочисленную добычу. И такой добычей мог являться только караван людей. Итог подобной охоты всегда один — залитая кровью земля и обглоданные скелеты людей и лошадей.

Гром первым двинулся по краю оврага. Найти более пологие склоны, не заросшие так густо кустарником, удалось лишь несколько часов спустя. Овраг то расширялся и зиял отвесными стенами, то становился уже и глубже, напоминая бездонный провал. Удобный спуск обозначился в виде извилистой тропы, проложенной животными сквозь кустарник. Берущие спешили и осторожно двинулись по звериным следам, ведя лошадей на поводу.

Перебравшись на другую сторону, братья позволили себе короткий отдых — первый за

сегодняшний день. Они быстро пообедали, напоили лошадей из ручья в овраге, раз уж появилась такая возможность, и вновь пустились в путь. Следы grimтонов в несколько широких дорожек тянулись по краю, а когда овраг отвернул в сторону, вновь двинулись в лес.

Стая действительно казалось невероятно большой, обычно монстры не собирались больше чем по трое — добычу поделить труднее. А здесь земля была вспахана не одним десятком лап. Гром на ходу достал карту, определить, где именно они находятся, можно было лишь приблизительно — местность постоянно менялась. Того же оврага ещё полгода назад здесь не было, появился совсем недавно и уже успел зарости густым кустарником. Будь здесь Сташ сказал бы какая именно аномалия в этом месте поработала... Даже Медо, несмотря на то, что он маг не может так остро чувствовать неестественное.

А вот дороги проложенные людьми оставались более менее постоянными. Грому понадобилось время, чтобы вычислить их местоположение. Дорога действительно имелась и проходила она как раз в той стороне, куда сворачивали следы тварей.

Они знали, что должны увидеть на этой дороге. Ветер дул навстречу и доносил запах. Тот запах, что всегда сопровождает смерть — смрад разлагающихся тел, не преданных земле и уже несколько дней находящихся на солнце. Наличие запаха говорило о том, что тела не тронули ни монстры, ни зверьё. Оставалось большим вопросом — почему?

Дорога огибала невысокий холм, поэтому место бойни открылось перед взглядом не сразу. Берущие не таясь выехали из-за деревьев и замерли. Место бойни... Перевернутая повозка с распахнутыми дверцами и единственный скелет лошади, обглоданный до белизны костей. Все остальные трупы, жутким ковром падали устилающие дорогу, принадлежали grimтонам. Они лежали вперемешку, вытянувшись в пыли и навалившись друг на друга, многие обезглавленные, многие с отсечёнными конечностями, но общим в их смерти было одно — колотые и рубленые раны нанесены мечом.

— Их здесь не меньше двух десятков, — тихо проговорил Ларко.

— Не меньше, — согласился Гром. — Если не больше.

— Людям помог Сташ, — с расстановкой произнёс Медо. — Почему он вмешался?..

— Хороший вопрос, — Гром спрыгнул на землю, прошёл чуть вперёд и остановился рядом с трупами. Запах смрада с особой силой шибанул в нос, едва не заставив отшатнуться. Тела быстро разлагались, но над ними не роились мухи и не ползали полчища других насекомых, всегда готовых полакомиться мертвечиной. Берущий присел на корточки, задержал дыхание и настороженно всмотрелся в ближайший труп.

Шею монстра пересекала глубокая кровавая полоса, голова была почти отделена от тела, но не это казалось удивительным. От раны по всему телу змеились едва видимые разряды энергии — той энергии, что должен был впитать меч Берущего и передать её хозяину. Этого не произошло.

Гром хмуро оглядел все трупы — энергия сочилась из безжизненных останков и потрескивающей паутиной перекачивалась в воздухе. В результате создавалась некая мёртвая зона — придёт время и от тел останутся лишь скелеты, природа возьмёт своё, а вот энергия, вырванная, но не использованная Берущим, так и продолжит своё существование в этом месте.

— Медо, — позвал Гром. — Посмотри.

Брат спешил и осторожно подошёл к месту побоища. Его побледневшее лицо напоминало каменную маску, он передёрнул плечами, как будто как маг не должен был

осмотреть аномалию сразу. Без просьбы.

— Что скажешь? — поинтересовался старший.

— Он взял только часть силы. Остальное оставил природе...

— Природе? — зло усмехнулся Гром. — Берущие не способны контролировать поток энергии убитых. И ты это знаешь, Медо.

Маг кивнул и как-то очень горько усмехнулся. В его глазах можно было прочесть что угодно, кроме веры в происходящее.

— Я уже видел подобное, — наконец проговорил он глухо. — Эта аномалия называется Покрывало смерти. Когда-то она появилась рядом с городом, в котором я жил, появилась и начала охоту за живыми. Через полгода город исчез, а на его месте до сих пор пульсирует эта зараза.

Гром невольно поёжился, он знал историю Медо, знал, что стало причиной гибели его родных, но никак не ожидал, что это выглядит именно так. Покрывало смерти?

— Кто его создал?

— Рядом с моим городом создателем был Канор, — безжизненным голосом произнёс маг. — А здесь... Ты и сам видишь, что это Сташ.

— Вижу.

— Что будем делать? — вмешался в их разговор Ларко. — Это нельзя так оставлять. Разложение происходит очень быстро. Трупы поглотит земля, а энергия останется над ними. Эта дорога превратится в ловушку для любого, кто приблизится к этому месту.

— Вот только единственный, кто может исправить данную ситуацию, это создатель аномалии, — хмуро ответил Медо. — Ему нужно забрать, то, что он оставил. По другому от этой беды не избавиться... Когда-то у нас были полгода, чтобы это понять — любое действие бесполезно...

— Я уже давно начал замечать, что Сташ берёт не всю энергию, которую отдают мертвецы, — с кривой усмешкой произнёс Гром. — Он словно чувствовал, что его Предел очень близко. А может быть делал это неосознанно. Я не знаю.

— Чушь, этого не может быть, — резко отрезал Медо и зло улыбнулся. — Прости, Гром, но мы не можем сопротивляться нашей сущности. Не можем не брать, то, что дают нам умершие твари. Не можем противиться.

Он глухо рассмеялся. Гром вытянул руку и до боли сжал его плечо.

— Спокойно, Медо. Бесполезно сопротивляться собственной сущности. Мы все это знаем.

— И что теперь?! — выкрикнул маг и резко отшатнулся от Грома. — Попросишь его вернуться сюда и уничтожить то, что он создал? Пожалуйста, Сташ, будь любезен. Он не человек, Гром! Не человек! И никогда им не был!

Медо с яростью посмотрел на Грома, а тот вдруг только сейчас до конца осознал, что именно бессознательно чувствовал со стороны Сташа — отчуждённость.

— Что?!

Маг расхохотался. — Забавно, правда? А я всегда думал — что с ним не так? Видел, как ты к нему относишься и не понимал, почему. Ты ведь тоже это чувствовал, Гром, не так ли? Чувствовал, что ребёнок, которого мы подобрали, уже тогда был перерождённым!

— О чём ты говоришь? — Гром произнёс это до странности холодно, отрешённо. Словно спрашивал не он. Медо с вызовом посмотрел ему в глаза.

— Ты не знал? Не поверю. Ты играл с огнём, Гром, когда сделал его нашим братом. Но

я всегда думал, что ты прав. Мы иные. Нам суждено стать монстрами, Гром. А он был монстром во плоти с самого начала.

— Ты ошибаешься, — устало проговорил старший. — Для меня он оставался лишь братом. Жаль, что ты не рассказал мне этого раньше. Жаль, что мы уже не можем изменить того, что сделали.

Медо лишь взмахнул руками.

— Ошибаюсь? Пусть так, — он горько усмехнулся. — Уже не важно. Я не хотел ничего рассказывать. Мы жили на жуткой грани, которая приносила свои плоды. Мы побеждали их, Гром. Я бы не отвернулся от Сташа, чего бы мне это не стоило. Ради победы.

— Это не победа, — Гром взглянул на устилавшие дорогу трупы.

— Это начало, — чётко проговорил Ларко, и умудрённые годами Берущие с удивлением посмотрели на молодого парня, лишь полгода назад вступившего в их Братство. — Если Сташ не заберёт, то, что принадлежит ему по праву, это место начнёт собирать свою кровавую жатву.

Весь остальной путь по следам Сташа читался как открытая книга — следы повозок, погоня, догоняющая стая монстров, новые трупы grimтонов и людей. Теперь уже без остатков энергии, как будто Сташ перестал контролировать свои способности... или ему нужны были все силы для этой битвы. А потом лес закончился, дорога вынырнула из под крон деревьев, но повозки так и не остановились, твари не смогли их настигнуть... Четыре грузных тела лежали у самых стен большого селения, окружённого мощным энергетическим барьером.

Братья выехали из леса под вечер, когда края низких туч наполнились багровыми отблесками заката. Три всадника не спеша двинулись через широкий луг с некошеной травой к высокому частоколу. Дорога была довольно наезженной, но от ворот селения вела далеко не одна колея. Здесь пересекались и расходились несколько путей.

Берущие остановились на перекрёстке, располагающемся как раз в центре луга. Всадники долго вглядывались в энергетический барьер, оценивали его силу и возможности защитников селения. Сташ побывал за этой стеной, в этом не возникало сомнений. Побывал, но сейчас его здесь нет. Конечно, стоило проверить, что происходит в самом селении, всё ли в порядке, но у них не осталось на это времени. Новая аномалия, да и сам изгой заставляли двигаться дальше, но это не значит, что они не вернуться. Берущие ничего не забывают. Изгой помог этим людям и его отпустили. А это тоже аномалия.

На сторожевых вышках наметилось нездоровое оживление, люди всполошились, началась беготня. Через некоторое время в сторону Берущих нацелились самострелы. Братья переглянулись. Что это? Селяне не желают их впускать? Эти люди самоубийцы? Неподчинение Берущим то же самое, что приговор к уничтожению. Впрочем, они ещё не подъехали к воротам и не потребовали их впустить. Следы Сташа ведут от перекрёстка в сторону леса, в селение заезжать не нужно.

Три всадника медленно развернулись и двинулись по другой дороге, оставив лесное селение в стороне. На время.

Твоя звезда горит во тьме,

Но смотрит в пустоту,

А искры смерти на клинке

Танцуют лишь тоску...

Герт тихо охнул и едва успел отскочить с пути Сташа. Только что Берущий вполне

мирно с ними разговаривал, а через мгновение подхватил с земли меч, резко развернулся и побежал к дому из прошлого.

— Оставайтесь здесь, они вас не тронут, — бросил он на ходу.

Переселенец, ничего не понимая, округлившимися глазами смотрел, как парень замер перед проёмом входа, сжал кулаки и шагнул вперёд — в угольно-чёрный мрак ледяной жути. По спине Герта пробежала холодная дрожь, он оглянулся на сына, тот смотрел на него таким же растерянным и недоумевающим взглядом.

— И что это значит? — прошептал Виргон. — Зачем он туда?..

— Н-не знаю, — Герт хмуро огляделся и попятился к повозке. — Не нравится мне это.

— Кто нас не тронет? — переспросил Виргон.

Герт лишь качнул головой. До слуха всё чётче и чётче начал доноситься топот копыт. Всадники двигались по дороге, потом резко остановились и свернули к месту их стоянки. В серых тонах утреннего света между почерневших остовов деревьев появились три фигуры верховых.

— Это Берущие, — шепнул Виргон. Герт кивнул, никто другой не стал бы так уверенно передвигаться по лесу в таком малом количестве. Никто другой не посмел бы ступить под кроны Вартиха ночью. Берущие — монстры в человеческом облики. Безжалостные убийцы, способные уничтожить лишь за одно подозрение, что ты перерождённый. Они вас не тронут. Переселенец с дрожью оглянулся на дом из прошлого, за стеной которого скрылся Сташ и с отчаяньем переглянулся сыном.

— Они пришли за ним? — охрипшим голосом спросил Виргон. — Его убьют?

— Да, — выдохнул Герт. — Убьют. Он изгой.

— Это не правильно, — едва слышно прошептал парень.

Кони ступили на обожжённую землю, потревожили пепел и в воздух взметнулись чёрные облака мельчайших частиц. Лица всадников напоминали безжизненные маски — ничего не выражающие, неподвижные, отрешённые. Лишь глаза цепко обежали все детали, скользнули по повозке, по двум замершим рядом с ней людям и не спеша оглядели каждый обугленный труп гримтона.

— Где он? — вопрос задал всадник с совершенно седыми волосами, при этом по возрасту он выглядел не больше чем на тридцать. Безразличный взгляд упёрся в переселенцев и больше не отпуская.

— Кто? — почему-то решил поиграть в непонятки Герт.

— Тот, кто это сделал, — Берущий кивнул на убитых монстров.

Герт пожал плечами. — Так здесь где-то. А вам он зачем?

Берущий спрыгнул с коня, двигался совершенно спокойно, при этом чувствовалось, что он контролирует каждое движение вокруг. Двое других — рыжеволосый здоровяк и совсем молодой парнишка с пронзительными синими глазами, остались в сёдлах и молча наблюдали, не забывая оглядываться по сторонам.

— Вас это не касается, — холодно проговорил седоволосый.

— Мне известны ваши правила, — криво усмехнулся Герт. — Но это не меняет того факта, что он нам помог. Без него мы бы погибли.

Берущий кивнул, вновь пробежал взглядом по трупам и шагнул к переселенцу. Герт невольно вздрогнул и с трудом заставил себя остаться на месте. За спиной послышалось перетоптывание Виргона, парень судорожно сглотнул. Перед ними находился совсем другой Берущий, не такой как Сташ. Отличие было настолько разительным, что Герт горько

усмехнулся — Сташ не решал, кто должен жить, а кто умереть, он просто пытался выжить и подарил шанс выжить другим, а этот монстр являлся не просто судьёй, он был палачом.

— Где он? — вновь спросил Берущий.

Переселенец с трудом отвёл взгляд от глаз Берущего и покачал головой.

— Это не должно заканчиваться именно так, — проговорил он чётко. — Сташ не человек, но и не чудовище. Он другой.

Голые стены вязли в сером мареве, внутри не было того угольного мрака, что виделся с улицы. Приглушённый свет лился из проёмов дверей и охватывал всё помещение. Воздух холодный и кристально-чистый, такой, что перехватывает дыхание, а изо рта вырываются облачка пара. Три входа вели вглубь дома, сбоку поднималась куда-то вверх лестница. Её ступени казались вполне целыми, лишь засыпаны мелким крошевом кирпичей, которое несомненно будет хрустеть при каждом шаге... На противоположной стене зиял широкий провал, даже нагибаться не придётся, чтобы выйти наружу. А за ним лес.

Сташ неверяще огляделся, стоит сделать с десятков шагов по истрескавшимся плитам пола, пройти мимо лестницы, мимо смотрящих пустотой дверных проёмов и можно очутиться на свободе. Он судорожно выдохнул, медленно сделал шаг, но не вперёд, а вдоль стены, невольно вспоминая своё первое путешествие по дому из прошлого. Свою первую встречу с ними. Как будто в ответ на его мысли воздух всколыхнулся и поплыл, наполнился слишком яркими переливами цветов, которых не существует в их мире. Сташ замер, до боли прикусил губу, пытаясь не смотреть, как преобразается внутреннее убранство дома. А потом совсем отвернулся и от вставших на место дверей, и от поблёскивающего на месте провала стеклом окна и от маленькой светловолосой девочки в сиреновом сарафане, вприпрыжку спускающейся по лестнице. Звуков не было. Внутри дома царил вязкая тишина.

Он потёр лицо правой рукой и вздрогнул, когда пальцы вдруг на мгновение потеряли чёткие границы и провалились под кожу. Парень судорожно затряс кистью, вставил меч в ножны и пощупал лицо уже левой рукой, убедившись, что с его внешностью не произошло никаких изменений.

Это и была та причина, по которой он не решился на встречу с братьями — непонимание собственной сущности и твёрдая уверенность в том, что не сможет себя контролировать, когда они попытаются его убить. А значит... Ничего это не значило, он просто не представлял во что может вылиться его стычка с Берущими. А ведь рядом находится Герт и его семья, которые просто попадут под удар. Да и братьям он тоже не желал смерти. Единственно в чём он теперь не сомневался — добровольно позволить себя казнить уже не получится. Обречённость исчезла, нечто, что заменило собой пустоту, желало существовать, существовать именно в его теле.

Сташ криво усмехнулся, единственным решением вновь было бегство. Бегство и время, чтобы разобраться в произошедших с ним изменениях. А дальше... Он вновь усмехнулся, мыслей о будущем пока не существовало.

Он выдохнул, пробежал взглядом по каменной кладке стены, располагающейся перед глазами на расстоянии ладони и, не поворачиваясь, сделал осторожный шаг назад. Воздух сразу весьма чувствительно сдавил тело прохладными волнами и перетёк на то место, где он только что стоял. Прямо перед Сташем вырисовался человеческий контур, как тень, только стоящая прямо вертикально. Он приподнял руку, но тень не повторила его движения, оставшись совершенно неподвижной. Ещё шаг назад, вновь прикосновение воздушной волны, сжавшее со всех сторон тело и новый контур, вставший точно за первым. Дом словно выдирает образы его сущности. Приятным это действие назвать было нельзя.

Сташ медленно оглянулся, прикидывая, сколько ещё придётся сделать шагов до провала. Вот только сейчас на месте разрушений находилась вполне целая стена, и поблёскивало

стёклами окно. Оставалось лишь догадываться насколько данная иллюзия окажется материальной. Как тот шар, связавший прошлое и настоящее, который он смог взять в руки.

Сбоку промелькнул сиреневый росчерк, Сташ вздрогнул и повернулся к выходу из дома. Рядом находилась светловолосая малышка, смотрела в его сторону. Взгляд больших голубых глаз был очень заинтересованным и удивлённым. Она словно что-то увидела, но не могла понять что именно. Некоторое время девочка стояла, хмурила бровки, потом пожала плечами и шагнула к двери. Детские ладошки упёрлись в большое металлическое полотно, надавили, заставили открыться ровно на столько, чтобы пропустить хрупкую фигурку. А потом дверь захлопнулась. С лязгом, с грохотом и эхом, заматавшимся по всему дому. Звуки вернулись.

Сташ вновь вздрогнул, невольно схватился за меч, на месте двери зиял пустой проём с неровными очертаниями и вывалившимися наружу кирпичами. А за ним простиралась выжженная земля и остовы почерневших стволов деревьев. А ещё он слышал голоса.

— ... Сташ не человек, но и не чудовище. Он другой.

— Я знаю, — произнёс Гром. — Он нам нужен.

— Чтобы убить? — с горечью поинтересовался Герт.

— Тебе не нужно в это вмешиваться, человек, — отрезал Берущий.

Не нужно вмешиваться. Кроваво-красные полосы теней чётко легли на чёрную землю, протянувшись далеко из-за границы живого леса — из-за стволов зелёных деревьев, ограниченных дорогой. Раньше Сташ не воспринимал их на таком расстоянии. А сейчас... Сейчас он чётко видел, что это три десятка grimтонов и десяток кровлигов. Первые уже близко — пришли на запах крови, вторые движутся по их следу, надеются ухватить остатки добычи. Монстры стремительно пересекли дорогу и ринулись сквозь сожжённую полосу леса.

Сташ сжал кулаки и шагнул к проёму двери. Услышал, как насторожились Берущие, как прыгнули с коней два всадника, как взметнулся вверх пепел. ...Когти погружаются в мягкую почву, легко испарывают, сильные ноги стремительными прыжками бросают тела вперёд — сквозь превращаемые от одного удара в труху деревья.

Ещё один шаг, перед взглядом мелькнули выступы кирпичей. Воздух замер тягучей плёнкой, гнётся, пытается сопротивляться. В груди вместо сердца пульсирует холодное нечто. Ждёт.

Гром обернулся на треск деревьев, оттолкнул Герта и его сына к повозке и выхватил меч. Медо и Ларко соскочили с коней на землю и бегом отвели животных к лошади переселенца, привязали там же и встали рядом со старшим, загородив собой людей. Гром коротко глянул на братьев, количество нелюдей, пробирающихся сквозь сгоревший лес, сосчитать уже успели. Что ж, им повезло в дороге — путь расчистил Сташ, а здесь какое-то аномальное место, твари не охотятся такими большими стаями, даже десяток grimтонов это редкость. Берущие молча пошли вперёд, противников встретили у кромки леса, не давая ступить на поляну.

Гром срезал коротким ударом выпрыгнувшего монстра, перерубил шею второго и сразу с разворота вонзил меч в бок третьего, насевшего на Медо. Откат энергии видимой для него паутиной ярко сверкнул по клинку и потоком вонзился в пальцы. Берущий поморщился, увернулся от направленных в лицо когтей и распорол грудь нападающего монстра, отступил, столкнулся плечом с Ларко, услышал, как тот тяжело дышит. Задыхается...

— В круг, — скомандовал Гром. Медо резко приблизился, отшагнув к братьям, встал к

ним спиной.

Волна бурых тел с глухим рычанием всё больше выплёскивалась из леса, окружала. Монстры неслись к повозке, пытались запрыгнуть на крышу и схватить укрывшихся там людей. Мечи Берущих превратились в стремительные полосы стали, заключив их в кольцо. Твари с верещанием отскакивали, толкали друг друга, пытались отыскать в обороне жертв уязвимое место. Несколько трупов сородичей их нисколько не смущали, тех уже оттащили к лесу кровлиги и с удовольствием рвали на части. А вот сами grimтоны предпочитали в пищу людей.

Тени танцевали, сливались в диковинном изгибе движений, в стремительных поворотах, в росчерках взмахов, в смертоносном переплетении стали и когтей... Танец завораживал, багровые полосы крови переплетались с алыми вкраплениями, с брызгами, летящими в воздух, и с чёрными контурами незаражённых существ...

Сташ сжал голову руками, пытаясь прийти в себя. Отчётливый рисунок боя вогнал в странный ступор, как будто он видел всё откуда-то далеко со стороны. Он лишь наблюдатель, не больше. Людей и Берущих убьют, их слишком мало, а затем он возьмёт СВОЮ дань с победителей... Перед взглядом тень Герта царапнула мечом по вцепившимся в крышу повозки когтям, безуспешно ткнула остриём в ощерившуюся пасть подтянувшегося монстра и резко отступила, едва не запнувшись об Виргона. Парень придержал отца, резко развернулся в сторону забирающегося на крышу grimтона и нажал на курок арбалета. Болт вонзился точно в глаз монстра, воздух огласил разъярённый вой, тварь рывком подтянулась и заскочила на крышу.

— Нет! — Сташ шагнул сквозь проём, глаза мгновенно ослепило дневным светом, но тени продолжали танцевать свой танец, он прекрасно их видел. Два быстрых шага и он с земли одним прыжком заскочил на крышу повозки, намеренно выхватил меч именно правой рукой, чтобы не дать ей измениться, и вонзил клинок в спину grimтона. Тот взревел, Сташ выдернул оружие и пнул противника ногой, сбросил вниз. Пальцы кольнуло, но лишь на мгновение. Встретился взглядом с Гертом, в глазах переселенца читались неверие и страх, перемешанные с благодарностью. Парень кивнул, подмигнул Виргону и спрыгнул с повозки.

Время словно замедлилось, материальные фигуры существ переплелись с их тенями. Он двинулся сквозь их воплощения, в коротком замахе срезал несколько фигур, прыгнул дальше — к другой группе пульсирующих алым цветом очертаний. Клинок, не встречая сопротивления, прошёл через несколько тел, те мгновенно погасли и распались на половинки, разлетелись в стороны, сметаемые невидимым ураганом... Сташ едва не задохнулся, внезапно осознав, что в этот ураган превратился его собственный меч — оружие стало продолжением пальцев, через которые выплёскивались призрачные бичи тумана.

— Нет! — багрово-серые куски фигур рассыпались, перед взглядом предстало очертание высокого человека с оружием в руках, мигнуло алым пламенем, наполнилось опасным блеском кровавой тени перерождения и шагнуло навстречу. Сташ с трудом удержался, чтобы не направить меч в голову противника, на мгновение закрыл глаза, пытаясь вернуть себе нормальное зрение. Перед ним был не grimтон, это он хорошо осознавал. Берущий. К груди метнулся кончик клинка, Сташ отступил чуть в сторону, подставил под удар своё оружие и уже почти в реальном свете увидел, как его туманный клинок разрезает сталь чужого меча точно посередине.

Берущий отскочил с обрубок в руке, коротко глянул на остатки оружия и криво усмехнулся.

— Моё время уже вышло, Сташ?

Сташ вновь зажмурился. Провёл левой рукой по глазам и пристально посмотрел на Грома. Вокруг Берущего завивались кровавые отблески теней, нужно совсем не много, чтобы он переступил через черту перерождения. Сташ усмехнулся ему в ответ и сделал выпад мечом. Клинок вонзился в грудь Грома, вонзился глубоко, но так, чтобы рана была серьёзной, но не смертельной.

— Почти, Гром, — хрипло проговорил Сташ, шагнул ближе и поймал падающего Берущего под руку, помог опуститься на землю, через меч вытянул из него самые большие сгустки энергии и лишь потом выдернул из тела клинок. — Но не сейчас.

— Не-ет! — сзади налетели Медо и Ларко. Сташ развернулся на месте, взмахнул рукой, подставив под опускающиеся клинки раскрытую ладонь. Воздух дрогнул пеленой тумана, мечи вонзились в зыбкое марево, завязли и остановились у груди Сташа. Он коротко выдохнул и толкнул воздух в сторону Берущих, увидел, как те падают, и вскинул меч. Туманные бичи повторили движение, хлестнули по земле и устремились к братьям. Сташ глухо рыкнул, сконцентрировался на оружие, невероятным усилием дёрнул энергию обратно и увидел, как меч и его рука перестают быть единым целым — превращаются в то, чем были изначально.

Он настороженно огляделся. Вокруг была всё та же выжженная земля, но сейчас она покрылась истрескавшейся, кавернозной коркой, которая местами вздувалась и лопалась, словно кипела. Стволы выстроившихся на её краю деревьев напоминали истончённые, угольно-чёрные скелеты, непонятно как державшиеся вертикально. Среди пепла замерли множество окровавленных, рассечённых на куски тел, то, что в них нет ни жизни, ни энергии это он очень остро чувствовал. Единственными живыми были люди и Берущии. Герт и Виргон так и оставались на крыше повозки, сидели на её краю, в руках обоих было оружие. Но заряженный арбалет парня смотрел не в сторону Сташа, а на двух Берущих, медленно поднимающихся с земли.

Сташ криво усмехнулся и посмотрел на братьев. Медо и Ларко ответили злыми взглядами, в их руках яркими отблесками стали играли клинки мечей. Берущие встали на ноги, их взгляды не отрывались от бывшего брата, но нападать они не спешили. Хотя оба не совсем понимали, что могут в данной ситуации сделать. Только что этот некто, кто лишь фигурой напоминал Сташа, словно вихрь превратил в кровавые ошмётки всех grimтонов, а потом ударил Грома... На бледном лице, покрытом пластинами отсвечивающей металлом чешуи, провалами тьмы смотрели на мир совершенно не человеческие глаза. Монстр замер рядом с Громом и повернулся в их сторону.

— Ты изменился, — сквозь зубы прошипел Медо. — Жаль, что ты нам нужен. Ты понимаешь меня?

— Нужен? Я не ослышался? — спокойно переспросил Сташ. Медо вздрогнул и поёжился.

— Разговариваешь как человек, это радует, — с кривой усмешкой произнёс Берущий. — А кем ты сам считаешь себя, Сташ, после того, как убил Грома?

— Не убил, — пожал плечами нелюдь. — Он жив.

— После такого удара, обычно не выживают, — проговорил Ларко.

— Мой меч не нанёс смертельных повреждений, — губы Сташа изогнулись в едва заметной усмешке, он вставил оружие в ножны и показал рукой на Грома. — Можете сами убедиться.

Ларко осторожно приблизился, склонился над старшим братом, потрогал его шею, нащупал пульс и кивнул.

— Почему не добил? — спросил он коротко. — Мы бы тебя не пощадили.

— Знаю, я ждал вас, но вы опоздали. Я действительно изменился, — Сташ чуть отступил, вновь окинул взглядом всю поляну и задержался на доме из прошлого. Серые, почти безликие кирпичи странно плыли, менялись, становились более чёткими и яркими, наполнялись красками... — За это время я узнал намного больше, чем за всю свою жизнь. Нам не обязательно переступать Грань. Она может существовать рядом, но достаточно нанести повреждение телу и энергия перекидывается на его излечение, а не на перерождение. Мы можем контролировать этот процесс.

— Ты не похож на человека, — проговорил Медо. — Даже внешне не похож. Так о каком контроле ты говоришь?

— Я взял слишком много, — кивнул Сташ. — Но можете спросить у них, — он показал на переселенцев. — Изменения были под контролем, пока... Пока мне не пришлось убить всех этих тварей. Я не они, но и не человек, Медо. Но лишь внешне. Мой разум не изменился.

— Разум не изменился? — задумчиво проговорил маг. — В таком случае ответь мне на один вопрос — зачем ты создал Покрывало смерти?

— Что создал? — Сташ непонимающе нахмурился.

— Аномалию, ловушку, которая ждёт своих жертв на дороге.

— Я тебя не понимаю, Медо. Я ничего не создавал, — Сташ вполне по-человечески пожал плечами и переглянулся с Гертом. От его взгляда переселенец невольно поёжился, но твёрдо кивнул. — О какой дороге ты говоришь?

— Он говорит о том месте на дороге, где ты помог каравану отбиться от grimтонов, — послышался хриплый голос Грома. Ларко мгновенно опустился рядом с ним на колени и помог сесть. Старший схватился рукой за грудь, закашлялся, переждал приступ захлестнувшей всё тело боли и хмуро посмотрел на Сташа. — Помнишь об этом?

— С моей памятью всё в порядке, — усмехнулся нелюдь. Вернее, хотел усмехнуться, но помешали пластины чешуи. Он быстро поднёс к лицу руку, дотронулся до щёк, и его пальцы заметно задрожали. Сташ судорожно вздохнул и с трудом продолжил прерванный разговор. — Я убил только часть grimтонов, мне нужно было восстановиться, остальные отступили. Караван вырвался из западни, и я уехал вместе со всеми. Герт может это подтвердить. Если в этом месте произошло что-то ещё, то это случилось уже без моего участия.

— Может быть и так, — прохрипел Гром. — Вот только твоё участие в той битве послужило причиной созданию смертельной аномалии. Если её не ликвидировать, то погибнет множество людей, а аномалия начнёт увеличиваться.

— Моё участие? — переспросил Сташ. — Почему вы так уверены, что создателем был именно я?

— Значит, ты не понял, что сотворил, — проговорил Медо.

— Вы ошибаетесь. Тот бой был обычным, — возразил нелюдь и скрестил на груди руки. — Ничего особенного не произошло.

— Обычный бой для тебя это какой? Такой же, как этот? — маг обвёл рукой выжженную поляну.

— Можете не верить, но всё, что вы здесь видите, произошло впервые, — Сташ пнул

ногой землю, и в воздух взвилось облачко пепла, а в провалах его глаз замелькали всполохи чёрного тумана.

— Эт-то правда, — вмешался Герт, с опаской покосился на Сташа и спрыгнул с повозки, подошёл ближе. — Сташ, а ты не мог бы как-то вернуть себе человеческий вид, а то жена с дочкой испугаются? Им бы выйти надо, уже давно просят.

— Не уверен, — пожал плечами нелюдь.

— Так ты попробуй, — деловито предложил переселенец, подошёл ещё ближе, глянул на замерших Берущих и бесстрашно похлопал существо с чёрными провалами вместо глаз по плечу. — Может получится?

Сташ оглянулся, окинул взглядом дом из прошлого. Прошлое, о котором знает только он. Стены исчезали за пеленой тумана, но очень чётко вырисовывался проём распахнутой двери. Не разрушенный, не повреждённый временем — ровный, резко очерченный, с полотном метала, висящего на петлях. Действительно лишь прошлое... С губ само собой сорвалось единственное слово. — Спасибо.

Спасибо за убежище, я не забуду, что вы есть.

Он резко развернулся, всмотрелся в лес, оценил возможность нового нападения, но не увидел кровавых теней поблизости. Сжал кулаки и обернулся к выжженной поляне. Стоял и смотрел, как они впрягают лошадь в повозку, торопятся, суетятся. Двери пока не открывали, решили сначала выбраться на дорогу. Животное всхрапывало, нервно било ногами, но переселенцы справились. Берущие подняли с земли Грома и понесли его сквозь обугленный лес. Герт потянул лошадь вслед за ними, Виргон повёл на поводу коней Берущих.

На краю поляны он обернулся, Сташ поймал его вопросительный взгляд и качнул головой.

— Я иду, — произнёс он чуть слышно, но Виргон вздрогнул и сразу бросился догонять остальных.

— И я могу остаться, — у него всё ещё был выбор.

После всех событий и людям и Берущим требовался отдых. Грома перевязали, но двигаться самостоятельно он пока не мог, рана оказалась хоть и не смертельной, но достаточно серьёзной. Ему расстелили нашедшийся у переселенцев плед и устроили на обочине. Ларко и Медо сходили за хворостом и развели небольшой костёр. Покинувшая повозку Милана отыскала взглядом Сташа, коротко на него взглянула и принялась суетливо доставать припасы для завтрака. Герт ей помогал.

Тут же хозяйничал Медо, он любил готовить. Из сумок были извлечены припасы Берущих и добавлены на общий стол. Переселенцы вздрагивали, косились на рыжеволосого здоровяка, а тот в ответ лишь спокойно улыбался.

Дети под присмотром Виргона оставались у повозки, никуда ходить им не разрешили, и они, насупившись, что-то рисовали палочками в пыли дороги. Их взгляды то и дело пробегали по Берущим, а потом они как-то удивлённо оглядывались на Сташа. Несмотря на свой возраст, они всё слышали и всё понимали.

Изгой расположился чуть в стороне и от Берущих и от переселенцев, опустился у дерева на землю и опёрся спиной об его ствол. Сделать хоть что-нибудь с лицом не получилось, и Сташ вновь поглубже накиннул на голову капюшон, очень надеясь, что это скроет его от взглядов женщины и детей. Чем сейчас заняться он не знал, поэтому взял на себя функцию охранника — прислушивался к лесу и временами оглядывался по сторонам. Всё как обычно. Как когда-то.

Он невольно криво усмехнулся. Так уж сложилось, что благодаря его способностям именно он всегда отвечал в их группе за безопасность. Особенно на стоянках.

Всё изменилось, но изменилось не до конца. По крайней мере для самого Сташа. Он вдруг с удивлением понял, что ему совершенно всё равно, что о нём думают братья. Его собственное отношение к ним осталось прежним. Да, они пытались его убить, и сделали бы это, если бы у них получилось. Никто не собирался останавливаться. И сейчас их намерения

не изменились. Это он хорошо осознавал. Осознавал и по-прежнему не желал им смерти. А так будет, если их схватка повторится. Почему-то он был уверен, что умрёт не он. Погибнут они. Всё так замечательно, что хочется плакать.

Он чувствовал пристальный взгляд Ларко, парень сидел рядом с Громом и что-то ему тихо говорил. Сташ даже не стал прислушиваться, хотя мог бы. Мог бы услышать, если бы захотел. Вместо этого он в очередной раз провёл пальцами по лицу, ощутил ребристые грани чешуек и нащупал переход к нормальной коже — точно по скулам. Ровный такой переход. Изменения не затронули губ, но сверху по носу также легла костяная пластина, выходящая остриём на лоб. Да уж. Теперь с человеком точно не спугают. А о новых способностях даже вспоминать не хотелось.

— Сташ, подойди, — почти беззвучно произнёс Гром. Изгой повернулся в его сторону и одним неуловимо быстрым движением поднялся. Подойти? Почему бы нет? Он двинулся к Берущим.

Старший был мертвенно бледен, но смотрел спокойно и твёрдо.

— Нам нужно поговорить.

— Хорошо, — Сташ пожал плечами и опустился рядом с Громом на одно колено. — О чём?

— Я не знаю, сколько в тебе осталось человеческого, — тихо проговорил Берущий. — Но если судить по тому, что ты до сих пор не бросил этих людей, то хоть немного, но человеческое в тебе есть.

— Не меньше чем в любом из Берущих, — криво усмехнулся Сташ, но из под капюшона этого никто не увидел. — Не так уж я от вас и отличаюсь.

— Наверное, тебе видней, — по губам Грома пробежала слабая улыбка. — Только ты всегда был другим. Всегда был перерождённым. Ты появился таким на свет.

Сташ вздрогнул. — С чего ты это взял?

— Я нашёл тебя, Сташ. Нашёл мальчишку — одинокого, потерянного, но не сломленного. И не сдавшегося на волю судьбы. В твоих глазах плескалась тьма, Сташ... Я никому не сказал, что ты другой, но всегда об этом помнил. Я видел твою деревню, среди вас были сотни перерождённых и никто не выжил. Кроме тебя. Деревня мутантов. Так часто происходит. Среди жителей появляются заражённые, они начинают питаться другими, и наступает момент, когда они вырождаются в кровлигов — тварей, которым уже всё равно, кого убивать. Но не было ещё ни одного случая, чтобы ребёнок родился у изменённых родителей. У мутантов. Этого не допускает сама природа, но твой отец был особенным. Берущим. Ведь так?

— Это имеет хоть какое-нибудь значение? — холодно спросил Сташ и сжал кулаки. Перед взглядом вновь мелькнули красные цветы, рассыпанные по полу комнаты. В Их доме. Их стебли и бутоны медленно погружались в наползающие лужи крови... Он видел собственные руки и побелевшие пальцы, до боли сжимающие рукоять слишком тяжёлого для него меча. С клинка тоже срывались и падали тягучие капли крови. Шаг вперёд, дверной проём покачивается, стены кружат странными тенями. Ещё шаг. Тела родителей остаются за спиной. В их доме не было других монстров... В уши впивается крик десятков голосов. Он опирается о косяк, всматривается в мечущиеся по деревне фигуры и видит кровавую пелену, призрачным саваном летящую за каждым телом.

Шаг вперёд. Они все погибли в тот день. Все жители его деревни. Его знакомые, близкие, друзья. Его родные. Все.

— Да, — с нажимом произнёс Гром. — У тебя его меч. Он тоже был изгоем. А ты новое существо, Сташ. И я хочу понять, что ты из себя представляешь.

— Зачем? — Сташ опустил голову, на мгновение зажмурился. Перед взглядом всё ещё срывались с клинка багровые капли, летели вниз и исчезали в пыли дороги. Он шёл вперёд. Единственный выживший? Или?.. Брызги крови устремляются в воздух, повторяют движение меча. Очень быстро, невероятно быстро. Мышцы наполняются бушующей силой — с каждым ударом, с каждой оборванной жизнью. Становится легче... У каждого перерождённого есть свой предел. У его родителей он тоже был. Они перестали себя контролировать. В тот день очень многие лишились контроля и превратились в кровлигов.

Берущий тяжело вздохнул и закашлялся.

— У нас один путь, — прохрипел он. — Хотя бы на время. И мне очень хочется надеяться, что ты поможешь нам разобраться с аномалией «Покрывало смерти», Сташ.

— Я помогу, — изгой коротко, отстранёно кивнул. — Если получится. И что потом?

— Трудно ответить. Нам тебя не уничтожить, я это понимаю. Ты на более высоком уровне, чем grimтоны. Мы подумаем над этим, Сташ. Я обещаю.

— Что ж, мне тоже интересно, кем я стал, — кивнул Сташ. — И просто для информации — я не желаю вам смерти.

Он резко поднялся.

— И у меня условие — людей нужно проводить в Стайт. Они слишком много пережили, чтобы скитаться по лесу. Да и тебе, Гром, стоит отдохнуть и подлечиться.

— Заботливый, — хмыкнул Ларко. — Гром восстановится, не переживай.

— Я не переживаю. Я знаю, что он восстановится. Ступивший на грань, начинает очень быстро восстанавливаться. Испробовано.

Ларко сжал зубы и побледнел. — Да, я вижу его тень, но она очень бледная, для Грома ещё не всё потеряно.

— Согласен, — спокойно произнёс изгой. — И это благодаря ране. Я выяснил это опытным путём. Когда находишься на грани смерти, все силы перекидываются не на перерождение, а на излечение организма. Но я уже об этом говорил. Так что пользуйтесь. А Грому больше не стоит убивать перерождённых, иначе ему уже ничто не поможет.

— Сначала нужно уничтожить аномалию, — твёрдо произнёс Старший. — Потом проводим людей в Стайт. Хорошо?

— Ладно. Это не так далеко, поэтому приемлемо, — согласился Сташ. Сделал шаг назад, повернулся и замер. Слуха коснулся шорох шагов. Очень осторожных, обходящих место стоянки по кругу. Готовящихся. Он оббежал лес взглядом, увидел всполохи кровавых теней. Очень много. Они прятались за стволами, таились в ложбинках и ждали. Чего?

Теперь до его обострённого слуха долетели звуки с дороги. В их сторону двигались пешие фигуры. Как люди. Это была подготовленная ловушка. На Берущих.

— Нас окружили, — произнёс он коротко.

— Кто? — тут же отозвался Гром и попытался приподняться. Ларко его удержал.

— Бесы выгуливаются под присмотром кровлигов. Встретилась нам тут одна интересная деревушка по пути — сплошные перерождённые. Мы проехали мимо, но жители, видимо, упускать добычу не собираются, — спокойно проговорил Сташ. — Сейчас по дороге приближается целая делегация. Среди них нет людей. Но вы этого не увидите. Я просто предупреждаю. Не стоит никого жалеть.

Впрочем, он ошибся. И сам это вскоре понял — не жалеть не получилось. Даже для

нелюдя.

Переселенцы успели позавтракать, Сташ решил раньше времени им ничего не сообщать. Берущие тоже торопливо поели. Да и сам Сташ, к собственному удивлению, проглотил кусок сушеного мяса и лепёшку из непонятного злакового.

— Милана и дети в повозку, — скомандовал он, как только из-за поворота дороги вырисовались фигуры неизвестных. Переселенцы мгновенно подхватили с земли разложенную посуду и скрылись в повозке. Но дверь оставили приоткрытой. Виргон с арбалетом привычно залез на крышу, а Герт обнажил меч и встал сбоку от дверей.

Берущие перетащили Грома поближе к повозке, хотели положить его внутрь, но тот воспротивился — хотел всё видеть сам, опёрся об колесо и смог сесть. Ларко вложил в его руку меч и остался рядом.

— Женщины и дети? — удивлённо произнёс Медо, когда разглядел приблизившихся идущих. — Ты уверен, что они все перерождённые, Сташ?

— Да, — изгой скрипнул зубами. Такого даже он не ожидал. Вся процессия состояла из вооружённого десятка мужчин, окружающих толпу женщин и маленьких детей. И абсолютно у всех были тени с багровыми полосами. Без исключения. — Приехали.

— Ну да, — кивнул Медо и как-то очень привычно обернулся к Сташу. — А тех, кто нас окружили, их много?

— Много, Медо, — с улыбкой произнёс нелюдь и тоже как-то по-обычному пожал плечами. — Не переживай. Так просто нам отсюда не вырваться. Придётся всех убить.

— А ты уверен, что изменился, Сташ? — удивлённо поинтересовался маг. Он не видел лица перерождённого, но по ноткам в голосе под капюшоном скрывался именно тот Берущий, которого он знал уже долгие годы.

— Уверен, — хмыкнул Сташ. — Но лишь внешне. А это такая ерунда, о которой не стоит думать.

— Шутник.

Процессия приблизилась. Все выглядели очень усталыми. Люди были в запылённой одежде, многие опирались о палки, женщины за руку тянули за собой детей, некоторых, самых маленьких, несли. Также на плечах женщин висели огромные мешки с вещами, мужчины кроме оружия в руках ничего не держали. Оно и понятно — защитники, им нужна свобода действий. Иллюзия. Хотя женщины и дети действительно измождены — они шли всю ночь и выбились из сил. Впрочем, хорошая пища изменит их состояние. Охотники добрались до своей добычи.

— Приветствуем вас, Берущие, — первым заговорил идущий во главе огромный вооружённый мечом и пистолетом седовласый мужчина. — Мы очень рады, что вас встретили.

— Верю, — непринуждённо кивнул Медо и вышел вперёд. Ларко и Сташ встали у него по бокам. — Дорога в лесу весьма опасна и люди обычно по ней не ходят. Что заставило вас пуститься в такой путь?

— Многое, — мужчина криво усмехнулся. — И прежде всего разрушение энергетического барьера. Его источники погасли, то, что их питало, вернулось в лес. Мы не знаем почему. Ходят слухи, что энергию что-то призывает, — он поморщился, вспоминая. — Мы снялись с места и, пока не поздно, пошли по дороге. Это единственный путь. К сожалению, на нас напали кровлиги и очень многие погибли. Нам повезло, что это были не гримтоны, иначе погибли бы все. Вы позволите к вам присоединиться? Нам нужно в город.

Медо вновь покосился на Сташа. Тот кивнул и сразу покачал головой. Это правда. Отчасти.

— Нила! — раздался крик из повозки. — Сестра!

Милана порывисто распахнула дверцу и ринулась навстречу путникам. Вернее побежала к женщине, стоящей в первом ряду. Рядом с ней испуганно переминались двое малышей — мальчик и девочка, удивительно похожих на саму Милану. Сташ перехватил её рукой за талию и остановил.

— Там моя сестра! — выкрикнула женщина. — Отпусти!

— Милана! — донеслось в ответ, но та нерешительно осталась на месте.

— Нет, — изгой толкнул Милану к подбежавшему Герту.

— Это действительно наши родственники и односельчане, — срывающимся голосом проговорил переселенец и сжал руку жены. — Мы думали, что они погибли. На наш караван напали кровлиги. Мы решили спастись бегством, но по пути часть повозок отстала и до сих пор мы не знали, что с ними произошло. Выходит... э-э?

— Уведи жену в повозку и закрой двери, — холодно приказал Сташ. Переселенец вздрогнул и потянул за собой сопротивляющуюся Милану.

— Стой, стой, нет! Что вы задумали? — женщина изо всех сил начала вырываться. Герт что-то шепнул ей на ухо, быстро втолкнул в повозку и захлопнул дверцы.

— Подумай о наших детях, — услышал Сташ.

— Здравствуй, Герт, — вновь заговорил седовласый. — Рад, что вы спаслись. Так что? Позвольте нам к вам присоединиться?

— Где вы были всё это время, Лим? — с дрожью спросил Герт. — Не поверю, что скитались по лесу.

— Хм, — названный Лимом задумчиво почесал подбородок. — А ты, оказывается, умеешь соображать. Вы нас бросили! Даже не пытались вернуться, пришлось искать защиту в другом месте. Как уж получилось, Герт. Так что не обессудь. Кстати, а где остальные? Неужели только вы уцелели?

— Мы вас не бросали! — выкрикнул Герт. — Вы сами свернули на той развилке, когда кровлиги появились перед караваном. Мы просто прорывались вперёд! А вы ударили.

— Не важно, — усмехнулся седовласый. — Мы спасали свои семьи. Так же как и вы.

— Получилось? — безжизненным голосом вмешался в их перепалку Сташ.

— Что? — не понял Лим и перевёл взгляд на непонятого парня в капюшоне. Его фигура казалась самой расслабленной из всех, он держался слишком непринуждённо, без какого либо напряжения и готовности к бою. Хотя его рука сжимала меч. Меч Берущего.

— Спасти получилось? — вновь спросил Сташ.

— Да, — кивнул Лим. — Как видишь, мы всё ещё живы.

— Это ненадолго, — безразлично проговорил Сташ. — Потому что ты лжёшь.

Он резко оглянулся на раненного Берущего, тот кивнул. Сташ перевёл взгляд на бывших братьев.

— Женщин и детей не трогайте, — произнёс он коротко и скинул капюшон.

Лим вздрогнул и попятился. Все мужчины в пришлом отряде схватились за оружие, обнажили клинки.

— Я вижу вашу сущность, — объявил монстр с чёрными провалами вместо глаз и перебросил меч в левую руку. Кисть его правой руки подёрнулась туманом и начала удлиняться, принимая форму изгибающегося бича. — И чувствую тех, кто окружил нашу

стоянку. Вы стали для них пищей, — он оскалился, показывая слишком длинные для человеческих заострённые клыки. — Но у вас всё ещё есть выбор. Выбирайте. Мы можем вас принять.

— А чем ты лучше их!? — выкрикнул Лим и горько рассмеялся. — Кем являются для тебя эти люди? Неужели друзьями?

— Я не питаюсь людьми, — насмешливо улыбнулся Сташ. — В отличие от ваших друзей.

— Правда? А кем ты питаешься?

— Хм, а разве обязательно кем-то питаться? — Сташ непринуждённо пожал плечами. — До сих пор я употреблял в пищу обычную еду. Как человек. Но можете мне не верить. И я не буду вас убеждать. Выбирайте.

— Что ты задумал? — шепнул Медо. — Если они все перерождённые, то к чему всё это?

— Узнаешь, — коротко ответил Сташ.

Времени для разговора не осталось. Сташ чувствовал, как подрагивает земля под шагами десятков ног. У перерождённых прекрасный слух, и вряд ли им понравилось происходящее. Те, кто прятались в лесу, ринулись к их стоянке. Вопрос был в другом — как будут действовать пришедшие по дороге? В их числе находились не только переселенцы из деревни Герта, но и те, кто их захватил.

Хороший вопрос. Весело. Неразрешимая ситуация? Почти. Как обычно...

Сташ глянул на Медо и спокойно улыбнулся, тот вздрогнул. Туманный бич разделился на несколько ответвлений и змеями пополз по земле, окружая стоянку.

— Смотрите на лес, — почти беззвучно проговорил Сташ. — Они идут.

Ларко и Медо переглянулись. Лица Берущих застыли, превратились в безжизненные маски. Как всегда перед Боем. Нет чувств, нет переживаний. Нет ничего, что способно помешать.

Сташ вновь улыбнулся. Он ощущал каждую травинку, каждый комочек земли, каждую иголку, по которым ползли туманные бичи. Его воплощения. Его часть. Он мог бы закрыть глаза и просто вслушиваться... Чувствовать, как умирают другие...

— Твой выбор, Лим? — поинтересовался он безразличным голосом.

Перерождённый вздрогнул, сделал шаг назад.

— Что ты за существо?! — выкрикнул он.

— Я один из вас.

В уши впился шелест листвы и треск ломаемых веток. Нападающие больше не скрывались, они выскочили из низин и из-за стволов деревьев. Сташ с удивлением смог рассмотреть каждого, хотя к большинству находился спиной. Многие всё ещё имели вид людей, если не считать удлинившихся когтей и выдвинутых вперёд челюстей. Кровлиг — это стадия, когда меняется не только внешность, меняется само мировосприятие. Способность думать погружается в туман, чувства и инстинкты становятся очень зыбкими, неустойчивыми, их заменяет жажда крови.

Время. Кольцо туманных бичей не замкнулось, перед Берущими остался свободный проход, а вокруг стоянки встала стена тумана. Сташ на мгновение зажмурился — с непривычки закружилась голова, он видел одновременно всех противников. Пожалуй, не стоит так больше делать...

Кровлиги с протяжным воем достигли дороги и бросились к добыче. Туман не показался им опасным. На стоянке кто-то вскрикнул, хлопнула тетива арбалета. Сташ почти физически ощутил, как болт прорывается сквозь туман и вязнет в нём, превращается в жидкую субстанцию, растворяется и отдаёт энергию... Энергию неживого? Э-э, а вот это уже похоже на способности Берущего, только намного более масштабные.

Сташ взмахнул рукой и сдвинул туман навстречу нападающим. Первые из кровлигов врезались в зыбкую пелену и взвыли от боли. Их тела подёрнулись дымкой, сквозь кожу брызнула кровь, они с диким верещанием забились в разъедающем их тумане. Те, кто бежали за ними, резко остановились, попятились. Сташ зло усмехнулся, и от тумана в их сторону метнулись извилистые бичи. Словно змеи.

На этот раз он вполне осознанно наблюдал за происходящим, вслушивался в каждую обрывающуюся жизнь, воспринимал каждый последний вздох и ощущал, как в его сущность

вливается чужая энергия. Без боли, без паники, без ожидания подступающей Грани. Всё закончилось, он больше не человек...

Медо с яростью огляделся, из леса неслись десятки тварей. Их стоянку взяли в кольцо, и не было никакой возможности отразить нападение со всех сторон. Видимо, у Сташа очень своеобразный юмор, раз он сказал, что придётся всех убить, чтобы выбраться отсюда.

Да, так оно и есть, эти монстры никого не выпустят, вот только было очень сомнительным, что двое Берущих и совершенно непонятное существо, которым стал Сташ, смогут уничтожить такое количество нападающих. Это казалось нереальным. Особая способность Берущих — убивать противников практически одним прикосновением. Они очень редко гибнут от когтей и зубов монстров. Если видели, что тварей слишком много, то предпочитали уходить, скрываться и выслеживать добычу не в открытую. Но сейчас такой возможности нет.

Медо коротко кивнул побледневшему Ларко, они ступили ближе друг к другу, намереваясь встать спиной к спине. Так будет хоть какой-то шанс продержаться подольше. Сташ глянул в их сторону, и по его губам пробежала улыбка. Спокойная и какая-то ободряющая улыбка, что вместе с чёрными провалами вместо глаз показалось пугающе странным. Но улыбался Сташ как человек. Медо передёрнуло, он быстро огляделся.

Твари неслись к месту их стоянки почти со всех сторон. Их было много, не меньше сотни. Но это вдруг перестало пугать. Все когда-нибудь заканчивают свой путь. Он приготовился, вновь переглянулся с Ларко. Парень встретился с ним взглядом и кивнул куда-то в сторону. Медо поморщился. Он и сам видел, что вокруг их стоянки бегут по земле туманные бичи. Они выползали из руки Сташа и становились всё длиннее и длиннее, пока практически не замкнули круг. Свободное пространство осталось только перед Берущими. Оставляя им возможность вступить в схватку?

Медо криво усмехнулся. Первые твари достигли дороги, краем глаз он увидел, как Сташ взмахнул рукой, заставив бичи подняться над землёй и превратиться в туманную стену. А потом кровлиги врезались в туман. Над дорогой разнёсся вопль боли десятков голосов. Берущий с трудом подавил желание зажать уши. Он с изумлением увидел, как тела монстров растворяются в полупрозрачной субстанции, которая лишь выглядела как туман.

Под взглядами всех присутствующих с тел кровлигов сначала исчезала кожа, затем кусками отделялась и становилась незримой плоть, обнажая чистый, совершенно белый скелет и лишь затем пылью разлетались кости. Всё это происходило довольно медленно, не торопясь, словно некто давал зрителям возможность насладиться ужасом жертв.

Некто? Из тумана вылетели бичи и ударили в начавших отступать монстров. Многие оказались сбиты с ног и на части рассечены туманными воплощениями. Те, кто ещё уцелел, попрятались за стволы деревьев и быстро отползали с места схватки.

Берущие медленно огляделись, осознавая, что битва с кровлигами закончилась без их участия. Сташ стоял опустив голову, его глаза были закрыты. Туман вдруг резко осел и ручейками стёкся в его руку, кисть Сташа вновь обрела вид человеческой. Он поднял руки и неторопливо накинул на голову капюшон.

Все, кто пришёл по дороге, замерли и с ужасом смотрели на нелюдя. Прошло совсем немного времени после начала атаки, а ситуация кардинально изменилась. И то, что они живы — это лишь прихоть монстра, по не понятной причине защищающей людей.

— И что это было? — первым заговорил Ларко. Его охрипший голос прозвучал странно громко в наступившей тишине. — Ты их... Что ты с ними сделал, Сташ? Никогда не видел,

чтобы так убивали.

— Хм, — Медо поёжился. — Покрывало смерти убивает очень похоже. Только оно никому не подчиняется.

— Лучше не спрашивайте, — Сташ пожал плечами. — Я первый раз такое сделал. Пока я сам ещё ничего не понимаю.

Он посмотрел на перерождённых. Его лица было не видно, но те начали переглядываться и медленно отходить.

— И куда вы собрались? — поинтересовался он. — Я знаю, где находится ваше селение. И всегда смогу вас найти. Но сейчас можете бежать. Сейчас вы мне не нужны.

Он взмахнул рукой и его кисть вновь начала терять очертания. Среди перерождённых послышались крики. Женщины в голос заревели, а дети испуганно захныкали.

— А если не побежим, если останемся? — с дрожью в голосе спросил Лим. — Что ты можешь предложить нам взамен?

— Взамен? Ваши жизни и шанс вновь стать людьми.

Перерождённые загомонили.

— Это чушь, — выкрикнула сестра Миланы. — Такое невозможно.

Сташ усмехнулся, он сам не понимал, что делает. Единственная возможность помочь этим бывшим людям — отвести их в селение к колдуну. И если бы здесь не было столько детей, то он не стал бы вмешиваться в их судьбу. Кто он такой, чтобы решать за других? Раньше он был палачом подобных монстров, а сейчас... Это очень странное ощущение — знать, что что-то возможно исправить. Знать... что у колдуна всё получилось. Сташ невольно улыбнулся, в голове вдруг зашумело, он с трудом устоял на ногах, через силу заставив себя не шататься. Неожиданная слабость исчезла также быстро, как и появилась. А в мыслях возникло название селения — Пальное и имя колдуна — Зарислав.

— Я ничего не обещаю, — проговорил он тихо. — Вы уже стали монстрами и у вас нет будущего. Вы все умрёте. Если не сейчас, то через несколько недель, когда ваш разум погрузится в туман и осознание собственного я полностью исчезнет. Это не вы будете бегать по лесу и нападать на любого, кого встретите на своём пути. Это будут совершенно другие существа — бездумные, лишённые мышления и воспоминаний о близких, семье, друзьях. Ваших личностей не останется. А единственной целью станет убийство. Поэтому вы ничего не теряете, если решите принять помощь Зарислава. Он уже лечил таких, как вы.

— Зарислав? Ты про того ненормального колдуна из Пального? — с усмешкой сказал Лим. — Да он сумасшедший. Он приходил к нам, рассказывал сказки про свои травы, просил нас о помощи в походе к домам-призракам. Ха, да он прекрасно знал, что среди нас есть перерождённые и всё равно решился к нам заявиться. Если бы не его магия, не выбраться бы ему живым.

— Это не сказки, — безжизненным голосом произнёс Сташ. — Я уже сказал, что вы ничего не теряете, если отправитесь в Пальное. Решайте. Мне всё равно. А сейчас уходите.

— Ты отпускаешь их? — удивлённо воскликнул Медо. — Но они же все потенциальные убийцы. Вернее, уже стали убийцами, раз до сих пор живы. Они не смогут существовать без крови других людей. Они продолжают убивать.

Сташ пожал плечами, он спокойно смотрел на толпу торопящихся уйти существ очень похожих на людей, женщины подталкивали обессиленных детей и сами старались идти побыстрее, но у них плохо получалось. Многие спотыкались и падали. Они слишком устали и, не отведав ожидаемую пищу и едва не погибнув, окончательно выбились из сил.

— Сейчас они не опасны, — проговорил он. — Я не собираюсь решать их судьбу. Я не Берущий. Если хочешь, то можешь догнать и убить.

Он выжидающе глянул на Медо. Тот криво усмехнулся в ответ.

— Догнать и убить? Как Берущий я должен поступить именно так. Убить обессиленных женщин и детей, убить мужчин, которые пока ещё их защищают, и убить нелюдя, который ещё недавно был моим братом. Но всё пошло не так, Сташ. Хм. Что за селение, о котором ты говорил? И кто такой этот Зарислав? Неужели он действительно способен исцелять перерождённых? Что-то не верится в такое.

— Если вы шли по моим следам, то должны были видеть это селение, — проговорил Сташ и огляделся. Тени кровлигов метались уже далеко в чаще, остальные перерождённые быстро удалялись по дороге. Герт и Виргон обеспокоенно озирались, ещё не веря, что опасность миновала. Все Берущие смотрели на Сташа. Внимательно, настороженно, недоверчиво. — В этом селении очень сильный энергетический купол, но за защитной стеной множество перерождённых. Когда-то заразился кто-то один, а сейчас там половина жителей является бесами. Но их перерождение сдерживает Зарислав. Он нашёл способ, как возможно замедлить процесс изменения организма. Может быть это и не совсем лечение, но, насколько я понял, если долгое время принимать отвары из трав, созданные колдуном, то перерождённый постепенно возвращается к человеческой сущности.

— Даже так? — проговорил Гром. — Да, мы видели это селение, но не стали задерживаться. Хотя и собирались обязательно вернуться. Ты говоришь, что колдун их лечит, тогда я не понимаю, почему там так много перерождённых?

— Лечит, — Сташ кивнул. — Но не может определить кто именно из жителей заражён, а сами перерождённые стараются скрыть факт своего изменения. Я помог ему и сейчас все перерождённые под контролем. Думаю, что у Пального есть будущее.

— Интересно. А ты сам не пробовал его отвар?

— Зачем? Для Берущих он бесполезен. Мы же не можем остановиться, чтобы не убивать.

— Но, может быть, средство колдуна замедлило бы перерождение?

— Хочешь попробовать? — Сташ подошёл к Грому ближе. — Я не знаю, как отвар подействует на организм Берущего. Может быть, и поможет. А может быть — нет. Мы другие. Я лишь знаю, что на данный момент твоё лекарство это меч любого из братьев. Берущие забирают энергию перерождённых, значит, если ты будешь на Грани, то твою энергию они тоже смогут забрать. Но достаточно и обычной серьёзной раны, как я уже говорил, тогда твой организм бросит все силы на восстановление тела, а не на перерождение.

— Так просто? — криво усмехнулся Гром. — В таком случае объясни, что произошло с тобой самим, Сташ? Когда мы виделись в последний раз — перед тем, как ты, хм, упал с обрыва, твоя тень была видимой для нас. Она имела яркий багровый цвет. Тебя словно сопровождало кровавое облако. Наверное, как меня сейчас... Но я о другом, твоя кровавая тень исчезла. У тебя больше нет тени, Сташ. И при этом ты не человек и не один из этих бездумных монстров. Очень хотелось бы верить, что твоё состояние, это то, во что превращается Берущий после перерождения, но я знаю, что это не так. Я видел тех Берущих, которые переступали Грань. Это были даже не бесы и не кровлиги. Мы сразу обращаемся в гримтонов. Промежуточных стадий нет.

— Промежуточных стадий нет, — медленно повторил Сташ. — Когда защищаешь кого-

то в одиночку очень трудно остановиться вовремя и не убивать... У меня не получилось. Я перешагнул через Грань. Вот и всё. А что касается всего остального, я просто не знаю, Гром.

Он опустил голову и замолчал. Перед глазами как наяву вновь появился колдун Зарислав. Он беспечно улыбался и внимательно вглядывался в его лицо, словно пытался навсегда запомнить каждую чётточку. — Я знал, что если когда-то появился один Иной такого рода, то придёт время и это произойдёт снова...

Произойдёт снова?

— Если тебе нужно какое-то определение меня как существа, то можешь называть меня Иным, — тихо проговорил Сташ. Гром вздрогнул, его глаза широко раскрылись, он судорожно сжал кулаки.

— Почему именно так? — хрипло спросил Берущий.

— Так назвал меня старик — колдун из Пального, — настороженно ответил Сташ. — Ты ведь что-то знаешь об этом, Гром?

— Я, я... давай мы поговорим об этом потом, Сташ, — Берущий тяжело выдохнул и накрыл рукой рану. Сташ кивнул.

Уложить раненого в повозку не удалось, но Гром согласился ехать на крыше, куда его и поместили Ларко и Медо. Виргону пришлось сесть рядом с отцом на козлы, но он всё равно держал на коленях взведённый арбалет и всматривался в лес.

Сташ привычно вскочил в седло своего вороного. Конь его узнал и с фырканьем ткнулся в плечо, когда он к нему подошёл. По губам Сташа пробежала невольная улыбка, он погладил бархатистый нос и заглянул в глаза жеребца. Ничего кроме спокойствия он в них не увидел. Животное признало своего хозяина и никак не реагировало на произошедшие с ним изменения. Это было странным для самого Сташа. Да, кони Берущих приучены спокойно относиться к перерождённым, в бою это очень важно, но когда тебя вот так просто вновь принимают и не считаются ни с какими изменениями, появляется невольный вопрос — почему? Животные намного острее воспринимают перерождённых, они для них становятся опасными хищниками, от которых нужно спасаться. Боевой конь спокойно стерпит, когда хищник рядом, потому что его защищает хозяин, и он доверяет ему, но он никогда не позволит такому существу сесть на себя верхом...

Сташ ехал последним и невольно вспоминал тот последний день. День, когда братья решили, что его время закончилось. Сейчас они тоже всё время оглядывались. Даже Гром нет-нет да поворачивал голову в его сторону, хотя ему было неудобно это делать.

Очень похоже на тот день.

И не похоже.

Двигаться быстро не получилось, в середине дня переселенцы запросились на отдых. Нужно было приготовить еду, справить естественные надобности и просто размяться. Взрослые могли потерпеть, но для детей это оказалось неприемлемым.

Берущие не возражали, для них самих данная ситуация являлась совершенно непривычной. Их отряд никогда никого не сопровождал. Они не действовали как охранение, их миссия ограничивалась устранением потенциальной угрозы, но не более. Если монстры уничтожены, Берущие не задерживались — уходили искать новые цели.

Сташ с невольной усмешкой поглядывал на бывших братьев, он то уже привык, а вот им всё внове. И дело не только в сопровождении людей, есть ещё раненный Гром и есть непонятное существо, которым стал один из Берущих. Забавная ситуация, но не настолько, чтобы перестать просчитывать её последствия.

Забавная? Чем больше Сташ думал, тем меньше понимал собственное мировосприятие. Казалось бы, Гром по полочкам разложил его происхождение и последствия этого — его отец Берущий ставший изгоем, сбежавший от братьев. Его мать перерождённая. Она родила сына уже будучи монстром. Он сын двух заражённых. А следовательно — новое существо. Всё ещё забавно?

А в голове по-прежнему не укладывалось, как он сам должен к этому относиться, он то не считает себя другим. Даже сейчас, когда изменился внешне.

Стоянку вновь устроили посреди дороги, здесь было наиболее безопасно. Относительно. Да и место показалось очень удобным — деревья отодвинулись, оставив на обочине довольно широкую поляну.

Переселенцы быстро начали готовить нехитрый обед. Берущие спустили с крыши повозки Грома, помогли ему устроиться на том же пледе рядом с разведённым костром, осмотрели и перевязали его рану.

Время от времени они поглядывали на Сташа, тот близко не подходил, держался в стороне, стараясь одновременно охватывать взглядом весь близь лежащий лес. Это сейчас было жизненно важным.

Под их внимательными взглядами он расседлал своего коня, подвесил ему торбу с овсом и отошёл от дороги — слегка углубился в лес, выбрав свободный от деревьев невысокий холм. Отсюда хорошо просматривались и дорога, и лес. Здесь он прошёлся по вершине, разминая ноги, осмотрелся и скинул с головы капюшон.

Пальцы так и потянулись к лицу, почему-то очень не хотелось верить, что с определённого времени он выглядит несколько иначе чем человек. Глупость и всё же... Крупные, твёрдые чешуйки никуда не исчезли, удлинившиеся и заострившиеся зубы тоже. Да и состояние глаз как будто ощущалось по-другому.

Сташ со злостью пнул подвернувшуюся под ногу кочку и вытащил из ножен меч. Что там сказал колдун — «Таким оружием не разбрасываются, оно у вас особенное. Присмотрись к нему».

Меч сверкнул переливами света, Сташ поднёс клинок ближе к лицу. Металл как зеркало, в нём можно увидеть отражение монстра. Оружие не обманет.

Монстр действительно взглянул в ответ совершенно непонятным взглядом. В тем более, что как таковых глаз не было. Вместо них в глазницах клубилась закручивающаяся

водоворотами тьма.

Сташ поёжился от собственного отражения, отодвинул клинок. Что это? Собственно, более существенный вопрос — как с этим существовать и вообще, что делать дальше? Но эти вопросы можно решить потом, когда появится более острая необходимость.

Он хмуро оглядел оружие. Меч удобно лежал в ладони, слегка покалывал кожу, как будто до сих пор был напитан энергией, которую необходимо передать. Выглядит как обычный меч Берущих. Есть лишь одна особенность — этот меч достался ему по наследству. Меч отца. Ему не понадобилось новое оружие, которое выковывали в Гелероне. Он явился в это селение со своим собственным мечом. И это был первый случай, когда такое произошло. Забавно? Он помнил, какая тогда поднялась суматоха, Берущие смотрели на него как на диковинку. Помнил долгие тесты, болезненные испытания на выносливость, скорость, способности, психику... Потом были бесчисленные занятия с Учителем. И лишь через пять лет за ним вернулся Гром, чтобы принять в свой отряд. Принять как Брата.

Сташ с удивлением всмотрелся в клинок, стараясь отстраниться от собственного отражения на зеркальной глади металла. Ответы вдруг мигнули, по клинку проскользнула тень. Сташ быстро огляделся, прислушался, но рядом всё оставалось спокойным. Он потёр глаза рукой, вновь посмотрел на клинок. И сразу увидел, как росчерки тени слагаются в причудливую вязь символов. Совершенно непонятных для него. Такое он видел впервые. Оружие словно насмеялось над ним... Или пыталось поговорить?

— Прости, отец... — в этом клинке жила частица его родителей. Их кровь, их энергия, перешедшая в металл после смерти. — Я всегда был чудовищем. Да, уж...

Он резким движением вставил меч в ножны, сейчас не время копаться в себе. В свете последних событий прошлое становится лишь отголоском, памятью, от которой нельзя отказываться, но это лишь прошлое.

Он посмотрел на правую руку, кисть выглядела обычной. Человеческой. Даже по ощущениям, а необычность проявлялась просто от желания... кого-то или что-то уничтожить. Он огляделся. Вот, например, эта кочка выглядит уродливым наростом на вершине холма, зачем она здесь? Её корни тянутся вглубь земли неясными очертаниями кроваво-красных прожилок, изгибаются и выходят прямо к дороге. И к месту стоянки людей! Корни?

Идиот! Будучи Берущим он никогда не проходил мимо аномалий. Они его притягивали, словно звали, вот как сейчас, почему-то же у него возникло желание подняться на этот холм. Сташ ощутил, как его руку тянет вниз, пальцы мгновенно удлинлись, превратились в потоки нечто. Мелькнула какая-то насмешливая, запоздалая мысль — «Цель найдена и осознана. Уничтожить».

Туманные бичи прошли сквозь почву и вонзились в толстые, змеящиеся под землёй выросты. Весь холм ощутимо дрогнул. Сташ поставил ноги пошире, чтобы не упасть, и потянул чужую энергию к себе. Перед взглядом замелькали образы чернеющих корней, те сморщивались, обугливались и быстро распадались на мельчайшие частицы, а их энергетические потоки через бичи вливались в его собственную руку, а затем расходились по телу. И всё это он наблюдал сквозь толщу земли. Как будто его глазами стал туман... Единственное проявление аномалии на поверхности холма — кочка, задрожала, покрылась чёрной коркой и начала рассыпаться. Вскоре на месте перерождённого источника неприятностей для живых, а по сути своеобразного вампира — насколько Сташ смог понять его суть, осталось лишь выжженное пятно и раздуваемый ветром пепел.

Туманные бичи поднялись из глубин холма и вновь начали формировать его кисть. Сташ хмуро наблюдал за возвращением собственных пальцев к привычному виду. Через несколько мгновений его рука приобрела нормальные очертания.

— Вот и потренировался, — произнёс он едва слышно. По всему телу растекалось живительное тепло, как будто получил заряд энергии после еды и отдыха. — А заодно похоже и пообедал.

— Сташ? — голос Ларко долетел из-за спины. — Что происходит? Что ты делаешь?

По руке прошла вибрация, Сташ с силой сжал пальцы в кулак, подавляя желание направить бичи к новой цели. В висках застучало от осознания, что в Берущих слишком много той перерождённой энергии, которая только что послужила ему пищей. Даже не оборачиваясь, он знал и словно видел, что Ларко стоит у подножия холма, его рука сжимает рукоять пока ещё не вынутого из ножен меча, парень насторожен и подозревает неладное. Он Берущий, он чувствует, когда рядом происходит нечто представляющее опасность. Его скорость и сила намного превосходят возможности обычного человека, он мутант, способный отразить атаку любого перерождённого... Ещё недавно Сташ и сам был таким же. А сейчас все способности Берущих бесполезны. Потому что есть монстр, для которого они лишь пища...

«— А ты знаешь, что Берущие его самое лакомое блюдо? Нет? Как вы умираете, Сташ?

— Мы умираем на Поляне рядом с обрывом, так принято.

— Очень удобно, вы сами приходите к нему в пасть. Сами подпитываете его силы. Вас переполняют сущности перерождённых и вы приносите их Ему в пищу, расставаясь с собственными жизнями.»

Так вот о какой пище говорил старый колдун, только он имел ввиду совсем другого монстра, хотя и подозревал, что разговаривает с будущим Иным.

Сташ медленно накинул на голову капюшон, также медленно повернулся, посмотрел на Ларко.

— Всё в порядке, здесь была аномалия. Я её уничтожил.

Парень кивнул и с заметным усилием заставил себя разжать пальцы на рукояти меча.

— Что за аномалия? Она нам чем-то угрожала?

Изгой неспеша двинулся к дороге, он хорошо понимал Ларко, тот пытается найти причину собственных ощущений опасности. И очень надеется, что эта причина не в Сташе. Хотя как на такое можно надеяться? Он ведь знает, что их бывший брат не человек.

— Довольно странная, чем-то похожа на те пни рядом со стенами Предлестного.

— Э-э, ты про корни мёртвых деревьев? — сразу вмешался в их разговор Медо. Он находился рядом с Громом и тоже лишь сейчас убрал руку от рукояти меча. — Никогда не забуду тот дом, который убил одного из Берущих Декона. Значит здесь похожая аномалия? И откуда она взялась?

— Не знаю откуда она взялась, — пожал плечами Сташ. — Но корни тянулись в сторону нашей стоянки. Это удобное место, возможно мы не первые, кто здесь останавливается. Вот и приползла зараза поближе к живому.

— Да — да, здесь точно раньше останавливались и не раз, — воскликнул Герт. — Я даже костёр развёл на уже обожжённом месте. Зачем, думаю, лишний раз землю травмировать, когда уже есть след от костра. И брёвна вот удобно уложены, чтобы сидеть.

— Значит, ты способен уничтожить аномалии, — тихо проговорил Гром. — Это хорошо, Сташ. Мы ведь для этого сейчас и едем...

Сташ не стал подходить близко, остановился чуть в стороне. Руку так и кололо, туманные бичи упорно пытались вырваться наружу. И это начинало злить. Он не собирался терять над собой контроль, а значит нужно научиться находиться рядом с Берущими и при этом не пытаться их убить.

— Обед готов, — объявила Милана. Переселенцы потянулись к разложенной на скатерти в повозке еде. Женщина быстро уложила в корзину запечённое мясо, хлеб и овощи и отнесла Берущим. Те собрались рядом с Громом.

Для Сташа тоже нашлась небольшая корзинка. Милана бесстрашно к нему подошла, улыбнулась и протянула корзинку с едой. Он не стал отказываться от предложенного, спокойно взял, хотя голода совершенно не чувствовал.

— Спасибо, — он постарался улыбнуться в ответ, но так чтобы не было видно клыков. — Выглядит очень вкусным.

— Приятного аппетита, Сташ, — быстро произнесла Милана и попятилась, потом развернулась и убежала. Парень криво усмехнулся, видимо его улыбка вышла не очень человеческой.

К нужному месту добрались под вечер. Герт и Виргон напряжённо всматривались вперёд. Прошло всего несколько дней после нападения на их караван, и воспоминания оставались очень свежими. Вот видна опрокинутая повозка, лежит на боку и перегораживает часть дороги, вот белеют кости лошади, а дальше... Погибшие grimтоны никуда не делись, их трупы разлагающейся грудой навалены все в одном месте, как будто их сюда кто-то перетащил. А ведь они хорошо помнили, что бой растянулся вдоль нескольких повозок, и Берущий убивал их и на том вот холме, и среди деревьев, и на обочине дороги. А ещё убитыми остались переселенцы, всех их растерзали твари и растащили по лесу, но сейчас останки их тел также видны среди grimтонов. В одной куче.

Герт поёжился и натянул поводья лошади, подъезжать ближе желания не было, да и Берущие тоже остановились, не приближаясь к месту бойни. Все почти одновременно оглянулись назад — на Сташа. Тот так и находился позади, то есть следовал за повозкой, но держался слегка на расстоянии.

Изгой пустил коня шагом, медленно обогнул переселенцев и также медленно проехал мимо Берущих. Никто не произнёс ни слова, да и говорить совершенно не хотелось.

Сташ спрыгнул на землю, отпустил поводья коня и тот послушно замер на месте. Изгой сделал короткий шаг вперёд, очутившись на некой границе — дальше над землёй и грудой останков зависло багровое облако теней. Сташ выдохнул, и что он должен здесь сделать?

Да, выглядит необычно, гору из трупов пронизывают разряды сконцентрировавшейся в одном месте энергии. Очень жадной энергии, готовой поглотить всё, что попадёт в поле её действия. Но своей причастности к образованию этой аномалии он не чувствовал. Не делал он ничего подобного, да и не знал как такое можно сотворить.

Когда он был здесь в последний раз всё выглядело по-другому. Во время короткого, стремительного боя его единственным желанием было успеть уничтожить как можно больше противников и при этом удержаться на грани, не переступить ту черту, когда спаситель может превратиться в монстра. Удержался... А что здесь произошло потом, когда место схватки осталось для него далеко за спиной?

— Что скажешь? — Медо слез с коня и подошёл ближе, встал почти рядом со Сташем.

— А что ты хочешь услышать? Когда я уезжал от сюда вместе с переселенцами всего этого не было. Аномалия появилась позже. Я здесь совершенно ни причём.

Берущий кивнул и задумчиво посмотрел на останки.

— И тем не менее нельзя отрицать того факта, что этот кошмар появился после твоего боя с гримтонами и именно на том месте, где ты их убил. Поэтому мы и считаем, что ты как-то связан с образованием аномалии.

— Не знаю, — покачал головой Сташ. — Когда я перебил гримтонов, у меня совершенно не осталось времени ни на что кроме бегства — приближалась другая стая. Нам нужно было убираться отсюда. Хм, и как-то их здесь многовато.

Он двинулся вокруг аномалии, обошёл гору трупов и остановился на дороге ведущей дальше. Именно в эту сторону направились тогда повозки в надежде спастись. Путь вёл к селению колдуна.

Круг замкнулся.

Сташ напряжённо всмотрелся в дорогу, казалось, что утрамбованная поверхность подметена чем-то непонятным. Или по ней что-то тащили, кое-где остались размазанные полосы потемневшей жидкости похожей на кровь. А что можно тащить по направлению к куче трупов? Только трупы. Он даже не стал задаваться вопросом — кто это сделал? Ответ был прямо под ногами, но виден только ему. Под тонким слоем земли тянулись извилистые полосы энергии, они уходили вдаль дороги и паутиной расползались между деревьями, от каждой полосы в воздух поднималась багровая тень. Получалось, что аномалия сама стаскивает к себе трупы. А так как их не так уж и много в этом лесу, то вскоре она начнёт убивать живых. А может быть уже начала?

— Сташ!!! — кричал Ларко.

Он и сам уже слышал топот множества копыт, приближающийся из леса. Весело. Это не караван. Всадники несутся голопом. В Вартихе только одни существа могут скакать верхом напролом сквозь чащу. Берущие. Монстры в человеческом обличье, не боящиеся других монстров. Впрочем, ещё не известно, что им здесь понадобилось. Они могут, как и преследовать кого-то, так и уходить от опасности. В любом случае их путь почему-то лежит именно в эту сторону.

Сташ сорвался с места, на ходу осмотрел лес. Тени мелькали за невысоким холмом, на котором он когда-то прятался. Семь из них имели кровавые полосы, а вот четверо были просто серыми и принадлежали обычным людям.

Он подбежал к своему коню, вспоминая, что где-то в сумке, притороченной к седлу, лежал шарф. Конечно, проще всего было уехать, но он решил ограничиться маскировкой. В тем более, что Гром сказал, что его тень больше не является багровой, вернее они вообще её не видят. А вот лицо стоит закрыть, капюшон скрывает лишь верхнюю часть, а шарфом можно прикрыть нижнюю.

Нужная вещь отыскалась на самом дне. Сташ поспешно отвернулся, по глаза обмотался шарфом и вновь накинул капюшон. Выглядит, конечно, подозрительно, но мало ли что у него произошло. Главное, что сейчас его уже не примут так сразу за Иного.

Его называли магом, но иногда он сам переставал понимать, что именно подразумевает данное слово. Скорее он назвал бы свои способности аномалией. Но то, что происходило сейчас, было совершенно не свойственным их миру — пришедшим из далёкого нечто... Хм. Карот передёрнул плечами как от озноба. Сила заглянувшего погостить к ним существа казалась невысказанной. Судья? Да, возможно, если рассматривать её именно в таком контексте. Она действительно делает Выбор. Вернее сделает. Когда решит, что на то пришло время. А в остальном никаких правил не существует.

Его собственный дом был достаточно высоким, трёхэтажным — с видом на широкую площадь, прямо за которой вставало во всей красе здание Главного храма гильдии магов. Карот стоял на крыше своего дома, здесь находилось оборудованное место для отдыха. Перед глазами подрагивал воздух, кружил стремительными хороводами, изгибался и как будто говорил. Нужно лишь понять. Карот понимал лишь отчасти — Судья находилась в Главном храме, отголоски её действий высвечивались всплесками энергетических волн, но что именно она делала было не ясным. И это злило. Не так он привык воспринимать происходящее в своём мире. Обычно он читал его как открытую книгу — легко, без напряжения. А сейчас всё по-другому.

— Все наши люди покинули храм, — доложил бесшумно подошедший Тирм. — Лечебницу тоже эвакуировали, на всякий случай.

— Хорошо, — кивнул верховный маг. — Как твоя сестра?

— Сейчас уже лучше. Истерика прекратилась. Она находится у меня дома.

— Она хорошо исполнила свою роль.

— Я... не говорил Тае, что это будет лишь роль. Так вышло более естественно, — Тирм криво усмехнулся.

— Что ж, это не важно, главное, что всё получилось, — отстранённо улыбнулся Карот. — Девчонка смогла выманить Её на свет.

— И что дальше? — осторожно поинтересовался его главный помощник. — Это существо... Она действительно Судья?

— В этом уже можно не сомневаться, — Карот вздохнул. — С её приходом у нашего мира начался обратный отчёт...

— Хм, и что будем делать? Насколько я понимаю ей нужны жертвы. Энергетически наполненные жертвы. Тебе не кажется, что на эту роль очень подходят Берущие?

Верховный маг пожал плечами.

— Как вариант — да, их тела генерируют в себе огромный поток чужой энергии. Но самих Берущих слишком мало. Этого будет недостаточно. И ты ведь не хочешь скормить ей наш Источник? — он усмехнулся. — К тому же Она сама выбирает... Прошло девять веков с тех пор, как я видел её в последний раз. Многое могло измениться. Я изменился. И она тоже. Сейчас я уже не знаю, чего она хочет. В тот раз она выбрала не людей — люди выжили.

— Почему именно они?

— Не думай, что из-за человеколюбия. Просто в них меньше энергии, чем в аномальных существах, — зло проговорил Карот. — Она очень торопилась, чтобы уйти. Вот и всё.

— Думаешь, что сейчас будет по-другому? — Тирм подошёл к перилам и уставился на возвышающийся через улицу храм. — Зачем она нянчится с этой девчонкой? Она не приняла

её в жертву.

— Не знаю, — Карот вновь зло усмехнулся. Перед его глазами вдруг мигнула дымная пелена, храм покачнулся, да и все здания в округе сотряс удар. Что-то происходило. Слагающие храм камни менялись, подёргивались дымкой. Маг словно видел сквозь внешние стены, как исчезают внутренние перекрытия. Нет, не рушатся, а просто превращаются в пыль. — Похоже, что она решила здесь задержаться. И более внимательно взглянуть на наш мир.

— Почему ты так думаешь? — с сомнением произнёс Тирм.

— Судья уничтожает храм — обрывает связь с прошлым. Это место было её домом. Когда-то, — тихо проговорил верховный маг.

— Э-э, даже так? И что будем делать?

— Ничего. Сейчас лучше всего не привлекать её внимания. И подумать об источниках энергии, которые мы сможем предложить ей для Перехода. Скорее всего, понадобится всё, что у нас есть. Вы активировали запуск новых Аномалий?

— Да, некоторые уже начали действовать...

Тирм не договорил и потрясённо уставился на храм. По огромному величественному зданию пошла сильная вибрация, его стены заходили ходуном, створки центральных дверей с протяжным скрипом распахнулись и захлопнулись, потом ещё раз и ещё. Несколько мгновений казалось, что древние камни, слагающие стены, вот — вот начнут раскатываться и рушиться вниз. Но этого так и не произошло, храм устоял, лишь вокруг него закружило плотное облако мельчайших чёрных частичек, в котором невозможно было ничего разглядеть.

В наступившей тишине что-то с грохотом упало, судя по всколыхнувшейся у земли пыли, это были те самые створки дверей. По густому облаку черноты прошла волна, оно вдруг раздвинулось и открыло взгляду хрупкую фигурку девушки. Она стояла на пороге храма, разбитые створки лежали под её ногами. Клубящиеся пыль и пепел растекались от неё с двух сторон, чёрные волосы трепал ветер. Она приподняла руку, тонкая кисть изогнулась в изящном жесте, но пальцы тут же сжались в кулак. Окутывавшая храм чернота мгновенно осела на плиты площади, стало видно, что здание осталось вполне целым. По крайней мере снаружи.

Девушка шагнула вперёд. Карот невольно вздрогнул. За её спиной продолжало висеть дымное облако. Словно тень, имеющая очертания нечто знакомого... Вместе с её шагом, эта тень начала расходиться в стороны, приобретать чёткие границы, уплотняться и становиться расправляющимися крыльями.

Карот невольно отступил. Судья посмотрела вверх, крылья за её спиной сделали один единственный взмах, и она мгновенно очутилась высоко в воздухе — над храмом. Девушка зависла на одном месте и её взгляд побежал по городу.

Два мага на крыше дома замерли и перестали дышать. Судья лишь на мгновение повернулась в их сторону. Карот невольно посмотрел ей в глаза — ярко-зелёные, с мелькающими в глубине золотистыми искорками. И совершенно безразличные. Она ничем не показала, что узнала его. Холодный взгляд скользнул по его лицу и неожиданно стал очень голодным. Словно она почувствовала добычу. Маг с трудом заставил себя оставаться на месте. Прошёл один миг, и Судья отвернулась.

Два чёрных крыла, сотканые из теней, вновь сделали взмах и подняли свою хозяйку ещё выше — к самым облакам. Крылатая фигура описала широкий круг над городом,

пролетела над лесом и пропала из видимости, скрывшись где-то за облаками.

Карот выдохнул и через силу смог унять нервную дрожь.

— Ж-жуткое ощущение, — запинаясь проговорил рядом Тирм. — Я в п-полной мере ощутил себя её лакомым б-блюдом. Надеюсь, это не значит, что она сделала свой выбор.

Карот покачал головой.

— Те, кого она выбрала, уничтожаются без промедления. Нет, она ещё не решила. Она ещё выбирает. Пусть Тот кто знает прикажет всем Братствам Берущих собраться в Гелероне. Мы же должны сообщить им о Судье.

— Хм... Хочешь скормить их ей первыми?

— Лучше их... — задумчиво проговорил верховный маг. — Через них Она почувствует вкус энергии перерождённых. Но и Аномалии тоже нужно подготовить и напитать их максимальным количеством энергии.

— Смотри! — Тирм показал рукой куда-то вниз.

Карот перевёл взгляд на площадь. От дверей храма быстро шла девушка. Маг сразу узнал в ней недавнюю жертву. Ветс. Вот только жертвой она совершенно не выглядела, пусть и была одета в тоже тряпье из лечебницы, в котором её привязывали к столбу. Идёт босиком, на одежде пятна её собственной крови, на запястьях багровые полосы полу затянутых ран от ножа. Движения слишком спокойные, уверенные, она ничего не боится.

— Задержать её?

— Нет, — покачал головой Карот. — Она идёт вслед за Ней. Хорошо бы проследить куда, но это слишком опасно. Пусть просто уходит. Прикажи выпустить её из города.

— Х-хорошо, — Тирм отступил от перил и бегом бросился вниз по лестницы, чтобы передать распоряжение охране на воротах.

Карот остался наблюдать, как перед девушкой расступаются люди, как уходят с её пути воины, как смолкает гул голосов. Она ни на кого не обращала внимания, просто двигалась вперёд. Маг лишь порадовался, что с высоты своего дома сможет проследить её путь до самых ворот. Самым странным было то, что люди от неё не просто отшатывались, они быстро пятились. А потом разворачивались и в панике убегали. Он усмехнулся. Его память хранила воспоминания, сохранившиеся сквозь века — точно такие же фигуры двигались тогда в тот день сквозь обезумевшую от страха толпу. Её создания. Её перерождённые жертвы... Первые Берущие их мира. Он сам был среди этих фигур. В тот день они шли чтобы помочь Ей собрать последнюю энергию для Перехода — выжать последние крупинки из их мира, чтобы Она его покинула... Странные воспоминания. Он думал, что у него не останется причины, чтобы вспоминать это.

Карот застывшим взглядом наблюдал, как Ветс резко остановилась рядом с одним из домов и свернула в его двор. Он вспомнил, что там расположена конюшня. Через некоторое время на центральную улицу выехала всадница на белоснежном коне. Ворота были уже предусмотрительно распахнуты. Всадница галопом пронеслась до выезда из города и не останавливаясь устремилась дальше по дороге. Стражники тут же кинулись закрывать тяжёлые створки и накидывать массивные запоры. Словно боялись, что она передумает и вернётся. А скорее всего именно так оно и было.

Маг кивнул, медленно спустился вниз в гостиную и упал в кресло. Он сидел неподвижно до тех пор, пока в дом не вернулся Тирм. Помощник выглядел неважно — лицо мертвенно бледное, в глазах мелькает плохо скрываемый ужас.

— Там, там, там... Ты не понимаешь... Мне показалось, что эта девчонка умерла. Она

мёртвая, Карот!

Карот задумчиво кивнул.

— Успокойся, тебе показалось, — верховный маг с трудом заставил себя пошевелиться и посмотрел на помощника. — Она живая. Это лишь видимость.

Он криво усмехнулся. — Просто Судья организовала ей выход из города.

— Откуда ты знаешь? — Тирм потёр лицо рукой. — Она не просто выглядела мёртвой, вокруг неё бежала волна мертвенного холода.

— Знаю. Это проявление силы Судьи, — он запнулся. В памяти почему-то вновь всплыли лица давно исчезнувших воинов того первого Братства. Берущие. Перерождённые монстры нового мира. Его собратья. Так уж сложилась судьба, что выжил он один. — Не думай об этом. Лучше расскажи мне о своём последнем создании.

— Э-э, здесь всё отлично. Место очень удачное, там поблизости уже находился Источник для аномалии. А вот такое огромное количество трупов grimтонов это нечто невероятное. Прежде нам никогда не попадалось подобных скоплений. Они предпочитают не дохнуть большими толпами, — Тирм нервно усмехнулся.

— Ты узнал, кто их убил? — напряжённым голосом поинтересовался Карот.

— С этим есть некоторая проблема. Хм. Если судить по отголоскам энергетического фона, то это был Берущий. Что, собственно, не удивительно. Удивительно другое — он был один.

— Изгой? — верховный маг приподнял бровь. — Очень интересно. И в чём проблема? Разве трудно выяснить в каком Братстве вдруг появился изгой?

— Выяснить не трудно, — Тирм замялся. — Я всё проверил — на данный момент ни в одном из Братств не наблюдается меньшее количество его членов чем было. Никто не терял своих братьев.

— Оч-чень странно, — Карот одним быстрым движением поднялся из кресла, выпрямился и внимательно посмотрел на Тирма. — Не может такого быть, чтобы что-нибудь не произошло. Проверь ещё раз, копни на несколько дней назад. Найди этого Берущего. Я хочу взглянуть на него поближе. Что-то он мне не нравится уже сейчас.

— Хорошо, я проверю. Были кое-какие слухи. Как будто в одном из братств Берущий подступил к грани перерождения и замер, так и не переродился до конца.

— Вот — вот, — кивнул Карот. — А говоришь, что никто не терял своих братьев. Займись этим. Доставь это Братство сюда.

— Да, конечно. Но сначала я хочу проверить новую аномалию. Один из наблюдающих сообщил, что она стягивает к себе не только трупы перерождённых, но также и обычных людей. Она вытягивает энергию из всего, — он довольно улыбнулся. — И продолжает разрастаться.

— Хорошо, проконтролируй этот процесс. Лишним не будет, — согласился верховный маг. — А потом займись поиском этого Берущего.

Она так и не поняла, почему способность осознавать опасность происходящего и ясно мыслить вернулась только сейчас. До этого момента её как будто просто вели. Ха, такое уже было. И она прекрасно знает, кто это сделал. Ветс в панике огляделась и натянула поводья, закрутила головой, заставляя нервно всхрапывающего коня плясать на месте. Дорога ровная и прямая уверенно тянулась вдаль, а вокруг стоял мрачный, неприветливый лес. Вартих — обитель Других, как его когда-то называли.

Девушка поёжилась. Так, из города она выбралась, всё вышло на удивление просто. Как и сказала Лиа, нужно было просто идти вперёд и ни в чём не сомневаться. Она и шла, а люди со страхом отшатывались с её пути и в панике убегали. И что бы это значило? А самое главное, где Лиа? Она сказала, что будет ждать её за воротами, но сейчас город остался далеко позади, если оглянуться назад, то его даже не видно. И что теперь?

Ветс передёрнула плечами и вновь поёжилась. Она в лесу! Вернее, на дороге посреди леса, на той же самой дороге, где несколько дней назад голодные твари разорвали вооружённый отряд воительниц и караван торговцев. А сейчас она здесь одна. Вот только страха не было. Вместо него по коже полз колючий холод. Полз куда-то вниз, начиная от макушки головы и спускаясь к ступням ног. Как будто опадал, уходил.

Девушка лишь вздохнула, ощущение было очень странным. Да ещё это непонятное животное под седлом. Конь оказался очень недоволен своей всадницей, всё время косился назад, всхрапывал и даже пытался вставать на дыбы. Ветс уверенно его осаживала, но отменить того, что от этого существа веет мертвенным холодом, она не могла.

Девушка потёрло лицо рукой и на мгновение зажмурилась. Мысли путались и всё время возвращались к тому моменту, когда за спиной Лии расправились огромные чёрные крылья. Как в её видении из сна. Это было единственным, что по-настоящему пугало. Очень хотелось отвлечься и заняться собственным положением. Прежде всего она оглядела себя и тут же ужаснулась. Вместо привычных штанов и куртки на ней была одета тонкая, заляпанная пятнами крови и кое где порванная ночная рубашка. А собственно, чего она хотела? Именно в этой одежде её и привязали к столбу. А потом всё происходило будто во сне. Ни о каких сборах в дорогу речь не шла. Она вдруг просто очутилась верхом на коне, почти голая, без припасов и по среди дороги через лес. Плюс ко всему подступали вечерние сумерки. А ночь в Вартихе — это верная смерть.

Ветс со злостью сжала кулаки и ударила коня по бокам. Тот нетерпеливо всхрапнул и попытался с места сорваться в галоп. Но девушка его удержала, пустила быстрой рысью. От скачки галопом навстречу бил сильный ветер и отбирал остатки тепла. Складывалось впечатление, что конь движется на много быстрее, чем на это способны обычные животные.

— Стой! — голос долетел со спины.

Ветс и сама не поняла, почему натянула поводья. Слишком неожиданно прозвучал голос. Она резко оглянулась. Из-за деревьев вышел молодой русоволосый парень. Выглядел он вполне по-человечески. Одет как охотник, в руках сжимал лук с натянутой тетивой, за спиной виднелся колчан, заполненный стрелами. Он помахал ей рукой и широко улыбнулся. Между губ мелькнули остро отточенные иглы зубов. В ярких сиреневых глазах заиграли насмешливые искры.

— И зачем мне стоять? — совершенно без страха спросила девушка. Пусть этот парень и был бесом, но почему-то не казался опасным.

— Ха, а ты смелая. И какой у тебя монстр под седлом, — он подошёл чуть ближе, вновь улыбнулся. — Я просто хотел поближе познакомиться. Почему ты одна?

— А тебе какое дело? Иди куда шёл, — Ветс отвечала, а сама отчаянно вспоминала, что бесы умеют завораживать своих жертв, приманивать голосом, зачаровывать так, что они сами соглашаются стать пищей.

— Не могу. Ты очень вкусно пахнешь. Ты такая удивительная, — он вдруг очутился на расстоянии пяти шагов, вскинул руку и вытащил из колчана стрелу. — И очень странная. Не такая, как все люди.

— О чём ты говоришь? — Ветс в каком-то оцепенении наблюдала, как наконечник уставился ей в грудь.

— По Вартиху не гуляют обычные люди, — холодно улыбнулся парень и спустил тетиву.

Полёт стрелы растянулся на невообразимо долгие мгновения. Казалось бы, такое маленькое расстояние она преодолит за один миг, а нет — всё вышло не так. Ветс даже испугаться не успела, почему-то её тело решило, что может двигаться быстрее, чем стрела. Девушка машинально вскинула руки, одновременно попыталась уклониться, хотя понимала, что это бесполезно, но... Пальцы странным образом сжались на древке и остановили полёт смерти у самой груди.

Ветс отстранённо удивилась, что в её руке оказалась зажата стрела, но не позволила себе замереть и о чём-то думать. Всё потом, потом разберётся. Она прямо с седла оттолкнулась ногами и прыгнула в сторону лучника. Парень успел вытащить вторую стрелу, но на этом его везение закончилось. Девушка сбила его с ног, уронила на дорогу и навалилась сверху. Не останавливаясь и не задумываясь о том, что делает, Ветс замахнулась пойманной стрелой и направила её в шею противника. Парень попытался перехватить её руку, его пальцы скользнули по запястью девушки и сорвались — не смогли остановить приближающийся удар, силы оказались неравными.

Ветс со странным для неё безразличием — как будто наблюдала за собой со стороны, без труда преодолела сопротивление чужой руки и воткнула наконечник стрелы в плоть противника. Сталь легко пробил горло, по коже заструились потоки крови, но не это поразило девушку, она почувствовала, как через стрелу в её руку впилося тянущееся тепло. Ладонь защипало, Ветс вздрогнула. Она убила это существо — перерождённого, тот всё ещё смотрел на неё вполне осмысленным взглядом, но, по сути, он был уже мёртв. Она знала это. А вот вливающиеся через оружие убийства покальвание ввело её в ступор.

Что это? Ветс увидела, как парень медленно побледнел, его глаза закатились, между губ появилась тонкая струйка крови. Она с трудом разжала пальцы на древке стрелы и вскочила на ноги. И только сейчас поняла, что на дороге позади неё находится кто-то ещё. Девушка резко обернулась.

Лиа гладила морду коня, на Ветс она не смотрела. Её тонкие пальцы скользили по белоснежной шкуре, задевали бархатистый нос, прикасались к губам, а потом шли выше — до самых ушей. Животное стояло совершенно неподвижно, вслушивалось в эти движения и словно наслаждалось.

— Если я прикоснусь к тебе, то ты умрёшь...

Ветс даже на мгновение забыла о только что произошедшем и попыталась понять — а возможно ли, что Судья воздействовала как-то и на неё? Она невольно глянула на собственные запястья. На месте глубоких порезов остались багровые полосы. Кожу густо покрывала уже засохшая кровь, напоминая, что всё это происходило в действительности. Вот только не заживают у людей раны всего за несколько часов! Да и не часов вовсе, с момента, как Лиа освободила её, прошло совсем немного времени.

— Что ты со мной сделала? — голос прозвучал хрипло, горло странно царапнуло болью, Ветс поморщилась. — Кто я теперь?

Лиа ответила совершенно спокойным взглядом.

— Прости, мне пришлось тебя изменить, иначе мы бы не смогли взаимодействовать, — она пожала плечами, по её губам пробежала едва заметная улыбка. — Впрочем, не думаю, что ты расстроишься. Ты же хотела иметь возможность убивать мутантов. Теперь имеешь.

— Я, я... — Ветс поёжилась, неожиданная догадка о собственной изменившейся сущности заставило сердце панически быстро забиться в груди. — Ты сделала меня Берущей? Но как такое возможно?.. Они ведь...

— Перерождённые, — закончила за неё Лиа. — Имеешь что-то против? Впрочем, это не важно. Этого уже не изменить. Берущие мои создания. У некоторых людей вашего мира есть предрасположенность к замедленному перерождению. Они способны поглощать чужую энергию, но при этом сопротивляются тем изменениям, которые эта энергия вносит в их организм.

— Значит, у меня есть эта предрасположенность и я в любом случае стала бы Берущей?

— Нет, эту предрасположенность дала тебе я, — Судья усмехнулась. — И тебе не придётся развиваться, как другим Берущим. Пользуйся. Для них это весьма трудный путь.

— Для тебя это так просто? И что дальше? — Ветс успокоилась, недавняя паника, от осознания собственных способностей неожиданно исчезла. — Мне нужно попасть в какое-нибудь Братство? Берущие не могут быть одиночками.

Лиа окинула её насмешливым взглядом.

— Тебе нужно переодеться. А насчёт Берущих — так как твои способности появились искусственным путём, то они не смогут почувствовать, что ты одна из них, конечно, если сама себя не выдашь. Братства Берущих появились позже моего ухода и, насколько я поняла, они контролируют друг друга. Что ж, такова жизненная необходимость... но у тебя ещё есть время.

— Время для чего?.. — насторожилась Ветс.

— Побывать собой, — по губам Лии скользнула едва заметная улыбка.

Топот копыт стремительно приближался, Сташ схватил своего коня за повод и отвёл его к повозке. Сейчас было важным не выделяться из группы. Он попытался вспомнить в каком из братств состояло такое количество Берущих. Семеро это много, Берущие не могут себе позволить держаться вместе больше, чем вчетвером или впятером, иначе площадь охвата территорий братствами сильно сократится. Оптимальным считалось число четыре. Это количество было достаточным, чтобы действовать эффективно и присматривать друг за другом.

В братстве Декона состояло шестеро Берущих, но двое присоединились к нему совсем недавно. Декон нашёл новых Берущих в одной из деревень и после обучения, они вступили в его группу — на время, чтобы привыкнуть к лесу. Но, насколько знал Сташ, стоял вопрос об их переходе в другое братство. А сейчас их осталось пятеро. Один погиб в Предлесном, погиб в селении людей, когда рядом находились Берущие из двух братств. Странный случай, как будто аномалии набирают всё большую силу... Сташ вдруг подумал, что если бы он не был так поглощён собственным состоянием, то, наверное бы, уже давно обратил на это внимание. Ведь он был единственным, кто видел не только перерождающихся людей, но и изменения во внешнем окружении. Изменения в самой природе.

Сташ хмуро усмехнулся, Вартих всегда являлся опасным местом, но таковым он считался именно из-за монстров. А теперь по всему лесу появляются ловушки, которые обычные люди просто не замечают, да и не только люди, прямо перед глазами был пример, когда жертвами стали перерождённые. Пусть это были уже мёртвые перерождённые, чему он сам поспособствовал, но от этого вовсе не исчезало ощущение, что сама природа решила поохотиться на живых...

Он так и не вспомнил в каком Братстве состояло семеро Берущих, таких просто не было, скорее всего они едут из города. Например, рядом со Стайтом держалось сразу несколько братств — расчищали округу от гримптонов. И сейчас, скорее всего, это смешанная группа.

В памяти всплыли высокие каменные стены Стайта и огромный энергетический купол, который единым полотном накрывал весь город. Он начинался не от стены, и даже не от земли, его истоки находились глубоко под слоем почвы. Сильный город, умеющий себя защитить. Даже если бы не купол, то стена вокруг города, вполне могла сдерживать перерождённых. За исключением одного монстра. Но это очень редкий монстр, и он обычно не забредает к городам. У Канор-дело свой путь. Многие считали, что он разумный, поэтому держится вдали от сильных объектов. А вот большой караван легко мог стать его добычей.

Путь братства Грома тоже иногда лежал под стенами Стайта, но в сам город они не заезжали. В оплоте колдунов им нечего делать. Там и без них хватало тех, кто боролся с перерождёнными.

Медо неспеша отошёл от аномалии и приблизился к Ларко, стоящему рядом с переселенцами. И как-то само собой получилось, что Сташ оказался не отдельно, а именно в их группе. Среди бывших братьев и семьи Герта — людей, чьи жизни ему довелось защищать.

— Сколько их? — тихо спросил Гром.

Сташ вскинул голову, взглянул на Старшего, тот смотрел именно на него и обращался к нему, как будто был уверен, что изгой знает ответ на этот вопрос.

— Семеро Берущих и четверо людей, — спокойно произнёс Сташ.

Гром кивнул.

— Скорее всего это маги из Стайта. Они всегда ездят с достаточно большим сопровождением.

— Значит, они узнали про аномалию? — задумчиво проговорил Медо. — Странно, мне кажется, что после нас здесь больше никто не проезжал.

Его рассуждения прервали появившиеся всадники, они выехали на вершину холма, увидели, что находятся здесь не одни и дальше двинулись уже шагом.

Сташ напряжённо их рассматривал. Трое Берущих ехали впереди, двое по бокам группы и двое замыкали. Все лица скрывали капюшоны и разглядеть кто это не представлялось возможным. Единственное, что он смог определить — первые троя были из одного братства, а четверо остальных — из другого. А вместе с этим пришло понимание — почему он так решил. У разных братств совершенно разная аура теней, и сейчас, когда они находились настолько близко, это было заметно особенно сильно.

Четвёрка людей находилась в центре и резко отличалась от Берущих. Здесь уже не было безликих одежд, маги носили укороченные мантии и не скрывали своих лиц. Держались достаточно свободно, но всё же настороженно поглядывали по сторонам. Трое были уже в возрасте, умудрённые годами и опытом, их лица испещряли морщины, хотя у усиленных магов имелась возможность останавливать старение. Может быть, именно поэтому Сташ выделил для себя главным четвёртого — молодого, русоволосого мужчину с колючими, почти бесцветными глазами. Он почти не оглядывался на лес и спутников, его взгляд сразу скользнул по дороге, на несколько мгновений задержался на повозке и людях, а потом прикипел к собранным в одну кучу трупам — к аномалии.

Маги быстро спешили и двинулись в сторону трупов. На находившихся здесь же путников они больше не смотрели, а вот Берущие разъехались, и теперь каждый всадник

находился с разной стороны от аномалии.

Сташ прижался к боку повозки и наблюдал за приезжими из-за плеча Герта. Тот стоял как раз перед ним и нервно поглаживал рукоять меча. Изгой хорошо его понимал, ситуация стала совершенно не понятной. Мало того, что семья переселенца вынуждена ехать в компании Берущих, которые собирались убить их защитника, так теперь появились ещё и маги в сопровождении других Берущих.

Переселенец быстро оглянулся и обнаружил за спиной Сташа, невольно вздрогнул и смущённо передёрнул плечами. Парень молча кивнул головой, чтобы тот отвернулся. Герт нахмурился и уставился на приближающегося к ним всадника.

Берущий подъехал к самой повозке, с высоты седла ему было хорошо видно Грома. Он скинул с головы капюшон и коротко кивнул.

— Здравствуй, Гром. Давно не виделись.

Сташ настороженно взгляделся в его лицо, он никогда прежде с ним не встречался, но между тем хорошо знал, кто это такой. Вилрок и его братство всегда охраняли только Стайт. Вилрок был единственным Берущим, которому подчинялись ещё три братства, кроме его собственного. Они являлись своеобразным содружеством и при необходимости действовали вместе.

На вид ему было лет пятьдесят, весьма почтенный возврат для мутанта, забирающего энергию нелюдей. И очень редкий, говорящий скорее о том, что Вилрок обычно не убивает, вместо него этим занимаются его братья. Но это не делало его менее опасным и опытным. Для того чтобы именно так организовать совместную деятельность, тоже требовались определённые способности.

Тёмно-карие глаза Берущего как-то очень безразлично окинули Грома взглядом, на остальных он взглянул лишь мельком. Но Сташ невольно подумал, что это лишь видимость, просто большего Вилроку и не требовалось, он оценил ситуацию буквально с первых мгновений. Лицо осталось застывшим, спокойным, словно маска с очень грубыми чертами. Суровое лицо. На голове виднелся короткий ёжик едва отросших тёмных волос, посеребрённых сединой лишь на висках. Правую щёку пересекал белый шрам и змеился по краешку глаза на лоб — неровный, скачущий в разные стороны, словно монстр, который его нанёс рывками вгрызался в лицо Берущего. Но это было очень давно, скорее всего в начале пути Вилрока, когда он ещё до конца не умел залечивать такие серьёзные раны.

— Здравствуй, — коротко ответил Гром и слегка приподнялся, перевернулся набок, чтобы хорошо видеть Вилрока. — Действительно давно. Позволь узнать — что вы здесь делаете?

— Хотел спросить о том же, — по губам Берущего пробежала едва заметная усмешка. — Довольно странно наблюдать тебя в таком состоянии, Гром.

— Всё когда-нибудь случается впервые, — Гром тоже усмехнулся. — Мы здесь случайно, ехали по дороге и увидели странную аномалию. Остановились рассмотреть получше. А так — мы провожаем переселенцев в Стайт.

— Ну да, конечно. Провожаете. Хм, — по бледным губам Берущего скользнула странная улыбка. — В этом весь ты, Гром. Встретил случайных людей и уже готов за них биться.

— А разве должно быть по-другому? — хмуро поинтересовался Гром. — Так что, говоришь, вы здесь делаете?

— Я ничего не говорю, — отрезал Вилрок. — Мы лишь доставили сюда колдунов. Это их дело. Мы всего лишь охрана. Так же, как и вы.

— Вот и поговорили, — Гром хмыкнул и откинулся обратно на спину, устал лежать приподнявшись. — Как охрана с охраной.

Вилрок некоторое время молчал, но оставался рядом, смотрел, как маги обходят аномалию и совершают только им понятные пасы руками. Потом вновь повернулся к Грому.

— Я слышал, что один из вашего братства ступил на грань перерождения.

— Правда? — Гром холодно улыбнулся. — Интересные слухи. И что? Ты видишь такого среди нас?

Вилрок медленно покачал головой.

— Вас четверо, и вы все здесь. И если оценивать по теням, то ближе всех к перерождению только ты Гром. Ты единственный, чья тень стала видимой.

— Значит, это я, Вилрок. Грань есть у всех. Только все приближаются к ней по-разному. Да?

— Ты прав, мне жаль, Гром. Жаль, что для тебя начался обратный отчёт. Ты был хорошим Берущим.

— Был? — Гром криво усмехнулся. — Забавное определение моей ещё не окончившейся жизни. Опытom не хочешь поделиться — как это выживать за счёт своих братьев? Мы оба знаем, что твоя тень ни один и даже не два раза становилась видимой, но ты всё ещё жив, Вилрок.

— Гром, Гром, не стоит завидовать, — вполне мирно произнёс Вилрок. Мирно и безразлично. — То, что доступно одному, не значит, что могут реализовать все. Такова жизнь. Повторюсь — мне жаль. Каждый выбирает свой путь сам.

— Иди к Канору со своей жалостью, Вилрок. У меня действительно свой путь. И тебе он не касается.

— Как знаешь. Мне будет всё равно до тех пор, пока ты не переродишься. И очень надеюсь, что это произойдёт не по дороге к Стайту. Кстати, на город было совершено нападение. Купол разрушен, сейчас там не так безопасно, как раньше.

Герт заметно вздрогнул и встревоженно переглянулся с Виргоном.

— Что произошло? — поинтересовался Гром.

— Ну-у, — Берущий медлил, словно обдумывал, что сказать. — Рядом объявился Канор-Веди, и так уж случилось, что его уничтожили, а заодно и купол над городом тоже.

— Что?! Как это? — Гром подобрался и вновь повернулся к всаднику, посмотрел на него горящим взглядом. — Канор не нападает на города! Кто его смог уничтожить?

— Он не нападал, — спокойно ответил Берущий. — У него была другая добыча, оказавшаяся ему не по зубам. Впрочем, обо всём этом ты узнаешь в Гелероне, Гром. Слышал, что объявлен сбор всех Братств?

Гром покачал головой.

— Мы давно никого не встречали, — медленно проговорил он. — Зачем? Что происходит? Братства не собирались уже не одну сотню лет.

— Что происходит? — повторил Вилрок. — В нашем мире появилась новая угроза. Такая, что может всех погубить. Это она уничтожила купол. И Канор-Веди вместе с ним.

Сташ невольно напрягся. Нет, лично его это не касалось, единственное, что путь в Гелерон для него заказан. Он не может там показаться. Ха, это даже не смешно. Он уже не Берущий, он по другую сторону грани. А вот причина сбора почему-то очень тревожила. Она? Странно, он очень хорошо понимал, кто именно эта Она. В памяти всколыхнулось не так уж давнее видение, прошло всего два дня с тех пор, как оно его посетило, но тогда он

ещё не был монстром — очень близко промелькнул силуэт человека, за его спиной расправились и взмахнули два чёрных крыла... Огромный зал, сквозь каменную кладку просвечивают низкие, серые тучи, наполненные всполохами огненного зарева... Огонь? Перед расплывающимся взглядом пронеслась полупрозрачная тень и врезалась в стену, покрытую замысловатыми фресками. В зеркальном полу отразились огромные куски падающей вниз каменной кладки и узкие проёмы окон, рассыпающиеся в мелкое крошево пыли...

Медо и Ларко переглянулись, а потом вместе посмотрели на Сташа. Тот медленно покачал головой, стараясь не привлекать к себе внимания. «Новая угроза?» Прозвучало очень знакомо, а главное, что скорее всего, их братству уже довелось с ней повстречаться. Это произошло в тот же день, когда Сташ упал с обрыва... В тот день вообще очень многое произошло. И сейчас уже даже не верится, что всё это было совсем недавно.

— И что это? — спросил Гром. — Что это за угроза, при которой нужно собраться всем братствам вместе?

— В Гелероне обо всём расскажут, — криво усмехнулся Вилрок. — Для этого и собираемся.

— То есть сам ты не знаешь? — вернул усмешку Гром. — Обитаешь рядом со Стайтом, но, когда всё произошло, тебя поблизости не было?

— А вот это не твоего ума дело, Гром, — отрезал тот. — Узнаешь обо всём в Гелероне, — Вилрок окинул его пронизывающим взглядом. — Если доедешь. Хм, и ещё не известно впустят ли тебя в город. В Стайте тебе точно делать нечего.

— Замечательные перспективы, — мягко произнёс Гром. — Время покажет.

Он кивнул на магов. Теперь те неподвижно стояли с разных сторон от аномалии и словно вслушивались.

— Что они делают?

Вилрок безразлично пожал плечами.

— Какая разница, это их дело, наверное, исследуют. Довольно необычное скопление трупов, тебе не кажется, Гром?

— Как вы узнали об этой аномалии? — проигнорировал его вопрос Гром. — До Стайта отсюда довольно далеко.

— Это колдуны узнали, они целенаправленно сюда ехали. Видимо что-то почувствовали.

— Да? — Гром вновь перевёл взгляд на застывших магов, а потом украдкой взглянул на Сташа. Лицо Изгоя было повернуто в сторону аномалии, но куда именно он смотрит, определить было невозможно. — Интересные появились возможности у магов Стайта. Раньше они такими не обладали.

— Да кто ж их поймёт, — отмахнулся Вилрок. — Мы мало знаем об возможностях.

— А вот здесь ты прав, — согласился Гром и вновь глянул на Сташа, а потом перевёл взгляд на Медо. Тот тоже обладал способностями к магии, пусть не очень развитыми, но всё же стоило его расспросить о том, что он может. Сам Медо никогда не придавал им значения и не распространялся о своём даре. Давно стоило, особенно сейчас, когда вокруг вдруг начали происходить непонятные события, словно вся действительность их мира сдвинулась с места и летит в бездну. А может быть это ему лишь кажется, может быть это всего лишь виденье приблизившегося к Грани... Гром зло усмехнулся, об этом стоит поинтересоваться уже у Сташа.

Довольно странно, что у него есть возможность кого-то об этом спросить, а ещё более странно то, что он вообще знает о том, что подступил к грани перерождения. Но это правильно. Правильно, что Берущие до конца не понимают происходящего с ними. Иначе изгоев стало бы слишком много.

Так принято думать, принято лишать последней надежды на борьбу с перерождением. Так в чём здесь правильность?

Гром хмуро наблюдал, как маги закончили свой странный ритуал, опустили руки и расслабились. Они все вместе сделали шаг назад, отошли от аномалии и двинулись к своим лошадям. Закончили, чтобы это не значило?

Выглядевший самым молодым маг кивнул остальным и зашагал напрямик к переселенцам. На людей он даже не взглянул, впрочем, как и на тройку незнакомых ему Берущих. Его заинтересовал только раненный.

— Что здесь у нас? — спросил он у Вилрока.

— Проявление тени, — чётко ответил тот. — Пока ещё слабое, но это вопрос времени.

— Ясно. Ты Гром, ведь так? — с земли он не мог видеть лица Берущего, а тот даже не пытался к нему повернуться, смотрел куда-то в небо.

— Допустим, — голос Грома прозвучал очень холодно. — А ты кто такой?

— Моё имя Тирм, я первый помощник верховного мага Стайта. Я слышал о тебе и твоём братстве. Вы очень успешны, вашей удаче можно позавидовать. Но, как вижу, везение имеет свойство заканчиваться.

— Забавное наблюдение, — Гром тихо рассмеялся. — А главное своевременное.

— Ладно, — маг вновь посмотрел на Вилрока. — Твоя оценка? Он тот, кто нам нужен?

Тот поморщился. — Нет, здесь всё идёт своим чередом. Никаких аномалий. Мы ищем другого.

— Хорошо. Значит, они едут с нами до стен Стайта, а дальше следуют в Гелерон, — решил маг. — И отправь с ними своего Берущего.

— Конечно, — жёстко произнёс Вилрок. — Гром, ты сам всё слышал, твоё время на исходе, поэтому мы проконтролируем этот процесс. Вместе с вами поедет Дим, он войдёт в ваше братство и, когда придёт время, станет Старшим вместо тебя. Он уже давно до этого дорос, но, как ты понимаешь, в моём братстве ему Старшим не стать.

— Это не по правилам, — зло проговорил Гром. — Мой приемник Медо. Твой Дим нам никто.

— Неважно, времена изменились. В Гелероне подтвердят права Дима. Не переживай, Гром, он достоин этой роли.

— Мне плевать, чего он достоин. В своём братстве это решаю я.

— Ты не прав, — отмахнулся Вилрок. — Сейчас решения принимают в Гелероне, если сможешь туда попасть, то там и выскажешь своё мнение. А пока Дим проследит за твоим перерождением. Всё, в путь.

Он резко развернул своего коня, заставил его рысью вбежать на вершину холма и кивнул одному из Берущих. Тот быстро к нему подъехал, они перебросились несколькими фразами, и вот Берущий из братства Вилрока уже направился в сторону переселенцев и братства Грома. Наблюдающий за всем этим маг лишь улыбнулся, приложил к груди руку и слегка кивнул.

— Удачи тебе, Гром, — он некоторое время подождал ответа, но тот так и не прозвучал. Тирм спокойно развернулся и двинулся к своему коню.

— Она нам всем понадобится, — едва слышно произнёс Гром ему в спину.

Сташ как-то отстранённо вслушивался в разговор Грома с Вилроком и магом. По сути выходило, что он подставил братство Грома. Они его не выдали, но теперь виновны в том, что покрывают перерождённого. Их в любом случае в этом обвинят. В Гелероне будут

присутствовать все братства, в том числе и Декона, который знает истинное положение вещей. Знает, что перерождённым является Сташ. Ведь именно этим можно объяснить его поведение в Предлесном. Сейчас Сташ уже не сомневался, что Гром рассказал Декону об его способностях и тем выиграл ему время. Значит сообщил и о своих намерениях отправиться на Поляну. А дальше... Впрочем, дальше он не знает о произошедшем. Но ситуацию это не меняет. Сташ не может показаться в Гелероне, там его сразу разоблачат, это тоже самое, что покончить жизнь самоубийством. И не только свою, а также Грома, Медо и Ларко, а заодно и семьи Герта. Таким образом, становилось жизненно важным чтобы никто не знал, что с ним что-то не так. Только как этого достигнуть? Пока данный вопрос казался совершенно не разрешимым, особенно в присутствии Дима.

И ещё в голове засели фразы, произнесённые магом и Вилроком: «— Твоя оценка? Он тот, кто нам нужен?»

— Нет, здесь всё идёт своим чередом. Никаких аномалий. Мы ищем другого».

Кого другого? О чём они вообще говорили? Почему-то ответ приходил только один — им известно о его существовании в качестве перерождённого. Вопрос — откуда? Странно всё это. Конечно, он может ошибаться, вот только опыт по влипанию в неприятности говорил совсем об обратном — не бывает таких совпадений. И не стоит от этого отмахиваться — дороже выйдет. Впрочем, если маги что-то и знают, то не так уж и много, по крайней мере им не известно в каком именно братстве нужно искать. Но это ненадолго. Сбор в Гелероне расставит всё по своим местам.

Он невольно скрипнул зубами и сжал кулаки, одновременно увидел, как Герт что-то вытаскивает из-под полы своей куртки. Сташ быстро его обошёл и заметил сжимаемый в руках переселенца мешочек с травами колдуна Зарислава.

— Что ты делаешь? — очень тихо поинтересовался изгой. Герт в очередной раз вздрогнул и быстро зашептал.

— Он сказал отвезти этот сбор трав в Стайт, передать Кароту, но что если они могут помочь Грому? Что если этот маг достаточно сильный, чтобы использовать травы, он ведь главный помощник у верховного мага.

— Нет, — отрезал Сташ. — Спрячь это. Ты не понимаешь, и старый колдун не понимал, когда давал травы тебе — нельзя привлекать внимание к Пальному. Отдашь им травы, и маги сразу двинутся в селение полное перерождённых. Они всех уничтожат.

— Но, но, тогда зачем всё это? Ведь травы могут помочь, я уверен! Помочь не только Грому, но и другим. Ведь именно этого хотел Зарислав.

— Значит уверен? А ты готов пожертвовать сотнями жизней из Пального ради призрачной надежды на спасение других? Ты уверен, что этими травами воспользуются именно так, как хотел Зарислав?

— Я...

— Что-то не так?

Незнакомый голос прозвучал очень резко и холодно. Сташ знал, что всадник находится у него почти за спиной, слышал, как он подъехал. Не привлекать внимания не получилось.

Герт вновь нервно вздрогнул и сжал мешочек в руке, скрывая его от чужого взгляда.

— Всё в порядке, — проговорил он.

— Да? Это точно? — поинтересовался незнакомец. Дим?

— Конечно, — твёрдо произнёс переселенец. — Мы всего лишь разговаривали.

— Я рад, что у вас такие дружные отношения между людьми и Берущими, вы

разговариваете и даже спорите, — в его голосе прозвучала насмешка. — Как твоё имя?

— Э-э, Герт.

— Не твоё. Я спросил имя своего брата. Повернись.

Сташ медленно развернулся и наклонил голову, сразу появилось впечатление, что он смотрит из-под лба, вот только опустившийся капюшон полностью скрыл его лицо.

— Моё имя Сташ, — произнёс он тихо. Плотная ткань закрывала глаза, но это совершенно не мешало ему рассмотреть всадника — по своему. Дим читался во всполохе теней — над фигурой Берущего застыло ярко-серое облако, которое пронизывали бледные всполохи багровых пятен.

Берущим присущи совсем другие тени, чем перерождённым, схожесть появляется лишь потом — когда подступает грань. Тень изменяется, наполняется чёткими линиями, похожими на кровавые прожилки, как вены, по которым струится багровая жидкость. Именно в тот момент тень становится видимой для братьев — возникает Проявление тени, как назвал это Вилрог. У этого Берущего багровые пятна были очень расплывчатыми, смазанными, что говорило о том, что он берёт совсем немного у перерождённых. Что ж, ему повезло и не повезло одновременно — его грань ещё очень далеко, но возможности и сила намного ниже, чем у тех, кто берёт больше.

— Сними капюшон, — потребовал Дим. — Хочу видеть лицо того, кто стал моим братом.

— Увидишь, — с усмешкой ответил Сташ. — Потом.

Он услышал шаги Медо, тот подошёл и встал рядом. С другой стороны приблизился Ларко, тоже остановился.

— То, что тебя приставил к нам Вилрок, — слышался очень холодный голос Грома. — Ещё не делает тебя одним из нас. Ты не был с нами в одном бою, не прикрывал нам спины, не проливал с нами кровь. Ты нам никто.

Сташ увидел, как тень Грома приподнялась и скользнула с крыши повозки на землю. Старший с усилием удержался на ногах, но выпрямился и шагнул к своим братьям.

— Тебе очень долго придётся ждать, того момента, Дим, когда ты сможешь занять моё место, — проговорил Гром.

— Ладно, — кивнул Дим. — Ваше отношение предсказуемо, но вам всё равно придётся смириться с тем фактом, что теперь я всегда буду рядом. Привыкайте.

— Ты тоже, — мягко проговорил Гром. — Братство — это больше чем семья. С этим тоже придётся смириться. Не забывай об этом.

— Конечно. А как же иначе? — Дим заставил себя говорить безразлично, но было заметно, что ему с трудом даются такие интонации. Он не Вилрок, хоть тот и сказал, что он дорос до старшинства в братстве, но контролировал себя плохо.

— Ваши маги закончили? — поинтересовался Гром, его голос стал очень жестким.

— Закончили, — Дим оглянулся на готовящихся к отъезду магов.

— И что они сделали? Аномалия никак не изменилась. Они собираются её обезопасить?

— Именно в этом и была их цель, насколько я знаю. Они создали вокруг аномалии барьер, теперь она не сможет расползаться и притягивать трупы. Они её изолировали.

Сташ почувствовал на себе пристальный взгляд Грома, но никак не отреагировал. Тебе нужна правда, Старший? Да, Дим лжёт, маги никак не изменили аномалию, её тень по-прежнему расползается и в лес, и по дороге. Насколько Сташ понял их действия, они лишь

измерили её силу, но никакого воздействия на смертоносную ловушку, а в тем более создания барьера, он не увидел. Не было такого. Вот только говорить об этом вслух сейчас не стоило. А Дим или покрывает магов, или действительно не знает правды.

— Ладно. Всем приготовиться. Выдвигаемся, — отрывисто скомандовал Гром.

Сташ резко развернулся и направился к своему коню, что ж, Гром вмешался весьма вовремя, он всегда так делал — заступался за своих. Как Старший. Своих? Сейчас в сложившейся ситуации они действительно связаны друг с другом даже больше, чем раньше. Но в зависимости находятся именно Берущие. Сташ в любой момент может раскрыться и уйти, и они ничего не смогут с этим сделать. Почему-то он был в этом уверен. Здесь нет никого, кто может ему помешать, а вот для Грома и братьев это станет приговором. И всё же они пошли по этому пути. Или у них не было выбора? Он задумался, прокрутил всё происходящее назад, пытаясь докопаться до истины. Это представлялось очень важным, от этого зависело его отношение к братству Грома.

Всего за несколько мгновений он понял, что выбор у них всё же был — они знали, что изгой защищает переселенцев, а значит, легко могли забрать Грома и выдвинуться навстречу магам и приближающимся Берущим. У них имелась реальная возможность оставить на дороге и Сташа и семью Герта, а потом предупредить о них своих собратьев... Вот только Гром не посчитал их за своих. Хм. И зачем ему это? Это очень сложный путь, Гром. Почти безвыходный. Хотя...

Сташ вскочил в седло и слегка приподнял капюшон, чтобы видеть окрестности своими глазами, а не с помощью теней, ну или тем, что заменяло ему глаза. Зрение оказалось весьма чётким. Он смог спокойно разглядеть, как Гром почти шёпотом поругался с Медо и упрямо взгромоздился в седло коня, а не обратно на крышу повозки. Его слегка шатало, но он держался. Медо лишь покачал головой и поехал сбоку от Старшего. Вдвоём они выдвинулись впереди повозки. Герт и Виргон проверили своих родных за закрытыми дверями и быстро заскочили на козлы, подхлестнули лошадь, заставляя ту сдвинуться с места. Повозка тронулась, развернулась и покатила обратно по дороге. Объехать смертоносную ловушку не представлялось возможным, между деревьями и аномалией уже не осталось места для повозки. Единственный путь — назад.

Сташ двинулся следом, оглянулся. Тени пульсирующим ореолом перекрывали дорогу от края до края. Медо назвал это Покрывалом смерти, очень подходящее название. Тени стелются почти над землёй, накрывают собой трупы и как туман расползаются в разные стороны — нащупывают добычу. Сейчас этого не видит никто кроме него самого. Но название не возникает из неоткуда, значит, придёт момент, и аномалия покажет себя во всей своей красе.

Он невольно подумал о тех путниках, что поедут после них по этой дороге. Пока что аномалия обозначена горой трупов, но она довольно быстро их поглощает и, как таковой, чёткой границы не существует. Пути по краю дороги нет, значит, любому каравану придётся поворачивать назад. Если, конечно, возницы успеют вовремя остановиться. В Вартихе не бывает спокойных поездок, как правило караваны движутся на большой скорости, что увеличивает их шансы попасть в ловушку.

Сташ глянул на Ларко, парень вынужденно ехал рядом с ним, иначе выглядело бы очень подозрительным, что лишь один Берущий прикрывает тыл.

— Нужно перегородить дорогу, — произнёс он тихо. — Поможешь мне. Возьми у Герта топор, срубим деревья с двух сторон от аномалии.

— Зачем? Маги же создали барьер, — удивился Берущий. — Аномалия изолирована.

— Ты видишь этот барьер? — поинтересовался Сташ. Ларко сощурился и оглянулся назад, потом покачал головой.

— И никто не увидит, — закончил свою мысль Изгой.

— И что с того, если аномалия стала неопасной? — не сдавался парень.

— Она не стала неопасной, — очень тихо проговорил Сташ.

— Что?!

— Что слышал, — голос Сташа превратился в шипящее эхо, он начал злиться.

Ларко сжал кулаки и коротко кивнул. Изгой привстал в стремях, отыскал взглядом магов. Те успели вырваться далеко вперёд, повозку они не ждали, но держались в пределах видимости. Из-за случайных попугчиков они вынуждены двигаться по дороге, а не через лес, что значительно их замедляет, а это не может не раздражать. Да ещё и нужно искать путь в объезд, делать крюк по другой дороге. Сташ очень надеялся, что они окажутся достаточно нетерпеливыми, чтобы оставить их группу на Дима.

Тот некоторое время крутился на месте, провожал взглядом бывших своих — теперь уже шестерых Берущих и магов в центре их группы. Потом ударил коня по бокам и выбрал себе место сбоку от повозки. Отсюда он при желании мог видеть и едущих впереди и позади повозки Берущих, а заодно наблюдать за переселенцами.

Ларко объехал повозку с другой от него стороны, быстро переговорил с Громом, потом вернулся к Герту и сказал несколько слов ему. Переселенец полез под сиденье и добыл сразу два топора, передал их Берущему. Повозку при этом не останавливали, хотя скорость движения значительно замедлилась, Гром и Медо придержали коней.

Дим лишь вертел головой, наблюдал за действиями Ларко. Тот передал один топор Сташу, оба резко развернули коней и галопом направили их назад. Вскоре раздался стук топоров. Два дерева почти одновременно покачнулись и начали падать на дорогу на довольно значительном расстоянии друг от друга. Между перегородившими путь стволами оказалась аномалия. Теперь караваны будут вынуждены останавливаться задолго до смертельной ловушки.

Дим поморщился, от группы магов уже скакал в их сторону Вилрок. Он остановился на холме и молча окинул взглядом сделанное Берущими. Сташ и Ларко неторопливо возвращались к повозке. Да, всё правильно, именно так и нужно было поступить, несмотря на заявленный барьер от магов, данная аномалия слишком опасна, чтобы приближаться к ней вплотную. Вилрок криво усмехнулся, провожая Берущих взглядом. Это решение должен был принять он, вот только оно не соответствовало их планам. И даже больше — если бы деревья не были повалены так внезапно и с такой скоростью, требовалось остановить лесорубов. Но момент уже упущен, дорога перегорожена и теперь придётся возвращаться и убирать стволы позже — без свидетелей.

Вилрок некоторое время подождал, потом поднял коня на дыбы и, так и не произнеся ни слова, направил его обратно к своим.

В вечерних сумерках дорога вывела к развилке. Один путь продолжал тянуться вперёд, а второй — более узкий резко отворачивал направо, как раз в ту сторону, где находился Стайт. Маги и Берущие Вилрока давно свернули, их силуэты маячили далеко впереди. Герт подхлестнул лошадь, и та ступила на новую дорогу. Дим вынужденно направил своего коня за стволы деревьев, здесь обочины не имелось и ехать рядом с повозкой оказалось невозможным.

Прошло уже несколько часов, как они отделились от аномалии, но за всё это время не было произнесено ни слова. Герт хмуро правил повозкой, Виргон насупившийся сидел на крыше, сжимал в руках арбалет и настороженно поглядывал по сторонам. Миланы и детей тоже было не слышно. А Берущие не привыкли переговариваться в пути.

Даже Дим больше не произнёс ни слова, да и ни к чему это было. Сейчас они не сами выбирали дорогу, их вели, а значит единственной задачей для Берущих оставалось поглядывать по сторонам и следить, чтобы не появилась опасность.

Сташ даже не пытался всматриваться в окружающий лес, он и так знал, что происходит поблизости. И не только поблизости. И дело здесь было даже не в обострённом слухе перерождённого, он ещё в том доме из прошлого понял, что восприятие мира для него изменилось. Да и как такое не понять, если теперь он видит сквозь предметы и ощущает то, что находится как перед глазами, так и далеко за спиной. Для находящегося в постоянной опасности это очень ценные способности. Но то, что ими обладают все перерождённые, было как-то сомнительным, не замечал он за ними таких особенностей.

Здесь на дороге, пока маги и Берущие Вилрока находились далеко впереди, а его бывшие братья скованы присутствием Дима, он мог позволить себе ненадолго выдохнуть. Собственно, переживать и думать, как найти выход из сложившейся ситуации, сейчас должен Гром. Для самого Сташа всё просто — он ничего им не обещал и не связан с ними никакими обязательствами, а значит волен уйти в любой момент. Даже переселенцы теперь находятся в большей безопасности, чем до встречи с Берущими. Берущие Вилрока не связывают их именно со Сташем. В конце концов, пока они не доехали до Стайта и не было ни одной совместной стоянки, они всегда могут сказать, что ничего не знали о перерождённом.

А вот для Грома и братьев пути назад нет. И все трое прекрасно понимают, что теперь очень многое зависит от их бывшего брата. Да, сейчас Сташ едет среди них, изображает Берущего, но стоит ему раскрыться и в их братстве все превратятся в изгоев. Даже интересно, на что они надеются?..

Большого смысла в том, чтобы оставаться среди братьев Сташ не видел, проще всего уйти на этой дороге. Погони он не опасался, затеряться в Вартихе с его новыми способностями не составит большого труда. Но в этом, пока ещё не принятом до конца решении есть одно большое но — это его собственные, оставшееся почему-то вполне человеческими чувства, его отношение к тем, кого считал братьями и очень острое осознание факта, что они погибнут. Сташ даже поморщился — какой-то он неправильный монстр. Сам ведь ещё утром описывал толпе перерождённых на дороге, как меняется сознание человека, ступившего на путь кровлига. А может быть дело именно в этом? Он не охотится на людей, не пьёт их кровь, его жертвами становились только монстры. Но и их он

употреблял в пищу совсем по-другому...

Всё дело в энергии? Сташ задумался, есть и другие перерождённые из Берущих, вернее могли бы быть, если бы им позволили существовать. Единственный кого он знал и кому посчастливилось стать изгоем на целый десяток лет — его собственный отец. Получается, нужно вновь окунуться в прошлое, вспомнить жизнь отца... Как он вообще смог продержаться столько времени и не перешёл на следующую стадию? И его мать тоже. Ему было десять лет, когда они потеряли себя и стали настоящими монстрами. Десять лет.

Сташ вдруг едва не вздрогнул, что там говорил Гром о том, как нашёл его ребёнком? Почему-то именно сейчас показалось, что Старший чего-то не досказал. Да и разговор о Иных у них так и не закончен.

Он криво усмехнулся, значит дело не только в оставшихся человеческими чувствах? Гром сделал ставку на его любопытство? Неважно, вот только от всех этих рассуждений выход для их братства так и не появился. Да и сам Гром в не на много лучшем положении, чем изгой. Подступивший к Грани. С данным статусом его не впустят ни в один город, где есть другие Берущие. Видимая для их глаз тень одним разом закрывает для Грома очень многие двери. Обычно такие братства, где появился подступивший к Грани, держались глубоко в лесу, вдали от людей, продолжали охоту на нелюдей и ждали.

Сейчас Сташ хорошо понимал на какой риск пошёл Гром, сделав для него исключение. Одно Предлесное чего стоит. И его договор с Деконом.

Сташ осторожно посмотрел на Дима, он так его толком и не разглядел, всё время приходилось скрывать лицо под капюшоном. Берущий теперь двигался за рядом деревьев, выбирал себе дорогу между стволами. Похвальное упрямство — уйти с дороги только для того, чтобы не потерять выбранное место. И опасное. Для самого Дима.

Он перевёл взгляд на Грома, капюшон не поднимал, поэтому видел его лишь во всполохе теней. Старший вполне спокойно держался в седле, отчётливые прожилки красноты в его тени не стали менее чёткими, но некоторую яркость потеряли. Если у него и дальше получится не брать энергию перерождённых, то его Грань, находящаяся сейчас довольно далеко, не придвинется. А это трудно. У самого Сташа не получилось.

Из-за деревьев вдруг налетел холодный ветерок и ясно ощутимыми иглами льда впился в кожу. Сташ с трудом заставил себя не поёжиться. И лишь через мгновение осознал, что у него нет открытой кожи — руки в перчатках, а шею и лицо скрывают шарф и капюшон. Так что это? Проявление его новых способностей?

Он резко глянул направо, откуда и ударил этот неожиданный порыв холода. Перед взглядом стояли ровные ряды деревьев, подлеска как такового не было и лес хорошо просматривался вдаль. Вот только именно с этой стороны начинался долгий подъём на невысокий, но огромный по своей протяжённости холм, и разглядеть что там находится за его вершиной становилось невозможным. Сташ настороженно всмотрелся в лес, воздух казался спокойным, проявлений кровавых теней не наблюдалось, но и до вершины холма было довольно далеко. И всё же он был уверен, что там что-то есть. Вернее кто-то. В пространство словно подрагивала незримая дымка, невидимая для глаз, но ощущаемая неким напряжением...

Сташ ждал, прежде чем поднимать тревогу, нужно самому разобраться, какова степень угрозы. К его облегчению всё оказалось не так уж страшно. Тени замелькали на вершине холма, и он смог с уверенностью определить, что это всего лишь два десятка кровлигов. Ха, раньше он не считал, что твари в таком количестве станут лёгкими противниками. Кровлиги

некоторое время бежали параллельно путникам, затем разделились — большая часть рванула вперёд — к группе Вилрока и магам, семь особей отстали и теперь выжидая припадали к земле, всё ещё скрываясь за вершиной холма.

Самое время чтобы предупредить братьев. Хм. Сташ окинул взглядом Дима, тот, по сути, был первым на пути тварей, и пожал плечами. Он Берущий, это его работа — отражать нападение. А вот везение — это уже другой вопрос. Что ж, он станет щитом для Виргона и Герта.

Изгой едва заметно наклонил голову к Ларко.

— Смотри направо, — почти беззвучно слышно произнёс он. Парень мгновенно подобрался и вытащил меч. Предупреждения Сташа никто в их братстве никогда не игнорировал. Изгой ударил коня по бокам, заставляя того увеличить скорость, и подъехал к самой повозке.

— Виргон, скажи отцу, чтобы приготовил оружие и сам следи за вершиной холма, — с переселенца мгновенно слетела вся его расслабленность, на лице появилась тревога. Он мгновенно скользнул по крыше к Герту, тронул его за плечо и передал слова Сташа.

Теперь уже начали оглядываться Медо и Гром, на это Сташ и рассчитывал. Старший вопросительно кивнул. Изгой привстал в стременах и махнул рукой на вершину холма, потом на пальцах показал количество. Медо мгновенно сориентировался, обогнул Грома и встал от него справа, прикрывая собой. Сташ кивнул, он вновь поравнялся с Ларко, но объезжать не стал, остался с левой от него стороны. То есть в их паре первым на пути тварей окажется парень, но здесь уже выбора не было, противники не такие уж и серьёзные, а Сташ ещё не совсем хорошо себя контролировал.

— И кто там? — напряжённо поинтересовался Ларко.

— Кровлиги.

Дим начал придерживать коня, он не мог не заметить действий Сташа и приготовления людей и Берущих, да и со слухом у него всё было в порядке.

— Что происходит? — он выехал на дорогу и оказался рядом с Ларко, места для трёх всадников в ряд едва хватило. — Что всё это значит?

Сташ лишь скрипнул зубами, Дим теперь никого не прикрывал и мешал им с Ларко. В такой тесноте не развернёшься.

— Сейчас увидишь, — прошипел он, натянул поводья и отстал, оказавшись позади всех. Тени основной группы кровлигов скачками приближались к магам и Берущим Вилрока. Они в один миг перехлестнулись через вершину холма и устремились вниз по склону.

— Нападение! — воскликнул Дим. — Нужно помочь! Давайте за мной, парни.

— Стоять, — осадил его Ларко. — У нас своих проблем хватает.

Он быстро оглянулся на Сташа, тот ещё ниже опустил капюшон и не торопясь вытащил из ножен меч. Кивнул на холм. Засевшие там кровлиги, наконец, начали действовать. Они выстроились в линию и рванули к добыче. Теперь их увидели уже все. Поджарые тела с неестественно длинными конечностями неслись на четвереньках, ветер развивал обрывки одежды, ещё каким-то чудом державшуюся на изменённых перерождением фигурах. Вместо лиц кривились гротескные маски — человеческие черты почти до неузнаваемости деформированы, вытянуты, искажены в нечто не напоминающее ни одно живое существо, рождённое природой.

Сташ понял, что ошибся в оценке силы противников. Да, их тени были тенями кровлигов, но их тела вот-вот должны были прорваться на следующую стадию и, скорее

всего, уже обладают свойствами гримтонов, то есть неуязвимостью.

Он спрыгнул на землю, хлопнул коня по крупу, заставляя того отбежать за повозку, а сам в несколько быстрых шагов взлетел на крышу рядом с Вирганом. По крайней мере отсюда было легче контролировать происходящее.

Герт натянул поводья, намотал их на специальный выступ, взглянул на появившегося на их повозке изгоя, выдохнул и взялся за меч двумя руками. Радовало, что сын теперь под защитой. А так, это очень знакомая ситуация, ничего особенного, и сам удивился своим мыслям — слишком привык к заступничеству Сташа. А ведь изгой когда-то сказал, что не сможет их защитить. И при этом ни разу не оставил в беде.

Кровлиги быстро выбрали себе добычу. Двое ринулись к Ларко и Диму, двое метнулись к повозке, а три нелюдя подались в сторону Медо и Грома. Сташ не оглядывался, всё происходящее мгновенно отпечаталось в его сознании. Ларко и Дим справятся, Гром и Медо — здесь трое практически на одного, Грому нельзя убивать, да и меч у него чужой, а его собственный разрубил туманный клинок Сташа... Но это не так важно, важнее, что старший может лишь сдерживать противников, главное, чтобы не сорвался. Сташ выдохнул, он не может оставить переселенцев, они не справятся с кровлигами, поэтому два монстра, выбравших повозку, умрут очень быстро.

Огромная фигура, в бытность человеком видимо бывшая настоящим гигантом, подскочила к Герту, тот довольно ловко ткнул перед собой мечом, заставил кровлига увернуться, но не более. Монстр взмахнул лапой, окостеневшим ребром ладони отвлёл от себя клинок и потянулся клыками к горлу переселенца. Одновременно второй кровлиг, более мелкий и лёгкий оттолкнулся от земли и запрыгнул на крышу повозки. Виргон успел выстрелить, болт самострела впился в глазницу, углубился в мозг твари, но это совершенно не повлияло на подвижность монстра. Кровлиг взмахнул когтистой лапой, почти достал отпрыгнувшего парня и замер. Его тело в движении перехватила рука изгоя. Ладонь Сташа легка монстру на грудь, его пальцы не сжимали оружия, поэтому кровлиг сначала не обратил внимания на движение в свою сторону невооружённой руки человека... а потом стало слишком поздно.

Чуть раньше Сташ перехватил меч в левую руку, наклонился в сторону Герта. Клинок скользнул к шее кровлига, легко рассёк кожу и одновременно отбросил на землю. Изгой со всей доступной силой дёрнул поток вливающейся энергии к себе. Возможно, перестарался и рядом с повозкой вместо здорового чудовища упал иссушённый до неузнаваемости труп. Герт только крикнул, когда светящийся росчерк меча смёл назад на дорогуседающего на него монстра, как будто это был какой-то незначительный зверь, а не здоровенный кровлиг.

Чтобы не подпустить второго кровлига к Виргону Сташу пришлось едва заметно удлинить собственную кисть правой руки туманными бичами. Он согнул пальцы, впился в грудь монстра всей пятернёй и дёрнул к себе. Монстр протяжно взревел, его сместило от намеченной жертвы к другому краю повозки. Сташ почти одновременно отбросил кровлига от Герта и поймал монстра нацелившегося на Виргона.

Его пальцы провалились под практически не пробиваемую шкуру монстра, согнулись в захвате, а туманные бичи вполне послушно углубились в тело и выжгли изнутри все жизненно важные органы. Единственно усилие пришлось приложить, чтобы заставить их не распространяться дальше и не пробить шкуру твари изнутри.

Сташ с некоторым трудом выдернул пальцы из тела кровлига и ударом ноги отправил его с крыши на дорогу. Мёртвым. Отметил, что Ларко и Дим вполне справляются, хотя их

схватка затянулась — кровлиги успевали сдерживать выпады мечей и рвались вперёд к телам жертв, но здесь можно не беспокоиться. Он спрыгнул на козлы к Герту, увидел, что один из монстров пытается задрать лошадь, впряжённую в повозку, и перескочил на её спину.

Животное отчаянно всхрапывало и привставало на дыбу, на предплечье уже алела глубокая царапина от когтей, но кровлиг не торопился, видимо решил не попадать под стремительные удары копыт. Сташ легко удержался на мечущейся лошади, короткий удар мечом пришёлся монстру в голову, расколочил череп и единым порывом вытянул всю жизненную силу. Он отстранённо отметил, что это легко. Легко быть сильным, когда ничего не сдерживает. И очень странно. Словно это лишь малая часть из доступного... Сташ не стал заострять на этом внимания, не стал задумываться. Всё потом. Если выберутся.

Шаг дальше, соскочить на землю, перешагнуть через бездыханное тело с почерневшей, иссушённой кожей, плохо, что это так явно видно. Шагнуть к следующему кровлигу со стороны так и не спешившегося Грома, отбить меч старшего, летящий в пасть прыгнувшей твари собственным клинком, одновременно вскинуть руку и оттолкнуть монстра изменившейся пятернёй. Мгновения и тварь сносит в пыль дороги, кровлиг катиться, вспахивает когтями землю, с трудом останавливается и вскакивает на лапы. Его шатает, но он пересиливает себя и вновь прыгает вперёд. Глупо, но от инстинктов никуда не деться. Сташ встал перед всадником, легко увернулся от когтей, отшагнул и нанёс удар сбоку. Кровлиг вновь покатился по земле, но теперь уже с разрубленной шеей, заставляя голову болтаться на крохотном лоскуте кожи.

Сташ развернулся к Медо. Тот уже давно соскочил из седла и чередой ударов добивал своего противника. Изгой замер и в каком-то оцепенении уставился на меч мага. Удар, удар, техника Берущих скользит в каждом взмахе, отточенная до уровня инстинктов, убийственно выверенная и... очень медленная. Медленная настолько, что лишь слегка опережает движения монстра. Так кажется?

Сташ помотал головой. А что только что сделал он сам? Ответ пришёл почти сразу — убийство четырёх монстров, находившихся на грани перехода на следующую стадию, заняло несколько вдохов. По сути — мгновения. Он передёрнул плечами, слишком быстро для Берущего. Радует, что Дим очень занят, кровлиг давно вынудил его соскочить с коня на землю и применять всё, что он знает. Сильные монстры, но Ларко со своим уже справился, и присоединился к Диму.

Медо наконец пробил защиту из когтей, кончик меча метнулся к шкуре твари, глубоко рассёк грудь, воткнулся глубже. Сташ просто стоял и смотрел, как по лезвию клинка скользнули багровые всполохи забираемой силы, перетекли на рукоять и впились в пальцы Берущего. Жизнь монстра неотвратимо перетекала в тело другого монстра, пока ещё находящегося в человеческом обличье.

Сташ невольно поморщился — так вот как это выглядит со стороны. Впрочем, для него это не важно. Кровлиг некоторое время бился в агонии, пытался сняться с клинка, но вытекающая из тела энергия его словно привязала и заставляла оставаться на месте. Через несколько долгих мгновений всё было кончено.

Изгой вновь глянул в сторону Ларко, обзор закрывала повозка, сквозь неё он видел только тени. Их было всего две — Берущие. Сташ кивнул очень бледному Грому, обошёл Медо и двинулся вдоль борта повозки. Противник Дима без движений лежал на земле. Схватка окончена.

Берущий Вилрока скользнул взглядом по Сташу и почему-то вздрогнул. Его лицо покрылось мертвенной синевой, но он упрямо надел на себя маску презрительного спокойствия.

— Повторяю вопрос — что происходит? Кто ты? — он пристально уставился на Сташа.

Сташ проигнорировал вопрос Дима, кивнул Ларко и вновь запрыгнул на крышу повозки. Посмотрел в сторону группы Вилрока и магов. Там бой ещё продолжался, но сейчас добивались последние кровлиги. В схватке принимали участие и маги, то тут то там вспыхивали удары боевых стихий, но скорее замедляли противников, чем убивали. Но это становилось неплохой помощью для Берущих. Заторможенные кровлиги переставали нападать и легко становились жертвами для их мечей.

Изгой наблюдал, как последние монстры, один за другим отлетают зарубленными на землю. Повезло только одному — он резко отскочил назад, прыжком ушёл из-под светящегося луча магической энергии, развернулся и ринулся прочь. Его путь лежал по склону холма как раз в сторону повозки, но намного выше, чем проходила дорога. Вслед за ним двинулся лишь один всадник. Потом уже не торопясь от группы отделились ещё двое и уже целенаправленно направились именно к Берущим Грома.

Сташ оббежал быстрым взглядом убитых вокруг повозки кровлигов. Больше всего выделялся труп здоровяка, который напал на Герта. Это был почерневший, обтянутый иссушенной кожей костяк. Радовало, что он хотя бы не обуглился, но даже так его вид просто кричал о том, что его убили несколько иначе, чем это делают Берущие.

Сташ покачал головой. Что сделано, то сделано, этого уже не изменить. Можно было бы, конечно, попытаться спрятать труп этого кровлига, но при Диме не получится. Он выдохнул и спрыгнул на землю, тихим свистом позвал своего коня. Животное послушно выбежало из-за деревьев и ткнулось носом ему в плечо. Он погладил изогнутую шею, сделал шаг назад и одним движением запрыгнул в седло.

Сразу же оглянулся Гром, напряжённо сжал в руках поводья, слегка развернул своего коня в сторону леса. Медо и Ларко тут же быстро очутились в сёдлах и повторили действия Грома. Сташ закрутил головой, они что собираются уходить вместе с ним? Хотя какой у них выбор? Им действительно придётся бежать.

— Сташ? — обеспокоенно прошептал Герт.

Дим остановился над почерневшим трупом кровлига, пнул его ногой и пристально посмотрел на Сташа, но обратился он не к нему.

— Гром, раз твой брат не желает отвечать на мои вопросы, значит на них ответишь ты — как это понимать? Почему у меня сложилось впечатление, что вы знали о нападении кровлигов?

— А почему наше братство называют самым успешным? — задал встречный вопрос Гром. — За последние десять лет среди нас не было ни одной гибели, Дим. Конечно, если не считать переродившихся, но это случилось лишь дважды. Так почему? Может быть, среди нас есть талант, особенный Берущий, который может предугадывать нападения? А это, — Старший кивнул на тело кровлига. — Всего лишь побочный эффект его способностей.

— Особенный Берущий? — Дим криво усмехнулся. — Интересно. Очень интересно. Выходит, вы скрывали его способности? Зачем?

— Хм, — Гром тоже усмехнулся. — А как бы ты поступил? Сташ наш брат, мы одна семья. Но всё что он делает несколько отличается от способностей других Берущих и в тоже время идёт на пользу нашему Братству. Мы лишь хотели и дальше оставаться успешными.

Сташ невольно скрипнул зубами. Он понимал, почему Гром так говорит —

выгораживает его. Снова. Только какой в этом смысл? Достаточно снять капюшон и... больше не будет успешного Берущего, вместо него появится монстр.

— Сташ, — Герт придвинулся ближе, благо, что изгой находился рядом с повозкой. — Ты... Не бросай нас... Пожалуйста.

Что?.. Похоже даже для человека его намерения кажутся очевидными.

Сташ хмуро уставился на Герта. Истекали последние мгновения до того, когда двое Берущих из чужого братства приблизятся к их группе. Собственные ощущения показались весьма странными — он ведь уже смирился со своей судьбой изгоя и в тоже время мучительно не хотелось разрушать судьбы других. Хм. Чувства человека?

Он снял с руки перчатку и вновь в который уже раз потянулся к лицу. Пальцы легли на твёрдые пластины чешуи, очень явно ощущаемые под тканью шарфа. В памяти скользнуло то чувство страха, которое он испытал, когда находился в доме из прошлого и пальцы вдруг провалились под кожу... Это произошло как раз перед его окончательным перерождением. Смешно. Он знает, что его внешность это всего лишь маска. Вернее, маской должно является лицо человека... Истинная сущность смотрит на мир провалами тьмы вместо глаз. Он едва не расхохотался. Так почему именно сейчас он ничего не может с этим сделать? Или может?..

Сташ отстранённо огляделся. Вокруг шумел покачивающийся вершинами деревьев лес, спокойный, отрешённый от всего. Дорога, замершие в напряжённом ожидании люди, и другие существа — Берущие, мутанты, назвавшиеся его семьёй. Всего лишь для того, чтобы отодвинуть неизбежное?

А ещё есть всадники, они неспеша преодолели половину пути. Их ничто не смущает, не кажется странным? Это интересно. И это неправда.

Пальцы вдруг вновь провалились под кожу, ощутили тягучую пустоту, вдавили твёрдые пластины и замерли, остановились на некой границе.

— Герт, — Сташ рывком стянул с лица шарф. — Что с моим лицом? Что ты видишь?

Переселенец резко вскинул голову, присмотрелся.

— Э-э, всё нормально. Нормально, Сташ. Глаз не вижу, но кожа выглядит вполне обычно.

— Спасибо, — Сташ криво усмехнулся и натянул поводья занервничавшего коня. — Посмотрим, что из всего этого получится.

Я не собирался вас бросать. Как обещал — до тех пор, пока вы не будете в безопасности. До Стайта?

Выехавшими в их направлении всадниками оказались сам Вилрок и седовласый маг, почти старик, с испещрённым морщинами лицом. Морщин было так много, что это казалось неестественным. Магическая травма, последствия истощения сил? Светло-карие глаза на его лице казались слишком молодыми, наполненными задорным блеском, несоответствующими внешности.

Сташ поморщился. Маг казался оборотнем.

— Справились? У вас всё в порядке? — быстро поинтересовался Вилрок.

— Почти, — Дим кивнул на иссушённый труп кровлига. — Это единственная странность. Гром утверждает, что у его брата есть некие способности. Хм. И он может предугадывать нападения перерождённых.

Вилрок с интересом оглядел их группу, глянул на мага и повернулся к Грому.

— Неожиданно. Впрочем, я слышал, что о вашем Братстве ходят интересные слухи, но

думал, что всё необычное это твоя заслуга, Гром, — он спрыгнул из седла на землю. Подошёл к иссушённому трупу кровлига и задумчиво его оглядел. — Что скажешь, достопочтенный Веркт?

По губам мага пробежала улыбка и так и застыла, прилипла к лицу, словно он только и ждал случая, чтобы улыбнуться.

— Кхэ-кхэ, — он прокашлялся и скрипуче произнёс. — Весьма интересный случай. Похоже на преизбыточную способность брать энергию. Я уже сталкивался с таким. Берущий за один раз поглощает слишком много, иссушает труп и в тоже время очень быстро приближает собственную Грань перерождения. Я бы дал такому Берущему не больше года на существование. Нужно обязательно с этим разобраться. Как давно данная способность начала проявляться у твоего брата, Гром? Мне нужно его осмотреть.

Гром быстро глянул на Сташа, его глаза сузились, он заметил, что изгой убрал шарф и капюшон почти не закрывает его лицо. Подбородок и губы Сташа выглядели вполне человеческими, но его глаз он не видел.

— Не думаю, что мой брат окажется для тебя чем-то интересен, — ледяным голосом проговорил Гром. — С ним всё в порядке. А данная способность появилась у него совсем недавно.

— Тогда вам не о чем беспокоиться. Правда? — маг окинул Грома непонятым взглядом. — Но осмотр обязателен. Я должен убедиться, что твой брат не опасен.

— Конечно, — сквозь зубы процедил Гром. Теперь развитие ситуации зависело лишь от Сташа, а он до конца так и не понял мотивов изгоя. Сташ не человек и от этого уже никуда не деться.

Маг всё с той же улыбкой соскочил с седла и безошибочно направился к парню в капюшоне. Тот остался сидеть верхом, на землю не спустился. Маг остановился перед его конём.

— Прошу, — он приглашающе махнул рукой и указал на землю рядом с собой. Во второй руке он сжимал укороченный посох, его навершие смотрело в сторону всадника.

В воздухе растекалась пока ещё едва осязаемое напряжение. Когда это было нужно магия становилась осязаемой абсолютно для всех. Так обычно обозначалось предупреждение. Сташ кивнул головой, показал, что понял. Но не более. Спорить с магом себе дороже выйдет, но и осмотр его не особо устраивал. Он не был уверен в его положительном результате, но готов был рискнуть — самому интересно сможет ли маг что-то определить. А дальше уж как сложится.

От решения отвлекал доносившийся издали звук. Именно в ту сторону удалились раненный кровлиг и его преследователь.

— Чего-то боишься, Берущий? — мягко поинтересовался маг.

— Да, — противореча ответу его голос прозвучал совершенно спокойно, Сташ повернул голову, посмотрел на лес. Люди пока ничего не слышат, Берущие похоже тоже. Его слух перерождённого намного острее. — Боюсь, что наши неприятности не закончились.

Кожи вновь коснулся покалывающий холод, на этот раз более сильный и острый. Что ж, по следам кровлигов очень часто двигались гримтоны, а иногда наоборот — каждый случай индивидуален.

— В чём дело, Сташ? — Гром мгновенно насторожился.

Маг закрутил головой, его глаза зажглись любопытством. Вилрок же наоборот подобрался и подозрительно перевёл взгляд со Сташа на Веркта.

— Предчувствие нехорошее, — на губах Сташа появилась кривая усмешка.

— Ха. Ты доверяешь предчувствиям? — раздражённо усмехнулся Вилрок. — Что-то маловато для предвиденья неприятностей. Я думал, ты можешь определить что-то более конкретное.

— Расстояние слишком большое, — пожал плечами Сташ. — Подойдут ближе, скажу сколько их.

— Что думаешь, Веркт?

— Хм. Интересно. Я пока ничего не ощущаю. Нет никаких негативных воздействий, — задумчиво проговорил маг. — Действительно интересно.

— Можешь сказать что-то более определённое, — Гром подъехал к изгую, встал рядом. Сейчас действительно было нужно, чтобы Сташ показал свои способности.

— Берущий мёртв, — Сташ кивнул в направлении, куда ускакал преследовавший кровлига воин. — Его только что разорвали.

Глаза Вилрока сузились, он сжал кулаки.

— Откуда Ты знаешь?! — он почти прорычал свой вопрос.

— Почувствовал эманации смерти. Это моя способность, — также спокойно произнёс Сташ.

Гром с трудом не показал собственное удивление. Эманации смерти? Раньше таких способностей у Сташа не было, это уже можно причислить к нечеловеческой сущности.

— Кто его убил? — вкрадчиво поинтересовался маг. Магическое напряжение стало плотнее, ощутимо сдавило со всех сторон.

Сташ резко повернулся в его сторону, его конь нервно заплясал на месте.

— Гримтоны, — уверено произнёс изгой. — Они идут по следам. Готовьтесь.

Он ударил коня по бокам, объехал мага и обогнул повозку, встал позади.

— Герт, Виргон, быстро в фургон, — приказал он.

— Э-э, ну как же? Мы можем помочь, — за сопротивлялся переселенец.

— Не сейчас, — отрезал Сташ. — Это Гримтоны, Герт. У меня не будет времени вас защищать. Вы помешаете.

— О, — Герт хмуро посмотрел на сына и кивнул ему на повозку. Парень сжал зубы и молча спустился на землю, подошёл к дверям. Его отец последовал за ним. Вскоре люди заперлись внутри.

— Интересно, — повторил маг, понаблюдав за этой сценой. — И где-же враги? Я не чувствую присутствия гримтонов.

— А у магов есть такая способность? — в свою очередь поинтересовался Сташ.

— У некоторых есть, — улыбнулся Веркт. — Далеко не у всех. Но есть. Я не просто так сопровождаю Берущих в лесу. Ну так что, где они?

— Я видел, как кровлиги приближались к вашему отряду. Вы начали реагировать, когда они бежали вниз с холма, — заметил Сташ. — Способность срабатывает лишь вблизи?

— Ха-ха, — с губ мага впервые исчезла улыбка. — Какой наблюдательный. Зато я всегда могу сказать, когда рядом находится перерождённый.

— Поздравляю. Ценная способность. Иногда действительно бывает, что внешность бесов не меняется. Мы ведь говорим о всех перерождённых? — с нажимом спросил Сташ.

— Ладно, — маг усмехнулся. — Подловил. Начальную стадию никто не может определить. Я ощущаю только Высших. Но и этого бывает достаточно.

Сташ кивнул, оглянулся на лес. Высших? Высшими считались только гримтоны.

Радовало, что он сам не относится к этой категории. Да и внешне он не похож на grimтона, даже на высшего, обретшего вернувшийся разум.

За вершиной холма замелькали багровые тени. Выступали неторопливо, словно выжидали и готовились к броску. Он, наконец, смог определить их количество. Пятнадцать — настоящая стая. В такой должен иметься сильный вожак. Опытные старички. В стаи сбиваются твари, подошедшие к обретению разума. Так называемое обратное перерождение. Феномен довольно редкий, но среди стай его можно обнаружить. Очень хотелось надеяться, что эта стая не из таких.

— Их пятнадцать, — Сташ вытянул руку в направлении grimтонов. — Сильная стая.

— Ты уверен? — зло спросил Вилрок.

— Сташ не ошибается, — твёрдо произнёс Гром.

— Ладно, под твою ответственность, — Вилрок развернул коня. — Предупрежу остальных. Веркт?

— Останусь здесь, — решил маг.

Глава Берущих кивнул и пустил коня галопом.

— Готовимся, — выкрикнул Гром. — Медо, Ларко держитесь рядом с повозкой. Не дайте им вскрыть дверь и задрать лошадь. Сташ, на тебе дорога позади повозки. Дим, встань перед лошадью.

Магу он ничего не сказал, тот вскочил в седло и отъехал за повозку. Все остальные чётко переместились на указанные места. Сам Гром остался со Сташем, встал немного позади него. Изгой оглянулся на Старшего.

— Постарайся не убивать, — едва слышно произнёс он. Гром кивнул.

Сташ выехал ближе к лесу слегка наклонился вперёд, словно прислушивался.

— Стая не разделилась, — произнёс он через некоторое время. — Они действуют по-другому, чем кровлиги. Нападут все вместе.

— На кого? — напряжённо спросил Гром.

Сташ оглянулся, его конь привстал на дыбы, заплясал на месте.

— На тех, кого меньше. На нас.

В подтверждение его слов на вершине показались огромные фигуры монстров. Grimтоны скачками ринулись вниз. Бежали стремительно, часто припадали на все четыре конечности — так было удобней. Было заметно, что двигаются они значительно быстрее, чем кровлиги.

— Вышие, — произнёс маг и вскинул посох, с его губ сорвались непонятные слова. Навстречу тварям ударил поток волошбы. Первые из бежавших покачнулись, споткнулись и начали падать. Остальные перепрыгнули через их тела и ринулись дальше.

— Вышие? — Сташ оттолкнулся ногами от седла и прыгнул навстречу grimтонам. Услышал, топот копыт за спиной. Умное животное отбежало с острия атаки противников.

Изгой оскалился, он был первым на пути тварей, и никто не видел его не совсем человеческую усмешку. Зубы вновь начали царапать изнутри рот — выпирать. Невовремя. Но главное, чтобы не появился туманный бич. Нужно как-то не выпустить его за пределы тела. И всё же оружие он перехватил левой рукой, правую оставил свободной.

Меч послушно рассёк воздух, метнулся наперерез серо-коричневому существу. Grimтон с воем скакнул навстречу, выставил предплечье, защищённое щитком, легко отбил сталь клинка и взмахнул второй лапой. Когти полетели в лицо, едва не содрали кожу, но Сташ успел отпрянуть. Невероятно быстрая атака. Древние...

Второй монстр подскочил сбоку, замах его лапы вышел очень коротким, как будто ткнул в противника клинком меча. Только его оружием были сведённые вместе когти. Сразу четыре острия неожиданно пропороли бок, углубились в тело, Сташ не успел ничего сделать. Шустрая тварь. Он с трудом сдержал крик и рывком снялся с клинков-когтей, отскочил назад. Челюсти другого гримтона клацнули у самого носа, чудовище почему-то очень хотело вцепиться именно в лицо. Одновременно снизу метнулась когтистая кисть, изгой отбил её ударом кулака, почувствовал, как кожу резануло острым и, чтобы вновь не быть насаженным на когти второго монстра, отшагнул за плечо противника, прикрылся его телом.

С другой стороны тут же подоспел третий гримтон. Сташ с трудом успел выдохнуть, не стал обращать внимание, что когти твари втыкаются ему в грудь, распарывают кожу, и перехватил открытой ладонью чужое запястье, сжал пальцы на чешуйчатом щитке, позволил им удлиниться и проникнуть в тело гримтона. Тот яростно взвыл, но вскоре его голос больше напоминал скуление. Туманные щупальца за несколько мгновений выжгли его тело изнутри. Сташ ударом ноги оттолкнул от себя слабо вздрагивающего монстра. Когда отдёргивал руку пальцы приобрели уже привычные очертания. Времени чтобы бороться с самим собой не было, поэтому он просто приказывал своей изменившейся сущности. По-другому уже никак. Внутри заворочался холод, стегнул по сознанию отдачей чего-то не очень понятного и нехотя перекинулся на саднящие разрывающей болью раны. Уф, ещё одно новшество? Боль сразу притупилась, в ранах зашипало и как будто стало легче.

Сташ шагнул навстречу любителю сдирать кожу с чужих лиц, ударил снизу по челюсти кулаком. На мгновение расплывшиеся в туман пальцы чиркнули по шее, перерезали горло и заставили монстра с бульканьем отпрянуть. Третий гримтон вновь ткнул когтями-клинками. На этот раз удалось увернуться. Сташ рубанул по его предплечью мечом, рассёк чешую, практически отделил лапу от тела и продолжающимся движением всадил клинок в живот монстра. Достаточно ранить. Он с силой потянул жизненную энергию врага на себя. Берущие так не делают, поток должен быть постепенным, но ему некогда ждать. Он выдернул жизнь из практически бессмертного тела за считанные мгновения. Тварь глухо взвыла, колени подломились, на землю падал уже труп.

Сташ глянул на гримтона, которому рассёк горло, тот вздрагивающей тушей катался по земле. Умирал? Неважно, главное, что это больше не противник. Он быстро развернулся. Трое. Все остальные твари проскочили мимо него. Осталось двенадцать.

Он считывал ситуацию, когда шагнул в гущу боя. Сейчас его источником для восприятия происходящего являлись не только глаза. Обострённый слух вычленил малейшие отголоски звуков движений — шорох шагов по утрамбованной земле дороги или хвойной подстилке леса, свист рассекающих воздух клинков, их столкновение со сталью и плотью противников, дыхание, перемежающееся с предсмертными хрипами и затухающий стук сердец... А ещё существовало ощущение холода — ледяное прикосновение опасности.

Сташ на мгновение замер и двинулся дальше. Информация преобразующимся потоком засела в голове.

На Ларко наседали два grimтона, парень рубится с одним из них, второй налетел с другого бока, дерёт его коня. Кровавые полосы от когтей змеятся по шее животного и переходят на ногу всадника, затем вспарывают его бок. Ларко лишь морщится, у него нет возможности защититься от второго противника. Конь под ним хрипит, шатается и начинает падать.

Медо ловко отражает атаки сразу троих монстров, он спешил и заскочил на крышу повозки. В одной его руке зажат меч, а кисть второй окутана сверкающим сгустком молний. Grimтоны безуспешно натываются на проявления магии и с рычанием отскакивают назад, но тут же повторяют атаки.

Гром. У него сейчас двое живых противников, третий лежит зарубленным на земле. Конь в агонии бьётся на дороге, всадник сражается рядом, кружит у умирающего тела животного, иногда перепрыгивает через него и, несмотря на ранение, весьма успешно отбивает атаки.

Дима не видно, но чувствуется запах свежей человеческой крови. Из-под повозки торчат ноги, рядом расплывается багровая лужа. Здесь же растянулась туша полумёртвого grimтона, монстр с трудом ворочается и пытается куда-то ползти.

Маг — человек сдерживает оставшихся троих grimтонов. Твари наедаются на него очень плотно, пытаются прорваться сквозь защитный кокон. Но это всё. Его магия не убивает.

Двенадцать. И мгновение, чтобы оценить происходящее. Сташ краем глаз видит, как по дороге несутся всадники — подмога от основной группы. Но они достаточно далеко. Твари двигаются намного быстрее. Они знают за какое время способны расправиться с малочисленными противниками. Их выбор не случаен. Они Древние — способные мыслить.

В воздухе вьётся солёный запах, холод дотрагивается до кожи, тела участников схватки замедляются, а он сам начинает скользить, шагать между дерущимися. Вокруг висит безумный танец вечности... Первый шаг к Ларко — в меч вливается туманный бич и вместе с клинком сносит голову наседающего с беззащитного бока парня grimтона. Второй противник дёргается, Сташ видит его расширившиеся, словно не верящие глаза, взгляд монстра успеваешь заметить неладное. Он смотрит на Сташа, а его грудь тут же пронзает меч Ларко. Но и тогда, уже падая, он не перестаёт следить за непонятным перерождённым, который убивает таких же монстров, как и он сам.

Сташ отворачивается, шагает дальше. Наискось рассекает спину одного из противников Грома. Туманный бич углубляется в тело и выжигает внутренности. Grimтон с хрипом валится на землю. Сташ в развороте пронзает бок второй твари. Видит, как пошатывается и с облегчением отступает освобождённый от противников Гром. Монстр падает рядом с его

конём, бьётся в судорогах и затихает.

Гром переводит взгляд с grimтона на Сташа, его глаза расширяются, а пальцы непроизвольно сильнее сжимают рукоять меча. Рука поднимает оружие и его клинок смотрит в сторону изгиба. Лицо Старшего кривится, но он заставляет себя отступить, сделать шаг назад. Сташ лишь краем глаз отмечает это движение, он и сам понимает, что изменился. Непривычная длина мешающих во рту клыков одно из наглядных тому подтверждение. Но на разборки с самим собой нет времени. Сташ разворачивается и шагает к Медо. Ещё троя. Одновременно бросает взгляд на дорогу, всадники преодолели половину пути.

Медо держит своих противников на расстоянии, они крутятся у повозки и то и дело пытаются запрыгнуть на крышу. Иногда им это удаётся, но тут в дело вступает не только магия, но и меч Берущего. Grimтоны ловко защищаются, отбивают удары клинка и вынужденно оказываются вновь на земле — места на крыше повозки слишком мало, а стащить себя вниз маг не позволяет.

Но первым на помощь Медо приходит Ларко. Парень, не церемонясь, наносит удар со спины ближайшему противнику. Grimтон рывком снимается с его клинка и разворачивается, с яростью кидается на Берущего. Ларко парирует удар когтей и отступает, ведёт grimтона за собой.

Сташ шагает мимо, его губы сами собой кривятся в усмешки. Вы слабы, люди. Это не те противники, к которым вы привыкли. Даже Медо держит лишь оборону. На его левой руке вспыхивают лепестки заклинаний, в воздух летят разряды молний, но наносят лишь колкие, слегка парализующие удары. Не больше. Меч отражает выпады когтей более эффективно чем магия. Сташ видит всё это, когда два оставшихся у Медо противника, вдруг увеличивают натиск.

Вернее один продолжает с удвоенной силой нападать, а второй резко разворачивается и смотрит на изгиба. Его рот странно кривится, это не похоже на оскал, скорее напоминает кривую ухмылку.

— Иной, — слова шипящим эхом вырываются из пасти Древнего. — Ты выбрал путь...

Сташ не отвечает. Выбрал путь? Что бы это не значило, он без сожаления отсёк сначала когтистые пальцы монстра, а потом продолжающимся движением клинка пронзил грудь скалящегося grimтона. Выбрал путь. Монстр захрипел и повалился на колени. Туманный бич выжег его тело изнутри, но тот словно не почувствовал боли. Он с клыкастой улыбкой смотрит на Иного. Не отрываясь. И не сопротивляясь.

Потом его глаза потухли, тело резко завалилось набок и замерло мёртвой тушей. Сташ выдернул меч. Выдохнул. Губы grimтона так и продолжали кривиться в усмешке, которую не смогла стереть даже смерть. Неважно.

Третьего монстра Медо зарубил сам — отвлёк магией, спрыгнул с повозки вниз и снёс одним ударом голову. Получилось это у него удивительно легко. Берущий даже опешил, когда его клинок без труда врубился в кожу противника и пошёл дальше — рассёк плоть и перерубил позвонки. Лишь потом он увидел, что за спиной grimтона стоит Сташ. Изгой вновь натянул поглубже на лицо капюшон, да ещё и голову опустил, при этом казалось, что он смотрит куда-то в сторону — на уже мёртвого grimтона. Но Медо не мог не заметить, как опускается его правая рука, в которой в этот момент не было меча... Извилистая, серая тень втянулась в его кисть и превратилась в пальцы.

Сташ резко отступил, перехватил меч из левой руки в правую. Дёрнул с шеи вверх шарф и натянул его на нос. Медо лишь усмехнулся — и так понятно, что Сташ вновь перестал

контролировать свой вид. Но это не удивительно, сейчас он использует способности перерождённого. Медо хмыкнул и с удивлением отметил, что ему это как-то всё равно. Главное, что изгой выступает именно против grimтонов, а не против людей. А совсем остальным можно разобраться и позже. Когда-нибудь. Как они это сделали, когда наконец догнали Сташа. Догнали монстра, оказавшегося вполне себе человеком. Ха. Пути к победе могут быть разными. Разве нет?

Он перевёл взгляд на Ларко. Парень всё ещё не добил своего противника. Медо невольно отметил с каким трудом он отражает удары монстра. Хоть ненамного, но grimтон двигался быстрее Берущего и со стороны это было особенно заметно. Ларко больше защищался, чем нападал.

Медо быстро огляделся. Три живых grimтона сейчас атаковали мага. Ещё один сильно изувечен и едва шевелится рядом с повозкой. Все остальные мертвы. Гром тяжело опирается на свой меч, с трудом стоит на ногах, но он жив и новых ранений не видно. А ведь с момента начала атаки прошло не больше ста быстрых вдохов. Даже всадники ещё не успели добраться до места схватки.

Сто вдохов и десять трупов существ, превосходящих Берущих в скорости. Древние. Они даже выглядят несколько иначе, чем другие grimтоны — более массивные, с прямой спиной и невероятно гибким телом, словно свитом из мышц. Их когти не просто огромны и заточены, они напоминают настоящие клинки из стали.

Медо несколько мгновений заворожённо наблюдал, как Ларко раз за разом отбивает выпады когтей и пятится, отступает и почти задыхается от невероятной скорости движений. Маг выдохнул, с усилием сконцентрировал в пальцах огненный сгусток и запустил его в спину монстра. Огонь растёкся по шкуре, паутиной вцепился в плоть, ярко сверкнул и погас. Монстр взревел, на его спине осталось обожжённое пятно, но двигаться менее быстро он не перестал. Наоборот, боль вызвала ярость и grimтон с бешенством и удвоенной силой накинулся на парня.

Медо выругался и бросился на помощь уже с мечом, одновременно увидел, как к grimтону шагнул Сташ. Изгой оказался от монстра сбоку, резко вбил ему клинок между рёбер. Маг успел заметить, как пальцы Сташа расплываются в туман и перетекают в оружие. Grimтон конвульсивно вздрогнул, его ноги подломились. Сташ выдернул клинок из его тела и отступил. Монстр безжизненной тушей повалился на землю.

Ларко тяжело дыша упал на колени и закашлялся.

— Ч-что то ты долго, — прохрипел он. — Мог бы и пораньше помочь. М-мне одному показалось, что эти grimтоны какие-то неправильные?

— Тебе не показалось, — изгой спокойно пожал плечами, но ничего пояснять не стал. Он развернулся к оставшимся монстрам и вдруг резко отступил, шагнул за повозку. Места их стоянки достигли всадники — четверо Берущих во главе с Вилроком. Они с ходу набросились на ещё живых grimтонов. Теперь их было пятеро против троих. Справятся. Наверное. Если что Медо и Ларко помогут. А вот Грому вмешиваться не стоит, так же, как и самому Сташу.

Он вставил меч в ножны и потянулся руками к лицу, слегка опустил шарф и прижал пальцы к твёрдым пластинам чешуи. В трёх шагах от него стоял Ларко, поглядывал то на него, то на продолжающуюся схватку.

Сташ глубоко вздохнул, до странности ясно ощутил, как воздух перетекает в лёгкие и услышал удары собственного сердца. Ту-тук-тук... Как-то же это должно работать, ведь

получалось же уже. Один вдох, два, три, чешуя дрогнула под пальцами и прогнулась, начала сминаться и течь, а кожа медленно приобретала привычную гладкость. Он быстро провёл языком по зубам, оценил их вполне нормальную длину и зажмурился, попытался понять, что с глазами. Под веками закололо, начало жечь, но почти сразу прошло. Укол боли и всё? И как определить, что то-то изменилось?

Он потёр лицо руками и сдёрнул вниз шарф, покосился на Ларко.

— Ларко, — парень насторожено огляделся и шагнул в его сторону. — Можешь сказать, что у меня с лицом?

Берущий шагнул ещё ближе, зашёл за повозку к Сташу.

— Я вижу только твой подбородок и губы, — проговорил он. — Вполне нормальные, как у всех людей. Тебе этого достаточно или всё-таки снимешь капюшон?

— Ладно, — Сташ скинул капюшон с головы. — И что?

— Хм, — парень хмуро усмехнулся. — Ты очень сильно похож на нашего прежнего Сташа.

— То есть? Всё нормально, я выгляжу по-человечески? Даже глаза? — быстро спросил изгой.

— Всё нормально, — подтвердил Берущий. — Можешь не переживать.

— Спасибо, — Сташ вновь набросил на голову капюшон, но глубоко на лицо натягивать не стал, теперь не было видно только его глаз. — Идём, что-то они долго возятся.

Картина боя предстала не очень радужная. Несмотря на численное преимущество Берущих, гримтоны всё ещё оставались на ногах и продолжали яростно защищаться. Медо уже ввязался в схватку. Ларко бегом присоединился к брату и вдвоём они оттянули на себя одного из монстров. Ещё двоих пытались добить Берущие Вилрока, но у них это не очень получалось. Твари встали спиной к спине, двигались до невозможности быстро. Их действия лишь местами носили характер защиты, в основном это было нападение, причём довольно успешное. Берущие с трудом успевали обороняться.

Маг-человек отошёл от места схватки, прислонился к дереву и стоял с полуприкрытыми глазами — приходил в себя. Его силы явно истощились.

К Сташу пошатываясь подошёл Гром, встал рядом, покосился на его лицо.

— Очень редкие твари, никогда таких не встречал, — проговорил он. — Из какой дыры они выползли интересно?

— И почему именно сейчас? — кивнул Сташ. — Причём вчера я с такими же дрался. Интересное совпадение.

— Совпадение? — покачал головой Гром. — Вряд ли. Древние очень разборчивы в выборе добычи.

— Думаешь их добыча я? — поинтересовался изгой.

— Очень на это похоже. Добыча или нечто иное? Ты, кстати, помочь не хочешь? Древних практически невозможно убить. Даже Берущим.

— Хм, и как это будет выглядеть? — пожал плечами Сташ. — Они их не могут убить, а я получится, что смогу. Возникнут вопросы.

— А как выглядит твоё бездействие? — парировал Гром и в очередной раз увидел, как Медо с огромным трудом отбил атаку когтей. — С вопросами что-нибудь придумаем.

Сташ пожал плечами, на всякий случай опустил пониже капюшон и натянул шарф. Меч со свистящим шипением покинул ножны, изгой шагнул к ближайшему гримтону и с невероятной скоростью врубился в схватку. Этим гримтоном оказался противник Медо и

Ларко.

Монстр ловко развернулся, одновременно словно играючи с огромной силой оттолкнул оба клинка Берущих, как будто отмахнулся. Удар Сташа пришёлся ему по подставленному предплечью. Изгой решил для начала не использовать свою новую силу, всё-таки это было чревато, когда рядом находятся чужие Берущие. Лезвие меча скользнуло по твёрдому щитку защиты, но вышел всего лишь тупой удар, рубящего эффекта не последовало. Броня Древних легко сдерживала клинки Берущих, неудивительно, что они так долго возились. Что ж, поиграем.

Туманные бичи Сташ не использовал, но вот от скорости отказываться не стал.

Одной лапой grimton отбивался от Медо и Ларко, второй неспешно атаковал изгоя. Когти-клинки отвели в сторону меч человекишки и метнулись к его груди. Монстр легко считывал действия этих жалких пародий на перерождённых. И кем только они себя возомнили? Сразу двое с трудом уворачиваются от ударов его когтей, а третий пытается пробиться с другой стороны... И именно с той стороны вдруг прилетел удар по рёбрам. Пластинчатая шкура закрипела, прогнулась и разошлась под остриём клинка. Сталь успела погрузиться в плоть, когда Древний с яростью развернулся, снялся с меча человека и полоснул того когтями. Удар пришёлся в пустоту, противника не оказалось на месте, зато его клинок с невероятной скоростью вновь скользнул очень близко, царапнул шкуру на груди и полетел к горлу. Древний отпрянул, почувствовал, как в спину втыкаются сразу два меча и взревел. Люди слабы, они не двигаются так быстро... Стальное жало, направленное в горло, метнулось вслед за ним, продолжило смертоносную траекторию и впилося под нижнюю челюсть. Древний пошатнулся, вместе с клинком в его тело вонзилось нечто пугающе холодное. Оно мгновенно растеклось по его внутренностям, а потом дёрнулось обратно — к оружию Берущего. Древний впервые ощутил панику и почувствовал себя совершенно беспомощным перед чужой силой. Это холодное нечто сжирало его сущность, поглощало, вытягивало из тела. И сущность и силу и жизнь.

Сташ выдернул меч из упавшего монстра и без передышки шагнул ко второй группе дерущихся. Там ситуация не изменилась, Берущие держались кольцом, но то и дело по очереди отступали, мгновение переводили дух и возвращались в схватку. Двое уже обзавелись довольно глубокими царапинами, третий прижимал руку к разорванному боку, целым оставался только Вилрок.

Медо тяжело опёрся о меч, хотел было двинуться вслед за Сташем, но ноги подгибались. Короткий бой вымотал как никогда прежде. Ларко выглядел не лучше. Он со злостью пнул убитого grimtona.

— Что это за твари такие? — прошипел он сквозь зубы. — Вот уж никогда не думал, что окажусь настолько беспомощным.

— Не ты один, — проговорил Медо и выругался от пришедшей в голову мысли. — А теперь представь, если бы с нами не было Сташа или если бы он не обладал своей силой.

— Они бы положили нас здесь, — Ларко в каком-то оцепенении наблюдал за движениями Сташа. Меч изгоя мелькал с такой скоростью, что казался размытой полосой. — И мы ещё хотели справиться с ним?

Сташ отбил когти перед лицом раненного в бок Берущего и оттолкнул того из схватки. Берущий тяжело отступил, пошатнулся и начал оседать на землю. Ларко с тяжёлым вздохом подбежал к нему, не дал до конца упасть и оттащил подальше. Устроил у ствола дерева, начал осматривать рану.

— Оставь, — прошептал раненный. — Помоги лучше им.

— Справятся, — коротко бросил Ларко. — Медо! Неси аптечку.

Медо бросился к своему коню, испуганное животное отбежало в чашу леса. Пока он доставал из седельной сумки аптечку, Ларко вновь обернулся к схватке. Один из grimтонов лежал на земле, по его телу бежали последние судороги, грудь рассекала страшная рана. Второму Сташ врубился мечом в плечо, перехватил когтистую лапу свободной рукой и почти обездвижил монстра. Трое друг Берущих с яростью наносили удары с разных сторон. Их мечи зачастую лишь скользили по шкуре и не наносили вреда.

Вилрок в очередной раз попытался проткнуть словно бронированную шкуру и с яростью уставился на меч Берущего из братства Грома. Клинок того глубоко рассёк плечо монстра и засел в его теле. Или Берущий специально его так удерживал. Его имя Сташ, вспомнил он. Так вот, только с вмешательством Сташа ситуация начала меняться в сторону победы. Один grimтон почти сразу погиб, лишившись головы, второй, похоже, тоже началдохнуть. Его тело конвульсивно дёргалось, ноги подогнулись, а голова безвольно поникла.

Сташ до конца удерживал меч в его теле, пока монстр не повалился ему под ноги. Потом резко выдернул оружие из раны, быстро отступил и направился к Грому.

Вилрок проследил за ним взглядом. В движениях Берущего не чувствовалось даже намёка на усталость, он всё также собран, но совершенно спокоен, словно и не было напряжённого боя с практически непобедимыми противниками. Интересно скольких он убил за этот бой? И лица он его не увидел, на глаза надвинут капюшон, а снизу шарф. Особенный Берущий? Вилрок криво усмехнулся, он обязательно разберётся, что это за особенность.

Последний бой завершился почти в темноте. Продолжать путь смысла уже не было. Вилрок забрал раненных и мёртвого Дима и вернулся к своим. Посоветовав Грому перебираться к месту их стоянки. Собственно, оставаться среди трупов и так никто не собирался. Но ночевать рядом с Берущими Вилрока и магами тоже особого желания не было. Как и особого выбора. Поэтому их компания снялась с места и проехала дальше по дороге. Остановились немного в стороне, но достаточно близко от колдунов. Как бы там не было, но в данной ситуации лучше держаться вместе. Ночь намного опаснее дня. В тем более, что рядом находятся трупы.

Маги расположились не на самой дороге, а на небольшом взгорке с двух сторон поросшем ельником. Вскоре над местом их стоянки взметнулся защитный купол. Берущим Грома и переселенцам пришлось остаться на дороге. Присоединиться им не предложили, а напрашиваться они не собирались.

Гром с кривой усмешкой буквально сполз с седла на землю, как только они остановились. Едва не упал, но упрямо удержался на ногах. Рядом тут же оказался Медо помог дойти до обочины и сесть на хвойную подстилку леса, привалиться спиной к стволу дерева.

Сташ лишь быстро взглянул в их сторону. Отметил, что Грому стало явно хуже, всё-таки он вынуждено убивал перерождённых. И сосредоточился на осмотре местности. Вокруг оставалось спокойно, но в этом спокойствие присутствовало нечто настораживающее. Ха, а чего он, собственно, хочет, находясь среди чащобы Вартиха? Наверное, будь он прежним Сташем, он списал бы свои ощущения на подозрительность Берущего. Но... кожу колот уже ставший достаточно привычным огонёк опасности. Той опасности, которой просто дышит это место. Пока она не особо отчётливая, но в ночном мраке проявит себя во всей красе.

Изгой выдохнул и криво усмехнулся, стянул с головы капюшон и вдохнул воздух полной грудью. На этот раз вернуться к человеческому обличью получилось без особого труда, что не могло не радовать. Он сделал это во время короткого переезда к месту стоянки. Его новые способности обретали всё более чёткие рамки. Подчинялись ему.

Чтобы не выделяться Сташ подъехал к повозке и соскочил с коня на землю. Животное заслужило отдых. Он быстро расседлал его, сорвал пучок травы и начал обтирать спину коня.

Рядом суетились переселенцы. Герт открыл дверь повозки и помог выбраться жене и детям. Милана сразу взялась за готовку ужина, а дети просто бегали рядом, разминали ноги, подпрыгивали и оглядывались по сторонам. Виргон занял привычное место на крыше, наблюдал за лесом, но больше косился на Сташа и Берущих.

Изгой лишь криво усмехнулся, поймав его взгляд. Парень вздрогнул, но тут же взял себя в руки и приветливо кивнул. Всё-таки сейчас Сташ ничем не напоминал монстра, что, конечно, не отменяло знания людей о нём, и всё же... Сташ привязал повод коня к повозке, надел ему на морду торбу с овсом и посмотрел на Виргона.

— Спускайся, — предложил он.

— Э-э, — парень помялся, но спрыгнул на землю, встал перед Сташем и только после этого спросил: — Зачем?

— Уже забыл? — Изгой приподнял бровь. — Ты вроде как просил научить тебя

обращаться с мечом. Передумал?

— Ха, — Виргон улыбнулся. — Как бы не так. Я от такого ни за что не откажусь. Сам хотел тебе напомнить.

— Замечательно, — совсем не по-человечески оскалился Сташ. — Тогда приступим. Меч у отца попроси, ученик.

Виргон отправился к Герту, а Сташ вновь окинул взглядом дорогу. Всё спокойно. Берущие находятся рядом с Громом, готовят ужин, переселенцы заняты своими делами, а маги и Вилрок никуда не выйдут из-под своего купола. Он пожал плечами. Эта разминка с человеком всего лишь способ проверить себя — свой контроль над нечеловеческой сущностью. Он не боялся, что навредит Виргону, использовать что-то кроме меча не нужно — здесь главное сдерживать свою скорость.

Сташ отошёл от повозки на свободное пространство дороги. Вокруг сгушалась тьма ночи, но близь лежащее окружение оставалось различимым. Для людей. Для взгляда нелюдя мрак полностью проницаем. Но и видеть так, как видят люди, он тоже оказался способен. Достаточно перевести зрение в другой ракурс.

Изгой криво усмехнулся, странная особенность. Виргон быстро раздобыл меч и встал перед Сташем. Тот приглашающе повёл рукой. Парень с задорной усмешкой сразу сделал выпад. Сташ парировал, вскользь отбил клинок и заставил противника провалиться вперёд. Сам шагнул ему навстречу, а потом очутился за спиной, не оставив парню шансов выжить. А ведь это всего лишь один выпад в его сторону. Люди...

— Хм, — изгой задумчиво посмотрел на развернувшегося Виргона. — Слишком медленно. Пожалуй, даже для человека медленно.

— Пф, — парень лишь фыркнул. — Когда ты в последний раз бился с людьми, Берущий?

Сташ пожал плечами.

— Не так давно.

— Ха, и они тоже двигались так медленно? Вообще-то я считаюсь довольно быстрым.

— Правда? — изгой приподнял бровь. — Тогда не болтай, а двигайся.

Виргон довольно ловко атаковал, чувствовалось, что он учился держать меч в руках с самого детства. Клинок сделал обманный выпад и кольнул Сташа в грудь... Кольнул бы, если бы он остался на месте. Изгой просто отступил с его пути, заставив человека вновь провалиться в атаке. Смысла в данных действиях было не так много. Чему он мог его научить? Для человека парень движется весьма неплохо, но против того же кровлига он станет беззащитным. Скорость перерождённых во много раз превосходит скорость людей и с этим ничего сделать нельзя. Единственно, что он мог — это показать парню его беззащитность перед изменёнными и убедить не лезть в лобовую схватку. Люди слишком слабы, их шанс выжить — это действия не напрямую — из засады, из укрытия, издали в конце концов.

Он встретил очередную атаку клинком, ударил с силой нелюдя и выбил оружие из рук парня. Меч подлетел в воздух и Сташ перехватил его за рукоять. Одновременно ударил Виргона под дых локтем другой руки. Человек согнулся, закашлялся и осел на землю.

Сташ стоял рядом, смотрел, как он через боль пытается совладать с собственным дыханием. Ждал. Виргон со злостью ударил кулаками по земле и вскочил на ноги. Зло посмотрел на Сташа. Упрямый.

— Урок первый — не приближаться к таким как я на расстояние удара, — насмешливо

произнёс изгой.

— Но...

— Ты слишком медленный, ты ничего не сможешь мне сделать, — безжалостно усмехнулся Сташ и постучал себя пальцем по лбу. — Твоё преимущество это способность думать. Думай, Виргон. Думай, что ты можешь противопоставить противнику, который быстрее и сильнее тебя.

— Так ты мне и позволишь размышлять в бою, — насупился парень.

— Я нет, они — да. Но ровно до того момента, пока не заметят тебя. Поэтому сохраняй дистанцию.

— Смеёшься? У нас вроде как обучение бою на мечях. Или я что-то путаю?

— Конечно путаешь, — оскалился изгой. — Бой на мечях бесполезен. Ты не сможешь победить. Единственное преимущество людей — способность мыслить. Не забывай — это первое, что теряют перерождённые, когда становятся монстрами.

— Хм, — Виргон опустил меч, посмотрел куда-то вдаль и без предупреждения кинулся на Сташа с голыми кулаками. Изгой криво усмехнулся, отбросил меч Виргона на землю и перехватил кулак парня освободившейся рукой. Второй кулак ударил его в живот, но Сташ этого почти не почувствовал. Человек оказался слишком близко к монстру. Изгой ощерился, показывая удлинившиеся клыки, сжал пальцы, заставив парня скорчиться от боли. Но тот не издал не звука, лишь продолжил, сжав зубы, молотить его в живот. Вторая рука Сташа была занята его собственным оружием и Сташ приставил клинок к шее Виргона. Парень сразу сник. Изгой выпустил его руку и оттолкнул от себя.

— Это глупо, — криво усмехнулся Сташ. — И это для тебя непростительная роскошь, человек.

Он вставил меч в ножны.

— Урок окончен.

Он прошёл мимо прожигающего его взглядом Виргона, заметил, что так же пристально смотрит Герт, да и Милана оглядывается. Собственно, давая урок их сыну, он прежде всего хотел привлечь именно их внимание — дать понять, что борьба людей против перерождённых возможна лишь с расстояния. На сколько они это уяснили? Хм. Это уже их проблемы. Возможно, для этого понадобится не один урок. Жаль только, что на это нет времени.

Сташ вновь подошёл к своему коню, погладил его изогнутую шею, запустил пальцы в густую гриву, начал перебирать пряди. Он просто не знал, чем заняться дальше. Голода он не чувствовал — насытился во время боя с grimтонами. Переселенцы заняты нехитрым ужином и готовятся ко сну, Берущие уже перекусили и что-то оживлённо обсуждают. Сташ даже не стал прислушиваться и так понятно, что всех тревожит предстоящая ночь.

Перерождённым не нужно время для сна. В мышцах просто бурлит мощь, хочется сорваться и бежать сквозь деревья вдаль — в глубь чащи. Там собирается пока ещё незримая сила, готовится, подзывает собратьев... Сташ вздрогнул, втянул носом воздух. Ничего. Ничего необычного. Только кожу продолжает колоть всё тот же холод. Он провёл последний раз по шее коня и двинулся к Берущим.

Те сразу обернулись на его шаги, насторожились. Сташ спокойно опустился рядом с Громом на землю, взгляделся в его лицо.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовался он.

— Хреново, — не стал лгать старший. — Но ты ведь и так это видишь?

Изгой кивнул.

— Вижу, — он заставил клыки принять нормальный человеческий размер и только после этого позволил себе усмехнуться. — Тебе нужно лечение, Гром.

— Какое? — поинтересовался старший и зло улыбнулся. — Кажется ты говорил что-то о ранах, которые требуется нанести, когда подступает Грань. Я на Гране, Сташ?

Тот отрицательно качнул головой.

— Не совсем, но весьма близко. Как твоя рана? — Сташ кивнул на повязку, видневшуюся под расстёгнутой курткой старшего. — Можно посмотреть?

— Что ты хочешь увидеть? — сразу встрял Медо. — Благодаря тебе Гром едва держится на ногах. Мог бы и не бить так сильно.

— Едва держится на ногах? — переспросил Сташ. — Рана действительно серьёзная. Он должен лежать при смерти, а не убивать grimтонов.

— Ладно, я понял, — Гром быстро скинул куртку и начал разматывать повязку, наложенную прямо поверх рубахи. Медо бросился ему помогать. В их Братстве он был за лекаря. Под снятой с тела Берущего окровавленной тканью обнаружилась прореха в рубахе и аккуратная полоса на коже. Края раны сомкнулись и начали срастаться, затянув ещё недавнюю жуткую дыру в теле.

Гром осторожно провёл пальцами по почти зажившей ране, выдохнул и слегка надавил, тут же зло зашипел от боли. Он вскинул вопросительный взгляд на Сташа.

— Когда я начал перерождаться и меня серьёзно ранили, то мои раны полностью затянулись за полдня, — проговорил изгой. — Но перерождение отступило. В моём случае я действительно находился на Гране. Ты пока что стоишь от неё в стороне, но это ненадолго. Ещё пара убитых grimтонов, и ты окажешься к ней совсем близко.

— И что ты предлагаешь? — слегка охрипшим голосом поинтересовался Гром. — Лечение — это новая рана?

— Да, — пожал плечами Сташ. — Впрочем, выбор за тобой. Можешь просто больше не вступать в бой. Держаться вместе с людьми, пользоваться тем же самострелом или луком, но даже не пытаться ввязываться в ближний бой с перерождёнными. Или твоим путём будет постоянная боль и слабость — после каждого поверженного врага ты и сам должен находиться при смерти. Должен получить столько ран, что не сможешь держаться на ногах.

— Интересный выбор, — всё так же хрипло проговорил Гром. — Говоришь, что я уже близко к Гране? А что в этом случае делают в Братстве, Медо?

— Не думаю, что нас это уже касается, — буркнул маг и кивнул на Сташа. — Мы уже переступили через правила. Ха. И всё ещё остаёмся Братством. Да, Сташ?

Тот медленно повернул голову, посмотрел на Берущего, во тьме сумерек его глаза вновь стали казаться провалами черноты.

— Ты правда так думаешь, Медо?

— А разве это не так? — с вызовом спросил маг. — Давайте поговорим на чистоту. Мы очень долго тебя покрывали, Сташ. Ты знаешь, что твоя тень стала видимой полгода назад? Полгода! Всё это время мы пытались не выдать что что-то изменилось. Да, признаю, ты был для нас очень ценен. Твоя способность видеть перерождённых помогала нам выжить. Но всё же находиться рядом с тем, кто подступил к Гране это ещё то испытание. А ещё большим испытанием оказалось держаться с тобой как обычно, Сташ. Мы не хотели, чтобы ты знал. И всё это время мы продолжали считать тебя братом. Но даже не это остаётся главным — мы знали, что ты отличаешься от нас. Знали, что ты другой.

Медо тяжело вздохнул, переглянулся с Ларко и посмотрел на Грома. Старший вновь провёл пальцем по полу затянувшейся ране и криво усмехнулся, посмотрел на изгоя.

— Я не собираюсь просить у тебя прощения за то, что произошло на Поляне, — проговорил он холодно. — Это был наш долг. И я не списываю этот долг с себя, я верю, что если будет нужно, то вы — мои братья исполните его по отношению ко мне. Я готов к этому. Хотя и не должен был знать о своём подступившем перерождении. Но так случилось. А вот к тому, чтобы стоять в стороне, я не готов. Мой выбор битва. И если есть возможность задержаться на Гране, то я ей воспользуюсь. Чего бы мне это не стоило. Но прежде, давайте закончим наш разговор. Мы говорили о Братстве. И здесь уже выбор за тобой, Сташ. Мы готовы тебя принять. А ты готов остаться в Братстве после того, что произошло? К ни го ед . нет

— Вы готовы меня принять, — медленно проговорил изгой. — Принять, зная, что я стал монстром? Стал тем, с кем всегда боролись Братства Берущих — перерождённым.

— Перерождённый, который убивает себе подобных? — насмешливо спросил Ларко. — Ты сам-то понимаешь кем являешься, Сташ? Тот, кто защищает людей не может быть монстром. Поэтому, я считаю, что ты один из нас. Берущих ведь тоже называют монстрами, разве нет?

— Парень дело говорит, — кивнул Медо. — Мы все так называемые монстры в человеческом облике, — он без страха хлопнул Сташа по плечу, причём вложил в этот удар столько силы, что тот покачнулся.

— Ну так что, Сташ? — криво улыбнулся Гром. — Готов к нам вновь присоединиться? Готов вернуться в наше неправильное Братство.

— Братство не может быть неправильным, — ответил такой же улыбкой Сташ. — Или мы принимаем всё как есть, или мы не братья.

— Значит ты согласен?

— Странная ситуация, я прекрасно осознаю, что если сейчас откажусь и уйду, то прежде всего пострадает именно вы. Вы уже стали изгоями просто потому, что не выдали меня. Я ничем не рискую, этот лес, можно сказать мой дом. С моими новыми способностями мне будет легко выжить. Единственное, что не так — зачем мне такая жизнь? Я не человек, но по прихоти судьбы мои чувства остались человеческими. Я по-прежнему считаю вас братьями. И если вам не претят произошедшие со мной изменения, то я рад, что вы готовы меня принять.

Сташ окинул их лица пристальным взглядом. Братья смотрели на него со спокойными улыбками. Как раньше.

— Отлично, — произнёс Гром. — Об остальных проблемах поговорим позже. А сейчас, видимо, нужно что-то сделать с моим состоянием. Сташ?

— Э-э, здесь лекарь Медо, но он может лишь отсрочить неизбежное, а я, как ни странно, всё ещё остаюсь Берущим и способен вытянуть из тебя силу. Поэтому, хм, — Сташ выхватил из ножен меч и приставил к груди Грома. Тот глянул куда упирается остриё и оскалился.

— Та же рана?

— Зачем тебе лишние дырки в теле? — усмехнулся Сташ.

— Ну ладно, действуй, лекарь, — он передёрнул плечами с некоторой дрожью наблюдая, как меняются глаза Сташа — вместо человеческих зрачков в них начинает закручиваться тьма. Остриё меча надавило на кожу и с колючей болью вонзилось в

недавнюю рану. Гром лишь сжал кулаки, продолжая наблюдать за лицом Саша и теряясь в возникших ощущениях.

Боль — да, она раздирала тело, колючим жаром вгрызалась в плоть и вместе с тем он чувствовал, как внутри него зарождается холод. Ледяные волны бежали по мышцам, по венам и вымораживали нечто, что мешало ему свободно двигаться, свободно существовать. Что являлось ему чуждым. Холод забирал это, заковывал ледяной коркой и тянул к груди. Где эти сгустки вливались в сталь пронзившего его плоть клинка. Меч Берущего. Именно так и происходит поглощение.

Саш по-прежнему остаётся Берущим.

Густая ночная тьма стала настолько непроницаемой, что для человеческого зрения казалась чёрной завесой. Берущие видели лучше, но и они воспринимали ночь больше полагаясь на ощущения, а не на зрение. Очень часто таким ощущением оставался только слух. Но для Берущих и этого оказывалось достаточным. Они не считали себя слепыми в кромешной мгле. А эта ночь являлось именно такой — угольно-чёрной настолько, что даже взмах рукой перед глазами оставался совершенно невидим. Даже для Берущих.

Люди укрылись в повозке, закрылись на все запоры, да ещё и изнутри загородили двери всем своим скарбом. Виргона практически силой заставили спрятаться вместе со всеми, парень привёл кучу доводов, что будет полезен и ночью, но Сташ молча качнул отрицательно головой и помог Гертю запихнуть парня внутрь повозки.

Грома разместили на крыше транспортного средства переселенцев. Старший находился без сознания. Сташ намеренно вытянул у него столько энергии, что сейчас тень Берущего была почти невидима. Лёгкую, едва заметную пелену можно не считать. Но ценой этому стало полное истощение Грома. Медо даже начал нервничать, когда Старший пошатнулся и завалился вперёд, ещё больше надевшись на меч изгоя. Для Берущих оказалось удивительным наблюдать, как исчезает кроваво-красная тень вокруг их брата. Но цена...

Сташ придержал Грома рукой, чтобы рана не стала слишком глубокой и остановил Медо взглядом. Маг нахмурился, но не стал вмешиваться. Ларко же стоял совершенно неподвижно, наблюдал и вслушивался в лес. На его губах застыла кривая усмешка, как будто всё происходящее вызывало у него безбашенный интерес. И понимание, что по-другому им не выжить...

Потом Грома перевязали и переложили на крышу повозки. Дыхание Старшего оставалось прерывистым, но достаточно глубоким. Медо забрался рядом с ним, положил на колени меч и остался наблюдать.

Ларко подошёл к изгюю.

— Что дальше? — спросил парень. — Почему у меня такое чувство, что эта ночь не пройдёт для нас спокойно?

— Шутишь? — Сташ медленно повернулся, посмотрел на него, хотя во тьме ночи парень уже не мог его разглядеть. — Рядом трупы и рядом маги. Когда в таких условиях ночь проходила для нас спокойно?

— Никогда, — усмехнулся Ларко. — Но ты не прав, таких условий у нас ещё не было. По крайней мере я не помню. Так чего нам ждать? На нас нападут?

— Обязательно, — оскалился Сташ.

— И эти твари нам ничем не помогут, — Ларко кивнул в сторону защитного купола магов. — Им плевать на нас. Мы им только мешаем.

— А ты в этом сомневался? — удивился Сташ. — Ты правильно их назвал — твари. Твари в человеческом обличье.

Ларко передёрнул плечами и выдохнул сквозь зубы.

— Неважно. Нам этого уже не изменить. Меня больше волнует — чего нам ждать? — повторил он свой вопрос. — Ты ведь знаешь? Не так ли?

— На запах крови идут очень многие... хм, существа, — Сташ прислушался к тишине леса, которая пеленой обволакивала и дорогу, и деревья. Как будто здесь существовала своя

магия — присущая только Вартиху. — Их так много, что это смерть, Ларко.

— Замечательная перспектива, — оскалился парень. — Но ведь есть другой вариант?

— Конечно, — спокойно проговорил нелюдь. — Есть другой вариант. Мы ведь Братья.

Смотри.

Сташ выхватил из ножен меч, воткнул его остриё в твердь дороги и начал чертить полосу, обходя повозку по кругу. На самом деле Ларко этого не видел, но он слышал скрежет металла, который вгрызался в землю и запоминал пределы, в которых существовал звук.

— И? — поинтересовался он у закончившего чертить полный круг Сташа.

— За границу этой черты вы не должны выходить. Медо отвечает за Грома, а ты за то, чтобы черта оставалась не нарушенной, — почти неслышно произнёс Сташ.

— А ты? Применишь свои способности?

— Да. И очень важно, Ларко — оставайтесь за чертой. Иначе погибните. Я буду рядом. Не переживай, — Сташ обошёл повозку, чтобы очутиться с той стороны, где находился Медо.

— Как Гром? — поинтересовался он.

— Стабильно, — коротко ответил Берущий.

— Хорошо. Думаю, что утром очнётся. У меня вопрос, Медо, маги способны видеть в такую ночь?

— Хочешь выступить в другой своей сущности, Сташ? Маги обычные люди. Почти все, — Берущий криво усмехнулся. — Но к нашим новым знакомцам у меня есть вопросы. Хм. А что касается способности видеть — для этого применяется довольно редкий артефакт. Он называется Взор. Жрёт уйму энергии, но даёт возможность видеть, как днём. У этих.. хм, он, кстати, имеется. Поэтому будь осторожен, Сташ.

Изгой кивнул.

— У нас не так уж много вариантов, да, Медо? Путь в город для нашей группы заказан. Ни мне, ни Грому туда не надо. Да и вам, как сопричастным тоже.

— Предлагаешь этой ночью уйти? — насторожился Берущий.

— Не получится, слишком много противников вокруг. Да ещё этот Взор. Они увидят, что мы уходим и какие сделают выводы?

— Действительно, — Медо передёрнул плечами и зло оскалился. — Мы уже засветились, они не оставят это без внимания. И вообще — тебе не кажется их появление у аномалии довольно странным? Откуда они узнали о её существовании? И что им было нужно, если они не сделали ничего, как ты говоришь?

— У меня сложилось впечатление, что они её просто проверили. А мы попались случайно. Да ещё с такими странностями и, похоже, помешали им.

Медо кивнул.

— Четыре мага легко могли создать защитный купол и вокруг нашей стоянки, — проговорил он. — Я очень слабый маг, но чувствую, что они являются элитой. Так какие стоит сделать выводы?

— Предельно ясные — в эту ночь нас принесли в жертву, — спокойно ответил Сташ.

— Так мы погибнем? — как-то совершенно без волнения поинтересовался Медо.

— Хм. У меня совсем другие планы. Надеюсь, что среди вас также нет желающих умирать в угоду кого-то?

Медо качнул головой и фыркнул.

— Шутишь?

— Ага, — согласился изгой.

— Собираешься применить кардинальные меры?

— Имеешь что-то против?

— Возможно, что ещё день назад, я сказал бы, что да. Мы ведь Братства. У нас одна цель. Была. Когда-то. И это не мы отвернулись от них, это они сделали свой выбор, — под итожил Берущий.

Сташ некоторое время постоял молча.

— Присмотри за Громом. И что бы не произошло, не вмешивайтесь, — наконец коротко произнёс он.

Он выдохнул, перешагнул начерченную на земле черту и заставил туманные бичи выплеснуться из кисти. Они ударили в глубь дороги и оббежали повозку ровно по нанесённому кругу. Потом вверх встала стена тумана.

— Защита активирована, не пересекайте черту, — ещё раз предупредил нелюдь.

Тьма ночи уже некоторое время всё больше наполнялась почти беззвучными шагами. Монстры двигались осторожно. Сташ ощутил их рядом с местом схватки. Для поедания трупов остались лишь низшие кровлиги, более продвинутые существа и гримтоны двинулись по следам людей.

Сташ с некоторым усилием разделил туманные бичи — всё-таки это являлось новым опытом, и заставил часть из них встать стеной вокруг его собственной фигуры. Получился вполне действенный, способный перемещаться вместе с хозяином барьер, он концентрировался там, где Сташ находился. Остальные бичи продолжили изображать туманную стену вокруг повозки. Он медленно двинулся к лагерю магов и Берущих из Стайта. Пришлось сосредоточиться на контроле уже созданной защиты. Его бичи весьма подвижны и могут изменить направленность действия в любой момент. Поэтому их требовалось зафиксировать.

Он остановился на половине пути. Ближе подходить не нужно. Да и оставаясь на месте легче управлять собственными способностями. Пара туманных щупалец послушно отделилась от общей массы и устремилась к защитному барьеру магов. Сташ сдержал их продвижение точно рядом с магическим проявлением. Кто сказал, что Берущие не могут забирать энергию магов? Никто. Этот купол ничем не отличается от куполов воссозданных над селениями людей. Здесь тоже есть источник, а главное — живая энергия.

Он всем своим существом ощущал, как она бурлит в защите их стоянки. Для него это значило лишь одно — пища! Не более. Он Иной Берущий. А магия — это всего лишь то, что способно дать ему пищу. Замечательно.

Сташ не стал использовать свои способности сразу. Нужно было лишь убедиться, что он способен разрушить их защитный купол. Убедился. Теперь оставалось только ждать. Конечно, хотелось бы услышать о чём они говорят, но пока действует Полог тишины это оставалось недоступным даже для слуха нелюдя.

В том, что его увидели, он уже не сомневался. Маги не поскупились и распределили действие Взора на всех членов своей компании. Над головой каждого Берущего и мага сиял серебристый сгусток энергии. Изгой видел это совершенно отчётливо.

Сташ зло оскалился, видимо они собирались наблюдать за представлением, в котором переселенцы и Берущие Грома предполагались главными действующими лицами. Ну и огромная стая перерождённых в придачу. Неудивительно, что сейчас у них такие недоумевающие лица. Одна из жертв весьма спокойно остановилась между дорогой и

местом их стоянки, а остальные Берущие Грома всего лишь прислушиваются, а не готовятся в спешке к обороне. А ведь монстров уже вполне отчётливо слышно, они приближаются. А ещё повозку окутывает странная полупрозрачная пелена. Такая же, как и находящаяся вокруг непонятного Берущего, зачем-то приблизившегося к их стоянке.

Сташ стоял боком, так, чтобы его правую руку, превратившуюся в туман, было не видно. Вилрок что-то оживлённо обсуждал с молодым магом и то и дело кивал в сторону повозки. Для Сташа это являлось уже не важным. Чтобы они сейчас не предприняли, их действия никак не повлияют на ситуацию. Они уже сделали свой выбор. Так же, как и он сам.

Монстры появились довольно быстро. Вязкую тишину прорезали первые взрывкивания. Они не торопились. Бежали вальяжно, ощущая себя полными хозяевами. Впрочем, так оно и было. Этот лес принадлежит только им, а все остальные всего лишь жертвы. И пусть некоторые пытаются сопротивляться, но сути это не меняет. Вартих их дом и единственное, что ими движет — голод. А чужаки — это пища.

Сташ не ощущал себя чужаком, но и своим среди перерождённых он тоже не был. Лес принял его совершенно по-другому — наполнил силой, что присуща лишь ему самому. Это всё ещё оставалось очень странным ощущением. Осознание собственной силы засело где-то в подсознание, но не мешало, не сковывало непониманием. Просто он был иным, чем все эти существа.

Огромный, очень старый гримтон осторожно приблизился к одинокому человеку. Втянул носом воздух. Человек? Ничем человеческим от него не пахло. Единственное, что он ощутил — отчуждённость. И почему-то он сразу понял, что это враг, тот, кто находится не на их стороне, но и не на стороне других... Он не будет вмешиваться, пока его не трогают. А вот его сила... Сила ощущалась совершенно не явной и... запредельной.

Он глухо рыкнул и обошёл чужака по кругу. Рядом с его телом волнами перекатывалась пелена тумана — холодая и странно чуждая. Страшная. И всё же он решил испытать себя. От чужака хоть и веяло непонятной силой, но он всё равно оставался врагом, а значит законной добычей. Пока его собраты окружали других чужаков и готовились их разорвать, он поспешно вытянул лапу сквозь туман и попытался вонзить когти в неподвижную жертву.

Его конечность мгновенно скрутило судорогой боли. Туман вьёлся в плоть и начал её растворять. Пальцы потекли ошмётками мяса, кости стали ломкими и хрупкими, они сразу сломались и осыпались на землю. Гримтон взвыл и отдёргнул остаток конечности. Это не помогло, туманные отростки паутиной за змеились по его коже, вгрызлись в плоть и переползали всё дальше и дальше на его тело. Он с верещанием отскочил, попытался хлопать по коже, сбивать проявления чужой силы и быстро понял, что ничего не выйдет. Он уже мёртв. Старый монстр тяжело упал на колени, ноги больше не держали, всё тело сотрясала агония боли. Он вскинул голову и с ненавистью посмотрел на убивающего его человека. Нет не человека... Ответом на его ненависть был совершенно безразличный взгляд крутящегося омота тьмы вместо глаз. Перед ним стоял хищник. Убийца. Способный без труда уничтожать таких как он.

Тело гримтона упало на землю и начало распадаться частичками пепла. Сташ не пытался остановить туманные бичи. Пусть противники видят. Теперь это не важно.

Стая гримтонов из двух десятков особей быстро оббежала повозку. Несколько сунулись в туман и тут же погибли. Изгой лишь ощутил, как в его тело вливается новый поток энергии. Он и раньше чувствовал, что каждая оборванная жизнь даёт ему часть силы, но не так явно, как это происходило сейчас. Сейчас он ощущал себя именно Берущим — тем, кто

впитывал чужую энергию.

Сташ отвернулся от повозки, ситуация и так оставалась под контролем, никаких усилий прилагать не требовалась. Монстры убивались сами собой. Он посмотрел в сторону стоянки магов и Берущих Вилрока. Здесь дела обстояли по-другому. С десятков grimтонов лишь разъярённо кидались на непробиваемую завесу магии. Чуть в стороне приостановились кровлиги и наблюдали за безуспешной атакой своих старших собратий. На самого Сташа больше никто не покушался. Рассыпавшийся в пепел, но продолжающий сохранять некоторые очертания тела труп огромного grimтона, заставлял срабатывать определённые инстинкты даже у нелюдей.

Сташ сделал шаг к стоянке магов, потом ещё один и ещё. Стена тумана двигалась вместе с ним, а та, что окружила повозку лишь едва ощутимо напряглась, словно связь вытянулась в струну. Он остановился. Не стоило рисковать. А вот разделить ещё раз туманные бичи придётся. Сташ с некоторым усилием заставил потоки силы покинуть крутящуюся вокруг его тела стену и ползти в сторону чужого защитного купола. Сейчас он использовал не просто пару бичей, а их весьма значительное количество. Его защита сразу просела, оставшись едва заметной пеленой, но Сташ по этому поводу особо не беспокоился — самых резвых противников она всё же сдержит, к тому же наличие меча в другой его руке тоже никто не отменял.

Маги не могли не заметить движения Сташа в их сторону. Отреагировали они соответственно — защитный купол налился более плотными красками и начал мерцать багровыми отблесками. Значит решили, что он представляет опасность. Сейчас в их купол вливалась энергия уже не одного, а трёх источников. Изгой лишь усмехнулся, его это более чем устраивало. Чем больше энергии — тем лучше. А вот маги похоже совершенно не понимали происходящего. Нападение монстров пошло совершенно по другому сценарию, чем они предполагали.

Перерождённые до сих пор не могли добраться до повозки, Берущие Грома даже не пытались им противостоять. Вместо них grimтонов убивала странная субстанция, окружившая место их стоянки. Но, кроме этого, один из Берущих весьма спокойно двигался в их собственную сторону. И не просто двигался — напавший на него монстр странным образом лишился конечности, а потом сам превратился в пепел. После этого grimтоны начали обходить Берущего далеко стороной. Нападать они больше не пытались, что очень сильно настораживало.

Сташ замер среди мечущихся тел перерождённых, вокруг него мгновенно образовалось пустое пространство. Туманные бичи за несколько мгновений доползли до защитного купола магов и не замедляясь влились в его структуру. Ему показалось, что его пальцы дотронулись до прохладных потоков воды. Когда-то ему очень нравилось ощущать под руками кристально-чистые струи выбивающихся из-под земли родников. Он наслаждался их холодом, граничащим с уколами льда. Он любил их вкус. И сейчас вкус оказался не хуже. Чистая, незамутнённая примесями энергия через туманные бичи потекла в его тело. Человеческая энергия, в ней не присутствовало ни капли перерождения. Как оказалось маги использовали лишь собственные силы.

Это действительно оказалось совсем другим ощущением. Не таким, как когда он вытягивал энергию из перерождённых. Это напоминало глоток очень вкусной родниковой воды. Сташ невольно улыбнулся. Маги ещё не понимают, что именно сейчас происходит. Не понимают, что перед ними стоит новый и намного более страшный монстр, чем все

окружающие их grimтоны вместе взяты. И этот монстр только что попробовал нечто, что ему очень понравилось. Они сами дали ему такую возможность.

Бичи паутиной расползлись по всей структуре защитного купола, Сташ едва заметно качнулся назад и потянул их за собой, заставляя вернуться. Вместе с бичами потянулась поглощённая ими энергия. Защитный купол магов в мгновение ока перестал существовать.

Для grimтонов это оказалось такой-же неожиданностью, как и для магов, но твари сориентировались намного быстрее, чем замершие в недоумение люди. Берущие Вилрока достаточно быстро встали в оборону. Их мечи росчерками замелькали в ночной тьме отражая атаки монстров.

Сташ спокойно наблюдал. Группа Вилрока считалась весьма сильной и опытной, плюс ещё присутствовали маги, которые наконец пришли в себя, отступили за спины Берущих и начали воссоздавать новый купол. Оборону организовали грамотно, не растерялись, не впали в панику, а спокойно распределили свои силы. Сташ даже захотел им поаплодировать, но не стал, сейчас у него была лишь одна человеческая рука.

Grimтоны с рычанием и дракой отталкивали друг друга, чтобы наконец добраться до долгожданной добычи. Нападали одновременно со всех сторон, задние заскакивали на спины впередиидущим и, используя их как трамплины, обрушивались на Берущих сверху.

Их тела на куски рассекали мечи, но они не останавливались. Сталь не могла затормозить живую, обезумившую от ярости лавину монстров. Двое магов отражали атаки, помогали Берущим, а двое вновь воссоздали магический барьер и заставили его взметнуться вокруг их группы. Внутри оказалось трое grimтонов. Берущие хладнокровно их зарубили. Твари с воем метались и бросались на прогибающийся барьер. Становилось понятным, что долго он не продержится, но это давало хоть какую-то возможность собраться с силами.

Короткая атака такого количества grimтонов оставила на телах Берущих множество ран. Их одежда превратилась в лохмотья, они с трудом держались на ногах, но готовились к новому бою.

Сташ почувствовал на себе пристальный взгляд Вилрока, он и молодой маг оказались единственными над кем ещё горел Взор. Изгой неспеша вставил в ножны меч и скинул с головы капюшон. Берущий заметно вздрогнул. А маг сделал шаг вперёд, оказавшись у самой границы купола. По его лицу пробежала целая гама чувств — от неверия до ужаса. Внешний вид Сташа ему явно оказался знаком. Он коротко взмахнул рукой, изгой лишь ощутил, что отменилась некая защита. На поверку это оказался Полог тишины.

— Подожди, мы с тобой заодно... — с дрожью в голосе проговорил маг, он явно понимал, что сейчас произойдёт.

— Ошибаешься, — Сташ оскалил иглы клыков. Да, возможно, этот человек мог рассказать очень многое. Это было интересным, но не достаточным, чтобы изменить ситуацию. Его лимит доверия к их компании был исчерпан ещё у аномалии — они априори не могут быть заодно. В вопросе выживания ложь стоит на первом месте. Сташ не хотел его слушать. Он узнает всё сам. Из других источников.

Туманные бичи вновь пришли в движение и легко растворили новый магический купол. Беснующиеся твари без промедления ринулись к своей добыче. Берущие ещё некоторое время сопротивлялись. Потом начали исчезать под навалившимися на них тварями. Стоянку захлестнуло бурыми телами.

Порыв ветра принёс запах крови. Сташ смотрел, как человеческие тела разрываются на части. Монстрам не хватало добычи, поэтому они отрывали куски окровавленной плоти и

утаскивали их в лес, чтобы там спокойно съесть.

Он смотрел, как братство Вилрока и охраняемые им маги исчезают в желудках тварей. Таже участь постигла и их коней. Единственное, что осталось на месте их стоянки — это лужи крови и разбросанные вещи.

Возможно, когда-нибудь это место найдут. Скорее всего это будет довольно скоро. Исчезновение отряда Берущих и четверых очень сильных магов не может остаться незамеченным. Но всё что следопыты смогут увидеть — их растерзали grimтоны. Следы повозки никак не привязаны к месту трагедии, а все остальные следы затопчут твари.

Сташ развернулся и вернулся на дорогу, перешагнув через границу тумана и взял под уздцы лошадь.

— Ларко, садись на место возницы. Мы уходим.

Парень быстро проверил, как привязаны к повозке их кони и вскочил на козлы. Медо так и оставался на крыше с Громом. Берущие молчали. Спрашивать ничего не нужно. Им обо всем рассказали звуки разыгравшейся трагедии.

Сташ потянул лошадь за собой, и повозка покатила по дороге. Вокруг так и продолжал клубиться туман, он двигался вместе с ними. Изгой шёл всю оставшуюся ночь. В темноте он несколько раз сворачивал на ответвления дороги. В результате Стайт остался далеко в стороне. Этот город не для них. Но существуют другие селения, где ничего не знают о Братстве, в котором есть перерождённый и есть подступивший к Гране. Не знают и никогда не узнают.

Больше книг на сайте - Knigoed.net